Из берлинского гетто в новый мир

Мишкет Либерман

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга М. Либерман является хорошим вкладом немецкой писательницы в дело формирования общих ценностей человеческого общения и общежития для всех стран социалистического содружества, в дело социалистической интеграции, укрепления дружбы и сотрудничества между народами СССР и ГДР, в дело разоблачения всевозможных антикоммунистических и антисоветских измышлений и небылиц западной и пекинской пропаганды. Особую роль в этом вкладе играют те разделы мемуаров, где рассказывается о трудной, но благородной работе германских антифашистов и коммунистов с немецкими военнопленными в Советском Союзе. Несмотря на все трудности, первые разочарования и сомнения, немецкие коммунисты вместе со своими единомышленниками? советскими друзьями глубоко верили в силу и жизненность революционных традиций германского рабочего класса, в революционные потенции немецких трудящихся.

- Вступительная статья
- I
- II
- III
- Вместо послесловия
- Примечания
- Список иллюстраций

Вступительная статья «Отдать себя без остатка справедливому делу – это прекрасно!»

Своей тематикой и содержанием современная литература Германской Демократической Республики все чаще выходит за рамки социалистического немецкого государства. Радиус ее действия все глубже простирается в сферу истории и современной жизни социалистических стран. Она все больше отображает растущие связи между гражданами ГДР и этих стран.

Это вполне закономерное явление. Став одним из прочных звеньев социалистического содружества государств, ГДР своей социалистической литературой активно участвует в процессах укрепления сплоченности, взаимосвязей между братскими странами, постепенного сближения стран социализма, формирования элементов общности как в политике, экономике, социальной жизни, так и в области духовного развития людей. Связи с людьми, живущими и работающими в других социалистических странах, с историей этих стран, их традициями и обычаями становятся органичной составной частью литературного процесса.

Дружеские встречи, контакты и крепнущие связи с гражданами других социалистических стран явились предметом многих литературных произведений, вышедших в свет в ГДР за последние годы. К ним следует отнести, например, рассказы Гельмута Рихтера «Ты должен идти через семь мостов» и «Встреча», повествующие об отношениях и жизненных связях между людьми разных стран, или оренбургские дневниковые записи Маргареты Нойман. Среди растущего числа подобных публикаций можно было бы назвать также такие, как «Рассказать о трассе» Хорста Маттиса, «Красная площадь и вокруг нее» Уве Канта, «Один город и десять лиц» Эгона Рихтера, «Две попытки рассказать о Грузии» Адольфа Эндлера, «Таня, Ташка и другие» Карла-Гейнца Якоба, «Половину земли за сто дней» Рихарда Криста и др.

В этих и других произведениях, преимущественно репортажного характера, все больше находят выражение чувства подлинной доверительности, духовной близости и теплоты в отношениях новых людей? людей социалистического сообщества государств. Такие чувства могут возникать и развиваться только

между людьми, которые, будучи объединены едиными целями и идеалами, не замалчивают противоречий и даже конфликтов, имевшихся между ними в прошлом, равно как противоречии и неясностей, возникающих в наши дни, но хотят и умеют поддерживать истинно дружеские отношения, стремятся всемерно и по всем линиям развивать их. Связывающее, общее в этих отношениях стало главным, определяющим.

Не обходит социалистическая литература и такую сложную и весьма деликатную проблему, как вопрос о вине людей, хотя и не зафиксированной юридически,? о вине, которая заключается в том, что они вследствие своей пассивности в свое время, по существу, способствовали развитию и упрочению фашизма в Германии и других странах. Раскрытие и объяснение причастности немцев к преступлениям фашизма заняло достойное место в произведениях писателей ГДР. Пониманию этой сопричастности к вине, преодолению взглядов, отрицающих эту сопричастность к фашистскому прошлому, установлению совершенно новых, глубоко дружеских и доверительных отношений между гражданами тех стран, которые в свое время испытали на себе тяжкие лишения и понесли огромные жертвы от фашизма, и немцами ? ныне гражданами социалистической ГДР? была посвящена, например, повесть «Переживите» Курта Давида. С этой темой, правда в несколько другой акцентировке и дополненной другими аспектами, читатель встречается и в романах Германа Канта и Кристы Вольф «Остановка» и «Образец детства».

За последний период в ГДР появился также целый ряд мемуарных и автобиографических произведений, в которых рассказывается о многочисленных встречах, сотрудничестве и дружбе немецких антифашистов и коммунистов с людьми из других стран, в частности с советскими коммунистами, гражданами СССР. Таковы, например, «Гонг торговца фарфором» и «Соня рапортует»{1} Рут Вернер, известной советскому читателю, особенно нашей молодежи, по роману «Ольга Бенарио», вышедшему в издательстве «Молодая гвардия» в 1964 году. В произведениях Рут Вернер показывается рост и становление личности в напряженной борьбе за освобождение людей труда, в международных контактах, в ходе решения задач в духе интернациональной солидарности.

Такова и выпускаемая издательством «Прогресс» автобиографическая книга Мишкет Либерман «Из берлинского гетто в новый мир». Жизненный путь автора? коммунистки, скромного борца славной тельмановской гвардии, ее переживания, острые наблюдения и раздумья органически

связаны с происходившими событиями первой половины нашего века, с той обстановкой, в которой приходилось тогда работать и жить, встречаться с людьми, особенно с простыми советскими тружениками и коммунистами? соратниками и единомышленниками. Все это написано настолько правдиво, настолько захватывающе, что читатель, знакомый с этой обстановкой как по литературе, так и в какой-то мере по собственному опыту, чувствует себя как бы в самом водовороте происходящего. Это чувство сопричастности читателей к описываемому и является, очевидно, тем, к чему стремится любой писатель, рисующий недавнее прошлое или современность. А если это удается, то для него становится неоценимой наградой.

История особенно наглядна и ощутима, когда она отражается через призму собственных переживаний и размышлений. В этом, в частности, ценность книги Мишкет Либерман, которая была участницей многих важных событий.

«Из берлинского гетто в новый мир»? это первый литературный опыт автора. Она взялась за перо, перешагнув свое семидесятилетие. Тем выше благодарность ее многочисленных читателей? как современников и очевидцев описываемых в книге событий, так и особенно молодого поколения ГДР. Свидетельство этому? многочисленные, порой восторженные отклики на произведение ветерана, появившиеся в прессе социалистического немецкого государства. Автор получила многочисленные приглашения на встречи с молодежью, трудящимися республики. «На протяжении последних недель Мишкет Либерман много ездит,? писала в ноябре 1977 года берлинская газета „Дер Морген“.? Она рассказывает о своей книге на предприятиях, в клубах, по радио».

Родившаяся в 1905 году в Галиции, в семье строгого в своей вере раввина, выросшая в условиях духовной узости берлинского гетто, находившегося между площадью Бюлова и улицей Мюнцштрассе, Мишкет в двадцатых годах вырывается из этой затхлой атмосферы в новый, избранный ею мир. Она становится драматической артисткой в Немецком театре, вступает в ряды Коммунистической партии Германии, уезжает в Советский Союз, живет в Москве, Минске, на короткое время возвращается в Берлин, чтобы затем снова отправиться в Страну Советов, теперь уже надолго: в течение тридцати лет СССР был второй родиной Мишкет Либерман.

Здесь она выступает на подмостках еврейского театра в Минске, работает артисткой и директором передвижного немецкого театра на Украине, заведует в Москве научной библиотекой. Во время нашествия гитлеровских полчищ на нашу

страну судьба сначала забрасывает Либерман в глубокий тыл, в Новосибирск, где она наряду со своей основной работой в качестве завхоза научного института организует Совет жен фронтовиков. Ее муж, советский офицер-летчик из Днепропетровска, защищает Родину на фронте, а Либерман назначают политическим инструктором в лагерях немецких военнопленных под Можайском и Владимиром, где она денно и нощно воюет за души обманутых, упрямых, пребывавших в смятении бывших солдат гитлеровского вермахта и тем самым борется за новую Германию. И этот этап ее жизненного пути она описывает живо, увлекательно. Перед нами оживают картины недавнего прошлого, мало известные молодому поколению. Такое мог написать только тот, кто все это сам пережил, выстрадал, обладая незаурядной способностью проникновенно наблюдать и фиксировать в памяти главное, наиболее характерное.

Читатель сам составит себе представление о достоинствах мемуаров, а возможно, и некоторых недостатках, которые могут быть присущи любому произведению. Одно, однако, несомненно: книга вызывает серьезные размышления о прошлом, об отношениях между народами Германии и Советского Союза, напоминает о замечательных революционных традициях германского рабочего класса и его авангарда? коммунистов, об истоках, традициях и перспективах дружбы и братства между народами Страны Советов и Германской Демократической Республики.

Остановимся лишь на некоторых моментах, составляющих главную канву книги, ее лейтмотив.

Автобиография открывается страницами описания берлинского гетто, его обычаев и нравов, куда волею судеб попала и еврейская семья, в которой родилась и воспитывалась Мишкет Либерман. Редко встретишь в литературе подобное описание еврейских гетто? жуткого порождения эксплуататорского общества. Евреи? иммигранты с Востока, в большинстве своем малограмотные, забитые и суеверные люди, отмечает автор, сами отрезали себя в берлинском гетто от внешнего мира. «Они жили, как Моисей на Синайской горе: строго следовали десяти заповедям и сотням запретов, которые сами на себя наложили. У нас, в доме раввина, законы веры соблюдались особенно строго. Это было гетто в гетто. Больше всего на свете мой отец боялся ассимиляции своих детей. Чтобы ее предотвратить, выдумывал невероятные вещи. Нам не разрешали дома даже говорить по-немецки» (стр. 19).

В наше время лишь немногие знают об унижающих человеческое достоинство обычаях, нравах, условиях быта и

общего жизненного уклада обитателей еврейских гетто. Именно эта душная обстановка гетто вызвала непримиримый внутренний протест юной девушки. И она решительно порывает с этим укладом, тайно бежит из родительского дома, выбирает свой жизненный путь.

Отвратительные картины средневековья, описанные в книге, явились лишь предвестником более страшных гетто? гигантских лагерей смерти, созданных позднее гитлеровцами. «Берлинское гетто, замечает автор книги, было задолго до Гитлера. Точнее сказать? до гитлеровщины. Ибо позже было недобровольное гетто. И газовые камеры».

И тем большее отвращение испытываешь к подобному мракобесию и вандализму, когда слышишь, что в Западной Германии в последние годы среди подростков-школьников и солдат бундесвера снова и все чаще репетируют «сожжение евреев». Уместно также заметить: как бы ни тщились ныне выдавать себя поборниками «гражданских прав» империалистические круги США, Южно-Африканской Республики и других империалистических государств, существующие там и по сей день негритянские гетто и гетто для других национальных меньшинств, ограниченных в гражданских правах и подвергающихся различным притеснениям и преследованиям, проводимая там политика и практика апартеида начисто разоблачают их как ревностных хранителей и продолжателей традиций средневекового гитлеровского мракобесия, как оголтелых шовинистов и расистов.

Когда юная девушка окончательно вырвалась из затхлой атмосферы берлинского гетто и делала первые самостоятельные шаги, в память ее особенно врезались два события тех лет, которые послужили окончательным толчком для «главного решения» в ее жизни. «Первым была весть о смерти Ленина,? рассказывает она,? В нее нельзя было поверить. У меня до сих пор есть фотография Ленина, которую я купила на траурном вечере 24 января 1924 года в Большом Драматическом театре. На обратной стороне я тогда написала: „Редко меня что-либо так волновало. Меня мучило чувство невозвратимой потери“ (стр. 65).

«Другим крупным событием,? продолжает автор книги,? был митинг, посвященный десятому съезду Коммунистической партии Германии. Состоялся он в том же доме год спустя? 12 июня 1925 года. Эрвин Пискатор поставил великолепное агитационное ревю, включив в него и монтаж из фильмов. Это дало достоверную картину борьбы рабочего класса. Перед нашими глазами прошли похороны Розы Люксембург и Карла Либкнехта» (стр. 65).

Вскоре наступил день, который, «пока я жива, не забуду». Это было 1 августа 1925 года, когда, участвуя в антивоенной манифестации в Берлине, она подала заявление о вступлении в Компартию Германии. С присущей ей скромностью автор пишет: «Хотя я уже многие годы всей душой была связана с партией, но с того момента я стала полноправным членом Коммунистической партии Германии. Я не люблю громких слов. Но здесь, пожалуй… Для меня это было совершенно новым, великолепным состоянием? полностью принадлежать партии. И еще одно я ощущала: как ато прекрасно? отдать себя без остатка делу, которое так справедливо, так человечно» (стр. 66).

Дальнейшие страницы автобиографии? это одно из свидетельств, одна из ярких иллюстраций того, как тысячи и тысячи германских коммунистов изо дня в день выполняли свою порой незаметную, но важную работу последовательных борцов за новую жизнь, непоколебимых марксистов-ленинцев и пламенных интернационалистов, верных друзей Советского Союза. Эта борьба ни на один день не прекращалась и в период Веймарской республики, и в период разгула фашистской тирании в Германии, и в суровые годы нашествия гитлеровских полчищ на Советский Союз.

С неослабным интересом перелистываем мы страницу за страницей книги, на которых простым, бесхитростным языком, меткими сравнениями и краткими, отрывочными, но весьма емкими по своему содержанию комментариями рисуются картина за картиной обычной деятельности одной из рядовых немецких коммунисток, слившейся с работой, борьбой и жизнью миллионов трудящихся? немцев из Германии, русских, белорусов, украинцев, советских граждан немецкой национальности, евреев.

Особый колорит всей этой подвижнической деятельности придавало то обстоятельство, что она сопровождалась и переплеталась с неизбывной страстью, которую писательница испытывала к искусству, к театру. Она чувствовала себя счастливой, когда ее партийная работа сочеталась с работой на сцене. Будучи в Советском Союзе, когда Либерман, по ее собственному свидетельству, по-настоящему созрела политически, она поняла, что быть коммунистом? это значит уметь подчинять личное общественному, оставаясь при этом счастливой.

Наибольший интерес, особенно для советского читателя, представляют, несомненно, страницы мемуаров, отражающие жизнь и многогранную работу автора в Советском Союзе. Советский Союз стал для нее второй Родиной. «Всем сердцем я любила эту страну,? пишет она.? Я стала советской гражданкой,

членом Коммунистической партии Советского Союза. Но Германия осталась для меня Родиной, и любовь к ней жила во мне. Ее не могли отнять у меня фашисты».

Горячая симпатия и любовь к Стране Советов, к советскому народу, который с невиданным доселе энтузиазмом и увлечением создавал новую жизнь, смело и решительно шел по неизведанному пути строительства социализма, преодолевая неимоверные трудности, унаследованные от старой экономически и политически отсталой России; к народу, который мужественно, стоически встретил грозную опасность вероломного нашествия гитлеровских полчищ и не только выстоял, но и одержал блистательную победу в гигантской схватке с ними и не переставал верить в другую, лучшую Германию,? таков лейтмотив той части мемуаров, которая посвящена жизни в Советском Союзе, да, пожалуй, и книги в целом.

Нелегко было в годы Великой Отечественной войны немцам, в том числе антифашистам и коммунистам, оказавшимся на территории нашей страны, среди народа, решительно поднявшегося на священную войну с немецко-фашистскими полчищами. Но, несмотря ни на что, верные своему революционному долгу, немецкие коммунисты и в этих условиях находили пути и средства для сотрудничества с советскими людьми, для совместной борьбы с общим врагом? германским фашизмом. Благодаря своему марксистско-ленинскому мировоззрению и классовому чутью они видели и понимали, что даже в черную годину второй мировой войны советские люди, как бы это ни было им трудно, не отождествляли трудящихся Германии с преступной гитлеровской кликой. В этом ключ к пониманию того беззаветного служения своему делу, выполнения своего интернационального долга, которое характеризовало многих немецких коммунистов, тесно сотрудничавших с советскими гражданами как в глубоком тылу, так и на фронтах Великой Отечественной войны. К их числу относится и автор книги «Из берлинского гетто в новый мир».

Просто и доходчиво, с глубокой симпатией, без всяких прикрас, а потому убедительно описывает она на своем личном опыте условия, в которых пришлось жить и работать немецким антифашистам и коммунистам в Советском Союзе. Перед читателем проходит целая портретная галерея деятелей культуры (советский кинорежиссер Эйзенштейн, немецкий режиссер Пискатор, польский профессор Эрик, немецкий дирижер Зандерлинг и др.), многих простых советских людей, которые, несмотря ни на какие невзгоды и лишения, причиненные фашизмом, с глубокой симпатией и неиссякаемой теплотой

относились ко всем антифашистам и коммунистам из Германии и других зарубежных стран, участвовавшим по мере своих возможностей и сил в общей борьбе с фашизмом.

Немало и заслуженно пишут у нас и за рубежом о замечательных качествах советских людей? людей, рожденных Великим Октябрем и пафосом строительства нового общества? социализма и коммунизма. И тем не менее нельзя не испытывать восхищения замечательными качествами советских людей, раскрываемыми в мемуарах М. Либерман.

Когда автор впервые приехала в Москву, ее прямо-таки поразила приветливость советских людей, их бескорыстная готовность помочь даже совершенно незнакомым людям, иностранцам. О русском гостеприимстве, читаем мы в книге, «сложили песни и рассказывают легенды. И тем не менее снова и снова поражаешься, как естественно, как сердечно там принимают гостей. Даже немецкая черствость не может устоять перед этим» (стр. 87).

Вот некоторые конкретные зарисовки советских граждан. «Оба излучали такое человеческое тепло, что оно могло бы растопить даже снежного человека»,? вспоминает автор мемуаров о своем двухдневном пребывании у мастера советского киноискусства Григория Рошаля и его супруги Веры Строевой (стр. 88).

Об одной из своих московских подруг, впоследствии офицере Советской Армии, писательница рассказывает: «Эмма Вольф была многосторонним человеком: политически грамотная, тонко понимающая искусство, умная, с юмором и очень контактная. Она иногда устраивала вечеринки в своей тридцатиметровой комнате неподалеку от Третьяковской галереи. Там я познакомилась с самыми различными людьми. Но какими бы ни были они различными, их роднили простота и сердечность. Контакты завязывались быстро. Мы общались друг с другом, как будто были знакомы вечность» (стр. 91).

Простота и в то же время величие характеризуют образ генерала? из Новосибирска, выписанный лаконичными словами мемуаристки. «Генерал могучего сложения. Ему было около шестидесяти. Настоящий сибиряк, он говорил басом. И манеры его были тоже немного грубоватыми. Как его голос. Но он обладал чутким сердцем… Он был человеком дела (стр. 185). Или другое свидетельство. Работать с начальником лагеря немецких военнопленных во Владимире? „невысоким подполковником в очках“? было одно удовольствие, пишет Либерман. „Мне казалось, что этот человек олицетворяет партию. Гуманист до мозга костей. Это чувствовали даже военнопленные.

Антифашисты боготворили его и врача Беликову“.

Запоминаются также штрихи, характеризующие генерала армии Батова, «генерала с глазами мечтателя», «небольшого роста, непохожего на генерала, с двумя золотыми звездами Героя Советского Союза». «Меня изумляла его естественность, его скромность,? вспоминает встречу с ним автор.? И не менее? его талант рассказчика. Его можно было слушать часами. Он рассказывал о своих солдатах, о своих офицерах, рассказывал об эпизодах, говорящих об их мужестве, самоотверженности». Встречу, проходившую в самые тяжелые дни Отечественной войны, он закончил словами «целительного воздействия»: «Жертвы, которые приносит наш народ, несказанно велики, но он уничтожит врага человечества. Да, так будет, в этом нельзя сомневаться» (стр. 168).

Столь же впечатляюще прозвучали и слова советского майора, «ковылявшего на двух палках», когда он, подойдя к группе москвичей, отправлявшихся на пароходе в эвакуацию из осажденной столицы и проявивших некоторые признаки отчаяния, спокойно и убежденно сказал: «Никакой паники, товарищи, никогда, слышите вы, никогда фашисты не увидят Москву. Вы еще вспомните мои слова» (стр. 170).

А сколько теплых, проникновенных слов адресует автор мемуаров советским женщинам, «по-матерински заботливым, добросердечным и работоспособным»! Тут и восхищение простой женщиной, которая во время войны сократила своему мужу, своим детям и, разумеется, самой себе и без того скудный рацион еды до минимума, чтобы подкормить изголодавшуюся семью, которая была вывезена из блокированного Ленинграда в Новосибирск. Тут и эвакуированная из Ленинграда женщина с шестью приемными детьми, которых она во время блокады нашла рядом с мертвыми матерями и, испытывая невероятные лишения, спасла им жизнь. Тут и многочисленные женщины, ковавшие в Сибири и на Урале оружие для фронта. «В то время,? вспоминает автор, ? я научилась по-настоящему ценить этих женщин, их самоотверженность, их чувство ответственности, ту естественность, с которой они преодолевали невероятные трудности этой жизни. Это был подлинный героизм» (стр. 185-186).

Но не в духе истинных друзей Советского Союза, подлинных марксистов-ленинцев и интернационалистов, изображать нашу страну, первой прокладывающую пути к коммунистической цивилизации, без каких-либо изъянов, недостатков и трудностей. Это было бы лишь медвежьей услугой советским людям да и мировому коммунистическому движению. Автор книги «Из

берлинского гетто в новый мир» рассказывает и о трудностях в жизни советского общества, и о теневых моментах, о курьезах и «забавных» случаях в общении с советскими людьми.

Все это придает большую правдивость изложению, подчеркивает искреннюю привязанность и любовь автора к нашей стране, к советским гражданам. Она видит в них поистине своих соотечественников, живет и борется вместе с ними, разделяет все их радости и огорчения.

Хотя автор мемуаров и говорит, что писать сегодня о достоинствах и величии советского человека означало бы «ломиться в открытую дверь или ехать в Тулу со своим самоваром», однако значение описания качеств нового, советского человека, метких зарисовок из советского образа жизни, вышедших из-под пера немецкой коммунистки, трудно переоценить. В самом деле! В наши дни все больше и ярче проявляется как закономерность процесс постепенного сближения братских стран социализма. Связи между советским народом и народами ГДР и других социалистических стран представляют ныне впечатляющую картину глубоких, разносторонних и систематических контактов тысяч и тысяч рабочих, крестьян, представителей интеллигенции, борцов за общее дело? строительство социализма и коммунизма. Происходит невиданный доселе богатейший обмен опытом, знаниями, культурой, обычаями, развивается все более глубокое взаимное ознакомление, личное общение советских граждан с гражданами других социалистических стран. Этот процесс всесторонней интеграции? экономической, политической и духовной? ведет к аккумуляции и утверждению лучших ценностей, проявляющихся и открывающихся в каждой социалистической нации, как общего интернационального достояния народов и наций всех государств социалистического содружества, к утверждению и дальнейшему развитию общего для них социалистического образа жизни, к непрерывному формированию и совершенствованию нового человека социалистического общества.

Раскрытие всех ярких граней советского образа жизни, атмосферы подлинного коллективизма и товарищества, сплоченности, дружбы всех наций и народов нашей страны, всесторонний показ нравственной красоты и здоровья советского человека, который сумел завоевать свободу и отстоять ее в тяжелейших боях, который строил будущее, не жалея сил и идя на любые жертвы, который, коренным образом преобразуя всю жизнь, сам неузнаваемо изменился, соединил в себе идейную убежденность и огромную жизненную энергию, культуру, знания и умение их применять, горячий патриотизм и последовательный

интернационализм,? важнейшая задача коммунистов, работников идеологического фронта, деятелей культуры.

Книга М. Либерман является хорошим вкладом немецкой писательницы в дело формирования общих ценностей человеческого общения и общежития для всех стран социалистического содружества, в дело социалистической интеграции, укрепления дружбы и сотрудничества между народами СССР и ГДР, в дело разоблачения всевозможных антикоммунистических и антисоветских измышлений и небылиц западной и пекинской пропаганды.

Особую роль в этом вкладе играют те разделы мемуаров, где рассказывается о трудной, но благородной работе германских антифашистов и коммунистов с немецкими военнопленными в Советском Союзе. Несмотря на все трудности, первые разочарования и сомнения, немецкие коммунисты вместе со своими единомышленниками ? советскими друзьями глубоко верили в силу и жизненность революционных традиций германского рабочего класса, в революционные потенции немецких трудящихся.

Рука об руку с советскими коммунистами они шаг за шагом настойчиво и целеустремленно работали по перевоспитанию обманутых гитлеровцами, забитых, политически невежественных бывших солдат и офицеров германского вермахта.

И посев дал свои всходы…

В период войны советского парода против германского фашизма Компартия Германии и ее Центральный Комитет при прямой поддержке советских коммунистов создали на территории Советского Союза антифашистско-демократическое движение «Свободная Германия» и в его лице практически осуществили немецкую антигитлеровскую коалицию. Это был спаянный, боевой союз самых различных слоев населения, а также патриотических сил германской армии под руководством коммунистов и рабочего класса.

Объединенные в «Свободной Германии» демократические представители немецкого народа во главе с коммунистами разработали концепцию будущей, освобожденной Германии: установление демократической власти, полная ликвидация всех законов, основанных на национальной и расовой ненависти, восстановление и расширение политических прав и социальных завоеваний трудящихся. Это была наметка программы антифашистско-домократического строя, которая впоследствии нашла свое развитие в ряде документов КПГ и СЕПГ и свое практическое воплощение на территории нынешней ГДР.

В лагерях немецких военнопленных были созданы группы

движения «Свободная Германия». В своей политической деятельности им пришлось преодолевать большие трудности. Многим военнопленным было нелегко порвать с фашистской идеологией. Неисправимые фашисты все время пытались помешать антифашистской воспитательной работе. Однако несмотря на это, благодаря настойчивой и последовательной работе немецких антифашистов и политработников Советской Армии до конца 1944 года примерно 75 процентов военнопленных солдат и унтер-офицеров, находившихся в СССР, заявили о своем присоединении к движению «Свободная Германия»{2}.

Из среды бывших военнопленных, прошедших замечательную школу антифашизма и гуманизма в лагерях военнопленных и в антифашистских школах в Советском Союзе, вышли многие руководящие работники Социалистической единой партии Германии, демократических партий, общественных организаций и государственных органов Германской Демократической Республики. Они воспитали и вырастили замечательную смену в условиях нового общества, а часть из них и поныне успешно осуществляет руководство хозяйственным и культурным строительством в социалистическом немецком государстве. Некоторые из них были очевидцами и участниками событий, описанных в мемуарах М. Либерман, выходцами из лагерей военнопленных под Можайском и Владимиром. В октябре 1979 года Германская Демократическая Республика отмечает свое славное тридцатилетие. Итоги трех десятилетий развития ГДР свидетельствуют о том, что социализм здесь прочно и навсегда вошел в жизнь. Построив его основы, трудящиеся республики иод руководством СЕПГ успешно продолжают строительство развитого социалистического общества, создавая тем самым основные предпосылки для постепенного перехода к коммунизму {3}.

«Мы приступаем к решению задач сегодняшнего дня, находясь на более высоком уровне развития и обращая взор в будущее, к нашей великой цели? коммунистическому обществу,? подчеркнул Эрих Хонеккер на IX съезде СЕПГ.? То, что было научно обосновано Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом в „Манифесте Коммунистической партии“, все то, в чем партия Ленина показывает нам великий пример, за что боролись и страдали лучшие представители немецкого рабочего класса,? все это станет у нас действительностью»{4}.

Возникновение ГДР, весь процесс становления и развития социалистического немецкого государства неразрывно связаны с Советским Союзом, с развитием и упрочением мировой

социалистической системы. Социалистическая единая партия Германии, правительство ГДР, все трудящиеся республики видят будущее своего социалистического немецкого государства, социалистической немецкой нации только лишь в содружестве социалистических государств, в сплоченной семье социалистических государств и наций мировой социалистической системы.

Глубоко веря в революционные традиции и возможности германского пролетариата, В. И. Ленин в свое время писал, что он «есть вернейший, надежнейший союзник русской и всемирной пролетарской революции»{5}. Это предвидение великого вождя российского и международного рабочего класса ныне полностью подтвердилось на земле Германской Демократической Республики. Рабочий класс, все трудящиеся социалистического немецкого государства являются надежнейшими союзниками трудящихся СССР и других братских социалистических стран, союзниками международного рабочего класса, всех народов, борющихся за национальное и социальное освобождение. Это со всей силой подтверждает и книга немецкой коммунистки М. Либерман.

В. Цапанов, кандидат исторических наук

I
В берлинском гетто

Случай снова привел меня в места, где прошло мое детство. Опять живу недалеко от Александерплац, как шестьдесят лет тому назад. Я присаживаюсь на скамейку у фонтана «Нептун», разглядываю новостройки, обвожу взглядом парк. Мимо проходят картины прошлого: Мюнцштрассе, Гренадирштрассе, Драгонерштрассе, переулок Шинделя, Мулакштрассе… Квартал бедняков, квартал сараев. И квартал проституток? пожилых, поблекших. И я вспоминаю этот реликт средневековья вблизи Алекса, гетто, в котором я провела детство.

Да, и в Берлине было гетто. Добровольное. Задолго до Гитлера. Точнее сказать ? до гитлеровщины. Ибо позже было недобровольное гетто. И газовые камеры.

Гетто находилось в районе Гренадирштрассе. Между площадью Бюлова, нынешней площадью Люксембург, и Мюнцштрассе. Именно в этой местности угораздило обосноваться евреев с Востока, которые в 1914 году в страхе перед военными бурями бежали из Галиции. Что значит угораздило? Конечно, на то имелись причины. Здесь квартиры были подешевле, а антисемитов? поменьше. Один беженец следовал примеру другого. Вскоре они жили дом с домом, квартира с квартирой. В скученности они искали защиту. И кто знает, может быть, и ощущение родины. Коренные же берлинцы постепенно покидали этот квартал.

Приходил день, и кое-кто из беженцев тоже отправлялся отсюда. Если ему выпадало счастье, то есть если удавалось подработать, стать побогаче, он переселялся в какой-нибудь квартал богачей, пытался подражать их образу жизни. При этом случались комичные вещи. В новую квартиру непременно ставили рояль, и непременно фирмы «Бехштейн», все равно? мог ли кто-нибудь играть на нем или нет. Детишкам было забавно ставить свой ночной горшок на блестящую крышку, разглядывать себя как в зеркале и гримасничать. Папаша и мамаша умирали при этом от счастья. Может, их отпрыск станет когда-нибудь знаменитым музыкантом? Кто знает, может, того захотят небеса?

И еще были люди, витающие в облаках, столь забавно описанные классиком еврейской литературы Шолом-Алейхемом. Профессии у них не былоо, не было и денег, но были «идеи». Идеи обогащали, а иногда разоряли. Ибо если один решал торговать определенным товаром, скажем, нижним бельем, то и

дюжина других тоже хватались за это дело, и все вместе они и разорялись. Но ничего, скоро находилась другая «идея».

Конечно, большинство евреев с Востока оставались в гетто, и оставались кем были раньше? бедолагами. С кучей детей. Они выбивались из сил, чтобы накормить хоть как-нибудь голодные рты.

Берлинское гетто не окружали стены, но это был свой, замкнутый мир. Со своими законами, нравами и обычаями. Ортодоксальные евреи строго наблюдали за тем, чтобы законы неукоснительно соблюдались. У гетто было свое продовольственное снабжение. Вся еда должна была быть кошерной (чистой, приготовленной по определенному ритуалу). Узкая Гренадирштрассе была полна лавчонок: мясных, бакалейных, овощных, здесь обосновались две булочные и, конечно же, рыбная лавка. Без последней никак нельзя было обойтись. Ибо что такое праздник без фаршированной рыбы? Здесь имелись свои ремесленники, сапожники, портные, торговцы утварью, уличные лотошники и кошерный трактир с отличной кухней. Но главное, были два молитвенных дома с двумя раввинами и синагогальными служками.

Гетто могло гордиться своей собственной шайкой воров и скупщиков краденого. В один прекрасный день взломали и нашу квартиру. Собственно говоря, не взломали, нужды в этом не было: дверь квартиры не запиралась. С утра до вечера у нас толклись люди. Дело в том, что мой отец был одним из раввинов гетто. Его глубоко обидело, что кто-то осмелился обокрасть его? представителя бога на земле. Он позвал главаря шайки. Каждый знал, где тот живет. Даже полиция. Но он всегда выходил сухим из воды.

Главный пришел и очень вежливо извинился перед моим отцом. «Ну и идиоты!? выругался он.? Ни на кого нельзя положиться. Крадут у своих же людей.. Да еще у раввина Пинхуса-Элиэзера, у которого такие красивые дочери». В этот момент мимо прошла моя сестра. Он плотоядно взглянул на нее. «Завтра все получите обратно». И мы получили обратно рухлядь, а самое главное, нашу швейную машину, без которой нам, малышам, пришлось бы бегать голыми.

Особой кастой в гетто были нищие. Их была куча. У каждого из них была клиентура, которую они обходили из месяца в месяц. Точно в один и тот же день. Как будто за зарплатой. Если денег не давали, они устраивали скандал. Наш собственный нищий внушал нам, детям, ужас. Это был высокий, худой, одноглазый человек с черной спутанной бородой и пейсами. Его сюртук был в жирных пятнах и с множеством дыр, сам он был наглый и

настойчивый. Если моим родителям приходилось отказывать ему в подаянии потому, что сами не знали, как прожить следующий день, он бушевал: «Почему это я должен вам делать подарки? Разве мне их кто-нибудь делает!» Он действительно верил в свое право на подаяние. В нищенстве он видел свою профессию.

Он был бродягой, как и другие, которых в этом квартале было немало. Как правило, бездомные, пропойцы, одичавшие, лодыри, забулдыги, короче говоря, выброшенные из общества, те, кто не умел устроиться, приноровиться к существующим обстоятельствам. Многие из них предпочитали жить небольшими колониями. Где-нибудь под открытым небом они находили клочок свободной земли. Одна из таких колоний обосновалась вблизи театра «Фольксбюне». Справа от театра тянулся забор. По ночам он служил им защитой от ветра, а днем? опорой для спины. Так проводили они дни и ночи, всю свою жизнь.

Это место в «Фольксбюне» было очень желанным, работники театра не морщили носа, а обращались с нищими как с людьми. В шапки, лежавшие на земле, падало немало монет. А иногда находилось шутливое, утешающее, ободряющее слово, смотря по обстоятельствам. Бродяги тщательно следили за тем, чтобы к ним не затесался чужак.

Евреи-иммигранты сами отрезали себя от внешнего мира. Они жили, как Моисей на Синайской горе: строго следовали десяти заповедям и сотням запретов, которые сами на себя наложили. У нас, в доме раввина, законы веры соблюдались особенно строго. Это было гетто в гетто. Больше всего на свете мой отец боялся ассимиляции своих детей. Чтобы ее предотвратить, выдумывал невероятные вещи. Нам не разрешали дома даже говорить по-немецки. «Ты что, вставил себе немецкие зубы? »? иронизировал отец. А если ему приходилось говорить с каким-нибудь немцем? скажем, с хозяином дома или с почтальоном,? он так искажал немецкий язык, что никто не мог его понять: ни немец, ни еврей. При этом, он был умным человеком. Знал Библию и Талмуд (после Ветхого завета главная книга еврейской религии) почти наизусть, охотно философствовал, любил рассуждать о политике. Дурачил ли он немцев или своих собственных детей? Возможно, и то и другое. Он был и шутником.

Большинство ортодоксальных евреев? и старых, и молодых? не умели читать и писать по-немецки. Мужчины могли по крайней мере читать на идиш или по-древнееврейски. Некоторые из них? и писать. Ибо «мужчины» с трех лет посещали хедер, еврейскую школу. Она обычно располагалась в какой-нибудь клетушке. В ней проводили целый день и малыши, и ребята

постарше. Они сидели у стола, закручивая свои пейсы, и, раскачивая в такт туловище, повторяли то, что говорил меламед? учитель. Они изучали «священное» писание, но не учили то, что могло понадобиться в жизни. Девочкам приходилось совсем плохо. Они сидели дома и ждали, когда наступит брачный возраст.

В один прекрасный день появлялся шадхен? сват. Приходил он к родителям, боже упаси, не к невесте. Девушек не спрашивали, их сватали. Главное, чтобы родители с обеих сторон договорились о приданом, о том, кто возьмет на себя содержание молодоженов в течение первого года, если у жениха не было профессии. А ее в большинстве случаев не было.

Женились рано. Так решали сексуальную проблему. Или не решали. О любви речи не было, об этом помалкивали. Откуда появлялись дети? Ах да, их приносил аист. Молодые люди знакомились на смотринах, когда все было уже решено. В лучшем случае им разрешали после помолвки вместе прогуливаться по субботам. Конечно, если кто-то сопровождал их. Обычно сзади семенили маленький брат или сестра. И мне приходилось играть роль такого «хранителя морали». Не помню, хорошо или плохо играла я эту мою первую роль. Во всяком случае, я была ужасно любопытной. И очень разочаровывалась, если ничего не происходило, если молодые даже не целовались.

Как посторонние шли жених и невеста рядом друг с другом и молчали. Да и о чем им было говорить? О счастье? О любви? Кто спрашивал об этом? Может, любовь и приходила, позже когда-нибудь. Обычно нет. Дети появлялись. И как правило, немало. Они склеивали брак и разрешали конфликты. Разводы случались редко, несчастные браки? часто.

Сваты были большие пройдохи. С их помощью свершались самые невероятные бракосочетания. Их красноречие могло воскресить мертвеца. А фантазия была у них! Иной писатель мог им позавидовать. Их выдумкам не было границ.

Когда мой девятнадцатилетний брат оказался на очереди, сват предложил для него невесту из Магдебурга. Он утверждал, что ей девятнадцать и она так хороша собой, что дальше некуда. В семье невесты он рассказал, что моему брату двадцать шесть и он силен, как Геркулес. Было как раз наоборот. Мой брат Мехель был еще почти мальчишкой? худенький, слабый, неловкий, заторможенный. Она оказалась двадцатишестилетней, грузной, толстой девицей. И все это мне?? вертелось у него на языке, когда он оказался перед этой громадиной на смотринах. Но у него не повернулся язык сказать такое.

За жениха и невесту говорили родители, если, конечно,

шадхен позволял им вставить словечко. Короче говоря, тут же отпраздновали помолвку. Свадьба должна была состояться в Берлине как можно скорее. Родителям невесты не терпелось отдать под венец дочь, пышную, как перестоявшееся тесто.

После возвращения домой состоялся семейный совет: отец, сыновья и зятья. Обсуждалось письмо, которое брат должен был написать невесте. Дело нелегкое. Как писать? По-немецки не знал он, по-древнееврейски? она. Как обратиться к ней? на вы или на ты? Что написать? Что вернулся домой благополучно, здоров и надеется, она тоже. Ну и суматоха была в доме! Я вбежала в комнату и предложила оставить невесту в покое. Вместо этого написать ее родителям, поблагодарить их за чудо, которое они произвели на свет.

Свадьба состоялась, как и было намечено. Устроили ее в нашем доме. Она прошла печальнее, чем проходит погребение. В средней комнате готовили все для венчания. В комнатах по обе стороны находились: в одной? жених, в другой? невеста. Невесту наряжали матери и родственницы, около жениха вертелись, конечно, мужчины. Музыканты играли душераздирающие мелодии. Кантор пел в стихах о тяжелой, но честной жизни отцов, дедов и прадедов. Градом катились слезы. Жениха и невесту молча отвели к алтарю. Венчал мой отец? раввин. Он свел процедуру к минимуму. Его душили слезы. Затем он пустил по кругу стакан вина. Мужчины пригубили из стакана. Потом он подал стакан жениху. Тот должен был раздавить его правой ногой в знак мужской силы. Обычай говорил: если ему это удастся, он покажет себя молодцом и в первую брачную ночь. Мать невесты отвела парочку в спальню. Разглядел ли мой брат хоть в эту ночь свою молодую?

Что за этим последовало? Ну что? Каждый год по ребенку. Мехель успел произвести «лишь» шестерых, ему помешали нацисты. Но до того ему многое удалось: он обзавелся подвальчиком на Гренадирштрассе, в котором торговали овощами, а по пятницам еще и рыбой. Для субботней трапезы. Вонь была немалой. Бедность еще больше. Но он, жена и шестеро детишек по крайней мере остались живы. Им удалось бежать в Иерусалим.

Вообще мужчины имели возможность использовать голову, если она у них имелась, да еще и руки к ней. Чтобы поболтать, они встречались в синагоге, у раввина, в мастерской, в лавке, наконец, на улице. А вот женщинам редко удавалось покидать четыре стены. В гости ходили редко, в синагогу? дважды в год: на новогодний праздник и на Иомкиппур, в дни примирения, когда каждый каждому все прощал? до праздника,? а затем все

оставалось по-старому.

Я была пятым ребенком из восьми детей раввина Пинхуса-Элиэзера. И первым, которому удалось пойти в школу. В этом мне помогла полиция. Хотя я об этом ее не просила. Я попросту бежала за детишками, когда они по утрам семенили в школу вдвоем или втроем. Я завидовала их ранцам, их нарядным передничкам, их радостным улыбкам. Подолгу простаивала я перед окнами школы на Гипсштрассе, приподнималась на цыпочки, чтобы лучше увидеть, что происходит внутри.

В один прекрасный день отворилось окошко и горбатая учительница подозвала меня кивком головы. Фрейлейн Кон. Она спросила:

«Что ты тут стоишь целыми днями? Почему не идешь в школу?»

«Мне не разрешают».

«Почему не разрешают?»

«Это грех, говорит отец».

С тех пор моя жизнь состояла из сплошного греха. Не прошло и двух недель, как пришла повестка отцу явиться в полицейский участок. Ему предписали немедленно отправить меня в школу. Или на восемь дней сесть в тюрьму. Или заплатить сто марок штрафа. И тем не менее отправить меня в школу. Отец сердился на меня и на весь свет, как будто бы весь свет и я шли навстречу своей гибели. Взволнованно ходил он по комнате, держа левую руку в кармане штанов и жестикулируя правой.

«Только полиции мне не хватало! Ранцы! Шманцы! Пусть идет! Все равно болтается целый день на улице!» При этом он ломал голову, как обойти приказ полиции. Все же ему не оставалось ничего другого, как послать меня в школу. А со мной и младшую сестру Зуре. На этот раз он уступил. Если бы дело касалось сыновей, он пошел бы на «баррикады». Но Зуре и я были всего лишь девчонками.

Евреи с Востока избегали контактов с властями и, уж конечно, с полицией. Это была смесь страха и презрения. Они жили в постоянном страхе, что их вышлют. Даже загс обходили они стороной. Если рождался ребенок, его регистрировали в молитвен ном доме. Отец использовал для этого одну из пяти книг Моисея и всегда забывал, какую именно. Поэтому у нас вечно путали дни рождения. Их и не праздновали. Слишком трудно было пересчитать с еврейского на обычный календарь. То мы оказывались на несколько недель моложе, то старше. В зависимости от того, на какую неделю в сентябре или в октябре приходился еврейский Новый год. Я до сих пор не уверена, что действительно родилась в ноябре. Как бы то ни было, так

записано в моем паспорте.

Только не мемуары

Свои воспоминания я стала записывать еще несколько лет назад. Начала я так: «В шестьдесят пять лет Мария обнаружила, что ее жизнь прошла напрасно». Друзья высмеяли меня: «Что за самобичевание!» Возможно. А что еще остается, если твоя деятельная, бурная жизнь внезапно кончается из-за болезни. Я перестала писать. Но затем пришло письмо. От одного бывшего военнопленного. Через двадцать шесть лет после конца войны. Не скрою, оно взволновало меня. Это было не первое письмо такого рода. И я была не единственной из воспитателей в лагерях для военнопленных в Советском Союзе, которым писали бывшие подопечные. В большинстве случаев это был своего рода отчет или выражение благодарности. Но это письмо пришло тогда, когда у меня был досуг, чтобы заняться воспоминаниями.

И все же, упаси бог, мне не хотелось писать мемуаров. Только лишь отдельные пережитые мною истории. О веселых, серьезных, трагичных, комичных и трагикомичных. О простых милых людях и о таких, которые не были простыми и милыми. Но прежде всего мне хотелось рассказать о людях хороших. Всю свою жизнь я питала к ним слабость. Я всегда старалась оказаться поближе к ним. Что касается тех, других, с ними я расставалась. Иногда слишком поздно. Разочарование в людях переносила трудно. Собственно говоря, не переносила. На мое счастье, это случалось редко.

В рабочем движении я стала участвовать по велению сердца. Привлекла прежде всего страсть, с которой коммунисты защищали интересы простых людей. Но вскоре я поняла: одного сердца мало. Я должна научиться думать, и думать по-новому. И научиться бороться.

Я пришла из фанатично религиозного отчего дома. Неудивительно, что я покинула этот безумный мир. Это произошло, когда мне исполнилось шестнадцать лет. Произошло быстро и безболезненно. Мне помогли товарищи, друзья, моя любовь к театру. Не обошлось и без детской болезни левизны. Путь в партию, который пришлось мне пройти, был длинным. Я начала его в двадцать лет. Это было моим счастьем. Иначе моя жизнь не была бы жизнью.

Если я все же написала о своей жизни, виноваты мои друзья. Они не давали покоя. А чего не сделаешь ради друзей! Я должна была взяться за перо. Ну, в добрый путь! «В добрый час!»? сказал бы мой отец. Мой добрый отец, которому я причинила так много горя.

Исход из Галиции

О местечке, в котором я родилась, я почти ничего не помню. Только знаю, что оно находилось в Галиции и принадлежало тогда, в 1905 году, Австро-Венгерской монархии. Здесь жили поляки, австрийцы, украинцы и евреи. В большинстве евреи. Здесь им милостиво разрешили поселиться.

Крохотное местечко. На маленькой площади, на которой мы жили, стояли два молитвенных дома. Я еще вижу перед собой храм с позолоченным куполом, в котором молились богатые, и старый, полуразвалившийся молитвенный домик для бедняков. Боженька тоже требовал денег. Место на целый год стоило дорого. Разница в оплате была велика. Двум синагогам требовались два раввина. Хотя и одного с лихвой хватило бы для такого городишка, скорее напоминавшего деревню. Поэтому раввины постоянно ссорились. Одним из них был мой отец. О погромах слышала много, но сама их не переживала. Нет, переживала. В Берлине. В 1923 году.

В нашем городке Тычин люди разных национальностей жили мирно. Но все же мы всегда испытывали страх перед кузнецом, который жил наискосок от нас. Если он напивался? случалось это чуть ли не каждый день, за исключением воскресений и праздников, когда он шел в церковь, ибо был благочестивым католиком,? он бушевал перед дверью своего дома и грозился превратить всех евреев в фарш. В действительности он не обидел и мухи. Но все евреи в округе запирали двери на большие замки и тяжелые цепи. Пока этот грозный великан не протрезвлялся и вновь не становился добродушным соседом, они не рисковали высунуть нос на улицу. Страх сидел глубоко в их душе.

Наше детство проходило грустно и безотрадно. Никто не рассказывал нам сказок. Мы не знали игрушек, на это недоставало денег. Да и времени у родителей. Отец был единственным кормильцем семьи. Ему приходилось кормить десять голодных ртов, раньше даже двенадцать. Двое детишек умерли еще до моего рождения. Моя мать была почти постоянно беременной, часто болела. После моего рождения она окончательно расхворалась. Я оказалась «трудным» ребенком еще при появлении на свет. Весила больше, чем нужно. Эти роды доконали ее. Она стала сердечницей. После меня она родила еще троих и умерла сорока шести лет.

Нам восьмерым было не до игр, да и не до смеха. Однажды наши родители совершили «дальнее путешествие», в районный центр Ржешев, на свадьбу родственников. Ночью они вернулись домой и привезли нам медовых пряников и другие лакомства, а мне, самой маленькой, игрушку. Первую игрушку! Кукольную лампу из фарфора, завернутую в бумажную салфетку.

Неописуемая радость! Несмотря на поздний час, вся орава тут же проснулась и в одно мгновение проглотила все лакомства вместе с крошками. А я, ну а я от восторга схватила лампу и ударила ею по скамейке. Глядела я на осколки и горько плакала, пока меня не стало клонить в сон. Мать отнесла меня в кроватку. Долго я не могла примириться с этой потерей. Собственно, лишь когда я стала взрослой. Теперь у меня есть целая коллекция игрушек. А больше всего у меня ламп. Повсюду лампы. У моих друзей это вызывает смех. У меня тоже.

Наша квартира состояла из «гостиной» и кухни с огромной печью. Действительно, жизнь шла у нас так, как описывал Гейне в «Принцессе Субботе». Целую неделю мы жили как нищие, а в субботу как короли. Начиналась она еще в пятницу вечером. Мать зажигала свечи в серебряных подсвечниках, которые служили уже многим поколениям. Затем она произносила короткую молитву и проливала долгие слезы. Отец и братья шли в синагогу. Мы, девочки, накрывали праздничный стол. Рядом с местом отца клали халу, которую сами пекли,? кренделем закрученный белый хлеб с маком. Покрывали ее белой салфеткой. Рядом? самодельное вино из изюма. На середину стола ставилась фаршированная рыба. Когда мужчины возвращались из синагоги после двух часов, мы, девочки и мать, уже сидели за столом празднично принаряженные, то есть без фартуков. У каждого было свое определенное место. Стоя со стаканом вина в руке, отец произносил молитву, благодаря господа за вино, которое мы пригубляли, за халу, от которой каждый отламывал по кусочку. На счастье, молитва была короткой. Мы были голодны как волки. До вечера пятницы на еде особенно экономили. И вот трапеза начиналась. С рыбы, как полагается, затем следовал куриный бульон с домашней лапшой и немного потрохов. Сладкое было бы излишеством. Все остальное предписывал обычай. Из недели в неделю, из года в год одно и то же. Голод тот же. Всю неделю мы питались главным образом картофелем и хлебом во всех мыслимых вариантах.

Странно, наши мальчики оставались при этом стройными, как наш отец, а мы, девочки, были в теле. Я тоже, только старшая сестренка Матель была изящной и грациозной, как танцовщица. С черными волосами и синими глазами, она была настоящей красавицей. Все хозяйство в доме вместо больной матери вела она. Хлопот хватало. Мать руководила ею, не вставая с постели. Иногда она ругала нас, малышей, за то, что мы не помогаем Матель. Ну, хотя бы пошли в аптеку. Но Матель этого не хотела.

Едва кончался обед, она бежала в аптеку. Чуть ли не каждый день. Вскоре у нас дома скопилось столько пилюль и капель, что

мы могли бы открыть филиал аптеки. Не знаю, платила ли она за лекарства или получала их даром. Как бы то ни было, вскоре всему этому пришел конец.

Наивный сын аптекаря попросил руки сестры. Но он был «гоем», то есть чужаком. Смешанный брак считался у верующих евреев самым большим грехом. О нем вообще не могло быть и речи. Отец не стал даже с ним разговаривать. Просто молчал и молчал. Время от времени он хватал себя обеими руками за голову и вскрикивал: «Горе мне! Катастрофа! Моя дочь! Моя дочь хочет выйти замуж за „гоя“!» Тут же пригласили свата. У него, конечно, оказался кандидат в женихи. Из какого-то другого местечка. Я не помню из какого. Состоялись смотрины, которые должны были закончиться помолвкой. Пришла сестра, посмотрела на жениха и сказала «нет». Жених был, не хочу быть несправедливой, не полным идиотом, но полуидиотом он был несомненно. Не помогли ни уговоры, ни брань. Мои родители испробовали все, они выбились из сил, но ничего не достигли.

После этого Матель почти не появлялась за порог кухни. Ее охватила тоска. Она не могла забыть молодого, веселого аптекаря и полуидиота тоже не могла забыть. Тоска буквально лишила ее рассудка. Она избегала отца, не отвечала ему на вопросы. У него разрывалось сердце. Он отдавал последние копейки докторам и профессорам. Он шел на все, но только не на брак с «гоем». Матель воспитала меня, и мне она разрешила ухаживать за ней. Других она не подпускала. Она так и не выздоровела и всю жизнь провела в клиниках и домах для умалишенных. Пока не пришли нацисты. Ее и других пациентов брали в качестве подопытных на эксперименты. Жизнь ее закончилась в муках.

Не только капиталистические общественные отношения, но и догматизм ортодоксальных евреев принес несчастье тысячам молодых людей. Как много талантов загубил он в зародыше. Достаточно вспомнить нашу семью. В других, человечных условиях моя сестра Матель стала бы танцовщицей. Талант ее проявлялся на каждом шагу.

Молодежь в гетто не вечно оставалась спокойной. Начиналась борьба. Я в ней участвовала. Но все это произошло позднее, намного позднее. В Берлине. А до этого мы пережили войну в Галиции. Это было в 1914 году. Какие-то войска «осчастливили» наш маленький городишко Тычин своим посещением. Даже дважды. Это был ад. На второй раз пошли слухи, что придут казаки и все сметут с лица земли. Жители обратились в бегство. Первыми? евреи. «Если кого бьют,? говорили они,? то в первую очередь бьют евреев».

До сих пор не могу понять, какое значение могло иметь для

царя Николая, или императора Франца-Иосифа, или кайзера Вильгельма наше маленькое сонное местечко. Как бы то ни было, им нравилось вести войны. А народу разрешалось за них умирать. Короче говоря, все обратились в бегство. Каждый как мог и куда мог. Мы ? к дяде в Освенцим. У него было две комнаты и только трое детей. Он мог бы нас принять. Но тетя согласилась держать нас только один день. «Пусть они „осчастливят“ родственников в Берлине,? сказала она.? Те побогаче, имеют свой дом!»

А мы еще были такие уставшие с дороги. С дороги, легко сказать. Дело вот в чем: как только приближалась суббота, отец хватал детишек и поклажу, которой становилось все меньше, и сходил с поезда? обычно это был товарный поезд. Сходил, даже если тот останавливался в поле, даже если лил проливной дождь. Он упрашивал машиниста до тех пор, пока тот не останавливал поезда. Ибо в Ветхом завете написано: «Шесть дней должен ты работать, на седьмой отдыхать». Ничего не поделаешь. Впрочем, мы не должны были ничего делать. Поезд шел сам собой. Но нет, «ты не должен соблазнять и других». Как будто машинист только и ждал приказа отца. Так мы шли пешком больше, чем ехали. Целыми неделями. Мой отец не торопился. Он словно предчувствовал, что ему предстояло. В пути ему по крайней мере не надо было зарабатывать деньги. Крестьяне давали нам хлеба, молока, творога. Мяса мы не могли брать, оно должно было быть кошерным, приготовленным еврейским мясником. Нам давали ночлег в сарае или в стойле. Детишки были сыты, имели крышу над головой. Чего еще нужно было моему отцу?

В доме раввина Пинхуса-Элиэзера

Наши родственники в Берлине не пустили нас в дом. Кто упрекнет их в этом? Восемь детишек, один меньше другого. Не было у них своего дома вопреки сплетням тетки. Жили они в большой квартире в гетто пна Драгонерштрассе. Была у них лавка, в которой торговали битой птицей. Они сняли для нас поблизости комнату с кухней и заплатили за месяц.

А откуда взять денег на еду? У моего отца пухла голова от забот. С утра до вечера он был на ногах, ходил от одного набожного еврея к другому, пытаясь убедить их в том, что крайне необходимо основать собственную общину выходцев из Галиции. И конечно, община должна иметь свою собственную синагогу. А он согласен быть в ней раввином за совсем небольшую плату. Но у евреев с Востока было много других забот. Им приходилось вести жестокую борьбу за существование. А те, у кого были деньги, не спешили с ними расстаться. Ничего не получалось. Мой отец остался без куска хлеба. Наверное, он был плохим агитатором за собственные интересы. Один из его сторонников

взял дело в свои руки. Он уговаривал этих евреев до тех пор, пока не убедил, что так оно и должно быть. Они образовали свою общину, и мой отец стал их раввином.

Но это еще не избавило наше семейство от нужды. Чтобы две взрослые дочки пошли работать, отец не соглашался. Лучше голодать» чем идти в чужой, непонятный мир. Некоторое время мы ежедневно получали обед из еврейского приюта для беженцев. Его приносила мать. Другие женщины рассказывали ей, что они немного зарабатывают надомной работой. Мать, чьи мысли никогда не переступали порога дома, в этой нужде переборола себя. В один прекрасный день она явилась с большим рулоном полотна. «Ну, детишки, сядем рядком и начнем шить кальсоны, рубашки. Для мужчин. Будем шить каждый день, кроме субботы. Начнем зарабатывать деньги, вы теперь каждый пень сможете есть досыта». Мать кроила белье, старшие сестры шили его на швейной машине, которую нам одолжили родственники. Мы, маленькие, пришивали пуговицы. Петли делала мать. Полотно нам доставляли на дом. Такой артели его требовалось немало. Мы шили как одержимые. Мы шили на войну, но не думали об этом. Мать была счастлива что-то сделать для детей. Впервые в жизни мы услышали, как она поет. Думаю, что впервые и как она смеется. Очень она любила песню «На чердаке». Хорошая песня. Мы, дети, пели припев. Она и сегодня звучит у меня в ушах.

Моя мать была тихим, замкнутым человеком. Ее брак, наверное, был не очень счастливым. Прежде всего из-за ее комплекса неполноценности. Была она на несколько лет старше отца, крупной, широкоплечей, с грубыми чертами лица, которые немного смягчала синева глаз. Какие были у нее волосы, не знала она сама. Она их просто не имела со времени свадьбы. Ее заставили сбрить их, прежде чем идти к алтарю. Так требовал ритуал. Теперь она стригла их каждый месяц. Почти до лысины. Она носила парик, который делал ее старше и еще некрасивей. Мужчинам ритуал запрещал стричь волосы. Они носили длинные бороды и пейсы почти до плеч. Безумный мир.

Через несколько дней после нашего прибытия в Берлин случилось, что ветром унесло парик с головы матери. Охваченные «патриотическим» воодушевлением, прохожие решили, что перед ними переодетый мужчина? шпион. И они позвали полицейского. Тот отвел мать в участок. Он думал, наверное, что совершил подвиг, и предвкушал награду. Дело тут же разъяснилось. Но мать испугалась. Вернувшись домой, она прислонилась к закрытой двери, едва переводя дух, будто кто-то ее преследовал. Она не знала, плакать или смеяться, когда рассказывала нам об этом.

Отец был очень красивым мужчиной? высокий, стройный, жилистый. За тяжелыми ресницами большие карие глаза. Овальное лицо обрамлено пейсами и светлой бородой, которую он, по его словам, никогда не стриг, но она всегда выглядела ухоженной. Можно подумать, что он предвидел, какой станет мода. Ведь он же был «пророком». Носил он кафтан из черного шелка, который доходил ему до пят, под ним рубашку, жилет, черные штаны до колена, белые носки и черные лаковые туфли. В будние дни, если он куда-либо шел, надевал на голову черную бархатную шляпу с круглыми широкими полями, в субботу? обрамленную коричневым мехом черную бархатную шапку. Под головным убором? всегда ритуальная шапочка. Он не снимал ее и ночью. Между прочим, благочестивые мужчины никогда не были без головного убора.

Это была его спецодежда.

Походка отца была прямой, легкой, как у танцора. Он производил внушительное впечатление, будто фигура из старинной легенды. На него повсюду обращали внимание. Люди на улице смотрели ему вслед. Он был очень занятым человеком. Всегда в движении, с утра до вечера. Что он делал? Служба быта, сказали бы мы сегодня. Ах, что там служба быта! Он был целым комбинатом бытового обслуживания. Он обслуживал овечек своей общины с их рождения до смерти. Он производил обрезание мальчикам через восемь дней после их появления на свет, тринадцатилетних он конфирмовал, он сочетал браком и разводил, отправлял людей в последний путь, был кантором в синагоге и судьей в гетто. Он был средоточием общественной жизни? для мужчин, разумеется. Женщины не в счет. Многое происходило в степах нашего дома, за исключением похорон конечно.

Теперь родители могли себе позволить жилище побольше. Мы переехали в четырехкомнатную квартиру на Гренадирштрассе, в центре гетто. Рядом с синагогой отца. Мы чувствовали себя по-княжески.

Но едва улучшилась жизнь, тут же она оказалась под угрозой? по воле кайзера и его прислужников. Девять постоянно голодных ртов должны были лишиться их единственного кормильца. Мой отец получил повестку от призывной комиссии. И если бы она сочла нужным, его отправили бы на войну.

Накануне он провел ночь в обществе других таких же незадачливых вояк у нас дома. Все решили идти вместе. Моя сестра варила им все время такой сильный кофе, что у всех началось сердцебиение. Конечно, не от восторга! Никто не сомкнул в эту ночь глаз. И мы, дети, тоже. Печальные, сидели мы

вместе с бородатыми мужчинами, которые вновь и вновь обсуждали, что им делать. Ранним утром отправились «на войну», то есть пока что на призывную комиссию.

Прошло много часов, прежде чем мой отец возвратился. Без сил, но счастливый. Еще в коридоре он крикнул нам: «Детишки, ну и повезло же мне! Так повезло! Доктора что-то нашли в моих легких. Что? Сам не знаю. Самое главное? меня не взяли, и этого мне достаточно».

С души малышей упал большой камень.

Пусть меня хватит удар, если…

Между мной и отцом шла постоянная война. Хотя мы горячо любили друг друга. С раннего детства я была оптимисткой. Накажет ли меня господь бог или хватит меня удар, если я сделаю нечто такое, что запрещает религия? Я должна была это испробовать. Я была не только толстым, но и веселым ребенком, да и немного упрямым.

Субботний праздник начинался еще в пятницу вечером, когда заходило солнце. Начинался саббат, так говорили евреи с Востока. В каждую субботу я поддразнивала отца, мать и «святой дух» какой-нибудь шалостью. В субботу не разрешалось разжигать огонь, зажигать свет, да и тушить его тоже. Ну а кто же должен был выключать газовые лампы, когда мы после затянувшейся праздничной трапезы укладывались на покой? Поскольку я лучше других говорила по-немецки, меня посылали на улицу найти «гоя», который должен был это сделать. Но я никого не находила и возвращалась одна. Не произнося ни слова, шла к газовому крану и закрывала его. «"Гоя» я не смогла найти, но нашлась одна "гойка»,? говорила я в темноту. Малыши смеялись. Взрослые молчали, ибо и они совершали грех. Они не должны были меня посылать. Но когда говоришь «а», надо сказать и «б». Понимала я это просто инстинктивно, как все дети. Мне было одиннадцать лет. Я еще не знала, что такое осмысленный протест. Но бесчисленные законы, ритуалы, обычаи замучили меня. Например, в субботу было запрещено прикасаться к деньгам. Следовательно, ничего нельзя было купить. Казалось бы, ничего нельзя было и продать. Но люди с набитыми кошельками обделывали и в «святые дни» отличные делишки, даже в синагоге, не прикасаясь к деньгам. И не произнося ни слова. Во время молитвы говорить не разрешалось. Но для чего существует язык жестов?

Как-то в субботу утром я послала свою четырехлетнюю племянницу в соседнюю бакалейную лавку. Лавка принадлежала нееврею. Здесь нам давали в кредит. Племянница должна была купить для меня кусок мыла, а для себя леденец. В субботу было

запрещено мыться с мылом. Тереть мылом руки. Прежде чем отец уходил в синагогу, он прятал мыло так, что его нельзя было найти. Племянница вернулась, гордая тем, что совершила свою первую покупку в жизни. Я внушила ей не говорить деду ни слова об этом. Но едва он переступил порог, как она крикнула: «Деда, честное слово, я не покупала мыла для тети Мишкет». Отец прочел мне такую нотацию, что я уже видела себя в аду. Хорошо, что я не получила пощечину.

Бог мой, чего только не запрещалось в субботу! Да и в другие праздники. Немыслимо! Все считалось грехом. Не удивительно, что так хотелось согрешить. И вот я совершала грехи, как на конвейере. Например, в субботу запрещалось звонить по телефону. А меж тем в то время, когда мой отец вел в синагоге свой диалог с господом богом, мне предоставлялась наилучшая возможность поболтать с моей подругой Паулой. Никто не мешал. Мальчики тоже были в синагоге. Мать глядела в окошко, чтобы понаблюдать, что делается в «большом мире». Сестры накрывали праздничный стол. Все было приготовлено еще в пятницу. Еда стояла в печи. Ее накрывали перинами, чтобы она держала тепло целые сутки. Еда действительно не остывала, но прокисала, особенно летом. Отсюда столько страдавших желудком из числа фанатичных. Это факт.

Прежде чем отец шел в синагогу, он закручивал телефонный шнур вокруг ножек столика, на котором стоял телефон. Как будто это и не было работой. Мне приходилось основательно потрудиться, прежде чем развязать все узлы. Если он замечал, что я говорила по телефону, сыпались пощечины. «В этом ребенке сидит сатана! Помоги мне бог!» Целый день он не мог успокоиться.

А я была таким хорошим ребенком. В самом деле. Но как мне было понять, что в субботу разрешается ходить сколько хочешь, но не ездить. Как будто бы ходить? это не труд?! Я должна была в этом разобраться. И вот в одну солнечную субботу я проехалась на метро. Я вылезла на площади Бюлова, там, где начиналась Гренадирштрассе. Как пожар в степи, распространилось по гетто сенсационное известие: дочка раввина Пинхуса-Элиэзера ездила на метро в субботу! Среди белого дня!

Это было воспринято как наступление конца мира! Какого черта меня угораздило вылезти в гетто? Не могу сказать. Наверное, упрямство. О моем прегрешении сообщили родителям с быстротой молнии. Я предвкушала хорошую трепку. И сожалела о своей «смелости». Но было поздно. Я боялась идти домой. Задумала переждать у моей подруги Этель, пока гнев моих родителей поостынет.

Этель жила на Гренадирштрассе со своей сестрой, которая была лишь немного постарше ее. Они остались сиротами, но по-прежнему жили в квартире родителей и вели их бакалейную лавку. В сущности, обе были еще детьми. Этель? тринадцати, Маня? семнадцати лет. Но властям не приходилось о них заботиться, еврейской общине тоже. Кого волновало, что дети жили как старики? Глаза Этель были очень красноречивы? красивые, выразительные и печальные. Я часто мечтала о том, что она станет киноактрисой. Она была очень толковой девочкой. Когда ей исполнился двадцать один год, она покинула гетто, пошла работать на фабрику и вступила в Коммунистический союз молодежи. Маня? старшая сестра? последовала по ее стопам после того, как в нее влюбился один из комсомольцев.

Но оставим чужие «грехи». Хватает своих. Не переводя дыхание, я оказалась у подружек. Меня гнал страх. Он охватил меня внезапно. Я попросила Этель разведать обстановку дома. Прежде всего, очень ли злится отец. Он был вне себя. Если бы я попалась ему на глаза в тот момент, он искрошил бы меня. Это в субботу разрешалось. «Иметь такую грешницу дочку! И весь мир знает об этом!» Я предпочитала пока что переждать у подружек.

Я знала, что отец за мной придет, как только закончится субботний праздник, и готовилась к объяснениям. Я улеглась на диван. Меня трясло, как будто у меня был озноб и жар по меньшей мере сорок градусов. Между тем на улице был теплый летний день. Я играла, изображала больную, не желая этого. Клянусь! Что-то внутри заставляло меня играть.

Едва праздник кончился, появился отец и отнес меня на руках домой. До этого закон не позволял ему что-либо нести, даже его «бедного, больного» ребенка. Осторожно положил он меня на постель. И долго стоял передо мной, не произнося ни слова. Он не мог понять ни свою дочь, ни окружающий мир. Мне было жалко его. Я хотела бы прекратить свое представление, но не могла. Какой-то черт заставлял меня бормотать: «Я умираю, я хочу увидеть Паулу, еще раз увидеть Паулу». Паула была моей самой любимой подругой. Но мне не разрешалось с ней встречаться. Она виновата, что я плохо себя веду, говорили мои родители.

И вот вокруг меня собралось многочисленное семейство. Отец, мать, три брата и четыре сестры, их супружеские половины и дети, если таковые уже имелись. Все рыдали, как на похоронах, одни тихо, другие громко. Видимо, эту мою вторую роль я сыграла неплохо.

Мать шепнула моей старшей сестре: «Пойди приведи Паулу. Может, ребенок придет в себя». Отец возражал. Я слышала, как

мать прошептала: «Неужели ты хочешь, чтобы сошел с ума и этот ребенок?» Этого он не хотел, он уступил. Пришла Паула. Конечно, она не поняла, что произошло. Она бросилась на мою кровать, и мы обе всхлипывали до тех пор, пока не заснули. Слезы были неподдельными. У меня было для них достаточно причин.

На следующее утро, едва мы открыли глаза, мать принесла нам завтрак в постель. Впервые в моей жизни. И что за завтрак! Свежие булочки с яйцом, какао и сладкий кренделек. Но самое главное? отныне Пауле разрешили приходить к нам. Я очень ее любила. Она была предприимчива, задорна и всегда расположена к шалостям. Каждый день у нее появлялись новые идеи, которые очень мне нравились. Паула была не только умницей, но и очень хорошенькой. Черные волосы, подстриженные по моде, темная кожа, красивые карие глаза. Она одевалась со вкусом, подражая своим элегантным сестрам. А чему я могла научиться у своих сестер? Кроме горя, забот, огорчений, неприятностей? Родители Паулы не были такими фанатиками, как мои. Ей даже давали деньги на билеты в кино, это считалось большим прогрессом. Она часто делилась со мной. Однажды она даже взяла меня с собой в оперетту.

Впрочем, это вызвало осложнения. Во-первых, нам было далеко до шестнадцати, и нас не хотели впускать. Во-вторых, у нас не было денег, чтобы сдать наши шляпы в гардероб. А шляпы мы одели специально, чтобы выглядеть «дамами». Нашлись добрые души, которые помогли нам. Старая гардеробщица замолвила словечко на входе. У женщин доброе сердце. Короче, контролер готов был закрыть глаза на наш возраст. Но что касается наших шляп, то он помочь нам не мог. И вот он стал совещаться с гардеробщицей, как же теперь быть. Гардеробщица взяла наши шляпы и бросила их туда, куда обычно кладут галоши. Так впервые в жизни я оказалась в театре. В тот вечер давали «Королеву чардаша». Спектакль не привел меня в восторг. Оперетта не была моей стихией. Но все же я побывала впервые в театре. А это было самое главное.

У меня сохранилась фотография тех лет: я в черном пальто до пят. На голове шляпа, похожая на ночной горшок. Не могу удержаться от смеха, когда сегодня разглядываю эту фотографию. Я не узнаю себя. В пятнадцать лет я выглядела как двадцатидвухлетняя. Родители хотели, чтобы я выглядела постарше. Ведь это помогло бы выдать меня поскорее замуж. Отец хотел побыстрее сложить ответственность за меня перед «всемогущим». Будущий муж сделает меня покорной. Так думали мои родители. Но я расстроила их планы.

Была я уже «девушкой на выданье», как подчеркивали мои

родители, но тем не менее если в субботу я выходила из дому, то должна была свой носовой платок привязывать к лодыжке. В субботу нельзя ничего носить, даже самый легонький носовой платок. Когда мне надо было высморкаться, приходилось заходить в какую-нибудь подворотню, отвязывать платок, а потом снова привязывать. Иначе я навлекла бы «гнев божий» и гнев моих родителей на свою голову. Но у «девушки на выданье» часто не просыхало под носом. И вот мне приходилось, навлекая на себя троекратное проклятие? господа бога, отца и матери,? прятать платок за пазуху. Куда же еще было его девать?

Теперь-то я понимаю, сколько драгоценного, невозвратимого времени потеряла я тогда и по чужой, и по своей воле. Ах, сколько всего я могла бы сделать, если бы… Да! Если бы я родилась не в капиталистическом мире. Социалистический мир нашел бы применение и для раввина. Я хорошо могу представить себе, что мой отец мог бы стать достойным борцом за мир, а возможно, он вообще отказался бы от своей профессии. Даже наверняка. Ибо он был на свой лад мудрецом и обладал чувством справедливости.

Но в тех условиях он находился во власти своего фанатизма, который лишал его способности жить нормальной жизнью. Возможно, что в этом образе жизни он видел единственный выход для своего народа. Но как мы теперь знаем, этот расчет не оправдался. Наверняка многие из этих евреев думали, что добровольное гетто может защитить их от враждебного окружения. Им надоело быть всегда людьми второго сорта. Гетто создавало для них иллюзию, что они равные среди равных. Вся их жизнь была построена на иллюзиях. Они вечно вели борьбу, но она была направлена не в ту сторону. Они боролись против ассимиляции, против любого прогресса. Когда молодое поколение предпринимало хотя бы робкие попытки покончить с окостеневшими догмами, они были упрямы, несговорчивы и даже жестоки. Тем, кто восставал против деспотии фанатиков или пытался подойти ко всей этой проблеме с классовых позиций, не оставалось ничего другого, как покинуть отчий дом. Даже если они были еще юнцы.

Заменяет ли любовь хлеб?

Сколько горя, сколько слез приносило замужество моих сестер. Ханна, вторая сестра, была красавицей. Голубые глаза, нежная кожа, маленький нос, красный ротик, золотые косы, достававшие до колен. Ее красота была ее единственной гордостью, ее единственным приданым. Она была не очень умна, но это не имело значения. Сват предлагал множество кандидатов в женихи. Среди них были сыновья богатых родителей, которым

хотелось заполучить красивую жену. Но мой отец не придавал этому никакого значения. Жених должен был быть прежде всего благочестивым и знать Талмуд. Мои родители выбирали и выбирали? все казались им недостаточно благочестивыми,? и в конце концов они сделали самый неудачный выбор из всех возможных.

Расхлебывать пришлось моей сестре. Она мечтала о другом претенденте. Но ведь это не играло никакой роли. Хапна страдала, но помалкивала. Она молчала и тогда, когда перед венчанием ее золотые косы должны были быть подвергнуты экзекуции. Запротестовал жених. Старикам пришлось пойти на компромисс, иначе свадьба могла бы лопнуть. Правда, косы все равно пришлось отрезать, но Ханне разрешили носить под париком короткие волосы. Она могла снять дома парик и не выглядеть при этом как из сумасшедшего дома.

Во всем остальном жених оказался абсолютным ничтожеством и лентяем. К тому же еще тупицей. Он умел только делать детей. У Ханны было их десять, и появлялись они один за другим, хотя муж едва мог прокормить одного. У него не было никакой профессии. Он торговал утилем. «На этом не заработаешь»,? утверждал он. Во всяком случае, семье он ничего не давал. «Господь не оставит»? гласил его девиз. Ко всему он был еще и набожным. Помогать приходилось моему отцу. Его отец был скупой. Он трижды переворачивал каждый пфенниг, прежде чем его дать. Ханне пришлось нелегко. Она не могла дать отпора этому чувственному, грубому человеку. Была слишком добродушна. Но какие детишки появлялись в этой семье! Один красивее другого. Когда я шла с ними гулять? я брала с собой иногда двоих, иногда четверых, чтобы дать сестре передохнуть,? прохожие на улице останавливались и восклицали: «Что за красивые дети!»

Ни один из них не остался в живых.

Да, нацисты довели свое дело до конца. Если мой зять был бы богатым, ему, возможно, удалось бы спасти детей. Один гестаповец по соседству предложил им выезд в Америку за… тысячу долларов с головы. Несколько сот сохранившаяся родня, возможно, сумела бы наскрести. Впрочем, даже уплата требуемой суммы никогда не давала гарантии спасения. Часто случалось, что нацистские убийцы брали деньги и тем не менее уничтожали людей.

Моя сестра Хинда, правда, осталась в живых, но была всю свою жизнь несчастной. Ее выдали замуж за человека, который ее возненавидел. Его буквально ей навязали. Комплекс неполноценности довершил дело: дескать, она в свои двадцать

пять лет уже старая дева, к тому же нехороша собой, бесприданница и наверняка не найдет другого. К тому же перед ее глазами стояла болезнь моей самой старшей сестры.

У Хинды тоже была несчастная любовь. Она влюбилась в молодого парня, за которого ей не разрешили выйти замуж. Хотя он был одним из учеников отца. Но он уже пытался освободиться от религиозного послушания. Читал Шопенгауэра, Ницше, даже Вильгельма Вайтлинга. Вскоре он подверг сомнению многие догматы иудейского учения. Моему отцу доставляло удовольствие философствовать и спорить с этим одаренным молодым человеком порой все ночи напролет. Но как жених для дочери? Исключено! А между тем девушка и парень по-настоящему полюбили друг друга. Я могу засвидетельствовать это. Сегодня. Тогда я молчала и не мешала им. Однажды, вспоминаю я, они думали, что остались дома одни, и делали то, что делают муж и жена, если любовь еще горяча и никто не мешает. Я притворилась спящей.

В один прекрасный день отец вызвал этого парня: «Слушайте, молодой человек. Ницше сюда, Ницше туда. Со своей головой вы вправе делать, что вам вздумается. Вы можете вертеть ею как угодно. Даже сверху вниз. Это ваше дело. Но не кружите голову моей дочери. Прошу вас об этом. Еретика взять в зятья? Нет! И еще одно: кто будет кормить ваших детей? Ваш господин Ницше? Или господин Шопенгауэр? Или любовь заменяет хлеб? Нет-нет, молодой человек. Выбейте это у себя из головы! Шолом-алейхем и будьте здоровы!»

И все! Жаль. Он мне нравился. Из него могло что-нибудь выйти. Толковый парень. А какие глаза! Они всегда смеялись. А это было так приятно в нашем унылом доме.

Молодой человек ушел и уже никогда не возвращался. Хинда страдала много месяцев. Она заперлась в одной из комнат. Злилась на родителей, не хотела ничего есть. Голодная забастовка была самым любимым способом борьбы у нас, детей. Бастовать было нетрудно, но не помогало. Хинда была очень несчастной. Мои родители тоже. Но отказ жениху оставался в силе.

И тут, как будто его позвали, в дом пришел сват. Выбор на этот раз был невелик. Хинда слыла уже старой девой, была некрасивой, приданого не было. Жулик сват притворялся, что ему пришлось приложить много усилий, чтобы вообще найти жениха.

Хинда охотно отказалась бы от такого «счастья». Я это чувствовала. Хотя она была на десять лет старше меня, она бежала за мной, когда я украдкой шла в кино или в театр. Какая она была одинокая! И какая у нее была жажда жизни! Она много

размышляла об утраченной любви, о неудавшейся жизни. Я ее жалела и охотно брала с собой. Но затем начались споры. Она делала шаг вперед и два назад. Однажды она рассказала родителям все и добавила к этому: «Кроме того, она якшается с парнями». С тех пор дружбе пришел конец. К тому же разница в возрасте между нами была слишком велика. Я предпочла взять под свое крыло Зуре, младшую сестру. Она была еще ребенком.

После долгих колебаний отец, мать и Хинда сошлись на одном и том же кандидате в женихи. На сей раз Хинде разрешили участвовать в обсуждении ее судьбы. Она получила право голоса. Какой прогресс! Утешение за растоптанную любовь! Слабое ото было утешение, как потом оказалось. Когда пришел жених, мне велели уйти. Разрешили показаться лишь после того, как тот отбыл восвояси. Сват не хотел, чтобы путалась тут девушка в полном соку.

Но мне очень хотелось поглядеть на этого героя. Я прокралась к замочной скважине: был он не из самых молодых, где-то около тридцати, заикался, глаза голубые, водянистые, как у поросенка, бесцветные волосы, как шерсть у новорожденного ягненка. «Венец творения» сидел надутый как индюк. Ну ладно, может, я и преувеличиваю. По не очень далеко ушла от истины, а сестренка, до смерти несчастная и усталая, сказала: «Да» и «Аминь».

Этот «Аполлон» не сказал ни да, ни нет. Он еще поставил условия. Первое? приданое, все равно откуда. Второе ? никакого парика на голове жены. А как он важничал, как будто что-то собой представлял. Жил в подвале и имел там пошивочное ателье. Был сам закройщиком и швеей. На этот раз отец оказался более сговорчивым, боялся отказа. Сестра тоже. Вскоре отпраздновали свадьбу. Детей у них не было. По этой причине портной страшно издевался над своей женой. А кто был виноват, если вообще в таких случаях можно говорить о вине.

Семя, которое всходит

Шел 1921 год. Минуло семь лет с тех пор, как мы «завоевали» Гренадирштрассе. Семь жирных лет для богатых, семь тощих для бедных. Четыре года войны, миллионы жертв? убитые, искалеченные, измотанные, изголодавшиеся. Нищете людей труда не было видно конца. Революция, как ее хотел осуществить «Союз Спартака», положила бы конец этой жизни, но социал-демократическое руководство предотвратило революцию, предало ее. Социал-демократы взяли власть в свои руки, «пожертвовали кайзером» и оставили все почти так же, как было.

Политические события, казалось, проходили мимо дома раввина, как мимо других ортодоксальных домов в гетто. Старики

не хотели расстаться со старым. И все же время от времени я слышала, как мой отец философствует со своим синагогальным служкой Зальменом о политике. Этот мыслящий человек очень интересовался вопросами политики. И был рад тому, что нашел собеседника. Он просвещал отца. И вот оба просиживали вечер за вечером и занимались «мировой политикой». На свой лад. Каждый раз разговор заканчивался тем, что реб Зальмен говорил: «Да, если бы я мог решать, я бы все повернул по-другому». Как по-другому, мне узнать не удалось. Отец следил за тем, чтобы в этом месте его собеседник переходил на шепот.

О Ноябрьской революции я едва ли что слышала. Какие-то имена, слова, смысл которых оставался для меня тайной. Нам не разрешали выходить на улицу. Шла стрельба. Кто? Что? За кого? Против кого? Я ничего не знала. Политика меня тогда не интересовала. Я была нормальным ребенком. Меня манили игры на улице, кино и мальчики. Внезапно меня что-то взволновало: убийство Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Об этом говорили повсюду. Я не могла понять, почему их убили, и зверски убили. Пошла на улицу и дождалась, пока появился Гюнтер. Это был рабочий паренек с нашей улицы, которому я нравилась. Он дразнил меня, правда, звал Ребеккой, дергал за косы. Но лишь потому, что смущался. А так он был очень галантен со мной. Мне он тоже нравился. Во-первых, он был блондином, я питала к блондинам слабость, хотя сама блондинка. Во-вторых, мне опять представлялась возможность совершить «грех», ибо Гюнтер был «гоем». Часто он рассказывал мне о своем отце, члене Социал-демократической независимой партии Германии, который уделял ему много внимания. Я расспрашивала Гюнтера обо всем.

Он пересказывал мне все, что слышал дома. Отец его пошел попрощаться с убитыми вождями рабочих и взял Гюнтера и меня с собой. По обе стороны Александерплац тротуары были полны людьми, в большинстве мужчинами. Окаменевшие, стояли они и глядели вслед длинному траурному шествию. Едва ли у кого из них были сухие глаза. Многие были с детьми, даже с малышами. Они держали их на плечах. А я вцепилась в отца Гюнтера.

Такие впечатления не забываются. Это семя, которое прорастает. После этого я начала интересоваться политическими событиями. Гюнтер поддерживал меня. Было ему четырнадцать лет, но он был очень развит для своего возраста. Он знал многое, о чем я понятия не имела.

Роль Гретхен

Искусственно созданное гетто размывалось со всех сторон. Молодежь начинала его покидать. Пока это были еще единицы. Я тоже стремилась расстаться с этим реликтом средневековья.

Только с чего начать? Куда пойти? На что жить? Что дала мне школа для самостоятельной жизни? Ей-богу, немного. Хотя училась я охотно и прилежно. К тому же за два года до окончания мне пришлось покинуть школу. Надо было дома помогать по хозяйству. Любопытно, что засело в моей памяти от школы: фрейлейн Кон, которой я многим обязана. Комичный пафос, с которым мы заучивали «Колокол» Шиллера. До потери сознания, до тошноты. Да и трость моего последнего классного наставника, некоего господина Энгеля. Трость была длинной и гибкой, лежала она всегда на кафедре. И с быстротой молнии ударяла по ладоням учеников, когда учителю этого хотелось. А хотелось ему этого довольно часто. Он брал ее с собой и, когда был дежурным на большой перемене, строго следил, чтобы мы в школьном дворе ходили по кругу, друг за другом, по четверо в ряд. Бог ты мой, если кто нарушал этот порядок! Трость лежала около него, даже когда он завтракал. Может быть, он брал ее с собой и в кровать? Черт его побери, этого прусского учителя эпохи Вильгельма! Такие еще и сегодня существуют неподалеку от нас.

Иное дело вечерняя школа для взрослых. Здесь заниматься было действительно интересно. Я с нетерпением ждала каждого из двух вечеров в неделю, когда посещала эту школу. На уроках немецкого языка мы читали пьесы IT распределяли роли. Я всегда жаждала участвовать в этом. У меня пробудилась любовь к театру. Если я до сих пор зачитывалась романами и рассказами немецких, русских, французских, еврейских классиков, то теперь меня интересовали только пьесы. Я буквально глотала их. Я проигрывала все женские роли на чердаке нашей квартиры. Я была в восторге от собственной игры. Только роль Гретхен в «Фаусте» не удавалась мне. Я повторяла ее вновь и вновь. Не получалось. Я была еще неопытной в таких вопросах.

Иногда на чердак приходила мать. Ее озадачивая мой крик. Постоит, постоит минутку, не скажет ни слова и уйдет. Однажды она пробормотала, уходя: «Не спятила ли моя дочурка? Все только о любви. В голове у нее только любовь. Да, да, надо скорее выдавать замуж, а то еще, боже упаси, спятит».

По вечерам я часто украдкой уходила из дома и отправлялась в театр. Обычно в Немецкий театр. Пешком, конечно. Билет на галерку стоил одну марку. Это я еще могла сэкономить из хозяйственных денег. Иной раз спрашивала себя, не кража ли это. И отвечала: «Нет». В конце концов, у меня было так много работы по хозяйству. Шутка ли, обеспечить семью из шести человек. Карманных денег мне не давали. Ни пфеннига. Мои родители этого не понимали. Иногда мы совали контролеру пятьдесят пфеннигов, это когда билетов достать не удавалось. Нередко мы

пытались вообще проскользнуть «зайцем». Но нас обычно ловили и выдворяли. Нас это особенно не огорчало. В конце концов мы все же оказывались в театре. Отказаться от этого художественного наслаждения было выше наших сил.

«Мы»? это были девчонки и парни, восторженные театралы с галерки. Какое удовольствие доставлял нам театр! Этого не забудешь всю жизнь! По меньшей мере полдюжины раз смотрела я «Живой труп» Толстого с Александром Моисеи. Или его «Гамлета», его «Ромео». Он был моим любимым актером. Я хорошо подражала ему и охотно делала это, когда друзья просили меня. А какое наслаждение получала я от игры Элизабет Бергнер, Альберта Бассермана, Фрица Кортнера, Пауля Вагенера, Александра Гранаха и многих, многих других. Я могла бы часами перечислять их. Мы ходили в театр, чтобы увидеть на сцене того или иного актера, а не ради пьесы. Иное дело утренние спектакли по воскресеньям. Тогда в театре собиралась «гневная молодежь» посмотреть прогрессивные пьесы Брехта, Броннена, Фридриха Вольфа, Эрнста Толлера.

После спектакля мы подолгу стояли перед театром и горячо спорили. Шла борьба противоположных мнений. Клубов не было, денег на кафе тоже. Дискутировали на улице. Это было так интересно. Взволнованная и удовлетворенная, шла я домой. В воскресенье все обычно сходило с рук, ибо отец в это время был занят своими обязанностями мирового судьи. Хуже было, когда я возвращалась из театра вечером. Меня заставляли иногда ждать на улице по часу. Никто не торопился бросить мне ключ от ворот, несмотря на крики и стуки. А иногда мне отпирали сразу, но тогда я получала пощечины за то, что была в театре, за то, что я встречалась там с молодыми парнями. И за то, что могло случиться. Ну и глупой же была я тогда.

Синагогальный служка

При слове «театр» отец терял самообладание, которое, впрочем, никогда не было сильной стороной его характера. Возможно, что он понимал, как глубоко сидит во мне страсть к театру. Он сам пел и читал молитвы в синагоге по-актерски. Голос его был не очень сильным. Примерно как у наших сегодняшних эстрадных певцов. Но пел и читал он с большим чувством. Как хороший актер. Только уж слишком нажимал на чувствительность своих «овечек», особенно женского пола. Когда он читал молитвы, у них градом катились слезы. Женщины обычно не читали по-древнееврейски. Нередко они держали молитвенники вверх ногами. Умение моего отца служить заменяло этим людям все: театр, кино, цирк. Места в синагоге шли нарасхват. Маленькая комнатушка для прихожанок была

отделена от молитвенной комнаты мужчин стеной. Все, конечно, происходило в мужском помещении. Лишь отверстие шириной в окно давало возможность женщинам следить за богослужением. Поэтому все хотели сидеть в первом ряду.

Распределение мест происходило «демократическим» образом. Раввин, члены синагогального совета и синагогальный служка простаивали много вечеров над планом и спорили друг с другом, кому отдать места получше. Вокруг этого «жизненно важного» вопроса разгорались страсти, возникала вражда. Она продолжалась недолго, самое большее год.

Вообще-то отец имел большой успех у женщин. Но пользоваться этим не мог. «Не пожелай жены ближнего своего»? гласит одна из десяти заповедей. Вся женская родня была в него влюблена. Одна молодая замужняя кузина говорила моей матери каждый раз, когда та сетовала на свою судьбу: «Тетя! Хочешь, я поменяюсь с тобой. Тут же». Моя мать ревновала своего красивого, умного мужа. Бог ты мой, раввина, который не смел и взглянуть на чужую женщину. С опущенными глазами шел он мимо женщин, как монах, который дал обет целомудрия. Между нами, тайком он не раз поглядывал на красивых племянниц.

Женская родня часто выражала свое восхищение им. Правда, на расстоянии. Он любил устраивать пирушки. Когда праздник подходил к концу, он собирал всех в нашей квартире. Синагогальный служка собирал деньги и покупал несколько бочонков пива, а мы, женщины, целый день варили огромное количество гороха и подавали его к столу настолько круто посоленным и наперченным, что от него захватывало дух. Горох ели с пивом, как семечки. Других алкогольных напитков, кроме пива, в доме у нас не водилось. Не хватало денег? Возможно. Ибо богачи в пирушках не участвовали. А может, алкоголя покрепче не покупали, чтобы люди не напивались? Этого отец не потерпел бы.

Мужчины сидели за длинным столом. Женщины стояли в соседней комнате у двери и наблюдали за происходящим. Мать занимала почетное место в кресле в первом ряду.

Участвовать в пирушке женщинам не позволялось. Ну и нравы! Ни молиться в одной комнате с мужчинами, ни сидеть за одним столом, а вот в одной кровати… пожалуй… Ладно, лучше помолчим об этом. Мужчины ели, пили, пели, беседовали о мировой политике. Хорошо ли она складывается для евреев? Или плохо? Угрожает ли им высылка? Или оставят в покое?

Но затем они забывали свои страхи и заботы, начинались рассказы о «чудесах раввина-кудесника». Только бы дальше от этого мира! Каждый уверял, что сам видел эти чудеса. Если уж

фантазия заходила слишком далеко, отец его прерывал. Он не был другом «раввинов-кудесников», никогда их не посещал. Однако рассказчик клялся: «Это чистая правда! Чтоб я так жил!»

Когда пирушка шла к концу, отец вставал, за ним? остальные. Они отодвигали стол в комнату к женщинам, образовывали круг, клали руки на плечи соседям и начинали танцевать под одни и те же звуки: «Ой-ой-ой, ой-ей-ей!» Ото выражало все: страх перед богом и страх перед людьми, радость и горе. Сначала они танцевали медленно, раскачиваясь в стороны, вперед и назад, то держа голову вверх, то склонив ее. Потом танец убыстрялся, их охватывал экстаз, они вытягивали голову к небу, как будто они уже попали в рай.

Внезапно хоровод замирал, как будто окаменев: сам раввин вступал в середину и танцевал соло. Начинал он медленно, маленькими шажками, едва двигаясь, раскачивая вытянутое туловище, помахивая платком, держа его в руке, как будто это была партнерша. Глаза его были закрыты. Он наслаждался каждым движением. Как бы прорывалось наружу все, что таила его душа, он мчался вперед, мчался, как ураган, забыв все окружающее. Вдруг, выбившись из сил, останавливался и долго и задумчиво разглядывал все вокруг. О чем думал он в этот момент? Трудно сказать. Он был человеком, полным противоречий, и жил в мире, полном противоречий.

При разумном общественном строе он стал бы танцором либо актером. Я в этом убеждена.

На таких вечерах я присутствовала охотно. Даже меня, для которой все, что происходило в отчем доме, было чуждо, эти встречи, эти танцы завораживали. Стоя в стороне, прислонясь к двери, я смотрела на происходящее как зачарованная. Обычно я старалась исчезнуть из дома как можно раньше. Свои хозяйственные хлопоты я организовала так, что все необходимое делалось до обеда. Ужин брал каждый сам, обычно молочный. Но если на обед было мясное, полагалось ждать шесть часов. Это строго предписывал ритуал. Исключения делались только для малышей. Надо было поистине обладать головой министра, чтобы разбираться во всех этих предписаниях. Чем больше я внутренне удалялась от гетто и отчего дома, тем спокойнее я становилась. И конечно, старше, зрелей. Я покончила с мелочными распрями и упрямством.

Меня начинал интересовать окружающий мир, с его противоречиями и несправедливостью. От отца я унаследовала не только его склонность к искусству, но и чувство справедливости. Это чувство культивировалось в нашем доме не меньше, чем старые нравы и обычаи. Понятие «класс» было мне еще

незнакомо. Но противоречия между классами я на себе испытала. Мы сталкивались с ними слишком часто. На собственном опыте. Мой отец? хотя он и делал много несуразностей? работал с утра до вечера, а семье не хватало на самые насущные нужды. Бывали дни, когда он не знал, где взять кусок хлеба для детей. Когда положение становилось безвыходным? а это случалось не раз,? он отбрасывал гордость и шел к богачам, к Лейзерам, известным владельцам обувных магазинов. У них была огромная вилла в одном из берлинских предместий. Но посещал он только мать семейства, дальнюю свою родственницу, и одалживал у нее денег. Иногда он возвращал долг, иногда нет, если уж совсем нечем было расплачиваться. От этого он страдал. Ну что он должен был делать? Он не видел иного выхода.

К примеру: напротив нас жил биржевой спекулянт. Он сидел каждый день за письменным столом у окна. Одной рукой он ударял себя по толстому брюху, другой держал телефон, ни на минуту не прекращая говорить. Летом, когда окна были открыты, удавалось расслышать отдельные слова. Он имел двух помощников, которые работали на него. Как сумасшедшие носились они целый день туда-сюда, принося ему последние новости с биржи и последние сделки.

Его три дочери тоже были постоянно заняты. Они все время меняли свои туалеты. Две уходили утром из дому и возвращались поздно ночью. Девушки отличались редкостной красотой. Они гордились своим телом, которое наверняка продавали за немалую цену. Рассказывали, что у них были богатые любовники, которые никогда не показывались в гетто. Старшая дочка была лунатичкой. Иногда рано утром я видела, как она карабкается по карнизу первого этажа. Все семейство, дрожа, стояло у окон и не двигалось, пока девушка снова не вползала в окно. Наверное, из-за этой больной дочери Крамеры не переселились в богатый квартал.

Господин Крамер, однако, был очень набожным. Он ежедневно молился богу. Я часто видела его у окошка облаченным в молитвенный балахон и с молитвенным ремнем на лбу. Он молился, раскачиваясь взад и вперед. Наверняка он упрашивал «милостивого» бога, чтобы тот ниспослал ему выгодные сделки, а конкурентам? неудачи. И наверно, еще молился, чтобы бог простил его дочерям их грехи.

Отец мой был и мировым судьей своей общины, но господин Крамер не утруждал его, как, между прочим, и другие богачи. К отцу приходили «маленькие люди» со своими большими заботами. Я не раз наблюдала, как мой старик ломал себе голову, чтобы помочь беднякам. В официальный суд они едва ли могли

обратиться. Адвокату платить было печем. А моему отцу бедняк мог дать самую малость. Он мог заплатить ему по частям, а то и вообще не платить, если у него ничего не было. Бедность хорошо ладила с бедностью.

В таких случаях наш синагогальный служка обычно говорил: «Аи, реб Пинхус-Элиэзер! Вы умный человек, но в делах ничего не понимаете. Маленькие общины едва могут оплатить раввина, поэтому каждый, кто к вам обращается, должен сам оплачивать услугу. Вы должны поступать, как раввин из моего городка. Если к нему кто-либо приходил и заказывал, например, погребальную речь, on говорил: „Вот у меня есть особенно хорошая речь. Она стоит восемьдесят марок. Есть еще и другая, тоже хорошая, за пятьдесят марок. Кроме того, есть у меня еще одна, за двадцать марок, но, откровенно говоря, ее я бы вам не посоветовал“. Начав, Зальмен с трудом останавливался: „Если вы, реб Пинхус-Элиэзер, не станете поумнее, придется мне сменить профессию. Я стану ассистентом у раввина-кудесника. Вот тогда-то я загребу денег. Что для этого нужно? Только сопровождать раввина, когда тот путешествует по городам и селам. Каждый раз, когда он совершает очередное чудо, мне надо стоять рядом, качать головой и говорить: „Тс, тс, тс“. Ну вот, реб Пинхус-Элиэзер, что скажете об этом великолепном будущем?“

А что мог сказать мой отец? Он отвечал лишь глубоким вздохом, ибо, когда не зарабатывал он, ничего не получал и его служка. А у того было столько же ребятишек, сколько у раввина. Зальмен Гертнер, так звали синагогального служку, был прирожденным балагуром, остряком. На все случаи жизни у него находилась побасенка, анекдот, легенда. Они жили в согласии, эти два бедняка? раввин и его служка.

Отец вершит суд

Суд вершил отец, как правило, по воскресеньям. В своей комнате. Разбирались спорные вопросы всякого рода? личного, делового. Ход разбирательства не был лишен известной комичности. Отец сидел на своем «троне» у длинного стола. По обе стороны? участники спора. Несколько в стороне, на диване,? моя мать. Она присутствовала всегда, если только была здоровой. «Это мое единственное удовольствие»,? говорила она.

Одна из сторон излагала свои претензии. Другая перебивала. Один стремился перекричать другого, потом кричал отец. А потом начинался скандал, потому что вмешивалась мать. В конце концов, у нее тоже была голова на плечах. Хотя и с коротко постриженными волосами. Зато язык у нее был длинный, когда надо было поспорить с отцом. А вообще она была кроткой как овечка.

Когда посторонние уходили, тут только скандал и разгорался. Между отцом и матерью. Они ссорились часто. Иногда на то были причины, а иногда и нет. Чаще нет. Должны же были они когда-нибудь облегчать свои души, правда?

Когда я была дома, то внимательно следила за судебным разбирательством. Я сидела в своей комнате с книжкой за столом, притворялась, будто читаю. Время от времени я выбегала в кухню, чтобы посмотреть, не пригорел ли обед, что случалось нередко. Однажды я опрокинула кастрюлю с кипящим бульоном на правую руку. Прошли месяцы, прежде чем рана зажила. Шрам остался до сих пор. Меня очень интересовали судьбы людей. Я наблюдала за ходом действия и кое-чему училась. Немножко знанию людей, немножко обращению с ними. Позже мне это пригодилось. При этом у меня возникла еще одна страсть: я начинала интересоваться психологией. Как охотно я пошла бы учиться! У меня тогда еще не хватало «смелости» думать о профессии актрисы. В мире, в котором я жила, эта профессия ставилась на один уровень с проституцией.

Из множества дел мне запало в память одно дело о разводе, потому что оно было трагикомичным. К отцу пришла молодая, но уже увядшая женщина. Она сперва долго беседовала с моей матерью. Согнувшись, придавленная несчастьем, глаза полны страдания, на коленях узелок, сидела она перед ней и изливала душу. Она хотела, чтобы ее развели. Вот уже полгода, как она замужем, и все еще девица. Ее муж не прикоснулся к ней. Наверное, не мог. В качестве доказательства она развернула перед моей матерью простыни. Простыни были незапятнанными, а молодая женщина? девственницей. Моя мать посоветовала ей потерпеть. Женщина качала головой: «Нет! Я терпела столько ночей, терпела и ждала. Теперь не хочу больше. Он мне чужой, едва со мной говорит, не смотрит на меня. Какой-то чудак. Я хочу, чтобы раввин меня развел».

Она стеснялась рассказать все это моему отцу. Он не настаивал на этом. Послал служку за мужем этой женщины. Тот явился. Неуклюжий как медведь, прошел в комнату отца, даже не поздоровавшись с матерью и но взгляпув на жену. Я не знаю, что рассказал этот «герой» отцу. Но женщину мне было ужасно жаль. Она была сиротой. Первая молодость уже миновала, красотой никогда не отличалась. По как стремилась она найти в браке немножко счастья. И вот тебе на: опять возврат к безрадостной одинокой жизни. Мне так хотелось найти для нее жениха.

Отец вышел из своей комнаты в явно плохом настроении. Он сказал женщине: «Мне нужно время для размышлений. Приходите и следующее воскресенье».

Оба выкатились. Сначала она, затем он. Все эти дни отец держал совет с Библией, Талмудом, со своим умным служкой и? о чудо!? с моей матерью тоже. Она уговаривала его подождать с разводом. Этого мужчину так наказал господь бог. А может, случится чудо и жена забеременеет?

Но реб Зальмен придерживался мнения, что чудо случится только тогда, когда молодую женщину пошлют к графу Потоцкому.

«Как так?? спросил отец.? И почему именно к графу?»

«Вы не знаете эту историю? Так я вам ее расскажу. Мой приятель пошел к раввину и пожаловался: „У меня две большие беды. Может, вы мне дадите совет? Первая беда: вот уже три месяца я прошу у графа Потоцкого, чтобы он продлил аренду на мой кусочек земли. Но граф не хочет. Вторая беда: моя жена, моя красавица Малке никак не забеременеет. Она очень страдает. Ежедневно она молится богу, просит помочь. Но ничего не получается“. Рабби сказал: „Знаете что, реб Мотель, оставайтесь-ка дома и молитесь богу вы, а свою красавицу Малке пошлите к графу Потоцкому“. Через несколько месяцев Мотель приходит к раввину, сияя от счастья, и благодарит: „Представьте себе, граф продлил мне аренду, а моя красавица Малке беременна“. „Что обещаю, я выполняю“,? сказал раввин со значением».

Зальмен мог рассказывать анекдоты часами, но отец остановил его: «Хватит, хватит». Анекдоты его развлекали, но должен же он помнить о своем достоинстве.

К чему откладывать? Все равно неизбежно, решил он. Позвал супругов и объявил их разведенными. Он их обвенчал, он их и развел.

Ах, эти дни обжорства!

Вот уже год, как я вела хозяйство. Я была сыта им по горло. Особенно праздниками, которых было так много и в которых было так много самообмана. Они отнимали у меня много времени, привязывали меня к дому. В такие дни отец следил, чтобы все его дети были вокруг него.

Пурим был хотя бы веселым праздником. Как ночь карнавала. Праздник, когда не очень много молились и совсем не плакали, зато много смеялись, шутили и ели. Пурим основан на легенде о прекрасной Эстер, еврейской жене персидского короля Агасфера. Эстер удалось удержать министра Хамана от убийства евреев.

В этот день в гетто царили дети и молодежь. Они наряжались, ходили от дома к дому и разыгрывали эту легенду. Вечером они шли гурьбой в синагогу, захватив с собою трещотки. Как только раввин произносил имя Хамана, они начинали трещать. Возникал оглушительный шум, все смеялись и

радовались. Вот и дали же мы этому антисемиту Хаману! После этого последователи отца собирались у нас в доме закусить, выпить, потанцевать. Опять только одни мужчины.

А женщины имели «удовольствие» жарить и варить. На пурим отец получал подарки, их приносили прямо в дом. Это были подлинные произведения пекарского искусства. Великолепные лакомства. Подростки приносили их на большой плоской тарелке, покрытой белой салфеткой, и передавали ее раввину. «Это подарок от моих родителей»,? говорили они. Отец сидел на своем стуле, как царь Соломон на своем троне, и принимал эти подарки. Рядом с ним стояла детская ванночка, куда он их складывал. Вокруг ванночки сидели на полу наши малыши и выуживали из нее самое вкусное, едва лакомства оказывались в ней. А мы, взрослые, выжидали, пока приносящие подарки покидали дом. Мы все, большие и маленькие, объедались этими сладкими, как мед, деликатесами. Нам хватало лакомств на целый месяц.

Пурим приходился на март, а в апреле следовал пейсах, праздник пасхи. И с ним такая бездна работы для меня, что это превращалось в пытку. Праздновали восемь дней, поминая «исход детей Израилевых из Египта». Тогда они быстро покинули Египет! У них не хватило времени испечь хлеб. В дороге из муки и воды они делали мацу, своего рода галеты без крупинки соли. Мацу пекли на камнях, которых много на дороге. А дорога шла по дну Красного моря, которое Моисей разделил своим жезлом на две половины, чтобы люди могли достичь берега.

Но почему я из-за этих пловцов посуху должна была мучиться и неделями вкалывать, понять не могла. Впрочем, работали все: отец, мать, сестры и даже мой трехлетний братик Янкель, который старался изо всех сил. Всю квартиру ставили с ног на голову, все шкафы опорожнялись. Терли, мыли, выбивали, ибо нигде не должно было затеряться даже и крошки хлеба. Пасхальную посуду доставали из одного ящика, повседневную прятали в другой. Восемь дней мы питались главным образом мацой, картофелем и яйцами, но и из этого я готовила очень вкусные блюда. Однако мы, дети, бывали очень рады, когда праздник наконец кончался и мы снова могли вдоволь есть обычный хлеб. Эти тонкие блюда нас не насыщали.

Первый вечер пасхи проходил очень чинно. Отец сидел в белом одеянии на многих подушках. Поскольку тогда, при исходе, приходилось сидеть на камнях. Мой младший братик шепелявил четыре выученных вопроса об исходе. Каждый год те же вопросы. Тысячи лет. А ответ? Его не было. Мы опускали указательный палец в бокал с вином и перечисляли десять мук,

которые пришлось им тогда испытать. В память о горьких временах мужчины съедали по столовой ложке свеженатертого хрена. Их здорово трясло, а слезы катились градом. На сей раз женщин щадили, в виде исключения. После бесчисленных изречений наконец начиналась еда. У нас, детей, уже бурчало в животах. За столом оставляли свободное место для пророка Элия. Весь вечер дверь оставалась открытой. Но он не приходил. Мы, дети, каждый год испытывали разочарование.

Один праздник сменял другой. И каждый последующий казался мне еще более бессмысленным, чем предыдущий. Например, праздник сукес-шалаша. Мужчины мастерили на задних дворах гетто шалаши из досок. В течение восьми дней мужчины только в них принимали пищу. Тоже в память о кочевой жизни во время исхода из Египта. А женщинам приходилось бегать вниз и вверх по лестницам, чтобы доставить еду в шалаши.

Сравнительно простым был для меня новогодний праздник? день господнего суда. С раннего утра до вечера все были в синагоге, и никто мне не мешал. Но приготовление к Новому году пищи из огромного количества живых кур буквально отравляло мне жизнь. Для мужчин непременно покупали белых петухов, для женщин? кур. Это тоже входило в ритуал. Их приносили в жертву «всемогущему» богу. А затем, вкусно приготовив, с аппетитом съедали.

Птице связывали ножки, крутили ее над головой и при этом произносили молитву. Малышам надо было все время повторять: «Тебе на смерть, а мне для жизни». Мой маленький братик тоже шепелявил эти слова, в то время как отец крутил петуха над его головой. Затем животных доставляли еврейскому мяснику, чтобы они были зарезаны по ритуалу. А вот общипать их, это уж было моим делом. После этого мне ничто не шло в глотку.

Самым священным праздником считался Йомкиппур. Во всяком случае, он был самым грустным. Целый день постились, молились, плакали. Праздник начинался еще накануне вечером и оканчивался разговением в следующий вечер. Тогда все семейство объедалось приготовленными мною блюдами. Мне все же следовало бы стать кухаркой! Мои друзья высоко ценят мое кулинарное искусство, а я ценю моих друзей. Благочестивые проводили этот день «примирения и прощения» в синагоге и устанавливали «прямой контакт» с господом богом.

Они произносили известную молитву «Кол нидре», скорее распевали ее. Мелодия раздирала всем душу.

Мать моя в этот день тоже шла в синагогу, хотя врач строго запретил ей это. В синагоге была невероятная духота. Она брала с собой валерьянку, нашпигованное гвоздикой яблоко и

нашатырный спирт. На тот случай, если кто-либо упадет в обморок. А меж тем в любой момент ее саму могли принести домой без чувств. Поэтому я оставалась караулить дом. И должна была ухаживать за маленьким Янкелем. Ему разрешалось есть. Ясно, что и я сама отнюдь не соблюдала поста. Братишку я посылала на улицу, а то он мог проболтаться. Сытой, но отнюдь не умиротворенной я спускалась к нему. Малыша не было.. Он сидел на коленях у матери в синагоге. Я снова забирала его.

Малыш уже носил пейсы. Они были светлыми, длинными и красиво завивались в колечки. Я пыталась слюной приклеить их за ушами. Но они не давались. Мне это не очень нравилось. Ведь мог же прийти мой «кавалер», Гюнтер, и из симпатии к нему дернуть малыша за его локоны. Как он дергал меня за косы. Янкель терпеливо протягивал мне свое личико, ведь он был так рад со мной погулять. Но все старания были напрасны. Гюнтер не пришел. В тот день не пришел. Зато…

Два года спустя этот рабочий паренек? я уже не жила на Гренадирштрассе? оказал моим родным неоценимую услугу. Было это так: еще в 1923 году нацисты провели в гетто маленькую репетицию еврейских погромов. Они разбивали окна, избивали людей, вытаскивали их из синагог, заставляли мужчин и женщин раздеваться догола, прогоняли их сквозь строй и т. д. Да, пытать людей доставляло удовольствие этим хищным зверям в человеческом облике. Это была купленная шваль, люмпены, сутенеры.

Еврейское население спряталось в своих жилищах и даже на следующий день не решалось показаться на улице, хотя вся эта вакханалия длилась лишь несколько часов. Тогда пришел Гюнтер и подозвал мою младшую сестренку к окошку. «Ребекка, спустись-ка ко мне. Я пойду с тобой за покупками». Он знал, что ее звали Зуре, но ему, видно, очень нравилось имя Ребекка. Оба снабжали в тот день наш дом и два соседних дома продуктами. Я прибежала в гетто только в полдень. Меня позвала моя сестра Зуре. Мне пришлось еще многое увидеть.

Встреча в гетто

В тот день, когда я возилась с упрямыми локонами Янколя, я увидела на нашей улице группу молодых людей, шедших из театра «Фольксбюне». Лавки были закрыты. Кругом ни души. По-видимому, это были актеры. Еще издали я слышала раскатистый смех известного актера Александра Гранаха. Он отделился от группы и подошел ко мне. С удивлением спросил меня: «Что делаете вы в гетто?»

«Я-я-я живу здесь,? стала я заикаться. Покраснела как рак:? А почему вы об этом спрашиваете?»

Гранах посмотрел на меня с видом знатока и сказал: «Потому что вы но похожи на еврейку».

Если бы он знал, из какого я дома, подумала я. Он перешел к делу: «Не могли бы вы сказать мне, в какой из синагог выступает знаменитый раввин?» Мы стояли лишь за несколько домов от синагоги отца. Я повела всю группу туда. Они вошли. Я не двигалась с места, пока актеры не вышли из синагоги.

«Великолепно! Потрясающе!? сказал громко Гранах.? Вот в ком пропал актер. ? И обращаясь ко мне:? Малышка, а ты-то была уже в театре?»

«Была».

«А знаешь ли ты, кто я такой?»

«Знаю».

«Вот тебе контрамарка, посмотри на меня в роли Шейлока».

Почему он мне говорит, «ты», возмутилась я про себя. Стерпеть это или нет? Но вслух я сказала спокойно: «Я уже видела, господин Гранах, но охотно посмотрю еще раз. Я тоже хотела бы стать актрисой».

«Ну и что же?»

«Мне не разрешают».

«Как так не разрешают?»? спросил Гранах.

«Отец мой раввин. Вы его только что видели в синагоге. Ясно?»

Гранах опешил: «Вот тебе мой телефон. Позвони мне. Может, я тебе помогу». Это «ты» мы сохранили. Мы оставались друзьями, пока фашизм не разлучил нас.

Александр Гранах был известным актером двадцатых годов. И хорошим товарищем. Он помогал многим. Мне тоже. Он сочувствовал коммунистам, но по природе своей был слишком анархичен, чтобы присоединиться к партии. Много коммунистов? деятелей искусства принадлежали к кругу его друзей. Ганс Роденберг, Эрвин Пискатор, Густав фон Вангенгейм, Эрих Вайнерт. Его ближайшим другом был Эрих Мюзам, поэт и борец, которого позднее фашисты варварски убили.

Гранах часто посещал гетто, и не только для того, чтобы почерпнуть вдохновение для роли Шейлока,? он считался одним из лучших исполнителей этой роли. Очевидно, он чувствовал себя в гетто как дома. Еще недавно он работал там пекарем и готовился к актерской работе. Иногда он проверял себя, не забыл ли он ремесло пекаря. Он спускался в пекарню своего прежнего хозяина, который хорошо относился к нему. Свою первую хозяйку, которая его нещадно эксплуатировала, он избегал. А иногда он заходил в ее булочную специально, чтобы сказать ей какую-нибудь грубость. Это доставляло ему удовольствие.

Вообще-то он был очень мил с женщинами. Слишком даже мил. Он был обольстителем дерзким, но весьма обаятельным.

Гранах тоже был родом из Галиции. Девятый ребенок в бедной семье, ему пришлось с десяти лет работать. Его отец вместе со всей многочисленной семьей кочевал из одного маленького городка в другой в поисках хлеба насущного. Находчивый, смышленый мальчишка стремился, однако, в большой мир. После многочисленных приключений он добрался до Берлина. Здесь его охватила страсть к театру. Он был прирожденным талантом, темпераментным, полным жизни, настоящий одержимый комедиант. Дважды он подвергал себя крайне мучительной операции, которая должна была выпрямить его кривые ноги. Операция была не только мучительной, но и весьма рискованной, с неизвестным исходом. Но он хотел прочно утвердиться на сцене. И если бы операция не удалась, он пустил бы себе пулю в лоб. К счастью, она удалась.

Гранаху было нелегко пробить себе путь. Правда, он был хорош собой, но ростом невелик, да и не умел еще правильно говорить по-немецки, когда начинал карьеру. Но талант и работоспособность помогли ему быстро подняться к вершинам актерского мастерства. Его политические взгляды были весьма сумбурными. Тем не менее он чувствовал свою связь с рабочим классом. Это помогало ему порой принимать правильные решения. Встреча с Александром Гранахом была для меня искрой, которая зажгла пламя. Но я позвонила ему лишь через несколько месяцев после нашей встречи.

Когда пробило тринадцать

В политическом отношении я все еще оставалась чистым листом бумаги. Меня занимал прежде всего вопрос: каким образом вырваться из дому? Куда деваться? Где найти работу? И какую? Мне уже было почти шестнадцать. Но сама не могла найти выход. День и ночь я размышляла об этом. И не видела выхода.

И вот однажды я услышала, как шептались отец и мать. «Ты уже слышала? Дочка Дорлихов, Регина,? да спаси нас бог от этого? убежала из дому. С каким-то молодым человеком. Его зовут Шлойме. Он коммунист. Говорят, они живут вместе без божьего благословения и без загса. Родители пошли в полицию. Но она не хочет вмешиваться: мол, оба уже совершеннолетние».

Обхватив голову руками, отец выкрикнул: «Горе, горе мне! Что за грешный мир! »

«Пинхус, нам нужно сейчас же искать мужа для Мишкет,? продолжала мать самым серьезным и решительным тоном,? иначе это кончится плохо. Будет такое же несчастье, как с Региной».

«Да, да, таковы они, эти коммунисты. Я тоже за коммунизм. В Библии о нем сказано. Но у нынешних коммунистов в голове только свободная любовь. Только!» Отец путал коммунистов с анархистами. Какая-то анархистская группа жила вблизи от нас на Мулакштрассе. Мужчины и женщины вперемешку, неизвестно было, кто с кем. Летними вечерами они иногда прогуливались по нашей улице, нежно обнявшись и загораживая путь прохожим. Отец возмущался этим.

Синагогальный служка обычно успокаивал отца и говорил не без иронии: «Аи, реб Пинхус-Элиэзер, ведь так хорошо, когда люди любят друг друга».

Вот таким образом я услышала свою первую лекцию о коммунизме. Она произвела на меня большое впечатление. В тот же вечер я добилась адреса Регины и Шлойме. И уже на следующий вечер я сидела у них в кухне за столом и ужинала вместе с ними. Шлойме только что вернулся с работы. Я рассказывала о себе. Мне не пришлось потратить много слов: они были коммунистами? сразу же они принялись размышлять, как мне помочь. Шлойме был металлистом, Регина? портнихой. Она предложила мне учиться у нее шить, а дальше? посмотрим. Шлойме поддержал ее. Я с радостью приняла это предложение. Уже на следующий день Регина учила меня держать иголку. Однако я оказалась такой неспособной, что мы через несколько дней оставили это дело. Было ясно: из меня никогда не получится портниха.

Снова сидели мы втроем, в этот раз в «гостиной». Опять

обсуждали: куда деваться? И что из меня получится? Наконец Шлойме сказал: «Есть два варианта: ты тут же уходишь из дому, снимаешь комнату и ищешь какую-нибудь работу. До первой зарплаты мы тебе поможем деньгами. Но тогда забудь о своей мечте стать актрисой. Или ты остаешься еще какое-то время в родительском доме, найдешь какую-нибудь работу на вторую половину дня, тайком от родителей накопишь денег, чтобы учиться на актрису. И потом уж уйдешь из дому, когда станешь актрисой».

В следующее воскресенье? отец был занят своими судебными делами, мать, как всегда, «помогала» ему? я сложила быстро свои вещи, завязала их в маленький узелок и с колотившимся сердцем покинула отчий дом. Навсегда.

Поехала я в Панков. Там я по объявлению сняла меблированную комнату на Берлинерштрассе. Квартплата была невысокой, хозяйка? молодой и приветливой. Она не поставила даже обычного условия: «Посещение мужчин только до двадцати двух часов». Впрочем, меня это не интересовало. У меня еще не было никакого «мужчины». Как я скоро заметила, моя хозяйка была веселой вдовой и очень любезной, даже слишком любезной. Позднее она пробовала отбить у меня моего «мужчину», когда он уже у меня появился. Ей было тридцать, ему? девятнадцать. Я очень страдала.

Итак, дверь в родительский дом была захлопнута. Правда, я еще не знала, как пойдет новая жизнь. Но меня уже охватило прекрасное чувство свободы. Не надо будет больше терять времени так бессмысленно.

Первые самостоятельные шаги

Начало моей трудовой деятельности протекало довольно странно. Прочитала объявление в витрине большого табачного магазина на Грейфсвальдерштрассе: «Требуются ученики». Вошла в магазин. Хозяин смерил меня взглядом с головы до ног и сказал: «Завтра можете начать». И я начала. За торговым залом в маленьком помещении с зарешеченными окошками сидели две совсем молодые девушки и набивали сигареты. А я была еще моложе и стала третьей. Хозяин усадил меня у самой витрины? якобы потому, что в комнатушке слишком тесно. Сначала я не поняла, чего он этим хотел добиться. Ничего не подозревая, я уселась у витрины и попыталась набивать сигареты. Одна гильза за другой лопались в моих руках. Но на улице перед витриной началось столпотворение! Проходящие мужчины останавливались и глазели на меня. Особенно долго стояли там старики. К моему счастью, я не могла расслышать их пошлых словечек.

Меня это очень огорчило, но доходы хозяина сильно

увеличились. Продолжалось это лишь один день. После обеда в магазин зашел Шлойме, якобы купить сигареты. Он сразу увидел, чем это пахло. Мне он не сказал ни слова, зато выложил все моему хозяину. На следующий день в задней комнате нашлось и для меня место.

Мои коллеги оказались говорливыми и веселыми. Настоящие лукавые берлинские девчата. А я была молчаливой, робкой. Все было таким новым и таким чужим для меня. Не выдержала я там и полгода. Передовиком труда я не стала. Руки у меня оказались не очень ловкими. А может, мешало мне мое нетерпение?

Да, нетерпение! Оно не раз подводило меня в жизни. И это я унаследовала от отца. Кстати, отец не стал меня искать. Его охватила скорбь. Настоящая скорбь, как будто я умерла. Он хорошо знал, что было бы бессмысленно заставлять меня вернуться. И была для его мира потеряна. Безвозвратно.

Регина и Шлойме, оба значительно старше меня, заменили мне до какой-то степени отчий дом. Шлойме оказался энергичным, сознательным рабочим, умным, полным юмора, к тому же приятной внешности. Регина была человеком тихим, сдержанным и замкнутым, но всегда готовым помочь. Говорила она тихо, редко смеялась. Ее не могли рассмешить даже анекдоты Шлойме, которые он охотно рассказывал. Два простых, хороших человека. Я многим обязана им. Они помогли мне преодолеть трудности новой жизни. Вместе с ними я сделала первые шаги к рабочему движению. Они научили меня азбуке марксизма, объяснив мне все так, что я могла понять, что к чему. Брали с собой на митинги и демонстрации Коммунистической партии Германии. Все это произвело на меня огромное впечатление, захватило мой ум и мое сердце. Иногда у меня было состояние такого восторга, что я готова была пойти на баррикады. Но пока что начала с того, что вступила в общества «Красной помощи» и «Международной рабочей помощи». Это было скромнее, чем баррикады, но было преддверием на пути к партии. Мне еще надо было многие остатки прошлого в себе побороть.

Вначале я проводила свои свободные вечера в Клубе еврейских рабочих. Организованный коммунистами, он стал родным домом для многих детей гетто. Здесь они знакомились с марксистским мировоззрением. Это, конечно, помогало им поскорее освободиться от гнета гетто. Я прослушала там множество докладов по различным областям знания, которые читались марксистами. Часто мы слушали рефераты о Советском Союзе, первом рабоче-крестьянском государстве. Проводились и вечера отдыха с культурной программой. Позднее я сама выступала там с художественным чтением. Все чувствовали себя

там хорошо, не только евреи. Я познакомилась там с моим первым мужем, светловолосым «гоем», который выглядел как Зигфрид из «Песни о нибелунгах». Его звали Фриц. Был он очень красив. Слишком красив, чтобы оставаться верным. У него была хорошая профессия? инструментальщик. Оставил ее. Хотел стать поэтом. В конце концов не стал ни тем ни другим. О нем я расскажу позже. Он подождет, я тоже часто ждала его.

В этом клубе я познакомилась с одной бездетной супружеской парой, которая заинтересовалась мной. Они пригласили меня на литературно-политические вечера, которые устраивали еженедельно. С ней я подружилась. Ее звали Роза. Это имя к ней очень подходило. Она немного напоминала мне Рахиль Варнхагель, о которой я читала. Не только потому, что у нее был своего рода литературный салон. Она была личностью, обладала умом и сердцем, любила искусство и любила помочь молодым талантам. Позже, когда я стала выступать с художественным чтением, она часто сидела в первом ряду, устремив на меня свои большие голубые сияющие глаза. И я становилась спокойнее.

Муж ее больше интересовался политикой. Он считал себя коммунистом, отстаивал в спорах наше мировоззрение, был острым спорщиком. Но не был членом партии и не мог толком объяснить причины.

Но гостями были не только коммунисты. Всегда на их вечерах разгорались горячие споры. Обязательно читалось и обсуждалось какое-нибудь литературное произведение, проза или лирика. Интересные вечера.

Любопытно, что родители Розы, у которых оба жили, требовали, чтобы дети обращались к ним на «вы». Отец был адвокатом, мать? домохозяйкой. Это была зажиточная мелкобуржуазная семья, где придавали большое значение хорошим манерам. Но когда старик умер, оказалось, что благопристойность была фасадом. Семья распалась. Мать ссорилась из-за каждой мелочи. Муж Розы? служащий? стал безработным. Они сдали одну комнату работнику советского торгпредства. Роза без памяти влюбилась в этого человека. Да, в него можно было влюбиться, убедилась я, когда познакомилась с ним. Но у него была жена в Москве. Роза страшно страдала. А как я могла помочь моей подруге?

Кстати, друзья! Есть хорошая русская поговорка: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». Ну, на мой взгляд, сто друзей, пожалуй, слишком много. Тебя на них не хватит. Вот это и случилось со мной. Я была постоянно в пути. Каждый из друзей хотел оказать мне услугу и тащил меня куда-нибудь: то на политические, то на художественные мероприятия. А времени для

моего профессионального и политического образования не оставалось. Но я об этом не очень много думала. Меня охватила жажда жизни.

Тем временем я уже «поднялась» на одну ступеньку вверх. Стала ученицей в конторе фирмы «Хониг и компания» на Блюменштрассе. Боссы мои не были в восторге от меня. Ну и я от них тоже. Все время со мной случались какие-то беды. Отправляя письма, я перепутывала конверты. Согласие на поставку по более высокой цене я вкладывала в конверт, в который надо было вложить отказ от поставки. И вызывала тем самым страшный скандал между этими спекулянтами. Если меня посылали на таможню, чтобы внести десять тысяч марок, я приносила квитанцию на девять тысяч. Где потерялась тысяча? Честное слово, я не знала. Столько часов пришлось провести на таможне и так часто я пересчитывала эти деньги, что, когда я уже очутилась у кассы, тысячной бумажки как не бывало. Чтобы проверить мою честность, шефы спросили меня: «Ну, барышня, может быть, вы получили от нас лишь девять тысяч?» Я сказала правду. Как всегда в жизни. «Нет, я получила десять тысяч. Недостающую тысячу я выплачу. По частям!»

Сказала, не подумав. Мне пришлось бы на долгие месяцы положить зубы на полку, и все-таки я не скопила бы тысячу. Но в течение одной ночи я стала миллионершей. Да! В самом деле! И вслед за тем миллиардершей. Началась инфляция. Она катилась, катилась. Не видно было конца. Миллионам трудящихся она принесла несчастья, а меня она спасла. Вот сколько коварства и подлости в так называемом «свободном рыночном хозяйстве». Месячной зарплаты, которую мы получали утром, хватало вечером, чтобы по дороге домой купить булочку или коробку спичек. В один прекрасный день я бросила моим боссам тысячемарковую ассигнацию на стол. Они рассмеялись. Юмор висельников. Моих «работодателей» обуревали в то время другие заботы. Им было не до меня. Они обанкротились. Большие акулы глотали маленьких. Фирма «Хониг и компания» шла навстречу своему концу. Мое терпение тоже.

Горький опыт

Тем временем мне исполнилось восемнадцать. Моя любовь к театру отнюдь не была капризом девчонки. Это было подлинной глубокой привязанностью к театральному искусству. Мне было ясно: я должна стать актрисой. Но как? Этого я не знала. Посещать театральное училище я не могла. На это у меня не хватало денег. Надеяться на одну из немногих стипендий я тоже не могла. Может, частные уроки? Дважды в неделю? На это я могла бы скопить с грехом пополам. Как часто стояла я перед

дешевыми столовыми и боролась сама с собой: войти? Не войти?

К первому учителю я попала вот каким образом. Один из моих друзей по галерке рекомендовал мне известного старого актера Фердинанда Грегори. Он, мол, один из лучших преподавателей школ Рейнгардта. Был ли он лучшим, я сомневаюсь. Но самым высокооплачиваемым был бесспорно. На первом уроке я занималась дикцией и техникой дыхания. Все правильно. Ровно через сорок пять минут он закончил урок. Я подала ему руку и робко сказала: «Большое спасибо». Только что не сделала книксен. Так величественно он выглядел. Он задержал мою руку в своей и сказал: «Да, а где мой гонорар, милое дитя?» Даже эту сугубо прозаическую фразу он произнес с большим пафосом.

«Я-я-я думала переслать его по почте. В месяц раз, думала я». Я заикалась от волнения. А он в том же тоне: «Но ведь не захожу же я в магазин купить себе что-нибудь, не имея с собой денег».

Я ничего не ответила. Ушла. Никогда больше не вернулась к нему. Одно занятие стоило целое состояние! Двадцать марок. Я, дурочка, не спросила сначала, считала это невежливым. Деньги я переслала ему по почте и на переводе написала: «Думала, что попаду в храм искусства, а попала в обычную лавку. Извините».

Снова я оказалась у разбитого корыта. После этого случая я решила позвонить Александру Гранаху, попросить у него совета. Теперь я могла появиться перед ним, не опасаясь, что он увидит во мне легкую добычу. «Со мной это дело не выйдет»,? сказала я ему при первой же встрече. «Ты права. Дружба прочнее всего»,? ответил он. Наша дружба выдержала десятилетия. Подчас я не знала, чего я хотела, но всегда? чего не хотела. Например, «стакана воды» в вопросах любви.

Гранах выслушал несколько моих отрывков из разных ролей. Он тут же позвонил своей учительнице Иоганне Буркхарт. Он еще много раз прибегал к ее помощи. Эта женщина прекрасно владела техникой речи. Многие известные певцы были ее учениками. Но зачем это было мне? Петь я вообще не могла. Мне нужен был учитель для разработки ролей.

Госпожа Буркхарт была чутким человеком. Я открыто поговорила с ней о моих проблемах. Она меня поняла. О плате она не хотела и слышать. Может быть, ей платил Гранах? Вполне возможно. Он рекомендовал меня и другому учителю, своему другу Гейнцу Гольдбергу, в то время известному сценаристу и режиссеру. Когда я пошла к нему, я захватила с собой одну подружку, которая тоже хотела стать актрисой. Она была очень неудачливым человеком, но способной, как мне казалось. А больше всего я хотела вырвать ее из гетто. Она была на четыре

года старше меня, без профессии и замужем за человеком, который совершенно ей не подходил.

Гейнц Гольдберг сказал, что может взять лишь одну ученицу, ту, которую сочтет более талантливой. Он проверял нас долго. Я сама была удивлена, когда он сказал, что выбирает меня. Дважды в неделю давал он мне уроки, не смотрел на часы и не брал гонорара.

У Гейнца Гольдберга я начала наконец учить роли. Он помогал мне овладевать и художественным чтением. Я готовила к урокам стихи Гейне, Гервига, Френлиграта, Мюзама, Тухольского, Вайнерта и других. Эти стихи мне нужны были для выступления на митингах, собраниях. Эта «материалистическая» поэзия, как он выражался, не нравилась моему учителю. Он не возражал против моих выступлений, но для занятия хотел более лирических вещей. Он считал себя левым. Возможно, и был им, но прежде всего он был эстетом. С наслаждением читал сочинения Рай-пера Марии Рильке. Как часто слышала я у него «Легенду о любви и смерти корнета Кристофа Рильке». Признаюсь, это было подлинное наслаждение, это была музыка. Она до сих пор звучит у меня в ушах. До сих пор у меня сохранилась эта книжонка, которую он мне подарил. Маленькая драгоценность, пронесенная через все бури. В конце концов Гольдберг примирился с моими революционными поэтами.

Одна соученица попросила меня помочь ей при изучении ролей. Обычно мы встречались у меня. Однажды в воскресенье она пригласила меня к себе. Она жила за городом, в Штеглице. Ее отец был чиновником. Если бы я это знала, я бы, наверное, к ней не поехала, ибо чиновники в Веймарской республике обычно отличались особой реакционностью. Родители ее пригласили меня на чашку кофе. Они долго молча разглядывали меня, как какое-то чудо. Атмосфера была угнетающей. Я ничего не понимала и поспешила распрощаться.

На следующий день я собиралась расспросить свою соученицу о причине такого поведения. Но она заговорила об этом сама, когда мы шли вместе к станции метро. «Ты знаешь, я должна тебе что-то сказать»,? начала она и остановилась.

«Пожалуйста, я слушаю тебя». Мне не терпелось узнать, в чем дело.

«Мне не разрешают с тобой больше встречаться». Она смотрела в сторону, избегая моего взгляда.

«А почему?» Пауза. «Ну говори же! Чего ты молчишь?»? настаивала я, по-прежнему ничего не подозревая. Она молчала. Я ждала. Мы шли рядом. Внезапно меня осенило: «Потому что я еврейка?»

«Да»,? выдавила она из себя.

Я повернула в другую сторону. Не знаю куда, не знаю, как долго я шла…

Семь дней траура

Родительский дом я снова посетила лишь через три года. Мать умирала. Была суббота. Пришел врач. Она молила его: «Спасите меня, доктор». Он не сказал ни слова. Сделал ей укол и исчез. Как будто имел дело не с людьми. Быть может, он вел себя столь странно потому, что был еще молод и неопытен? А может быть, был просто реакционером, о чем говорили шрамы на его лице, полученные на студенческих поединках? Мать знала, что она умирает. И мы это знали. Молча стояли мы у ее кровати. Без слез. Один скрывал от другого, что смерть ее близка. Слабым голосом мать позвала старшую дочку, которая хлопотала на кухне. Пришла Ханна. Теперь все дети были около нее. Оглядела она нас но очереди, попрощалась с нами своими добрыми, настрадавшимися глазами, повернулась к стене и испустила последний вздох.

В понедельник мы похоронили мать. Я была удивлена, сколько людей шли за ее гробом? не только евреи и не только из любопытства. В этом рабочем районе существовала подлинная солидарность. Отец попросил меня не уходить, провести дома все семь траурных дней. Я осталась. В доме господствовала глубочайшая скорбь. Семь дней окна и зеркала оставались завешенными, семь дней мерцал только слабый свет свечи. Семь дней сидели мы на низких скамеечках, одетые почти в лохмотья. Все двери были открыты. Люди приходили и уходили. «Она умерла, как святая, в субботу»,? утешали верующие моего отца. Каждый вечер община посылала к нам десять мужчин, которые молились с отцом и с братьями. Мехель, старший теперь, читал заупокойную молитву. Он скорее пел ее, чем читал. Помню душераздирающую мелодию.

Потом я снова ушла. Отец не заметил этого. А может, сделал лишь вид, что не заметил, а может, он думал в эти часы о своем первенце, о Мортхе, который должен был по ритуалу читать заупокойную молитву, но исчез еще год назад? Исчез без следа, в одно прекрасное утро. Это доконало мать. Ее глаза были на мокром месте. Но она молчала. Я знала, что Мортхе уже давно тайком не соблюдал религиозные обычаи. Он не хотел сидеть над Талмудом. Хотел работать. Он часто спорил с отцом. Лишь через много лет мы узнали, что он живет в Америке.

Самое главное решение в моей жизни

Навсегда запомнились мне два события тех лет. Первым была весть о смерти Ленина. В нее нельзя было поверить! У меня до

сих пор есть фотография Ленина, которую я купила на траурном вечере 24 января 1924 года в Большом Драматическом театре. На обратной стороне я тогда написала: «Редко меня что-либо так волновало. Меня мучило чувство невозвратимой потери».

Другим крупным событием был митинг, посвященный десятому съезду Коммунистической партии Германии. Состоялся он в том же доме год спустя? 12 июня 1925 года. Эрвин Пискатор поставил великолепное агитационное ревю, включив в него и монтаж из фильмов. Это дало достоверную картину борьбы рабочего класса. Перед нашими глазами прошли похороны Розы Люксембург и Карла Либкнехта.

Вскоре наступил день, который, пока я жива, не забуду,? 1 августа 1925 года. Антивоенная демонстрация. Митинг в Люстгартене. Я иду в колонне рядом с Артуром Крималовски, секретарем комитета Коммунистической партии Германии района Митте в Берлине. Мы хорошо знали друг друга, встречаясь на вечерах у Розы. Артур был боевым симпатичным человеком. Сын бедняков, самоучкой он добился солидных знаний в теории марксизма. Он очень мне нравился. Втайне я надеялась даже, что он выберет меня в жены изо всех девушек нашего круга. Но он уже сделал свой выбор. Только я не знала об этом. Свою Тони он представил нам позже. Тем не менее мы оба всегда радовались, когда встречались. И особенно обрадовался Артур, когда он внезапно увидел меня рядом с собой на этой демонстрации.

Мне бросилось в глаза, что в колонне много женщин. А что, собственно говоря, в этом удивительного? Сколько-отцов, сыновей не вернулись с этой войны. Или стали калеками! А Веймарская республика? вооружается снова. Однако на острые социальные нужды денег у нее не хватает. Было очень боевое настроение на этой антивоенной демонстрации. Я обратилась к Артуру: «Вот мое заявление. Я давно хотела вступить в партию». Он просиял: «Давай сюда. Я давно этого ждал». Он обнял меня. «На следующей неделе встретимся и поговорим обо всем, ладно?» Хотя я уже многие годы всей душой была связана с партией, но с того момента я стала полноправным членом Коммунистической партии Германии. Я не люблю громких слов. Но здесь, пожалуй… Для меня это было совершенно новым, великолепным состоянием? полностью принадлежать партии. И еще одно я ощущала: как это прекрасно? отдать себя без остатка делу, которое так справедливо, так человечно.

Как тысячи и тысячи коммунистов, я каждый день выполняла маленькие поручения. Но была особенно счастлива, когда моя партийная деятельность сочеталась с моей артистической работой. На больших собраниях я выступала редко. Ведь я была

еще только начинающей. КПГ охотно помогали известные артисты. Однажды я выступала с чтением на первомайском вечере участниц Союза красных женщин и девушек. Я видела, с каким интересом эти простые женщины следили за моим выступлением, и? решила организовать постоянный литературный кружок. Мы собирались раз в месяц. Приходило около двадцати женщин? работниц, служащих и домашних хозяек, постарше, помоложе. Всегда одни и те же. Им доставляло удовольствие слушать эти чтения. Все равно, читала ли я произведения классиков или революционных поэтов. Многие из этих женщин были участниками рабочего хора. Но читать стихи со сцены ни одна не решалась.

Охотно я участвовала в агитационных воскресных походах по деревням. Обычно мы проводили сборы в деревенских трактирах, летом? на площадях. Слушателей собиралось, как правило, не очень много, зато у нас устанавливался с ними непосредственный контакт. Было много вопросов. Были и провокации. Надо было реагировать быстро и убедительно. Были и стычки с противниками. Они специально приходили, чтобы нам помешать. У меня тогда создалось впечатление, что немало крестьян уже попало на удочку нацистских демагогов. Если потасовки не завязывались, то только благодаря тому, что наши товарищи умели держать себя в руках. Они разоблачали провокаторов и поднимали их на смех. Тем не менее мы не раз попадали в щекотливые ситуации.

«Милая моя барышня…»

Актерская учеба по-прежнему меня беспокоила. Я все топталась на месте. Снова беспокоить Гранаха своими делами мне было неловко. Хотя в это время я часто видела его. Он играл в «Фольксбюне». А я часто туда заходила. Когда он был на сцене, я болтала с другими актерами в буфете или в коридоре. Я всегда искала человека, которого смогла бы сагитировать.

Однажды я вела беседу с одной уже немолодой актрисой, она показалась мне прогрессивной. У меня сразу возникло к ней чувство доверия. Я рассказала ей о моем положении. Она внимательно выслушала меня и неожиданно сказала: «Я поговорю с моим мужем. Он хороший преподаватель. Это не реклама. Напротив. Он не каждого берет в ученики. Для него человеческие качества студента играют почти такую же роль, как талант».

«Да, но…»

Она прервала меня: «У вас нет денег, хотите сказать? Неважно».

Так я пришла к Герберту Кухенбуху. Он был именно тем учителем, который был мне нужен. Он на самом деле наряду с

актерскими способностями развивал и человеческие качества. Он помогал человеку познать, на что тот способен. Любопытно: выглядел он, как монах. Что касается мировоззрения, то тут наши мнения часто расходились. Капиталистический общественный строй он находил аморальным. В коммунизме его привлекало многое, но только в той степени, в какой он мог примирить коммунизм со своими религиозными взглядами. Он был католиком. Мы часто спорили, но по-товарищески. Иногда он сопровождал меня на митинги, чтобы поближе познакомиться с рабочими, а иной раз, чтобы послушать, как реагирует публика на мое чтение. Обучал он меня бесплатно. Я вспоминаю о нем с благодарностью.

На его уроках я познакомилась с Сибиллой Шмиц, очень одаренной студенткой. Мы часто вместе учили роли. Вскоре она стала известной в стране актрисой, а последние годы она жила в Федеративной Республике Германии и в шестидесятых годах она осталась без работы и одинокой и покончила жизнь самоубийством.

Однажды мой учитель сказал мне шутливо: «Милая моя барышня, пора вам поступать в театр! Вы должны играть! Больше я ничему не могу научить вас». Все верно. На как? Где? Найти место в Берлине без связей почти невозможно. Итак, надо было искать место в каком-нибудь провинциальном театре. Но и это было делом нелегким.

В то время я работала машинисткой в одной голландской фирме. Она вела оптовую торговлю апельсиновым соком. В конторе везде стояли бутылки с соком. Мы нахоли его очень вкусным. Ведь могла же одна-другая бутылка разбиться. Не правда ли?

Моя фирма находилась вблизи от Романишес кафе, где завсегдатаями были люди искусства. Или поклонники людей искусства. Как мой молодой шеф, например. Он очень хотел, чтобы я обращала на него внимание, когда он пил там свой кофе. Ему очень льстило, что у него машинисткой работает будущая актриса. Наша контора находилась на шестом этаже. Мне, единственной из служащих, он предложил ключ от лифта. Что остальным приходится подниматься на шестой этаж пешком, его нисколько не беспокоило. Я не воспользовалась этим «любезным» предложением. Он был очень разочарован. Бедняжка!

Долго я не выдержала в этой «респектабельной» фирме. В канун Первого мая? это было в 1926 году? я объявила старшему из боссов, голландцу, который хвастался, будто он социал-демократ: «Завтра я не выйду на работу».

«Как так?»

«Завтра Первое мая. Вы не знаете этого? Вы ведь социал-демократ, как вы поступите? дело ваше. Я пойду на демонстрацию».

«Вы-вы-вы же коммунистка!»? закричал он, как будто это было преступлением.

«Вы угадали»,? сказала я спокойно.

«Ведите себя как следует! Вы уволены!»

«Пожалуйста. Когда могу получить расчет?»

«Когда хотите. Убирайтесь!»

Казалось, что старик лопнет от ярости. Служащие в соседней комнате ухмылялись. Я подошла к своему столу, вынула помаду и зеркальце из ящика, пожелала моим коллегам всего доброго и ушла. Еще до того я сильно разозлила старшего босса. Было это перед рождеством. Не постучавшись? наверно, для храбрости,? я вошла в его комнату и потребовала для всех восьмерых служащих рождественскую надбавку и досрочную выплату зарплаты. «В конце концов, вы же социал-демократ». Моей иронии он не мог не заметить. Надбавку он отверг: мол, его фирма маленькая и бедная. Но от досрочной выплаты жалованья ему уклониться не удалось. Он явно радовался тому, что избавился от меня. Теперь я получала пособие по безработице. Семь марок в неделю. Их хватало на чашечку кофе в актерском кафе. Там я утопила в кофе свою печаль. Однажды за мой столик села молодая красивая женщина. Она заказала сосиски и кофе, курила одну сигарету за другой и смотрела в одну точку. Очевидно, ее что-то мучило. В этом кафе контакт завязывался быстро. Я спросила ее: «Что с вами?»

«Спасибо, что вы спросили. Я здесь чужая. Приехала из Магдебурга. Играю вот уже десять лет в тамошнем театре. Хочу в Берлин. Завтра меня пробуют в театре Рейнгардта. На его малой сцене Гейнц Хильперт ставит „Экспресс в Бронкс“ Осипа Думова. Ему нужен определенный типаж для характерной роли. Роль эпизодическая, но все-таки. Важно начать. Бог ты мой! Как я трушу! Я сойду с ума!»

«Пойти с вами? Время у меня есть. Я охотно посмотрю на это. Откровенно говоря, я тоже ищу место».

«Пойдемте со мной. Претенденток будет, наверно, много. Одной больше, одной меньше, не имеет значения. Я верю в свою счастливую звезду!»

Во мне она соперницы не видела. Я была с ней согласна. Ведь я на профессиональной сцене еще никогда не играла.

Следующим утром мы оказались в театре. Кроме нас появились еще две актрисы. Гейнц Хильперт сунул каждой текст роли. Была она небольшой. Сыграть надо было еврейскую

женщину средних лет, бежавшую с грудным ребенком на руках от погромов из Румынии в Америку. В каждом человеке она теперь видит антисемита. Даже в своих собственных соплеменниках. Трагикомическая это была фигура.

Хильперт попросил нас в костюмерной соответственно одеться, загримироваться и показаться ему. Нарядившись еврейской беженкой из Румынии, я пошла по сцене в зрительный зал. Издали режиссер закричал: «Остановитесь! Боже мой! Кто это? Будто она только что бежала из Румынии». Короче говоря, выбор пал на меня. Ведь я же видела немало таких женщин в жизни. Получила я договор на год и? о чудо!? удостоилась похвалы в прессе. Меня упоминали наряду с такими известными актерами, как Альберт Штайнрук, Илка Грюнинг, Курт Бойс. Мне все еще это казалось сном: я стала актрисой театра Рейнгардта, лучшего театра Германии!

Откровенно сказать, больше всего мне удавался младенец. В конце концов, он тоже был человеком, и еще каким. Едва я, его мать, произносила словечко, как он прерывал меня громким плачем, то есть это я, конечно, плакала за него, стоя спиной к публике. Потом я его успокаивала, пеленала. Короче говоря, у меня было много хлопот с малышом на сцене.

После премьеры меня спросил мой партнер, известный актер: «Скажите-ка, деточка, как вы это делаете?»

«Очень просто. Нажмите-ка кукле на животик».

Он нажал, но кукла молчала. «Знаете что, деточка, давайте-ка я лучше вам нажму на животик, а? Это у меня лучше получится».

Мне удалось от него отделаться. На мое счастье, я делила гардеробную с двумя танцовщицами, тоже занятыми в этом спектакле.

Петух в курятнике

Фриц часто заходил за мной после спектакля. Когда он впервые появился в моей гардеробной, обе девицы потеряли самообладание. Они вели себя как курицы, которых всполошил петух. А мой Фриц держал себя как петух в курятнике. Старшая, еще незамужняя танцовщица пошутила: «Слушай, одолжи мне своего Фрица. Только на одну ночь». Я рассмеялась. Тогда я еще могла смеяться. Позднее смех у меня пропал. Фриц был просто красив. Прекрасно сложен, высок, строен, широкоплеч, голубые глаза, светлые волосы, маленький острый нос. Был неглуп, много читал, писал стихи, правда плохие. Был коммунистом. Участвовал вместе со мной в партийной работе. Свою профессию инструментальщика забросил. Не было времени. Откуда ему было взяться? Днем его тащили художники в ателье как модель. А ночами женщины не давали покоя. Тем не менее я любила его. Он

меня тоже. Я потеряла его по своей вине или, лучше сказать, по своей глупости.

У меня мог появиться ребенок, но пришлось от него отказаться. Ни своей комнаты, ни надежного мужа, ни уверенности в будущем. Но существовал параграф 218, запрещающий аборты. Мы все же нашли врача? доктора Макса Беера. Он рисковал многим, даже своей свободой. Позже рисковал и жизнью. Нацисты все же убили его. Он помогал и не брал ни пфеннига. Я легла в женскую клинику.

Фриц часто меня навещал. Однажды в воскресенье появилась и моя подруга Дженни. Элегантная, пикантная, как всегда. Она была единственной дочерью пекаря с Гренадирштрассе, скорее хитрая, чем умная, но способная. Я вытащила ее из гетто и помогла ей встать на ноги. Она стала портнихой-модельершей, хорошо зарабатывала. Я всюду брала ее с собой: на митинги, концерты, в клуб, ц друзьям. Она и Фриц знали друг друга. Но она была влюблена в прежнего подмастерья своего отца, в актера Александра Гранаха. Мой Фриц ее тогда не интересовал.

Стоял прекрасный августовский день. Оли сидели у, моей кровати. Я сказала: «А ну, вы, дети кафе, вы такие бледные. Съездили бы в воскресенье за город». Они не заставили себя упрашивать. Во вторник я получила открытку: «Это была гениальная идея. Мы прекрасно отдохнули. Просто чудесно. Приветик». В следующий четверг Фриц пришел, был скуп на слова, быстро ушел. Дженни вообще не показывалась. Наступило воскресенье. Фрица нет как нет. В следующий день для посетителей, четверг, он пришел, сидел рядом со мной, но не мог взглянуть мне в глаза. Я догадалась, в чем дело, потребовала ответа. Он отрицал. «Лучше молчи и уходи,? сказала я.? И пошли ко мне, пожалуйста, Дженни». В следующее воскресенье она пришла. Мы вышли на улицу, чтобы поговорить без помех. «Дженни, что случилось? Что произошло между вами? Пожалуйста, скажи мне правду»,? попросила я.

«Спроси у Фрица»,? ответила она односложно.

«А ты? Тебе нечего мне слазить? Разве ты не должна по крайней мере объясниться? Ты! Моя лучшая подруга!»

«Нет».? Это было все, что она сочла нужным мне сказать.

Я оставила ее на улице, поднялась по лестнице, легла в кровать и стала раздумывать. Меня охватила горечь. И мучила меня, как открытая рана. На следующий день я написала Фрицу письмо: «Я могла бы понять все, на только не ложь. Ее я не могу переносить. Если бы ты пришел ко мне, сказал бы: „Да, я влюбился в Дженни. Хочу жить с ней вместе“, я простила бы тебя. И ее. Мы остались бы друзьями. Но так? нет. Все копчено между

нами».

Он по-прежнему все отрицал. Не хотел терять меня. Между тем Дженни появилась у Гранаха и попыталась одолжить у него большую сумму. Ей бы хотелось совершить с Фрицем кругосветное путешествие. Ему это необходимо для творческой работы, объяснила она. Гранах, в общем человек великодушный, выгнал ее. Ради меня, как он уверял меня. Дженни готова была на все, чтобы удержать Фрица.

Фриц снова посетил меня, снова уверял, что любит. Я попросила его забрать свои вещи и никогда больше не показываться мне на глаза. Он переехал к Дженни. Она работала на него ночами. А он продолжал свою жизнь бездельника. Через два года он умер от туберкулеза. Еще совсем молодым человеком. Несмотря на его цветущий вид. Что подорвало его здоровье? Сырое жилье на заднем дворе, в котором он провел свое детство? Или вечное недоедание? Женщины? Не знаю. Признаюсь, в глубине души я очень тосковала о нем.

Перед тем как я должна была покинуть клинику, пришел мой отец. Зуре проболталась, что я лежу в больнице. Он очень переживал, настоял, чтобы сестра привела его ко мне. Возможно, он думал, что я умираю? Еще никто из нашей семьи не лежал в больнице, даже моя тяжелобольная мать. Ведь еда в больнице была не кошерной. На счастье, они появились в неурочное время. Дверь в мое отделение была заперта. Я не стала пытаться получить разрешение на свидание. Если бы мой отец узнал, в каком отделении я находилась, его горю не было бы границ. И вот я стояла по одну сторону стеклянной двери, а они по другую. Мы объяснялись жестами. Мой отец уставился на меня своими большими, полными печали глазами. Я делала вид, что все в порядке, говорила, что через два дня меня выпишут, чтобы? не дай бог? они не вздумали вновь появиться.

В это время в кино показывали «Броненосец Потемкин» Эйзенштейна. Берлин с ума сходил. Это было событие. Повсюду только о нем и говорили. Билеты было трудно достать. Надо было стоять в очереди. И люди стояли. Гениальный фильм, который и теперь, почти через пятьдесят лет, повсюду производит на людей большое впечатление. Но в Веймарской республике, которая так чванилась своей свободой, пришлось долго и упорно бороться, прежде чем разрешили его показывать. В некоторых городах замешательство власть имущих было таким большим, что они то разрешали, то запрещали его. Они опасались воздействия этого революционного фильма. И не вря.

Бывало так, что зрители после сеанса стихийно запевали «Интернационал».

«Вы обязательно должны посмотреть этот фильм. Во что бы то ни стало. Это гениально!»? говорил Гейнц Хильперт, такой сдержанный, своим актерам.? Вот уж не думал, что русские такой фильм могут создать. Им есть что показывать в искусстве, да и в литературе. Но так увлекательно изобразить революционные события в кино? это гениально».

Я была очень рада слышать это. Была рада за Гейнца Хильперта. Не знала, что он такой прогрессивный. В общем, я его мало зн. ала. На репетициях он отмалчивался, говорил лишь то, что было совершенно необходимо. К тому же он носил монокль.

Наконец наступил день, когда и я смогла посмотреть фильм Эйзенштейна. Он ошеломил меня. Зрители молча покидали кино. Они еще жили увиденным. Я тоже словно перенеслась в революцию 1905 года.

Пьеса «Бронкс экспресс» приносила хорошие сборы. Поэтому ее продолжали играть даже в жаркий месяц. Я прямо из больницы пошла в театр. Но операция оказалась не вполне удачной. Это тоже было следствием параграфа 218. Мне пришлось провести в больнице еще много недель. Врачи вошли в мое положение. Я боялась потерять место в театре. С директором шутки были плохи. Однажды я попросила аванс. Он посмотрел на меня так, будто я свалилась с лупы. Я молча ушла.

Дети покидают гетто

Театральный сезон вновь открылся в сентябре, «Бронкс экспресс» снова колесил. Уже не было у нас репетиций. И у меня оставалось много свободного времени. Вокруг росла и росла безработица. Наша партия выпустила новые листовки. Я взяла несколько пачек и отправилась к универмагам «Тиц» на Алексе и «Вертхейн» на Розенталерштрассе. Стояла перед входом и раздавала их. Это было недалеко от гетто. Конечно, я пошла туда. Должна же была я посмотреть, что там происходит.

К отцу я не заглянула. Не хотела бередить раны. Спорить было бесполезно. Но я поддерживала постоянный контакт с моей сестрой Зуро. Она собиралась идти по моим следам. В семнадцать лет стала членом Коммунистического союза молодежи. Мы часто встречались у меня или на улице. Конечно, отцу причинило боль, что я была рядом и обошла его дом стороной. Но я не могла иначе. В гетто было уже много молодежи, стремившейся вырваться из его стен, но не знавшей, как и куда деваться. Им нужно было помочь. Я для них делала все, что могла. Я знала, что обе молоденькие, умные, красивые дочки прежнего моего парикмахера изо всех сил стремились покинуть это болото. Хотели работать, получить профессию. Но отец держал их, как клещами. В разговорах со мной этот человек казался

прогрессивным, дружелюбно настроенным по отношению к коммунистам. Мы часто беседовали о политике. Он уже не соблюдал правил ритуала, по отношению к женщинам тоже. Он был вдовцом. Но как только речь заходила о его дочерях, он показывал свое истинное лицо? реакционера и лицемера.

Я подружилась с обеими девушками. Отец запретил мне переступать порог его дома. Мы встречались у меня или в парке. Я помогала им, поддерживала их до тех пор, пока они не смогли покинуть гетто. Только они ушли из дома, отец появился у меня и стал угрожать полицией, если его дочери в течение недели не вернутся домой. Они не вернулись. Он не пошел в полицию.

У Мали, старшей из девушек, оказались актерские способности. Я привела ее к моему учителю. Он тут же принял ее в свою актерскую школу. Не спрашивал о гонораре, да и не получал его. Мали эмигрировала в 1933 году в Советский Союз, играла в Москве во всемирно известном еврейском театре. Вышла замуж за режиссера, переехала. с ним на Дальний Восток, когда он стал там руководить, театром.

Вторая, Фанни, полностью переключилась на политическую работу. Она стала функционером Коммунистического союза молодежи. Позже Мали часто навещала меня в Москве, когда я там жила. Фанни я увидела снова осенью 1932 года в Берлине. Мы сидели в ее кабинете в доме ЦК партии. Она? на уголке письменного стола, я? в кресле. Рассказывала о своей жизни, которая была одна борьба. Ее зеленоватые глаза блестели, она была счастлива.

Еще одно дитя гетто оказалось на моем пути. О его существовании я еще ничего не знала. С шестнадцатилетней Элли Шлиссер я познакомилась, когда она пришла ко мне. Она жила немного в стороне от гетто. Ее родители не были такими фанатичными и позволили дочке закончить реальное училище. Но учиться дальше не разрешали. Элли должна была выйти замуж, и все. Родители уже искали жениха, конечно с помощью свата. И вот эта перспектива побудила Элли прийти ко мне.

О да, я была «знаменитостью» в гетто: коммунистка. Актриса. «Совратительница» детей. Недоставало только, чтобы они меня называли «детоубийцей». Имя мое превратилось в бранное слово. «Вот посмотри? вторая Мишкет»,? говорили старики, когда дети пытались воспротивиться ортодоксальной косности. Элли стремилась как можно скорее уйти из дому. Она тоже мечтала стать актрисой. Была одержима этой мыслью. Я представила ее Александру Гранаху, попросила проверить, есть у нее талант или нет. Вывод был таков: она не рождена для сцены. Ей недоставало способности перевоплощения, без которой не может быть

актрисы. К тому же она была плохо сложена? маленькая, кругленькая, с пышной грудью. Другие актеры были того же мнения. Но все они заметили и то, что у этой своенравной девушки есть незаурядные духовные способности, черты подлинной личности.

Элли смогла бы собственными силами изменить свою жизнь. Только это стоило бы ей много времени и нервов. Она пришла ко мне, зная, что у меня уже есть некоторый опыт. Я помогла ей уехать в Гамбург. Она не хотела оставаться в Берлине, боялась? и не без оснований,? что родители вернут се домой силой. Я ей нашла приют у товарищей по партии. Она занималась случайной работой, чтобы заработать себе на жизнь. В свободное время изучала марксистскую литературу. Она просто глотала эти книги. А память была феноменальная.

Все было бы хорошо, если бы Элли не оставила дома свой дневник. В нем она записала все: свои думы, мечты, свои мысли о побеге, встречи с Гранахом, со мной.

Родители ее достали мой адрес. В один прекрасный день они постучали в мою дверь. Я их впустила, была вежлива, попросила присесть. Они отказались. С угрюмыми лицами стояли они передо мной и повторяли одно и то же: «Где наша дочь? Говорите! Или мы идем в полицию!» Я попыталась их успокоить, рассказывала им всякие басни, чтобы выиграть время и уведомить Элли. Сказала, что их любимая дочь находится на пути в «обетованную землю». Вскоре они получат от нее весть.

Но они не дали себя обмануть и отправились в полицию. Та объявила розыск, нашла Элли и доставила ее назад в Берлин. В полицей-президиуме ею занялась чиновница, ведавшая надзором за проститутками, но увидела, что имеет дело с невинной девушкой. На это у нее хватило ума. Больше того, она распознала незаурядные способности девушки. Помогла ей поступить в университет и получить стипендию. И поскольку Элли отказывалась вернуться к родителям, устроила ей жилье. Но когда эта дама через несколько месяцев? кстати, от самой Элли? узнала, что та коммунистка, все кончилось. И стипендия, и жилье. Эта дама была социал-демократкой.

С тех пор Элли жила на пособие по безработице. Свою мечту о профессии артистки она не оставила. Каждый вечер стояла она перед окнами пивной, в которой Максим Валентин репетировал со своей рабочей труппой «Красный рупор». Горящими глазами она следила за репетициями. Так продолжалось до тех пор, пока худрук не пригласил ее войти и присоединиться к труппе. Так Элли Шлиссер все же достигла своей цели. Она вскоре стала одним из самых деятельных членов этого коллектива, правой

рукой руководителя. Она писала тексты, она играла, пела, танцевала, организовывала выступления на рабочих собраниях. Она была душой этой агитационной труппы партии. После прихода Гитлера к власти «Красный рупор» еще работал несколько месяцев. А затем большинству участников пришлось эмигрировать.

Затем она попала во Францию. Получила поручение партии поехать в Чехословакию, чтобы вести антифашистскую работу в театральном мире, и там сразу же включилась в нелегальную партийную работу. Перед тем как нацисты оккупировали Францию, она имела возможность эмигрировать в США. Виза и билет на пароход уже были на руках. Но она осталась. Не хотела оказаться трусихой. Лучше испытать все, уговаривала она себя. При встрече с партийными товарищами она сказала им с горькой иронией: «В следующий раз мы увидимся в Майданеке. Или Освенциме».

Вскоре она попала в руки гестапо и действительно оказалась в концлагере Освенцим. В лагере она выдавала себя за француженку и вела там большую политическую работу. Когда к Освенциму подходила Красная Армия, а «тысячелетний рейх» находился в агонии, фашистские убийцы погнали обессилевших от голода узников по шоссе в Дрезден. Тех, кто не мог идти, кто падал на землю, расстреливали. Элли поддерживала ослабевших, тащила их на себе. Многим она помогла добраться до Дрездена.

Сразу же после освобождения она вместе с членом ЦК Германом Матерном организовала первый антифашистский митинг в городе. На митинге ее настиг инсульт. Ее доставили в больницу. Ад Освенцима она перенесла, а счастье свободы ? нет. У нее появилась мания преследования. В больнице она подожгла свою кровать, чтобы покончить с жизнью. Умерла она мучительной смертью, со словами «Все свершилось».

История нашей борьбы против фашистского варварства богата героями. Подлинными героями. Среди них был и Рубен Розенфельд, тихий, скромный юноша из берлинского гетто. Он жил очень бедно. Вечно в лохмотьях. Всегда был полон любопытства и любознательности. Когда бы ни увидел меня на демонстрации, он всегда подбегал ко мне. Ему было четырнадцать лет, мне? семнадцать. Он маршировал со мной в одной шеренге. Хотел быть полноправным участником демонстрации. Всегда спрашивал, где проводится какое мероприятие компартии. Он отправлялся в путь, даже если это было очень далеко. Шел пешком. Денег на транспорт у него не было.

Еще подростком Рубен покинул родительский дом. Его отец

тоже был фанатиком. Хотел заставить его быть себе подобным. Трудовую жизнь Рубен начал пятнадцати лет чернорабочим на фабрике жести. Потом работал на стройке. Везде его использовали на побегушках, платили мало, ничему не учили. А он хотел освоить профессию. Наконец удалось получить место ученика в одной еврейской портняжной мастерской. Так он стал портным.

Его непреоборимо тянуло в рабочее движение. Семнадцати лет он стал членом Коммунистического Союза молодежи, девятнадцати? Коммунистической партии Германии. Все его свободное время принадлежало партии. Он был руководителем ячейки и инструктором на предприятии. Было у него много друзей, но не было подруги. Мне казалось, что Рубен страдал комплексом неполноценности. Он был очень сдержан по отношению к девушкам. Видимо, его смущало то, что он был некрасив, с больными глазами. Но парнем был умным, добродушным.

В 1933 году он оказался среди тех, кто отдавал все силы делу народа, кого фашисты преследовали, за кем они охотились. Уже в сентябре этого года он оказался в застенках гестапо и прошел через весь этот ад. При аресте штурмовики в его доме нашли записку, в которой были указаны место и время встречи с одним товарищем из подпольного окружного комитета партии. Нацисты привели его на это место. Находилось оно на Кайзер-Вильгельм-штрассе. Надо было перейти дорогу. В этот момент Рубен бросился под автомобиль. Он хотел отдать свою жизнь, чтобы спасти жизнь товарища. Таким был Рубен Розенфельд, простой коммунист, один из тысяч героев. Изувеченным его привезли в больницу и кое-как наложили швы. Но гестапо не удалось выдавить из него ни слова. Поскольку у него был польский паспорт, ему удалось через полгода выписаться из больницы.

Партия помогла ему бежать. Его привезли в Крым. Советские врачи сделали все, чтобы его спасти. Раны зажили, но он остался калекой. Рубен нашел в Москве свое счастье. Чудесная женщина стала его подругой жизни. Она подарила ему сына. Можно себе представить, какой это был счастливый отец! В конце пятидесятых годов я встретилась с ним в его берлинской квартире. Я была глубоко потрясена. Передо мной стоял страшный калека. Его спина была настолько согнута, что голова почти касалась пола. Но он был полон жизни и деятелен, как когда-то. В его квартиру все время приходили люди.

Нас постоянно прерывали. Приходили посоветоваться товарищи из территориальной партийной группы, из Национального фронта. В это время я беседовала с его женой.

Родилась она на Украине, в Шепетовке. Умная женщина с приятной внешностью. По профессии? воспитательница детского сада. Теперь она отдает все время и силы мужу. Самоотверженно ухаживает за двумя мужчинами? взрослым и юношей. И с материнской теплотой относится к каждому, кто приходит в этот дом. В этот по-русски гостеприимный дом. Счастливая семья у Рубена, наполненная жизнь. Но его подорванное здоровье недолго выдерживало нагрузку, которую он на себя взвалил. В шестидесятых годах он умер.

Диалог перед театром

«Бронкс экспресс» продолжал свой путь. Уже целый год. Мы репетировали новую пьесу. Детектив. «Процесс Мэри Дуган». Ставил ее снова Гейнц Хильперт. На этот раз в Берлинском театре. Мне на год продлили договор.

Говорили, что Хильперт ставит пьесу по методу Станиславского. Так ли это было, не знаю. Во втором случае играли без занавеса, действие продолжалось и в антрактах, как интермедии. Место действия пьесы? зал суда. В интермедиях две уборщицы обсуждали ход процесса. Они смеялись над странными людьми, которых видели в зале. Все это без слов. Пантомима. Одну из уборщиц играла я. Мое имя, правда, стояло на афише, по мои друзья, смотревшие спектакль, не видели меня, ведь я играла только в антрактах. Они удивлялись и спрашивали меня после спектакля:

«Где же ты была? Мы тебя не видели».

«Зато я играла по методу Станиславского»,? смеялась я.

«Ах вот как!»

Они были разочарованы. Я? тем более.

Кстати, замечу, что этим спектаклем начала свою головокружительную карьеру актриса Сибилла Шмиц. После премьеры заболела исполнительница главной роли. Спектакль шел с аншлагом, давал хорошие сборы, снять его было невозможно. Такие вещи обычно шли год-два, вечер за вечером. Стали искать актрису, которая смогла бы войти в спектакль без особой подготовки. Шмиц играла в нем эпизодическую роль. Как я. У нас была одна и та же артистическая уборная. В один прекрасный день Хильперт зашел к нам, взял ее за руку и повел на сцену.

«Вот вам текст! Начните. Вы созданы для этой роли».

И он не ошибся! За два дня она выучила текст и после двух репетиций великолепно сыграла эту роль!

Однажды после спектакля я заметила две мрачные фигуры, слонявшиеся у актерского входа. Они подошли ко мне. Когда они оказались рядом, я узнала их. Это были два двоюродных брата из

двух дюжин, имевшихся у меня. Я не могла удержаться от смеха, когда разглядела, как они нарядились. Будто персонажи какого-то водевиля. Один из них торговал старьем. Наверное, они брали туалеты оттуда. Специально для этого «бенефиса». Смокинги были номера на два больше, котелки сидели на затылке, галстуки? чуть ли не у плеча. У каждого? трость, которой то один, то другой стучал по асфальту. От смущения? Или чтобы меня напугать? Аллах ведает!

Начали разговор они весьма агрессивно. Тот, что был постарше, лет тридцати пяти, с лысиной? плодом изучения Талмуда в плохо проветриваемом помещении,? заговорил первым. Очевидно, ему это доставляло удовольствие. Может, его вдохновил спектакль? Все же впервые в театре. Но он, конечно, не признался бы в этом даже самому себе, ибо и это было греховно. И вот между моим кузеном и мной завязался следующий диалог.

«Как я вижу, ты хочешь во что бы то ни стало погубить своего отца? да проживет он сто двадцать лет! Может, объяснишь мне, почему ты это делаешь?»

«Нет, ничего объяснять не стану. Отца я губить не хочу. Да проживет он до ста пятидесяти лет! Но, может, ты объяснишь мне, что я такого сделала?»

«У тебя еще хватает нахальства спрашивать? Афиши, те, на которых стоит твое имя,? зачем ты расклеила их на Гренадирштрассе? Ты думаешь, что весь свет должен узнать, что ты, дочь раввина Пинхуса-Элиэзера, стала актрисой? Экое дело! Подумаешь!»

«Я не расклеивала афиш. Это не от меня зависит».

«Ах так! Не от тебя! От кого же тогда?»

«Не знаю».

«Не знаешь? Хорошо. И изменить свое имя ты тоже не можешь?»

«Могу, но не хочу».

«Ага! Не хочешь! А почему, если можно спросить?»

«Оставим этот разговор. Вы были в театре?»

«Почему бы и нет? А где нам еще быть? Заплатили же мы».

«Вам, наверное, понравилось? Или нет?»

«Понравилось-то понравилось. Веселенькая история. Баба убивает мужа. Хе-хе! Ой, горе мне, я смеюсь. Бог покарает меня».

Мне надоела эта комедия, я прервала его:

«Извините, я после работы, устала, должна идти. Спокойной ночи! И приходите в театр почаще. Может, это вас кое-чему научит».

Они прокричали мне вслед:

«Прийти-то придем! Можешь не сомневаться. С тухлыми

яйцами! Если афиши не уберешь!»

Они не пришли и не бросали в меня тухлыми яйцами. Хвастуны. Плакаты убрали. Началось лето и театры закрылись.

Саша и Яша

Начался мой второй отпуск. Не только в театре, вообще в жизни. Я еще никогда не уезжала, никогда не покидала Берлин. А на какие деньги? И куда? Уже целый год мечтала я о том, чтобы побывать в стране, где хозяевами являются рабочие и крестьяне. Это с тех пор, как я побывала на митинге рабочей делегации, возвратившейся из Советской страны. Их рассказ произвел на меня такое впечатление, что мне тут же захотелось пуститься в путь. Но пока что это оставалось мечтой. Однако немного позже я познакомилась с советскими людьми. В Берлин приехала целая группа. Двенадцать спортсменов. Они участвовали в соревнованиях с командой теннисистов рабочего спортивного союза «Фихте». Такие спортивные праздники «Фихте» проводил часто.

Один деятель из окружного руководства попросил меня немного позаботиться о них. Немножко? Я опекала их с раннего утра до поздней ночи. А иногда и все двадцать четыре часа. Было так много приемов и встреч! Я просто не могла оторваться от этих замечательных ребят. Такая простота и сердечность! Я чувствовала себя как родственница, хотя не понимала их языка. Кое-как мы все же объяснялись. С двумя я подружилась особенно близко: с Сашей Косаревым, секретарем Центрального Комитета комсомола, и с Яшей, представителем комсомола Украины.

Саша был крупной личностью, хотя ему еще не исполнилось и двадцати пяти. Острота политического мышления сочеталась у него с прославленной широкой «русской душой». Его всегда окружали люди. Его замучили вопросами. Мы сразу все хотели узнать о Советском Союзе. Лето было очень жарким. Переводчики изнывали от жары, но он не уставал. Саша был веселым, великодушным, охотно шутил и смеялся.

Яша оказался вдумчивым, тихим человеком. Он едва говорил по-немецки, но тем красноречивее были его большие черные глаза. Он умел внимательно слушать. Со мной не расставался ни на минуту и терпеливо слушал, когда я ему что-нибудь объясняла. Я забыла его фамилию! А ведь я была влюблена в него. Ну, наверное, не так уж сильно. Часто я готовила для всей группы обед. Саша научил меня варить украинский борщ и кое-что другое. Замечательные четыре недели я провела с этими темпераментными, добросердечными людьми из Советского Союза. Саша и Яша оставили мне свои адреса.

Большое путешествие

Второй мой отпуск я непременно хотела провести в Советском Союзе. Набравшись мужества, я пошла к советскому журналисту Хашину, с которым я познакомилась в клубе. Он был корреспондентом «Известий». Хорошо говорил по-немецки. В клубе он часто выступал с докладами о Советском Союзе. Хашин был удивлен моим появлением, но принял меня по-дружески. Я попросила его дать мне совет. «Нет ничего проще,? сказал он в своей любезной манере.? Ты пойдешь в советское посольство. Хорошо было бы, если бы кто-то из ЦК партии похлопотал за тебя. Тебе быстрее дадут визу. А я помогу тебе найти, где остановиться. У моих родственников. Дам тебе письмо к ним». Вот и все. Он спешил. Ему надо было поехать за женой в советское торгпредство. Он предложил мне присоединиться к ним. Втроем мы там пообедали.

Я не знаю, как пришла мне в голову мысль обратиться к нашему депутату рейхстага, члену ЦК Оттомару Гешке. Может быть, потому, что я о нем часто слышала, о его простоте и готовности помочь. А может, потому, что рейхстаг был в двух шагах от торгпредства. Как бы то ни было, я вскоре очутилась в его кабинете. Изложила я ему свою просьбу. Слушал он мои тирады, не прерывая меня. Все время улыбался. Когда я закончила, он сказал: «Ну что ж, пойдем. Посольство рядом». Как маленькая девочка, семенила я рядом с этим большим человеком.

Консул принял нас очень любезно. Обещал мне за несколько дней дать визу. Но сначала мне надо было получить паспорт. А для этого требовалась подпись отца. Как преодолеть это препятствие? С того дня, как умерла мать, я не переступала порог родительского дома. Мне казалось, что меня вычеркнули там из памяти.

Я собралась с духом и позвонила отцу. К моему большому удивлению, он был очень рад. И еще больше удивило меня, когда он тут же согласился дать подпись. Что случилось с моим отцом? Осознал ли он свое поведение? Вряд ли. Скорее, это было раскаяние, страх потерять всех своих детей. Он только просил провести с ним субботний праздник. В понедельник он пойдет со мной в паспортный стол. Его голос звучал так печально, что я не могла отказать ему.

В пятницу вечером, к началу субботнего праздника, я пришла перед тем, как он возвратился из синагоги. Мне хотелось поговорить с моей сестрой Зуре. Мы поддерживали постоянный контакт. Прежде всего в политическом отношении. Вместе выступали в рабочем театре. В то время ставилась революционная пьеса Берты Ласк. Я играла «революцию». Если у меня вечер был занят, Зуре заменяла меня. Одной ногой она уже стояла за

порогом родительского дома. Вскоре подтянула вторую. Когда приобрела профессию машинистки. Научиться печатать на машинке было самым простым и скорым делом.

На сей раз отец пришел из синагоги не таким самоуверенным и отреченным от мира сего, как прежде, но все еще с ног до головы патриарх. Все свершалось по обычаю и ритуалу. Сам он приготовил еду, между прочим очень вкусную. Он старался изо всех сил. Он был счастлив, что его любимая дочь была около него. Весь вечер он не отпускал меня. Попросил не уезжать, пока не кончится праздник. Я охотно осталась. После такого обеда мне было трудно сделать шаг. Поведение моего отца потрясло меня. Я не могла заснуть. То одно, то другое приходило в голову. Мысли о прошлом, о будущем. Мысли о моем положении в театре Рейнгардта. Когда же я наконец получу роль, которая может удовлетворить и меня, и зрителя. Стоило ли, столько страдать и переживать?!

Иди в рейхстаг

В субботу утром я, воспользовавшись отсутствием отца, позвонила по телефону. Кстати, шнур телефона все еще был закручен вокруг столика, как и прежде. Я позвонила режиссеру Эрвину Пискатору. Полгода назад он открыл свой «Театр на Ноллендорфплац». Это был в политическом отношении левый, в художественном? первоклассный театр. Пискатор собрал прогрессивных артистов, в том числе и многих членов партии. Я познакомилась с ним у Александра Гранаха, который, разумеется, входил в труппу этого театра. Я попросила Пискатора о встрече. Он назначил мне следующий вторник. Я решила показать ему отрывки из двух ролей: Хедвиг из «Дикой утки» Ибсена и Марию из «Марии Магдалины» Геббеля, а затем почитать стихи, если он попросит. Я была очень взволнована.

Отец и Янкель возвратились из синагоги. Был жаркий летний день. В теплой печке скисла еда, но зато я не скисла. Я расхваливала поварское искусство отца, чтобы его обрадовать.

После обеда отец лег, как обычно в субботу, вздремнуть. Затем пришел его верный служка. «Шолом алейхем»,? приветствовал он нас.

«Алейхем шолом»,? ответили мы хором.

«Как дела? Что нового в мире?»? стал расспрашивать меня философ и шутник Зальмен. Он был искренне рад вновь видеть меня и подмигивал мне, как будто хотел сказать: «как я тебя понимаю, девочка». А я про себя думала: был бы ты помоложе, тебе тоже захотелось бы покинуть это болото, учиться, получить профессию. Я рассказала ему о безработице здесь, у нас, и во всем капиталистическом мире. Пыталась ему объяснить, что такое

эксплуатация и классовая борьба.

Зальмен выслушал меня внимательно. Только время, от времени переспрашивал: «Так ли это?»

Мой отец потерял терпение.

«Ах, замолчи уж! У нас и так раскалывается голова. Мы тоже кое-что понимаем в мировой политике. Всегда были богатые, всегда были бедные. В этом ничего не изменишь. Зато все мы равны перед богом».

«Отец, ты все сваливаешь на бога. Оглянись-ка вокруг, что на земле происходит. Вот вы оба, например. Вы работаете двенадцать? четырнадцать часов в день. А что вы имеете? Дырявые башмаки, заплаты на кафтане и седые волосы на голове? Одна забота? как накормить ребятишек. А как живет Крамер, этот толстопузый, который, напротив, целый день не ударит палец о палец? И те, другие, которые, накопив деньжат, уехали отсюда, чтобы еще больше иметь. Что ты об этом скажешь?»

Отец пришел в ярость. «Не учи меня!» Он хорошо знал, что я была права. Я заметила это. Но сознаться он не хотел, тем более перед дочерью. Я только сказала: «А ты еще считаешь себя справедливым человеком!»

Зальмен, хитрец, попытался переменить тему.

«Знаешь что! Я расскажу тебе анекдот. Вы тоже его, еще не знаете, реб Пивхус-Элиэзер. Так вот.

Как-то я посетил местечко, в котором родился. Решил сшить у знакомого портного брюки. Но к моему отъезду брюки не были готовы, и мне пришлось уехать без новых брюк. А что мне еще оставалось делать? Сидеть и ждать у моря погоды?

Так получилось, что попал я снова в это местечко только через семь лет. Прихожу к портному. Он выносит мне брюки, прекрасно сшитые. Ничего не скажешь. Я ему говорю: «Бог сотворил мир за семь дней, а вам для брюк понадобилось семь лет». Портной нежно погладил брюки и сказал: «Взгляните-ка вы на эти брюки и взгляните на мир!»

Отец, однако, не мог успокоиться. Он повернулся ко мне спиной и завел разговор со своим служкой. Ему надо было обсудить с ним «важные, волнующие мир» вопросы. Я ушла.

Утром в понедельник я заехала за отцом. Молча отправились мы к консульству. Молча подписал он формуляр. Служащий консульства выдал мне паспорт, бросил взгляд на моего отца, на меня и спросил: «Вы актриса?» Я почувствовала, что даже вопрос этот причинил боль отцу. Я отвезла его домой, и мы расстались. Он был очень печален. Да и я тоже. В назначенный час во вторник я доложила о себе секретарше Пискатора. Она провела меня за кулисы. Пискатор уже сидел в зрительном зале. Александр Гранах

и кое-кто из других актеров тоже там были. Наверное, в тот день уже выслушали и других новичков. Я пошла на сцену, ужасно волнуясь. Вместо того чтобы показать разученные роли, я стала декламировать «Силезских ткачей» Гейне. И? провалилась. Я это сама почувствовала. Из вежливости Пискатор выслушал мое рычание до конца и произнес затем хорошо известные каждому неудачливому дебютанту слова: «Большое спасибо. Мы сообщим вам о нашем решении». Ах, если бы я никогда не узнала об этом решении! Оно доконало меня.

Через несколько дней я встретила Пискатора у Александра Гранаха. Он был очень мил со мной и сказал: «Товарищ Мишкет, хочу дать тебе хороший совет. Иди-ка ты в рейхстаг. Там ты больше на месте. Я говорю тебе это серьезно».

Я не сердилась на него. Я знала, что провалилась. Тем не менее я ответила ему с вызовом: «Великая актриса Элизабет Бергнер, говорят, тоже провалилась на первой пробе. Ей посоветовали стать кухаркой. Так что у меня еще есть шансы».

Когда Пискатор ушел, я спросила у Гранаха: «Неужели у меня получилось так плохо?»

«Да, неважно,? сказал он тихо. И, чтобы меня утешить, добавил:? А вообще-то ему нужны мужчины, женщин у него больше, чем нужно. Тебе бы следовало позвонить ему раньше. Может, тогда бы он с тобой и занялся серьезней. А я думал, что ты хочешь остаться у Рейнгардта».

Я притворилась, что провал меня не очень огорчил. Но на самом деле меня это мучило. Я стала сомневаться в своих актерских данных, задумываться, не бросить ли мне театр. Если я не могу работать в театре, который понимает искусство как средство, изменяющее мир, тогда же зачем все это? Эта мысль мучила меня и днем и ночью. Но потом пришло спасение: желанное путешествие.

II
О, этот момент!

Советский консул сдержал слово. Через неделю у меня была виза. Больших приготовлений не требовалось, но проводы были пышными. Даже когда я уже села в поезд, мне все еще не верилось, что я еду в Советский Союз. В жизни бывают моменты, которые остаются в памяти и через годы, и десятилетия. Как будто это было вчера, я вижу перед собой первого красноармейца на границе, слышу слова «товарищ», «пожалуйста, ваш паспорт». Я не в состоянии была что-либо ответить. Только широко улыбнулась ему и подала свой паспорт.

В Москву я приехала ранним утром. Солнце приветствовало меня. Я стояла со своим чемоданчиком у Белорусского вокзала и размышляла, куда податься. В кармане у меня ни копейки, в запасе ни одного русского слова. Зато адреса. В Москве достаточно было одного из них, и двери отворились.

На вокзальной площади стояло много извозчиков. Я подозвала одного из них и поехала к родственникам Хашина. Письмо я держала в руке. На счастье, они еще не ушли на работу. Меня приняли очень приветливо. Хозяйка, товарищ Синельникова, пошла вниз и расплатилась с кучером, который терпеливо ждал, пока наверху мы обнимались и целовались. Синельниковы, служившие в каком-то учреждении, были простыми и доброжелательными людьми. У них была отдельная квартира из двух маленьких комнат, кухни и огромного коридора.

О русском гостеприимстве вряд ли нужно здесь говорить. О нем сложили песни и рассказывают легенды. И тем не менее снова и снова поражаешься, как естественно, как сердечно там принимают гостей. Даже немецкая черствость не может устоять перед этим. Я спала в гостиной Синельниковых на высокой раскладушке, завтракала и обедала вместе с ними. Только от ужина они освободили меня.

Прежде всего, я отправилась, конечно, на Красную площадь, которая тогда еще была покрыта деревянными торцами. Второй визит нанесла Московскому Художественному театру, основанному Станиславским и Немировичем-Данченко. Я посмотрела там «Бронепоезд 14-69». Великолепная постановка! С лучшими актерами, которые были в Советском Союзе! Это один из тех знаменитых спектаклей, которые десятилетиями остаются в репертуаре и собирают полные залы. Из всех моих театральных впечатлений это было самым сильным. Аплодисментам не было

конца. А меня потянуло за кулисы. Мне хотелось поблагодарить за эту уникальную постановку. Сказать свое спасибо актеру, который произвел на меня наибольшее впечатление, хотя играл он эпизодическую роль. Это был Баталов, великолепно сыгравший китайского рабочего.

Мои хозяева охотно опекали бы меня и по воскресеньям, но я не хотела отнимать у них свободный день. Я повсюду ходила одна и не испытывала ни малейших трудностей. Люди на улице, которых я расспрашивала, охотно мне помогали. Они были иногда настолько любезны, что я не знала, куда деваться.

Однажды я спросила какого-то молодого человека, как пройти на такую-то улицу. Он проводил меня до квартиры людей, с которыми я сама еще не была знакома. Мне надо было отдать им подарок из Берлина. Молодой человек нажал на кнопку звонка и хотел со мной распрощаться, но открылась дверь, и нас обоих пригласили войти. Он тактично ушел, я осталась. Меня угостили чаем. Я призналась моим хозяевам, что тот, кто со мной пришел, был мне совершенно незнаком. «Ну и что же?»? спросили они.

Чужие люди провожали меня до трамвая, садились вместе со мной и объясняли кондукторше, куда мне надо ехать, потом спрыгивали на ходу и махали мне вслед. Иной раз целыми днями я пропадала у чужих людей.

У мастера советского киноискусства Григория Рошаля и его жены Веры Строевой мне пришлось провести два дня. Оба были известными кинематографистами. Он работал в художественном, она? в документальном кино. Григорий Рошаль был замечательным рассказчиком. От него я узнала в те дни столько о Советском Союзе, как будто я изъездила его вдоль и поперек. Вера Строева рассказывала о своих замыслах, о фильме, который она снимала. Название я забыла. Оба излучали такое человеческое тепло, что оно могло бы растопить даже снежного человека.

Куда бы я ни приходила, двери открывались и, как правило, сердца тоже. Это не было моей заслугой. Такие люди, такая атмосфера. Я словно грезила. Мне хотелось спеть, изречь, как Фауст: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Нет, мне хотелось просто сказать, какой прекрасной может быть жизнь, если мир вокруг тебя человечен.

В центре Москвы, на улице Горького, находился еврейский ресторан, где можно было хорошо и дешево поесть. Там я иногда обедала. Как-то я спросила молодого человека, усевшегося за мой стол, где здесь находится Дом литераторов. Оказалось, вблизи. Он проводил меня и пригласил в ресторан. Заказал он самое лучшее: икру, цыплят табака, вино. Много ел, пил. Мы отлично

побеседовали. Он говорил на идиш, утверждал, что пишет стихи. Я никогда не слышала его имени. Но могу удостоверить, что фантазии у него было уйма. Когда мы поели и попили, причем главным образом он, молодой человек поднялся, извинился, вышел и? не вернулся. Платить пришлось мне. Денег у меня не хватило, я оставила залог.

На следующий день у меня было свидание с Сашей Косаревым. Посетила я его в Центральном Комитете комсомола. Несмотря на официальность обстановки, мы радовались нашей встрече, как дети. Вновь и вновь мы хлопали друг друга по плечу и спрашивали: «Ну как дела?» Больше я по-русски не понимала. Мы много смеялись. Я сидела и наблюдала, как он обходится с людьми. Это было одно удовольствие. Когда я уходила, Саша спросил меня: «Деньги нужны?» Сказать «нет» я не смогла. Лгать не умею. Он сунул мне в карман сторублевую бумажку. Так я смогла заплатить долг в ресторане да еще осталось на жизнь.

Моя подруга Эмма

Но самое главное еще было впереди. Из Берлина в отпуск приехал советский журналист Хашин с супругой. Они провели в Москве только несколько дней, а затем отправились в отпуск на Кавказ. Но они познакомили меня с очаровательной молодой женщиной, которая должна была стать моей спутницей и переводчицей. Она стала моей самой близкой подругой. На всю жизнь.

«Познакомьтесь, пожалуйста, Эмма Вольф, журналистка „Известий“,? представил ее Хашин. Я не думала тогда, что эта маленькая, худенькая молодая женщина через несколько лет станет одной из легендарных женщин в Советском Союзе. В то время она была еще беспартийная. Была она и очень серьезной, и очень веселой. Ничто человеческое не было ей чуждо.

Эмма Вольф говорила на многих языках, на испанском тоже. Когда фашисты подняли мятеж в Испании, она отправилась туда. Добровольцем. У нее было чутье на то, где она больше всего нужна. За храбрость она одной из первых женщин получила орден Красной Звезды. Север Испании был уже занят фашистами, когда Эмма Вольф покинула его на подводной лодке. Не без осложнений. «Женщина на лодке? Ни за что,? сказали матросы.? Это приносит несчастье». Капитан, югослав, уговаривал их: «Ребята, это же советская женщина! Наоборот. Она принесет нам счастье». И вот два матроса подняли ее на руки и опустили в люк лодки. Эта лодка подверглась фашистской атаке, но осталась невредимой. После удачной высадки матросы действительно поверили, что Эмма принесла им счастье. В знак благодарности они подарили ей свои талисманы. И один, у которого ничего

другого не оказалось, передал ей маленькое знамя Испанской республики. Она хранила это знамя как самый дорогой подарок. Вернувшись из Испании, она вступила в Коммунистическую партию Советского Союза.

Когда на ее родину напали фашисты, она поступила так, как должна поступать коммунистка. Встала на защиту. Годы войны она провела на фронте как политработник. Обычно в окопах, там, где особенно нужна чуткость. Она пролетала на бреющем полете над позициями врага. С помощью громкоговорителя призывала немецких солдат опомниться, понять, что они люди, и покончить с этой преступной войной.

Кто видел эту маленькую нежную женщину, едва ли мог себе все это представить. Несмотря на хорошо сшитую гимнастерку капитана Советской Армии и многие ордена. Такова моя подруга Эмма. Я очень ее люблю и горжусь ею. Когда мы познакомились, она уделяла мне много времени. У нее был продолжительный отпуск, чтобы побыть с трехлетним сынишкой. Устроить в садик тогда было делом нелегким. Она только что разошлась с мужем. Они просто не подходили друг другу. Оба оказались разумными людьми, расстались друзьями и сохранили дружбу до его смерти.

Раз в год?

Эмма водила меня по театрам и музеям, по оживленным улицам, переулкам и переулочкам. Все это было интересно, но мне непременно хотелось познакомиться с каким-нибудь социалистическим предприятием. Эмма выбрала такое, на котором работали по преимуществу женщины? шоколадную фабрику «Большевичка». Не по той, конечно, причине, что я была лакомкой.

И сегодня, почти через пятьдесят лет, я хорошо помню это посещение. Уже тогда было само собой разумеющимся, что на социалистическом предприятии проявляется забота о коллективе. В высоком качестве продукции этой фабрики я убедилась лично. В какой бы цех я ни заходила, всюду меня заставляли попробовать «Мишки», трюфели, торты, безе и много других сладких вещей. В конце концов мне стало не по себе.

Но больше всего мне понравилась свободная, непринужденная, дружественная атмосфера в цехах. Не было того противоречия между «теми, кто наверху», и «теми, кто внизу», которое я испытала в Берлине. Женщины занимали целый ряд руководящих постов. До сих пор помню черноволосую женщину-инженера, которая водила меня по цехам фабрики. Ей было около сорока. Держала себя просто, оживленно, немного самоуверенно и вместе с тем скромно. Я удивлялась: повсюду, куда мы приходили, женщины ей улыбались. Потом я поняла почему.

Потому что она сама любила людей. Вот и женщины любили ее. Я чувствовала это по тому, как ее приветствовали, по улыбкам, по сердечным взглядам. Женщины подходили к ней со своими проблемами, к другим она подходила сама, чтобы расспросить их. Причем во всем этом не было ни малейшей рутины, ни малейшего самодовольства. Это была подлинная забота о человеке. И конечно, о производстве.

Мне понравилось, что она не пыталась втереть мне очки, скрыть трудности. Она рассказала, что мест в детских садах не хватает, не хватает и путевок, а за квартирами длинная очередь. Я увидела жизнь, какой она была, со всеми ее огромными достижениями и с ее немалыми трудностями. В то время новый общественный строй едва ли насчитывал пять лет. Ведь социалистическое строительство началось только в 1922 году, после гражданской войны. Я спросила эту женщину, не очень ли трудно работать, когда на фабрике почти нет мужчин. Она рассмеялась. Нет, ей достаточно ее трех мужчин дома.

«Там, где работают женщины, мужчины предпочитают сидеть сложа руки. Раз в год, Восьмого марта, вот тогда они великодушны! Они приносят цветы, накрывают на стол. Вот тогда они нас балуют»,? шутила она.

Я могла бы рассказать еще о многих женщинах-бригадиршах, мягких или энергичных, приветливых и неприветливых, неизменно прилежных, старательных, готовых оказать помощь. Теперь все это будни и у нас. Но тогда это было для меня так поразительно, что я себя чувствовала новорожденным ребенком, открывающим мир. У меня было очень хорошо на душе, когда я покинула эту фабрику.

Эмма Вольф была многосторонним человеком: политически грамотная, тонко понимающая искусство, умная, с юмором и очень контактная. Она часто устраивала вечеринки в своей тридцатиметровой комнате неподалеку от Третьяковской галереи. Там я познакомилась с самыми различными людьми. Но какими бы ни были они различными, их роднили простота и сердечность. Контакты завязывались быстро. Мы общались друг с другом, как будто были знакомы вечность. Конечно, играл свою роль и большой политический интерес к Германии. Во мне видели коммунистку. Меня удивляло, что люди здесь так часто встречаются и веселятся, ибо будни были еще довольно тяжелыми. Я видела, что советские граждане работают прилежно, как пчелы, как одержимые учатся, но также страстно любят петь и танцевать. Одна вечерника сменяла другую. Сегодня здесь, завтра там. Людей не смущало, что жили они тесно, что обстановка была примитивная. Никому это не мешало. Можно было прийти в гости

без предупреждения, даже поздно вечером. То, что было в доме, ставили на стол, даже если на завтрак ничего не оставалось. Повсюду сердечная теплота, чуткость друг к другу. Чем объяснялось это? Народным характером? И этим, конечно. Но главным образом новыми отношениями между людьми. Одно из самых прекрасных достижений социалистического общественного порядка. Много прекрасного я увидела.

Где бы я ни появлялась: в театрах, на предприятиях или в учреждениях, повсюду я чувствовала, что выше всего стоял человек, человек труда, все равно? коммунист или беспартийный, беспартийный большевик, как многие себя называли. Я вдыхала эту новую жизнь полной грудью. Это было время почина и атмосфера неповторимая. Никогда не изгладится она из памяти.

Было немало и забавного. Однажды мне позвонили глубокой ночью по телефону, чтобы научить меня, как сказать по-русски: «Я тебя люблю». Ох и чудак же, думала я про себя. Ты мог бы мне это сказать и днем.

На одной из вечеринок у Эммы Вольф, где встречались журналисты, писатели, люди театрального мира, мое внимание привлекли двое мужчин, очень элегантно одетых. Оба? один лет сорока, другой лет двадцати пяти? хорошо говорили по-немецки, были интересными и галантными соседями по столу. Они уделяли мне много внимания, один справа, другой слева. А я была вопреки своему обыкновению весьма сдержанной. Меня мучило любопытство, кем были эти мужчины. Уж не пережитком ли феодального общества? Я не выдержала и попросила мою подругу выйти на кухню.

Я сразу обрушилась на нее с упреками: «Неужели я приехала в Советский Союз, чтобы проводить здесь время с буржуями? Людей этого сорта мне предостаточно в Берлине».

Эмма чуть не лопнула со смеху. Ее ангорская кошка не выдержала, прыгнула ей на плечо и мурлыкала, пока Эмма не перестала смеяться. «Глупышка,? сказала Эмма,? знаешь, кто они? Чекисты. Коллеги моего бывшего мужа. Я хотела, чтобы ты познакомилась и с такими людьми, с учениками Дзержинского. А для них тоже было интересно познакомиться с немецкой коммунисткой и актрисой. Разве они тебе не понравились?»

«Конечно, понравились. Даже очень. Особенно тот, что постарше, блондин. Только зачем они так нарядились, будто шли на прием?» Я была так поражена, что у меня захватило дух.

Эмма, конечно, тут же им все рассказала. Мы все четверо от всей души смеялись над моим «заблуждением». Вечер получился интересный и приятный. Мы философствовали, спорили, шутили, смеялись и танцевали. До утра. Старший из чекистов был

хорошим танцором. Он знал об этом. Он вообще знал себе цену. Во всем. Но это не мешало ему оставаться милым человеком.

Последние гости ушли часа в четыре утра. От усталости Эмма и я присели, перед тем как лечь спать. Мы молчали. Эмма прервала молчание: «О чем ты думаешь? »

«Об этих чекистах. Я себе их совершенно по-иному представляла».

«А как?»

«Да никак. Я же не ломала голову над тем, как выглядят чекисты. Но интересно вот что: если бы они были недоступными, молчунами, угрюмыми, были бы старомодно одеты, меня бы это не удивило. Получилось все наоборот. Вижу, они разговорчивы, образованны, даже разносторонне образованны, особенно в области литературы. У них много юмора, они веселы, хорошо одеты и даже хорошо танцуют. Ясно, что меня это занимает».

«Скажи-ка честно, уж не влюбилась ли ты?»

«Тот, что постарше, мог бы мне понравиться, но ведь он женат».

«Откуда ты знаешь это?»

«Он сам сказал».

«А что он еще сказал? Я видела, что он что-то долго рассказывал. Скажи честно: назначил свидание?»

«Отнюдь нет. Хотел только показать, что русские хорошо знают наших немецких классиков. Он декламировал мне стихи Гейне. Ты можешь спать спокойно».

У Эммы я познакомилась с худруком и режиссером Московского еврейского театра Михоэлсом. Он был и великим актером. Замечательная личность! Маленький, щуплый и до такой степени уродливый, что это уже граничило с гениальностью. Михоэлс принадлежал к самым крупным деятелям советского театра, всемирно известным. Он был мыслителем. Глубоко проникал внутрь своих образов, приводил зрителя в смятение, заставлял его думать, была ли это трагедия поздно прозревшего короля Лира или раздвоенность добродушного Тевье-молочника или других трагикомичных фигур Шолом-Алейхема. У Михоэлса всегда было много чего сказать зрителю. И говорил он это страстно. После спектакля с Михоэлсом у меня всегда была потребность пойти домой пешком и одной.

Билеты в этот театр, как, впрочем, и во все другие, достать было трудно. Чтобы посмотреть Михоэлса в «Короле Лире», театральные деятели из других стран специально ехали в Москву. Этот театр был своего рода шедевром. Нигде в мире нельзя было столь полно познакомиться с еврейским фольклором. Танцы,

песни, костюмы, оформление сцены? все давало подлинное художественное наслаждение. Да и могло ли быть иначе, если режиссером и главным актером был Михоэлс, а декорации и костюмы создавали такие известные художники, как Марк Шагал и Роберт Фальк. Впрочем, им не уступал и штатный художник театра Александр Тышлер, очень талантливый и своеобразный. Правда, постановки этого театра по пьесам на современные темы, которые он оформлял, были значительно слабее.

Михоэлс был широко образованным человеком. Был он и увлекательным оратором. Говорил он без шпаргалки, с большим подъемом. Его можно было слушать часами. В годы Отечественной войны он вместе с Ильей Эренбургом совершил агитационную поездку по США. Своими зажигательными, убедительными речами и беседами они пробудили большую симпатию к Советской стране и ее борьбе против фашизма. Они пополнили фонд обороны взносами прогрессивных людей. Эренбург своими блестящими корреспонденциями с фронта, а Михоэлс своими не менее блестящими выступлениями в тылу внесли существенный вклад в победу над фашизмом. Михоэлс погиб в 1947 году в ужасной автомобильной катастрофе в Белорусской республике. Гражданская панихида состоялась в Еврейском театре. На ней побывало чуть ли не пол-Москвы. Люди прощались с этим крупным художником и человеком.

На третью неделю моего пребывания в Москве я совсем переехала к Эмме. Все равно мы с ней не расставались. Да и не хотелось мне злоупотреблять гостеприимством Синельниковых, которых я почти не видела.

Однажды в воскресенье мы вместе с сынишкой Эммы посетили детский спектакль в Театре Красной Армии. Мы сидели в ложе дирекции, почти на сцене. Это была эстрадная программа для детей от трех до шести лет. Наш трехлетний мальчишка оказался в театре впервые, и все, что происходило на сцене, производило на него огромное впечатление. Когда выступал артист в форме красноармейца, малыш закричал изо всех сил: «Да здравствует Красная Армия! Ура!» В зале раздался смех, танцор повернулся к нам спиной, чтобы не видели, как он хохочет. Наш Володя почувствовал себя в центре внимания и не мог успокоиться. Нам стоило немалого труда урезонить его.

Может, и он станет актером, думали мы. Он стал журналистом. В пятнадцать лет он писал стихи. Считалось, что у него есть талант. Володя мог бы служить примером того, как можно растратить на мелочи свои способности, даже в условиях социализма. Драгоценное время он расходовал на всякую чепуху. Многие годы работал он в редакции маленького журнальчика,

отнюдь не его профиля. Не хочу называть его, а то журналисты эти обидятся. Совсем неплохо, если работу свою ты считаешь самой важной и самой интересной. Лишь в зрелом возрасте Володя стал посерьезнее. Талант его пробудился снова, и теперь он пытается наверстать упущенное. Но ему уже за пятьдесят. Годы прошли не быстро. Для нас всех не быстро. Чего только не пережили мы в то время!

Тогда, в 1927 году, когда я впервые посетила Страну Советов, она только что приступила к строительству нового общества. Господи боже мой, какими прекрасными были отношения между людьми!

У беспризорных

Навсегда запомнилась мне поездка в колонию для малолетних преступников. Это была та самая колония имени Горького, о которой у нас знают по книге Макаренко и по. фильму «Путевка в жизнь». После гражданской войны таких колоний появилось немало. Их основывал соратник Ленина Феликс Дзержинский. Тот Дзержинский, который руководил ЧК. Он очень заботился об этих беспризорниках, этих осиротевших, заброшенных ребятах, оставленных в наследство империалистической и гражданской войнами. Он делал для них все, что было в человеческих силах. Его не зря называли «рыцарем революции».

Мои симпатичные «кавалеры»-чекисты помогли устроить эту поездку. Один из их коллег отвез туда Эмму и меня после работы в своем автомобиле. Мы приехали без предупреждения. Попали на заседание самоуправления. Молодые хлопцы разбирались с молодыми хлопцами. Или лучше сказать: бывшие преступники с новоиспеченными. Руководитель колонии, педагог лет сорока, сидел и только слушал. Он не вмешивался, не читал нравоучений. Суть дела была в том, что кое-кто из ребят, получив увольнительную в воскресенье, не очень деликатно обошелся с деревенскими красавицами. Им было шестнадцать лет, правилам галантного обхождения с прекрасным полом их никто не учил. Правда, в колонии они уже научились многому другому, но этому еще нет. Им намылили голову и на четыре недели лишили права на увольнительную. Им предстояло поучиться в четырех стенах колонии, как ухаживают за девушками.

Молодые ребята из самоуправления колонии хорошо и много говорили. Поэтому головомойка длилась до поздней ночи. Нас не отпустили домой. Мы должны были еще осматривать и то и это. Наш молчаливый спутник уехал. Ему ведь надо было на следующее утро на работу, а мы переночевали в колонии у одной из учительниц. Ничего не поделаешь, так многое хотелось узнать.

Следующим утром, совсем спозаранку, мы осмотрели мастерские, конечно только технику. Ее было слишком много, а я ничего в этом не понимала. Но какие ребята! Их увлеченность работой, их радостное состояние! Они излучали столько жизнерадостности, что было наслаждением заглядывать в их сияющие глаза! «Хорошо? »? спросила я по-русски. И услышала в ответ: «Гут, гут».

К полудню моя любознательность была удовлетворена. Нас отвели в столовую. Огромный зал. Самообслуживание. Руководитель колонии сел с нами за стол. Он подозвал рыжебородого молодого парня, сидевшего через несколько столов от нас. Представил его: «Наш кассир. Скоро женится. Чтобы нравиться невесте, он отращивает бороду. Думаю, она прикажет сбрить ее. Без бороды он выглядит! лучше. Но это его дело».

Он обратился к рыжебородому: «Отвезешь вечером наших гостей на вокзал?»

«Еще бы! Две такие хорошенькие девочки!»

«Из бывших,? объяснил нам руководитель, когда рыжебородый ушел.? В годы гражданской войны он очутился в банде и даже совершил убийство. Был одним из первых в этой колонии. Помогал ее строить. После того, как он сначала здесь „малость“ побуянил и все разбил в пух и прах. Теперь он заведует кассой. Почти каждый день отправляется в Москву и сдает деньги в банк, и немалые деньги».

«А кто он по профессии?»? спросила я.

«Хочет учиться, стать учителем. Но ему предстоит еще здорово попотеть. Пять лет назад он не умел ни читать, ни писать».

Обед нам очень понравился. Хотя никто не желал нам приятного аппетита. Такие церемонии здесь не очень были в ходу. Вечером колонисты устроили для нас представление. Программа была невероятно интересной. Колонисты играли с таким удовольствием, с таким задором, что наши нежные девичьи сердца чуть не лопнули от восторга. Зал ходил ходуном. Никогда больше мне не приходилось встречать такого жизнерадостного, чудесного настроения и на сцене, и в зрительном зале. Мы провели в этой колонии поистине редкие в жизни счастливые часы. На Кавказе мне как-то пришлось увидеть, как растет бамбук, то есть он рос на моих глазах. А об этой колонии я могла сказать: «Я видела, как растут люди».

После спектакля к нам подошел рыжебородый: «Я жду вас». Ему долго пришлось ждать. Мы долго прощались с исполнителями, трясли им руки, обняли их, расцеловали. Руководителю колонии мы сказали «сердечное спасибо» за

чудесные впечатления.

Перед дверью стояла повозка. На козлах сидел наш рыжебородый красавец, бывший убийца. Он отвез нас на вокзал. Десять километров. Прежде чем сказать лошади: «Давай, давай», он подразнил нас: не боимся ли мы ехать с ним по темному лесу ночью в туман. Все трое мы захохотали от чистого сердца. На вокзал мы приехали в час ночи. Мы еще успели обнять нашего провожатого и сели в поезд. Я не знаю, скольких мужчин я в то время обняла и расцеловала! Но и женщин не меньше.

О да, советские женщины мне очень нравились. Я видела, что они по-матерински заботливы, добросердечны и очень работоспособны. Они все делали для своего развития, стремились продвинуться в жизни. А ведь им приходилось нести такую нагрузку! В то время мужчины еще не были такими, как теперь. Теперь-то они все-таки немного помогают женщинам, берут на себя хотя бы часть их хлопот.

Новые слова, новые ценности

Однажды вечером к нам в гости пришел художественный руководитель Белорусского еврейского государственного театра Рафальский. Он узнал обо мне от Михоэлса. Хотел со мной познакомиться. Рафальский был коммунистом, тонким художником. Он нам рассказывал много интересного о своем театре. Пригласил меня непременно приехать в Минск и посмотреть спектакли. Вечером следующего дня я поехала с ним в Минск. Приехали мы в понедельник, театр не работал. На вокзале нас встретили двое молодых мужчин? режиссер и актер театра. Меня обрадовало, что мы прокатились на извозчике.

Жена Рафальского пригласила нас всех на ужин. Вместо десерта? мое чтение. Все трое мужчин попросили меня показать какую-нибудь роль. Я по была к этому подготовлена и отказалась. Зато я прочитала им наизусть короткий рассказ Переца «Если не выше еще». Я ведь не знала, что у Рафальского были на меня виды.

Утром он взял меня на репетицию. Мы познакомились с ансамблем. Я коротко приветствовала всех. Репетировали «Гирша Леккерта» Кушнерова, пьесу о революционных событиях 1905 года. Героиней пьесы была молодая революционерка, учительница. Наивность ее погубила. Она поддалась демагогии начальника полиции Зубатова. Тот приказал расстрелять спровоцированную им демонстрацию. Прекрасная роль: молодая девушка, идеалистка, полная противоречий, влюблена в коммуниста Гирша Леккерта, героя пьесы, который спасет ее от пуль. Да, это была бы роль для тебя, подумала я, сидя в зрительном зале и захлебываясь от зависти.

Вечером я посмотрела спектакль «Овечий источник» Лопе де Вега. Хороший современный театр. Лауренсию играла совсем молоденькая актриса. Поруганная командором, она произносила монолог, который никого не оставлял равнодушным. Молодыми были и другие актеры.

Позднее я узнала, что все они вышли из одной студии. Этот спектакль мне очень понравился. Чувствовалось, что ансамбль хорошо сыгран, а исполнители главных ролей отличаются незаурядным талантом.

Я пошла за кулисы, поблагодарила Рафальского, режиссера спектакля и исполнителей главных ролей, и вот тут-то мне был уготован сюрприз. Рафальский пригласил меня в свой кабинет. Там уже сидели два молодых режиссера Б. Норд и А. Айзенберг. Рафальский спросил меня без особых церемоний, нет ли у меня желания поступить к ним в труппу. Я получила бы хорошие роли, хотя иногда пришлось бы играть и в эпизодах. Таков метод работы этого театра. Ему нужна исполнительница характерных ролей. Я могла бы постепенно войти в репертуар.

Это было полной неожиданностью. Я не могла вымолвить ни слова. Потом я начала, как всегда в подобном положении, перечислять, чего я не умею делать. Рафальский рассмеялся. Об этом лучше судить ему самому. Те двое тоже стали меня уговаривать. И тут я заметила, что дело серьезное. Я стояла перед большим решением. Конечно, меня очень обрадовало их приглашение. Но оно было слишком неожиданным. Мне надо было еще обмозговать это дело. С другой стороны, чего тут долго раздумывать? Ведь мне привалило счастье, и надо им воспользоваться. На следующее утро я сказала Рафальскому, что принимаю его предложение. Но договора пока заключать не могу, и о каком-либо сроке говорить рано.

Я сердечно распрощалась с Рафальским и его женой. Оба режиссера отвезли меня на вокзал.

Итак, в Москву я приехала уже актрисой Белорусского еврейского государственного театра. Но мне хотелось еще раз съездить в Берлин, хотелось узнать, что скажут об этом товарищи по партии. Дирекции театра Рейнгардта я написала письмо, отказываясь от договора. Я написала, что они наверняка и без меня обойдутся. Безработных актрис достаточно, и мою «большую роль» поручить кому-нибудь тоже будет несложно. Прошло много дней, пока мое волнение улеглось, я перестала раздумывать о том, правильно ли поступила. В Берлине терять мне было нечего. Кто мог сказать, получу ли я какую-нибудь значительную роль в театре Рейнгардта? А может быть, в один прекрасный день я окажусь на улице, как много других безработных актеров.

Неуверенность была нашим постоянным спутником.

А в Минске мне говорили: «Ты нужна нам!» Новые слова, новые вехи. Эти слова звучали в моих ушах музыкой. Да и позднее я всегда в них нуждалась, чтобы быть счастливой.

До отъезда оставалось еще несколько дней. Мне хотелось еще раз насладиться Москвой. Дни превратились в недели. Моя подруга этому посодействовала. Она не отпускала меня. Говорила мне, что у нее есть для меня еще сюрприз. Но о нем я узнала лишь через неделю. А пока что я посмотрела «Синюю птицу» Метерлинка в Московском Художественном театре. Великолепный спектакль, полный поэзии. Его ставили для детей, но и взрослым он доставлял не меньше радости. Вот уже пятьдесят лет этот спектакль держится в репертуаре и билеты на него достать все еще трудно. Это кое-что значит.

Я посетила и театр Революции, чтобы посмотреть на прекрасную актрису Бабанову. Ее талант, ее обаяние напомнили мне Элизабет Бергнер. Но Бабанова была ярче, естественней. В одной из запомнившихся мне пьес она играла колхозного бригадира.

Два дня у Эйзенштейна

Сюрпризом, который мне приготовила подруга, была встреча с Сергеем Эйзенштейном, всемирно известным режиссером, создавшим киношедевр «Броненосец Потемкин». Эмма и он знали друг друга еще с Риги, где они родились. Эйзенштейн хорошо говорил по-немецки, с латышским акцентом. Мы встретились в театре Мейерхольда, где репетировали «Мистерию-буфф». Эйзенштейн хотел посмотреть репетиции и пригласил меня. Он преклонялся перед Мейерхольдом, называл его своим учителем.

Репетиции всех нас восхитили. Играли одновременно и на сцене, и в зрительном зале, даже на галерке. Вот это был театр! Меня не покидало изумление. Понимать я, конечно, ничего не понимала, но встречи с Эйзенштейном никогда не забуду. Он извинился, что не может пригласить меня домой. Он проводит теперь не только дни, но часто и ночи в ателье, ибо полным ходом идут съемки его фильма «Генеральная линия». Не хочу ли я посетить его там и посмотреть съемки, спросил он.

В ателье я провела два дня с утра до вечера. Там царила чудесная атмосфера. Эйзенштейн работал, по крайней мере над этим фильмом, как математик или, лучше сказать, как шахматист, который заранее хорошо обдумывает каждый ход, а потом ставит каждую фигуру с большой легкостью. Все эти два дня я видела его веселым и уравновешенным, с маленькими морщинками у сияющих глаз. Он много шутил с исполнительницей главной роли, чтобы помочь ей преодолеть

смущение. Ведь она не была профессиональной актрисой. Простая колхозница, она играла саму себя. Ее ребеночек был при ней. Она еще кормила его грудью. Он лежал в коляске, в раздевалке, под присмотром няни. Няня то и дело везла коляску в ателье, чтобы посмотреть, как делают фильм. Малыш каждый раз поднимал крик. Ему, наверное, мешали юпитеры. Впрочем, они мешали и его матери.

Снимать фильм? дело чертовски сложное. Но наблюдать за Эйзенштейном во время работы было чистейшим удовольствием. Как терпеливо, как внимательно, как вдумчиво он вел себя, хотя работа требовала от него огромного напряжения. Ничего похожего на выходки «звезды», на капризы, никакой «творческой» нервозности. Описывать этого гениального художника дело биографов и киноведов. Я могу только сказать, что ради знакомства с ним, даже если оно длится всего лишь два дня, стоило совершить путешествие. Всю жизнь живешь под впечатлением встречи с такими людьми.

У меня появилось сильное желание хоть один раз сняться в фильме. Я никому не говорила об этом. Это было мечтой и ею осталось.

Между тем наступила осень. В Москве стало холодно. Пора было ехать. И я распрощалась с полюбившимся мне городом. Прощай, Эмма, прощайте все вы, друзья! Мишкет уезжает, но скоро-скоро она вернется.

Снова в Берлине

Берлин встретил меня негостеприимно: туманом и моросящим дождиком. Сырость пронизывала до костей. На этот раз я стояла на вокзале моего родного города и не знала, куда деваться. От комфортабельно обставленной белой мебелью комнаты на Неллендррфштрассе, напротив театра Пискатора, я отказалась перед отъездом. Сняла я ее тогда, будучи твердо убежденной, что «завоюю» этот театр. Медленно поплелась я к выходу, раздумывая, к кому обратиться. Мне нужно было пристанище на несколько дней, пока я найду комнату. Моей подруге Розе жилось материально очень туго. Гранах находился в лучшем положении, но даже этот известный артист должен был считать деньги. На прихоти ему не хватало. Он ездил на маленьком, стареньком автомобиле, который купил не новым. Ему я и позвонила.

У Гранаха как раз гостила Лотте Ливен, верный друг. Она любила его так самоотверженно, как может любить только мать. Жили они не всегда под одной крышей, хотя их жизнь была тесно связана, Лотте Ливен? тоже актриса, но работавшая в другом городе? время от времени приезжала в Берлин и наводила

порядок в его жизни и в его шкафах. Она была ему полной противоположностью, даже чисто внешне: светлая блондинка, голубоглазая, рослая. Да и по натуре? сдержанная северянка. Но за ее сдержанностью угадывалось человеческое тепло.

Когда я позвонила, трубку сняла она. Я спросила, смогу ли прожить у них несколько дней. «Конечно, само собой разумеется!? услышала я, как кричит в трубку Гранах.? Приезжай!» И Лотте Ливен тоже сказала в своей спокойной манере: «Да, конечно».

Мне было неловко их беспокоить, но что было делать? Я ведь тоже помогала многим, чем только могла, и даже с удовольствием. Я подумала и решила, что другие не хуже меня. И я отправилась к ним.

Александр Гранах жил в скромной квартире из трех комнат. Они отвели мне маленькую, но уютную комнатку, в которой обычно жила их домоправительница. Она недавно взяла расчет, рассказала мне Лотте. Эта домоправительница была старой девой сорока лет, религиозной до фанатичности. Темпераментному Гранаху она не подходила. Даже его открытый взгляд действовал ей на нервы, а словечко «дерьмо», которое он так охотно употреблял, причиняло ей муки. Она поступила в Армию спасения. Вот там она и была на месте. Хотя она очень хорошо готовила. Но и Гранах не хуже.

Через час после моего приезда он угостил Лотте и меня чудесным обедом. Икру, которую я привезла из Москвы, он неохотно поставил на стол. И когда я распаковала мой чемодан, он с завистью посмотрел на казачью шапку из черного каракуля, подарок из Москвы. Он надел ее, она так шла к его горящим глазам, всему его страстному существу, что пришлось ее отдать ему. А потом я поделилась своими впечатлениями. Рассказам моим не было конца, но Гранаху надо было ехать на спектакль. Продолжение последовало в следующие дни.

Однажды в понедельник пришел знаменитый актер Фриц Кортнер, чтобы послушать меня, но в тот вечер было не до моих рассказов. К нам вскоре присоединилась молодая хорошенькая актриса, которую не интересовало ничто и никто, кроме Кортнера. Она ластилась к нему, как кошка, но он не обращал на нее большого внимания. Только смеялся, как Мефистофель, которого он так отлично играл на сцене.

На следующий же день я пошла в Центральный Комитет Коммунистической партии Германии. Я рассказала товарищам о моем намерении переселиться в Советский Союз. Они порадовались, что у меня есть возможность работать в Советской стране. Потом я позвонила секретарю моей партячейки Фрицу

Эрпенбеку и спросила, есть ли задание для меня. Все актеры-коммунисты были объединены в одной ячейке. Он попросил меня прийти на следующий день в дом «Карла Либкнехта». Там мы вместе печатали листовки. Во время работы я описывала ему свои впечатления. Фриц Эрпенбек заметил: «Об этом ты должна рассказать всем. Я приглашу всех актеров».

«Фриц, я не могу говорить перед такой большой аудиторией».

«Сумеешь. И еще как»,? ответил он и настоял на своем.

Собрание проходило в помещении дома Красной профсоюзной оппозиции. Пришло довольно много актеров. Сначала все шло хорошо. Я рассказывала довольно живо, все напряженно слушали. Вдруг я потеряла нить. Просто не знала, что мне делать. Я попросила задавать мне вопросы. Тогда встал один из «группы молодых актеров» и отвлек все собрание, заявив: «У нас есть проблема поважнее? профсоюзные дела. Итак, давайте…» Я не помню, что он говорил дальше. Как бы там ни было, на этом все завершилось. Кое-кто из товарищей ушел, им было неприятно, что этот парень не дал им меня дослушать. Они нашли его поведение вызывающим. Как быстро успех испортил этого молодого талантливого актера. Болезненное честолюбие, безмерное тщеславие и индивидуализм толкнули его в конце концов в объятия нацистов.

Зато рассказ о моих впечатлениях нашел отклик в одном монастыре. Да, в настоящем монастыре. Я выступала перед попами. Меня отвел к ним мой уважаемый учитель Герберт Кухенбух. Произошло это так: через несколько дней после моего приезда я позвонила моему учителю, как договаривались. Мы встретились в маленьком уютном кафе недалеко от его квартиры. Мы там часто сидели вдвоем, как бы продолжая мою учебу. Он учил меня, как обращаться на сцене с вилкой и ножом. В родительском доме меня этому не учили. Мой отец, например, редко пользовался вилкой. Когда мы, дети, его дразнили, он говорил: «Зачем мне вилка? Разве мои руки не чище вилки? Я мою их перед каждой едой. Так требует наш закон, а чиста ли вилка, бог знает. Или полотенце, которым ее вытирают? Вы просто слишком ленивы, чтобы мыть руки. Ешьте вилкой и оставьте меня в покое».

Моего отца нельзя было переубедить.

И вот теперь мы сидели в этом кафе, и Герберт Кухенбух внимательно меня слушал. Когда я наконец замолчала, он сказал: «Я рад, что вы увидели столько прекрасного. У меня есть друзья, которые интересуются Страной Советов. Согласитесь ли вы, коммунистка, выступить в монастыре? Они живут там. Недалеко от Берлина». Так я оказалась в монастыре, чтобы рассказать

монахам о Советском Союзе. Их было немного, человек семь или восемь. Они проявили большой интерес к моему рассказу. Задавали вопросы, свидетельствовавшие о том, что им небезразлично положение людей труда. Наверное, это был источник их интереса ко всему новому в Советском Союзе.

В следующее воскресенье у моей подруги Розы снова после большого перерыва собрались друзья. Рассказывала я долго, пока у меня не разболелась голова. Итак, я каждый день с кем-то встречалась и рассказывала, рассказывала о своей поездке. Не успела я оглянуться, как прошли месяцы. Наступило время собираться в путь.

Гранах не дал мне искать другую квартиру. Разрешил жить у него до отъезда. «Ты легкий человек, совершенно не мешаешь»,? сказал он однажды. Он даже разрешил мне несколько раз проводить в его квартире собрание моей партийной ячейки. Я угощала товарищей хорошими обедами и приносила каждый раз несколько бутылок вина из его погреба. Гранах снимал в это время фильм, какую-то сентиментальную ленту, которая доставляла ему мало радости. «Моя партнерша очень хорошенькая, но совершенно бездарная, дилетантка. Это ее первая роль. Наверное, ее богатый отец заплатил, чтобы ей дали эту роль. И такое бывает»,? объяснил он мне.

Однажды он взял меня с собой на киностудию в Бабельсберг. «Мне так хочется сняться в кино,? сказала я в перерыве.? Не спросить ли мне вон того человека, который тут бегает и суетится? Как ты думаешь, Алекс?

Я ведь не хочу стать кинозвездой. Для этого в наших условиях надо иметь красивые ноги. А мои-то не очень. Но какую-нибудь маленькую роль, просто так, для своего удовольствия? Да и деньги мне пригодились бы на поездку».

«Давай-ка попробуем»,? сказал он и познакомил меня с этим человеком. Тот взял меня сразу с собой в свой кабинет и задал мне несколько коротких вопросов. Я на них ответила, каждый раз заливаясь краской. Это его, очевидно, забавляло. Иронически улыбаясь, он предложил мне: «Встаньте-ка».

Я послушалась.

«Покажите-ка мне ваши ножки».

«Пожалуйста»,? ответила я и потянула мою юбку вниз, насколько было возможно.

Он рассмеялся.

«Наоборот, вам надо ее поднять».

Я подняла юбку чуть-чуть повыше.

«Выше, детка, выше». Он проявлял нетерпение.

«Нет, я этого не сделаю»,? возразила я упрямо, как ребенок.

«Как вам угодно, барышня. Если передумаете, скажите. До свидания».

Так лопнули мои мечты.

Гранах громко рассмеялся, когда я возмущенно рассказала ему о моем приключении.

«Наверное, мне надо было тебя предупредить, какие нравы или, лучше сказать, безнравственность царят в УФА. Я об этом не подумал».

Наступил 1928 год. Начался экономический кризис. Повсюду безработные. Особенно среди актеров. Так мне по крайней мере казалось. Быть безработным? это нечто страшное для каждого человека. Женщины по крайней мере заняты детьми и хозяйством. А вот мужчины не знают, куда девать время. Не могу забыть картин той поры! Молодые, здоровые мужчины слоняются по улицам, звонят в двери и просят подаяния. Я это видела почти каждый день, когда шла из квартиры Гранаха в Целендорфе, квартале вилл, к станции метро. И далеко не всегда им открывали двери. Даже когда они звонили с черного хода, не говоря уж о парадном.

Тем чаще показывали людям «идеальный мир» на экране, на сцене. Это должно было отвлечь их от печальных будней. Гуманистические идеалы в искусстве встречались все реже. Конечно, имелся Союз пролетарских писателей, имелся театр Пискатора и агитационные театральные группы, выступал Эрих Вайнерт, с нами были Кете Коль-виц и Генрих Цилле. Они показывали жизнь, какой она была, и трудились для того, чтобы она стала иной. Но не они определяли общую картину.

Как всегда, коммунисты были первыми, на кого обрушивалась нищета. Но мы по крайней мере использовали наше время с толком. Мы посвящали его справедливой борьбе нашей партии. А кое-кто начал заниматься самообразованием.

Человек полон противоречии

Наконец я навестила отца. Он очень постарел за это короткое время. Наверняка у него было немало проблем. Ему не хватало многого. И жены не хватало. Обычаи были строгими, но природа требовала своего. Жизнь его была нелегкой. Я обрадовалась, что Зальмен оказался здоровым, в хорошем расположении духа, не потерял своего юмора и не забыл о моем отце. Почти каждый вечер они встречались и философствовали, как раньше. Теперь дома оставались только мой младший брат Янкель и моя сестра Зуре. Она как раз собиралась покинуть родительский дом. Она была единственной в семье, с кем меня соединяли духовные нити. У нас было общее мировоззрение. Да и много другого общего. Ее огорчало мое намерение уехать. Но еще больше оно огорчало

моего отца. Теперь ему предстояло навсегда потерять свою любимую дочь. Что и говорить, горе отцу, у которого столько детей, а на старости лет он остается одиноким. На прощание он подарил мне новенькое постельное белье. «На чужбине оно тебе пригодится»,? сказал он грустно. Мы расстались сердечнее, чем обычно. Оба мы были очень печальны.

Я бродила по улицам гетто, но никого из знакомых не встретила. Молодые люди, с которыми у меня был контакт, давно покинули свое гнездо. А другие? Ну, о них заботиться было поздно. Я уже сидела на чемоданах. Но кое-что еще удерживало меня. И кое-кто.

Этот «кое-кто» был молодым, приятным человеком, коммунистом, инженером на строительстве метро. Мы познакомились в клубе. Был он в плохом состоянии. Только что он расторг помолвку. Невеста взяла да и уехала с каким-то писателем в Италию. В качестве секретарши. Жених поставил вопрос ребром: или? или. Она выбрала того. Через полгода Аня, как ее звали, возвратилась домой. Писатель больше не нуждался в секретарше. Он был уже чересчур стар. Когда Аня узнала о моем существовании, она передала мне, что любит меня как сестру и ни на что не претендует. Но она притворялась. А я поверила ей. Пригласила к себе. Внешне она была весьма привлекательной. И ласковой, как ангорская кошка. О да, она могла обернуть мужчину вокруг своего мизинца. Но мне она не понравилась. С ее расчетливостью. Правда, она была коммунисткой, но в ней было много мещанского. Мне не хотелось с ней дружить.

Через какое-то время она исчезла. Мы с молодым человеком поселились вместе в двух меблированных комнатах. Неожиданно мой друг получил письмо от родителей Ани. Они просили его поехать в Лейпциг, чтобы расторгнуть помолвку. Ведь это было тем минимумом, на который они имели право, писали они. Он поехал туда и… вернулся в Берлин мужем своей бывшей невесты. Все устроила Аня, в том числе и письмо. «Что за тряпка»,? подумала я и пожелала ему счастья. Но дома долго рыдала. Много ночей. Человек соткан из противоречий.

Как бы то ни было, теперь я снова была свободной? от мужа? и могла отправляться в путь. Но расставаться с полюбившимся, с привычным, с товарищами и друзьями, с нашей общей борьбой оказалось делом совсем нелегким.

Берлин тех лет был болотом и в политическом, и в моральном отношении. Веймарская республика баловала правых и давила левых. Она рыла свою собственную могилу. Спасением была бы только власть рабочих. Но она не пришла. Все же я с таким трудом «завоевала» этот Берлин, и я любила его. В стране

трудящихся, куда меня тянуло, которая была мне близкой и родной, мне придется начинать все сначала. Сумею ли я войти в эту жизнь? Справлюсь ли со своими задачами? И со всеми трудностями? Вопросы, вопросы, вопросы…

Так получилось, что лишь в апреле 1929 года я села в поезд, идущий в Москву. Как «старая москвичка», я взяла с собой известного болгарского кинорежиссера Зла-тана Дудова и его жену. Они где-то слышали, как я рассказывала о своих впечатлениях, и после моего выступления подошли ко мне: «Не расскажешь ли нам, как можно съездить в Советский Союз?» Я рассказала. Советский посол дал и им визы. Я устроила их у родственников Хашина. Само собой разумеется, познакомила и с Эммой Вольф. Она стала их опекать. Они крепко подружились. Дружба с первого взгляда, можно сказать.

На извозчике по Минску

Из Москвы я через несколько дней отправилась в Минск. Я хотела успеть к празднику Первомая. В демонстрации я участвовала весьма забавным образом. На извозчике проехала через весь город во главе колонны нашего театра. Обеими руками я держала плакат, на котором был изображен толстый буржуй. Рядом со мной сидел рабочий сцены, который держал плакат с соответствующим текстом, написанным крупными буквами. Отовсюду нам кивали, как будто видели старых знакомых.

Идея посадить меня на пролетку пришла в голову нашему секретарю партячейки. Это дало мне возможность наблюдать за веселым праздником. Наверное, это он и имел в виду, когда нанял возницу. Солнце сияло и согревало всех в этот прекрасный весенний день. Со всех сторон раздавалась музыка. Изо всех улиц, переулков и переулочков шли колонны демонстрантов на Театральную площадь, где стояли трибуны. Люди без устали распевали революционные и народные песни, танцевали, останавливались и снова шли. Если колонна останавливалась, то в один миг образовывался круг и люди танцевали под частушки. Царило такое радостное, такое доброжелательное настроение, что и теперь, через сорок пять лет, мне доставляет большое удовольствие вспомнить об этом.

В тот день мои мысли часто возвращались в Берлин. Мне хотелось знать, как прошел Первомай там. Я купила русскую газету. «Роте фане» приходила в Минск только через два-три дня. Меня охватил ужас, когда я прочла: в Берлине полиция напала на демонстрантов. В них стреляли. Приказ отдал полицей-президент Цергибель. Он принадлежал к партии социал-демократов, которая формировала в то время правительство. Имелись раненые и убитые. Кого из моих товарищей поразила пуля? Кого

избили резиновыми дубинками? Меня мучила совесть, что я живу в другом мире, без забот, радостно.

В Минске я сразу почувствовала себя как дома. И хочу сказать заранее: годы, прожитые в Минске, были самыми прекрасными в моей жизни. Они были исключительно продуктивными в политическом и художественном отношении. И в человеческом отношении тоже. В это время я созрела по-настоящему, поняла, что значит быть коммунистом. Я научилась подчинять личное общественному и при этом быть счастливой.

Шефы

У нашего театра было подшефное предприятие? фабрика кожаных изделий. Я не знаю почему, но секретарь партийной организации этого предприятия Миша Госман сразу меня полюбил. Он стал моим наставником. Брал меня с собой повсюду: на собрания, праздники, вечеринки. Вскоре я примелькалась в Минске.

Миша Госман считался хорошим рабочим и отличным партийным секретарем. «Миша, тебя здесь спрашивают», «Миша, там тебя ищут», «Миша, тебя спрашивал директор»? так изо для в день. Мне нелегко было его найти, когда я приходила к нему на фабрику. И что мне еще в нем правилось? он был очень скромным и деликатным человеком. Условия, в которых он жил с женой и ребенком, были малоприятными, но это его не огорчало. Как все коммунисты, он получал установленный партией оклад. Это тогда называли «партмаксимум». Коммунисты работали больше всех, а получали меньше всех.

Я едва не уехала с этой семьей на Дальний Восток. Там не хватало рабочих рук, особенно руководящих кадров. Партия послала Мишу Госмана туда. Он уговаривал меня поехать с ним. Романтика меня манила, но я все же отказалась. Не могла же я покинуть театр, едва начав в нем работать. Да и какой толк был бы от меня там без нужной специальности, без знания языка? Позднее у меня часто появлялось желание поехать в то или иное место, когда я узнавала, что там не хватает людей или имеются какие-то другие трудности. Подходила ли я? это уж другой вопрос. Но желание помочь делу было большим. С таким подходом можно горы свернуть. Так я думаю.

Кроме меня в Минске жили еще двое немцев. Коммунистка, которая была замужем за советским офицером, и инженер, работавший в тяжелой промышленности. Нас часто просили рассказать о положении в Германии, о классовой борьбе, которая там развернулась. Мы каждый раз удивлялись, как сильно верили советские люди в боевую мощь немецкого рабочего класса, как велика была их симпатия к нему. Она распространялась и на нас.

Иногда перед выступлением я шла в городской комитет партии или Центральный Комитет, чтобы получить информацию и совет. Конечно, я могла бы и обойтись, но мне доставляло большое удовольствие посещать этих товарищей. Нигде меня не задерживали. Я спрашивала, здесь ли тот или другой товарищ, затем, постучав, открывала дверь, и «большой начальник» шел мне навстречу с протянутой рукой. Наши беседы проходили так, как будто мы были давними друзьями. Мы объяснялись обычно на какой-то смеси немецкого и еврейского языка. Или Миша Госман переводил. Он знал немецкий. Многие белорусы говорили на идиш. Небольшая часть населения этой республики состояла из евреев. Доброе согласие между белорусами, русскими и евреями было само собой разумеющимся. Никто не спрашивал о национальности. А между тем не прошло и десяти лет с тех пор, как царское правительство натравливало народы один на другой и устраивало погромы. На меня все это производило огромное впечатление.

В театре я начала путать идиш и немецкий. Как ребенок, который учит два языка и путает один с другим. Но у меня был в театре хороший преподаватель по идиш. Это был белорус. Хотел стать актером, таланта не хватило, и он стал рабочим сцены. Он был самый внимательный зритель, он записывал в тетрадь все наши оговорки на сцене. А когда у нас был какой-нибудь вечер, читал из нее. Вот уж мы смеялись! Этот молодой белорус так заботился о чистоте сценического языка, что каждый раз указывал мне на мои погрешности. Дело в том, что у нас дома говорили на другом диалекте. Их ведь много.

Еврейский театр в Минске

Когда я приехала в Минск, в театре шли репетиции пьесы Эрнста Толлера «Гоп-ля, мы живем». Это была пьеса на актуальную политическую тему, о борьбе с реформизмом социал-демократии. Политический конфликт разделил семью: матушка Мюллер, последовательная коммунистка; ее сын, социал-демократ, ослеплен демагогией социал-демократического руководства; мать ведет борьбу за сына. Обоих социал-демократическое правительство бросает в тюрьму. Я видела эту пьесу в свое время у Пискатора и рассказала о ней, когда в первый раз приезжала в Минск. И вот теперь ее включили в репертуар. Мне дали главную женскую роль, роль матушки Мюллер. Я взяла в качестве прототипа Надежду Крупскую и с внешней стороны. И стала настолько похожей, что даже утром черты моего лица носили отпечаток ее внешности. Иногда я слышала, как прохожие говорили на улице: «Вот идет наша Крупская». Мне казалось, что роль мне удалась. Во время

репетиций я видела это по сияющим глазам режиссера. На спектаклях об этом говорили аплодисменты. Эту роль я играла всем сердцем.

Вскоре меня ввели и в пьесы, которые шли раньше. Я получила две большие роли, одну за другой. Одну из них мне пришлось разучить в очень короткий срок. Ее исполнительница родила преждевременно. «Гирш Леккерт»? так называлась пьеса. О ее содержании я уже писала. Это была драма в стихах. Четыре акта. Выучить этот текст за три дня было довольно трудно. Стихи надо было знать твердо, присочинить на сцене было нельзя. Я зубрила день и ночь, за утренним туалетом, за обеденным столом, сидя и стоя, в полусне. В полусне заучивать удавалось особенно хорошо.

Не знаю, понимали ли зрители на премьере, как билось мое сердце? Мои коллеги слышали это наверняка. Все, у кого было время, стояли за кулисами, включая рабочих сцепы. Все переживали за меня. Суфлера в театре не было, да и до сих пор суфлеры в советском театре не приняты. Актер должен знать свою роль. Этот образ был одним из самых любимых. Противоречивый характер: чувствительный и тонкий, открытый, честный. Эта женщина попала в политический тупик. Ей предстояли тяжкие испытания. И как это бывает на сцене, большая любовь помогла этой женщине найти верный путь. Говорят, что и в жизни иногда так бывает.

Нечто похожее случилось со мной в следующей роли. Мне предстояло сыграть молодую крестьянку. Бедная мать отдала ее за корову кулацкому сынку, наглому, глупому. А в деревне тем временем началась коллективизация. Собрания, беседы, нескончаемые дискуссии. Бедняки собрались и основали колхоз. Кулаки пытались всеми средствами этому помешать. Какое-то время молодая крестьянка металась из стороны в сторону. Но в один прекрасный день она удрала от мужа и вернулась к матери. Он за ней с топором. Но мать защитила дочь: «Ну, бей! Бей! Кровопивец! Твое время прошло. Иди прочь! А то я за себя не ручаюсь!» Кулацкий сынок испугался ее угроз и ушел. Но корову взял с собой. Вскоре в дом приходит веселый, находчивый комсомолец. Он объясняет матери и дочери, какие у них права и как начать новую жизнь. И объясняет молодой крестьянке, что такое любовь. Объясняет упорно, терпеливо, до тех пор, пока она не соглашается выйти за него замуж. И все же эта пьеса не имела успеха. Слишком много было говорильни, даже о любви.

Эта роль не была большим достижением. Она не подходила мне. Больше того, я ее не понимала. На первых же репетициях режиссер мне сказал: «Знаешь что, твоя мимика, твои жесты? все

это как надо. Но твоя сдержанность заходит слишком далеко. В зале тебя не поймут». Я хотела отказаться от этой роли. Но пьесу сняли с репертуара после нескольких спектаклей. Тогда я еще не знала ни деревни, ни крестьян. На селе вспыхнула классовая борьба. Кулаки уничтожали зерно, скот, инвентарь. Они терроризировали крестьян, которые хотели вступить в колхозы. Часто они нападали на агитаторов, а кое-где зверски их убивали. Они были на все способны и ко всему готовы, лишь бы защитить свою власть и свое богатство. Они хотели силой воспрепятствовать социалистическому преобразованию деревни. Они сознательно организовывали трудности в снабжении. Это почувствовала вся страна. Было нелегко. Но кое-как доставали самое необходимое, но именно кое-как. На моем самочувствии это не сказывалось. С первого дня ко мне относились как к своему человеку, как будто я выросла вместе со всеми. Да и я чувствовала себя именно так. Едва появившись в Минске, я вошла в общественную жизнь. В театре мне нравилось не только из-за больших ролей. Мне нравился коллективизм. Все обсуждали вместе? пьесу, концепцию режиссера, эскизы декораций, костюмов. Только не распределение ролей. От этого отказались, слишком много стоило это нервов и времени, особенно когда шла речь о женских ролях. Их было немного, да и теперь их немного. Распределение ролей вывешивалось на доске объявлений. Это было всегда волнующим моментом. Актеры очень дружили. Многие переженились. Если появлялись дети, они оставались обычно с бабушкой, ибо театр часто отправлялся на гастроли. Каждые три или четыре недели мы играли в другом городе. Нас ждали не только зрители, но и квартирохозяйки. Мы приезжали все время к тем же самым. Контрамарки они ценили больше, чем квартплату.

В театральном здании в Минске играли три труппы: белорусская, русская и еврейская. Все были равноправны.

По моему рассказу, наверное, можно подумать, что в Минске солнце никогда не скрывалось за тучами. Конечно, было немало трудностей и проблем. И у меня лично. Но в общем и целом политическая и человеческая атмосфера была освежающей, все переносилось легко.

Например, у меня часто случались конфликты с директором театра. Почему? До сих пор не могу объяснить. Может, его обидело, что я подружилась с семьей худрука, а не с его семьей? Он предлагал мне дружбу. А может, он, как бывший учитель, особенно следил за дисциплиной и аккуратностью, а я часто опаздывала. Не знаю, не знаю.

До театра мне надо было идти три четверти часа пешком.

Трамвай только что появился. Он медленно полз по главной улице. Первую линию ввели в строй под музыку, украсили флагами. Пол-Минска оказалось на ногах. За трамваем бежали и взрослые и детишки. Я тоже собралась побежать со всеми. Но мой друг Госман взял меня за руку и усадил в один из двух трамвайных вагонов. Так что я участвовала в первой пробной поездке. Трамвай в Минске. Это было весело. Но вообще-то я предпочитала ходить пешком. Мне недоставало терпения ждать трамвая. Почти у всех были постоянные квартиры в Минске. А я снимала комнату. Как часто я себя проклинала, что не взяла из Берлина постельного белья. Теперь пришлось моим коллегам делиться со мной. Короче говоря, мои опоздания злили директора. В сущности, добродушие было его самой сильной чертой. Ему не хватало организаторского таланта. Наверное, он пытался замаскировать это ненужной строгостью. Время от времени он обращался с нами, как с детьми. Тем не менее мы многому у него научились.

Директор был образованным марксистом. Он вел свой кружок очень интересно и живо. Был он очень требовательным. Если кто-нибудь хорошо отвечал на его вопросы, он всегда говорил: «Золотые слова». И мне он часто это говорил. Тем не менее меня он иногда очень злил. Например, когда меня принимали в профсоюз, он стал расспрашивать о моей личной жизни в Минске. А я только два месяца как приехала. Рассвирепев, я ответила ему вопросом на вопрос: «Что вы хотите знать? С кем я сплю? Ни с кем. Пока еще ни с кем». В зале раздался громкий смех. Он никогда меня больше об этом не спрашивал. Но наши отношения стали еще более натянутыми. Я ко всем обращалась на ты, но только не к нему. Ко всем коллегам я «подобрала ключи», но только не к нему.

В остальном все у меня шло отлично, несмотря на большие трудности в быту. Есть немецкая поговорка: «Воздухом и любовью не проживешь». Конечно, кое-что про запас надо было иметь. Но как хорошо живется, когда воздух чистый, когда думается легко! Ничем не заменить чувства уверенности, которое дает мир социализма.

Таинственное дело

В Советский Союз приезжали одна за другой немецкие делегации. Не было только делегации театральных работников. Оказавшись как-то в Москве, я пошла на прием к председателю профсоюза работников искусств. Я спросила, нельзя ли было бы пригласить такую делегацию. Товарищ Боярский был очень обрадован этим предложением и распорядился сделать все необходимое. Я сообщила об этом секретарю моей бывшей

партийной ячейки в Берлине. Он, как полагается, передал дела нашему профсоюзу. Через две недели я получила телеграмму, что делегация прибудет в Москву тогда-то и тогда-то. Я взяла отпуск, ночью поехала в Москву, не спала, была очень возбуждена. И конечно, заинтригована, кто же приедет.

Рано утром я прибыла из Минска на Белорусский вокзал. На него и приходят поезда из Берлина. Я не уходила с вокзала, купила тут же букет цветов? из бумаги, других не было. Какой-то надо было иметь. Это был условный знак. И вот подошел берлинский поезд. Из вагона вышел весьма дородный, самодовольно улыбающийся человек лет тридцати пяти. Он направился ко мне: «Меня зовут Ганс».

«Очень приятно. А где остальные?»

«Я представляю всех остальных. Я? профсоюзный организатор».

Мне это показалось странным. Я спросила: «Тебя послали сюда одного?»

Ответом было: и да, и нет. С другими, дескать, договориться времени не было. Вот он и поехал один. Я не могла этого понять. Но тут же мне стало ясно одно: этот человек самоуверен и туп. Оставалось лишь сделать хорошую мину при плохой игре. Мне пришлось опекать его несколько дней. Вскоре, к моему ужасу, я обнаружила у него одно очень неприглядное свойство: этот Ганс А. интересовался двумя Ж? женщинами и жратвой. Я ему без обиняков высказала свое мнение, а затем уехала в Минск.

Я попросила Эмму Вольф помочь этому парню, переводить и следить, чтобы не возникали неприятные ситуации. Это было нелегким делом, ибо А. был еще ко всему прочему порядочным наглецом. Через пару дней я получила от Эммы письмо: поведение Ганса позорно, его надо отозвать.

Я была свободна от спектаклей и отправилась на два дня в Москву. Пошла к нашему представителю в Коминтерне товарищу Фрицу Геккерту и обрисовала ему положение. Он пригласил к себе Ганса и довольно долго с ним беседовал. В тот же день он отправил в Берлин телеграмму, полную юмора. Смысл такой: А.? тупица. Рекомендую немедленно отозвать.

Его отозвали. Тем не менее он провел в Москве десять дней и успел наделать немало глупостей.

На картошке в колхозе

К счастью, вскоре после этого инцидента я уехала на Кавказ и смогла забыть свои огорчения у прославленных источников в Ессентуках. Жила я в санатории профсоюза работников искусств. Маленький уютный дом на пятьдесят отдыхающих. Было лето? театральные каникулы. Отдыхали там некоторые известные

деятели театра и кино. Атмосфера была приятной и семейной. Одна пожилая актриса хорошо говорила по-немецки и время от времени играла роль моей переводчицы.

Тогда, в 1931 году, было в обычае, что горожане выезжали в деревню, чтобы помочь колхозникам убрать урожай. Выезжали и отдыхающие. Всем руководил областной комитет профсоюза. Каждое утро, отправляясь к минеральным источникам, я с завистью проходила мимо сборного пункта. В моем доме отдыха не было никого, кто позаботился бы о шефской работе. Обязанности директора выполнял наш врач, У него хватало своих хлопот.

Я подумала: пройдут четыре недели, а я так и не познакомлюсь с колхозом. И я пошла в комитет профсоюза просить присоединить меня к какой-нибудь группе. Вошла я в большое помещение. За письменным столом сидел молодой грузин. Как объясниться с ним на моем русском языке? Какое-то время я стояла молча, размышляя, что делать. Затем я пыталась объяснить ему: «Я? профсоюз Рабис». И показала пальцем на себя. «Я,? снова последовало разъясняющее движение руки,? колхоз. Полевая работа! Понимаете?»

Он уставился на меня, как будто я с того света. «Нет, не понимаю». Его загорелое лицо залилось краской. Мое? тоже. Но затем, увидев, что я не могу больше произнести ни слова, он понял: «Иностранка, да?» Это здесь не так-то просто распознать. Было немало грузин, которые не говорили совсем или очень плохо говорили по-русски. Кстати, есть и светловолосые грузинки. Мой собеседник заулыбался, встал, подал мне руку, долго и сильно пожимал мою и заговорил: «Да, да, конечно! Понимаю. Хорошо! Очень хорошо! Пожалуйста, садитесь, мой дорогой друг!» Я села. Он посмотрел на меня еще раз, очень внимательно, написал записку, дал мне ее, пожал мне еще раз руку: «Пожалуйста».

«Спасибо». И я понеслась, как вихрь, по оживленному парку в свой дом отдыха. Задыхаясь, вошла в столовую. Было около четырех часов, время чаепития. Все сидели за столиками. Помогая себе руками и ногами, я воспроизвела сцену с грузином. Раздался всеобщий хохот. Я не понимала, чему смеются. Когда смех улегся, я попросила мою добровольную переводчицу объяснить, в чем дело. Итак, не зная этого, я сделала грузину неприличное предложение. Вместо «полевая работа» я сказала «половая работа». В первую минуту грузин, наверное, подумал, что я сумасшедшая или весьма легкомысленная девушка. Но недоразумение разъяснилось быстро.

Подобные неприятности случались часто. Не только со мной.

Моя подруга Эмма Вольф с большим удовольствием заносила все мои оговорки в толстую тетрадку. Иногда она проверяла своих гостей, есть ли у них чувство юмора или нет. Тех, у кого чувства юмора не было, она не любила.

Веселое настроение в столовой постепенно улеглось. Мы заговорили о своем субботнике. На записке, которую мне дал грузин, стояло, когда и где мы должны появиться. Актеры не были в восторге. Ведь я же не спросила их, хотят ли они ехать в колхоз. Тем не менее все поехали, и никто не пожалел об этом. Мы перебирали картошку, сортировали по корзинам. Потом ее увезли на грузовике.

Картошка поспевает у Черного моря рано. Она там почти такая же дорогая или такая же дешевая, как фрукты. А фруктов там много. Отправиться на рынок и разглядывать горы свежих фруктов было для меня большим удовольствием.

В тот день по-настоящему познакомиться с колхозом не удалось. У колхозника было много хлопот, у нас тоже. Тем не менее кое-что я поняла, может быть даже кое-что существенное. Я слушала, как колхозники поют во время работы, поют хором на два голоса, в большинстве женщины. Те немногие мужчины, которых я там видела, только командовали. Ну и дела! Здесь господствуют еще старые нравы, думала я. Правда, женщины держали себя с достоинством по отношению к мужчинам, были веселы, так что смотреть на них было приятно. Чувствовалось, что они гордятся своей независимостью. А для начала и этого было немало, особенно на Кавказе, где старые традиции долго держались.

Примерно к обеду работа была закончена. Солнце палило немилосердно. Мы распрощались с колхозниками и уехали с чувством, будто помогли близким родственникам убрать урожай.

Пребывание в доме отдыха подошло к концу. Я была очень благодарна моему профсоюзному руководству за то, что оно дало мне эту путевку. Впервые в жизни я по-настоящему отдохнула.

В театре начались репетиции пьесы Лопе де Вега «Овечий источник». И снова я получила роль матери. А мне так хотелось сыграть какую-нибудь детскую роль или по крайней мере роль подростка. Но для этого я, пожалуй, уже слишком выросла.

Неожиданное прощание

Мой друг Миша Госман и его жена собирались в далекое путешествие. Он пришел ко мне, чтобы пригласить меня на прощальный вечер. Меня огорчало, что этот прекрасный друг уезжает так далеко. А Миша был огорчен еще больше. Он сидел на уголке стула, вертел свою шапку в руке, пытался что-то сказать, откашливался, смотрел на пол, снова предпринимал

попытку что-то сказать и? молчал. Как робкий жених из комедии Чехова. «Ты ведешь себя как-то странно. Что с тобой, Миша?»? спросила я.

Тихо и запинаясь, он наконец выдавил из себя: «Не поедешь ли ты со мной? Я-я-я тут же разведусь. Я так люблю тебя, без тебя…»

Меня как током ударило. Что угодно, но этого я совершенно не ожидала. Миша Госман был для меня другом и не больше. Я бывала у него в доме. Каждый раз, когда приходила, его жена готовила для меня что-нибудь особенное. Она была очень любезной со мной. Но не больше. Может быть, ее сердце чувствовало, что происходит с ее мужем? Но как бы то ни было, у них были хорошие взаимоотношения. Оба работали на одной и той же фабрике, в одной и той же партийной организации, имели общие интересы. Но теперь я вспомнила, что обычно он приходил в театр один. Жена не может. Сидит с ребенком.

«Нет, Миша, нет. Так не пойдет. Ты мне очень нравишься, я ценю тебя. Но любовь? Нет. Забудь. И на прощальный вечер я не приду. Тебе будет хорошо на Дальнем Востоке и без меня».

Больше я о нем не слышала.

Моя подруга Ида

Жизнь меня не баловала. Но она дарила мне много друзей. Без друзей я не оставалась. Да и что это была бы за жизнь, без друзей, даже в те молодые годы, когда обычно видишь только «его», «единственного».

В начале сезона в нашем театре появился профессор литературы. Он читал лекции о польской и еврейской литературе. Раз в неделю, часа полтора. Мы могли бы слушать и дольше. Он был великолепным оратором. Казалось, что и ему самому это тоже доставляло удовольствие. Он всегда сиял как солнце, нет, как луна в полнолуние. Его круглое полное лицо, смеющиеся глаза, лысина вызывали это сходство. Он любил шутку и иронию в беседах, был очень доброжелателен. Вообще его отличало подкупающее дружелюбие. Его лекций по понедельникам никто не пропускал, хотя этот день был у нас свободным. Профессор Эрик, корифей в своей области, переселился в Минск из Варшавы. Как марксист, он едва мог применить свои знания и способности в реакционной Польше. И вот ученый с мировым именем должен был покинуть свою родину. Он избрал своей новой родиной Советский Союз. Ему была предоставлена кафедра русской, польской и еврейской литературы. Он читал лекции в университете, у нас и в других учебных заведениях. Он был счастлив, что. может делиться своими знаниями, а его слушатели тем более.

Однажды после его лекций мы разговорились. Он пригласил меня к себе домой. Его семья жила в маленьком домике на окраине Минска. Здесь всегда было много гостей. Поэты, писатели, критики были здесь завсегдатаями. Дом его был открыт для каждого, кто искал общения с другом или нуждался в совете этого ученого, всегда готового помочь. К нему приходили без предупреждения. В отсутствие профессора о гостях заботилась его миловидная жена. Она создавала такую атмосферу, что люди охотно оставались. Сидели они в библиотеке или в садике. С хозяйкой дома или без нее, если у нее не было времени.

Ида Эрик была очаровательным человеком. Естественная, веселая, интеллигентная. И выглядела она такой нежной, симпатичной, с голубыми глазами, каштановыми волосами. Смотреть на нее было одно удовольствие. Мы подружились сразу же, как только я появилась в этом доме. И длится эта дружба до сих пор. По очереди с Эммой Вольф она посещает меня каждые два года. Профессора Эрика мы потеряли в конце тридцатых годов.

В то время Ида полностью принадлежала маленькой избалованной дочке и мужу. В повседневной жизни он действительно был рассеянным профессором. По воскресеньям мы обычно готовили что-нибудь особенно вкусное. Он этого даже не замечал. «Макс, вкусно?»? спрашивала его жена, иногда немного раздраженно. «Как? Что? Ах да! Великолепно!» Замечал он, что ест, только когда ему говорили об этом. Все равно мы вкусно готовили. В воскресные дни мы редко бывали одни за столом. Гости причиняли Иде немало хлопот, но она охотно отдавала им свои силы и время.

За пять лет до этого она была в Варшаве студенткой профессора Эрика. Он влюбился в нее. Какая это была прекрасная пара! Оба излучали так много добра. Вечера у Эриков были очень познавательными. Я многое узнала. Наслаждалась прекрасными человеческими отношениями и подлинным весельем. У них в доме много шутили и смеялись. Профессор любил общество. Каждый придумывал что-нибудь интересное.

Часто приходил остроумный, иногда радостный, иногда грустный Миша Кульбак со своим «новорожденным» творением и читал нам свои стихи. Он скорее пел их своим звучным басом. Тихо и скромно сидел перед нами большой поэт и ждал, что мы ему скажем. Его творчество всегда оказывало на нас большое впечатление, была то лирика или проза. Мы радовались тому, что можем его слышать, были ему благодарны за это. Благодарны и за то, что он выбрал наш Минск, покинув тогда капиталистическую Литву и переселившись в Советский Союз. Он очень быстро понял

новую проблематику, иные конфликты между ретроградами и революционной молодежью. Поэтично и с тактичной иронией он рассказал об этом в своем коротком романе «Зельменианцы», отрывки из которого нам читал. Эта книга появилась в 1973 году и у нас, в Германской Демократической Республике. Один из моих юных друзей обнаружил ее в книжной лавке и очень его увлекся. Он подарил ее мне. Талантливого поэта Мишу Кульбака давно уже нет среди нас. Рано он ушел из жизни, очень рано. Но книги его живут. Их издают у нас.

В доме Эриков меня не заставляли играть или читать. Зато я помогала всеобщему веселью на другой лад. Я имитировала «ясновидение». Иными словами, я анализировала личности присутствующих со всеми их положительными качествами, которые я знала, угадывала или изобретала. Что касается отрицательных качеств, то тут я была осторожней. Каждый хотел подвергнуться этому «психоанализу». Все смеялись, спорили и не обижались. Или, во всяком случае, этого не показывали. Меня считали знатоком людей. Да и я в это верила. В самом деле, актерская профессия обостряет эту способность. А может быть, кое-что дал мне и отчий дом. Вот тогда, когда я прислушивалась к судебным разбирательствам моего отца. Во всяком случае, знание людей помогло мне в моей работе позже, во время войны, когда я работала с военнопленными.

Свободные от спектаклей вечера я обычно проводила у Эриков. А потом они стали меня приглашать и по воскресным и праздничным дням. Поздно вечером они провожали меня домой. «Моим домом» была малюсенькая, едва меблированная комната в крохотной деревянной постройке, с уборной во дворе. Толстая добродушная хозяйка охотно отнимала у меня время разговорами. Дом находился недалеко от Эриков. Но если шел дождь иди снег, я ночевала у них. Однажды Ида сказала мне: «Знаешь что? Оставайся совсем. Что тебе жить в твоей неуютной комнате? Я знаю, хозяйка готовит для тебя обед. А у нас ты можешь жить с полным питанием,? шутила она.? Мой муж готов отдать тебе свою библиотечную комнату».

«Это очень любезно, Ида, но мне не хотелось бы мешать Максу».

«Чепуха. Днем Макса нет, вечером тебя нет. Никто никому не будет мешать. Все наладится».

И все чудесно наладилось. Я редко встречала людей, которые были бы такими легкими в общежитии. Между нами не возникало ни малейших недоразумений. Мы жили втроем гармонично, на полном доверии и уважении и провели вместе много незабываемых часов. Это продолжалось два года. Затем

профессора Эрика перевели в Киев, где в нем очень нуждались. Он должен был возглавить только что основанный институт еврейской литературы.

Киев всегда был красивым, полным жизни городом, окруженным садами и парками. Рядом протекал Днепр. А Минск выглядел деревней? кривые переулки, маленькие облупленные дома. Конечно, меня радовало, что Эрики переселяются в Киев, но, с другой стороны, мне хотелось плакать. Я осталась в их маленьком домике, ходила из одной комнаты в другую и думала: «Неужели это правда! Я? хозяйка этого дома! » А ведь мечтала я только о шкафе. Да, только о платяном шкафе. Мне так надоело все время доставать мои вещи из чемодана и гладить их. А ходить в мятом не хотелось. Все же я была тщеславна. Повсюду, где я снимала комнаты, стояли самые различные шкафы: книжные, для посуды, комоды, этажерки, маленькие, большие, толстопузые, узкие. Но никогда не попадался платяной шкаф. И вот теперь у меня был шкаф. Но меня это не радовало.

Я ни за что не хотела здесь жить одна. Год назад я еще бы могла разделить этот дом с одним человеком, с режиссером театра, но из этого ничего не вышло. По моей вине. Помешал один-единственный легкомысленный шаг. Мужская гордость реагировала на это с железной последовательностью. Он не зря носил фамилию Айзенберг, железная гора.

Миша Кульбак и домишко

Прошло две недели после отъезда моих друзей. Я вновь и вновь думала, с кем же из театра разделить эти три комнатушки. Да, если надо, и платяной шкаф. И вот однажды утром кто-то постучался. Вошел Миша Кульбак. «Доброе утро».

«Добрый день». Я была удивлена, он смущен.

«Ну, как тебе тут одной живется? Насколько я тебя знаю, не очень хорошо. Тебе ведь нужно, чтобы вокруг были люди»,? начал Кульбак издалека.

«Чего он хочет?? размышляла я.? Сделать мне предложение? Или, может быть, рекомендовать жениха?»

«Что привело тебя ко мне, Миша? Так рано утром! Что-то у тебя на сердце».

«Ты угадала. Есть у меня что-то на сердце. От тебя не скроешь. Иисус Мария, как объяснить тебе? Хм, хм,? откашлялся он сначала, а затем продолжал:? У тебя такой славный домишко. Перед окошком стоит чудное зеленое деревце, кругом такая тишина? как в раю. А у меня темная, холодная квартира на первом этаже в самом центре города. С пяти утра до двух ночи грохочет трамвай. Каждую минуту кто-то заходит ко мне и спрашивает: „Ну что пишешь хорошего?“ Так вот я хотел тебя

спросить, то есть тебя просить… Нет, не могу».

Чувствуя, куда он клонит, я все же сказала: «Миша, ближе к делу».

«Это, конечно, наглость с моей стороны. Я знаю. Ну ладно, Мишкет, не согласишься ли ты со мной поменяться? Может быть, здесь мне удалось бы получше работать».

Что я должна была делать? Я поменялась с ним. Могло ли быть иначе? Он переехал в красивый домик с зеленым деревцем, с тишиной, как в раю. И? замкнулся совсем. Писал. Мы видели его теперь очень редко, только на премьерах.

Я отперла квартиру Кульбака. Он не преувеличивал. Она была холодной, темной и совсем пустой. Одиноко стояла в ней железная кровать. А рядом стоял человек еще более одинокий, но не из железа, ох, совсем не из железа. Мне пришло в голову: ты ведь могла попросить у Кульбака оставить тебе платяной шкаф. Он охотно бы это сделал. Теперь мне не хотелось возвращаться к этой теме.

Как мало значила для нас собственность, вещи. Если они были, все эти необходимые предметы,? хорошо, если не было? сходило и так. Недоставало многого, очень многого. Но мы не очень страдали от этого. Да и чего можно было еще ожидать? Огромный дом отчизны был пепелищем после империалистической войны, после революции, гражданской войны. Все надо было создавать заново: духовные ценности, материальные ценности, шаг за шагом, тяжелым трудом. Духовные ценности возникали быстрее. Аппетит приходил во время еды. Все стремились в университеты, в клубы, в красные уголки, в концертные залы, в театры, кино. А кто не мог читать и писать, посещали клубы ликбеза. Миллионы крестьян и рабочих учились, училась вся огромная страна. Где еще в мире можно было это увидеть? В то время!

Наш театр всегда был набит битком. В зале сидели люди самых различных национальностей и смотрели наши пьесы на еврейском языке. Спрос был такой большой, что мы получили свой собственный дом. Но его надо было еще переделывать. А пока что мы играли в колхозах. Даже в наши свободные дни. Стоял июль, время жатвы. Крестьяне радовались нашему приезду. Наши веселые, богатые действием пьесы хорошо понимали и белорусы.

Как побыстрей научиться говорить по-русски

Жизнь театра на колесах? нелегкий хлеб. Мы отнюдь не огорчились, когда узнали, что нам предстоит двухмесячный отпуск. Новое здание не закончат к первому сентября. Но что делать с отпуском мне? На Кавказе я была в прошлом году. Крым

я знала как свои пять пальцев. Я провела там летний отпуск в 1930 году, исходив полуостров вдоль и поперек. Случилось это так. Кое-кто из моих коллег поехал туда диким образом. Я присоединилась к ним. В Балаклаве, в крохотном поселке, состоящем из прибрежной улицы и нескольких поперечных улиц между морем и виноградниками, мы сняли комнаты с полным питанием. Это было не очень красивое место под Севастополем, но для отдыха то, что нужно.

Мы хорошо ели, почти целый день проводили на пляже, купались, загорали, снова ели. Так проходил день за днем. Дважды в неделю в летнем кино показывали фильмы. По воскресеньям играл духовой оркестр. Мы играли тоже? в карты. Мне эта жизнь вскоре надоела. Один из наших коллег был большим шутником. По вечерам он рассказывал разные истории, которые якобы случались с ним днем. Мы не всегда ему верили. Однажды он начал так: «Сегодня я познакомился в парке с сумасшедшим. Он утверждает, будто писатель, будто пишет для эстрады. Он собирается пройти пешком по всему побережью Крыма и ищет себе спутников».

Я вскочила: «Ты знаешь, где он живет?»

«Нет. Что с тобой?»

«Давай пойдем, мы должны его найти». Я потащила его за собой.

Когда мы оказались на прибрежной улице, он закричал: «Вон там! Там он идет! » И указал на группу из двух мужчин и одной женщины. Спорим, что он агитирует этих двух отправиться с ним в путь».

«Давай пойдем к ним. Меня не придется агитировать».

Мы подошли к этим людям. Мой коллега переводил. Я нашла их веселыми. Большего поначалу я сказать о них не могла. Мои знания русского языка были еще весьма скудными. Их немецкого? тем более. Но мы быстро понравились друг другу.

На следующий вечер мы отправились в путь. Все необходимое мы уложили в два больших рюкзака. Их несли мужчины. Зато мы стирали их вещички. По ночам мы шли от одного поселка к другому. Днем было слишком жарко. Мы лежали на пляже, отдыхали от наших походов. После обеда осматривали места с их достопримечательностями. Мои спутники были более натренированными пешеходами, чем я. Луна только что родилась. Ночи были темными. Меня было и не видно, и не слышно. Я могла потеряться, они этого даже и не заметили бы. Днем мы объяснялись на языке жестов. Предположим, кто-то сказал: «Будет гроза». «Что такое гроза?? спрашивала я. „Бум! Бум! Бум! Тсс!“? объяснял мне писатель и сопровождал свои

слова соответствующими движениями. „Ага! Гроза“. Это был самый лучший способ изучить язык, какой можно себе только представить. Мои коллеги удивлялись, как хорошо я заговорила по-русски после этого отпуска.

Первая путевка в деревне

О да, красивые дворцы построили себе в чудесном Крыму цари и князья. Мы побывали там. Что в домах отдыха и санаториях отдыхают трудящиеся, уже не было для меня новостью. Но что их можно было найти в настоящих замках, увидеть их прогуливающимися в дворцовых парках, меня все же удивило. В одном из таких дворцов мы посмотрели фильм, действие которого происходило именно здесь. До сих пор он остался у меня в памяти. Очень смешная это была кинокомедия. И подумать только? на современную тему. Никогда больше я так не смеялась в кино. Впрочем, другие зрители были также в восторге от этого фильма. Ради этого впечатления стоило совершить длинный переход. И даже натереть себе ноги.

История была действительно забавной: в дальнюю бедную деревеньку вскоре после Октябрьской революции приходит пакет. Настоящий пакет, с печатью. Председатель сельсовета думает, что же может содержать это письмо? Может быть, новый налог? Или призыв в армию? Другого крестьяне не ожидают. Председатель еле-еле читает по складам: «Путевка». Но что это такое, он не знает. «Направить одного человека»,? разбирает он дальше.? Ага, ясно: призыв». Он созывает сходку. Так и так, товарищи, обстоит дело. Кто из мужчин запишется добровольцем? Никто. Кому хочется уйти из деревни теперь, когда только начинается настоящая жизнь. Когда Ленин дал крестьянам землю! И вот встает старик, высокий, сильный. И говорит: «Я пойду. Моя жизнь уже прожита. Черт возьми! Я принесу себя в жертву».

Вся деревня его провожает. Все на вокзале. Все по очереди целуют его. Для него напекли, нажарили, дают ему в долгий путь. Поезд везет его в Крым. Потом он едет на грузовике. Наконец оказывается у Ливадийского дворца. Старик удивляется: тут и бабенки. Неужели их тоже призывают? Может, это то новое? Он не перестает удивляться. Сначала их ведут в огромную столовую, подают великолепный обед. Ну конечно, прежде чем поведут нас на бойню, нас откармливают, думает старик. После обеда человек в белом кителе приглашает новичков на несколько минут в парк. Он дает им короткую инструкцию. Потом посылает их по комнатам отдохнуть. Мертвый час! Что такое мертвый час, старик не знает.

И когда он слышит об этом, он обращается в бегство. Бежит он по красивому парку. Кричит: «Нет! Нет! Не хочу умирать! Не хочу! Жизнь теперь так прекрасна! » Он бежит, а врачи и сестры за ним. Им едва удается его догнать. Старик удирает от мертвого часа изо всех сил. Наконец его догоняют. Врачиха объясняет ему все. Ага! Понял! Но у них еще много хлопот со стариком.

После сеанса облучения ультракороткими волнами он отдыхает в парке. И раздумывает: «Если я десять раз по пять минут посижу перед этим аппаратом, я помолодею на десять лет, сказал мне доктор. А если я посижу по пятнадцать минут? Вот тогда я, наверно, вернусь домой, как молодой бог». Украдкой во время мертвого часа он покидает свою комнату. Отправляется в лабораторию, включает аппарат и садится под ним. Проходит пятнадцать минут, проходит двадцать, двадцать пять? аппарат трясет его, но он не может его выключить. Рычаг слишком далеко от него. Он кричит, зовет на помощь. Приходит сестра и освобождает его.

Публика получила такое удовольствие от этого фильма, что любой другой режиссер мог только мечтать о таком успехе. В

сущности, он показал кусочек новой жизни, показал весело, интересно.

Отпуск моих спутников подошел к концу. А у меня еще оставалось много времени. Коммунисту тоже свойственно мечтать. И желать. Точнее? именно коммунисту. Мне хотелось снова побывать в Берлине, встретиться с товарищами, от которых приходили плохие новости, увидеть отца, о котором вообще ничего не было слышно. И меня охватила тоска по моей матери, которая уже много лет как умерла.

Берлин накануне варварства

Сперва я вернулась в Минск. Мне следовало бы отремонтировать мою квартиру. Это было совершенно необходимо. Опять заботы с квартирой. Но что было мне делать в двух комнатах? Тем более что они были почти пустыми. В один прекрасный день я отдала одну из них нашему секретарю ячейки, который жил у родителей жены. Его жена была одной из наших лучших актрис. Они могли обойтись без маляров: в театральной студии научились раскрашивать декорации. У меня к этому не было никаких способностей, да и опыта не было. Они взялись привести и мою комнату в порядок. Я оставила все свои пожитки в чемодане, купила билет и отправилась в Берлин.

Было это в сентябре 32-го года. Жила я снопа у Александра Гранаха и снова встретила там Лотте. Когда я вошла в квартиру, они как раз подсчитывали свои сбережения. Конечно, я им ничего не сказала. Но они заметили, что я удивлена. Гранах сказал: «Да, да, я пересчитываю свою наличность. Прикидываю, надолго ли ее хватит, если мне придется покинуть Германию».

Что я могла ему ответить? Я еще не осмотрелась. Тем не менее я спросила: «Алекс, это не паника? Ты думаешь, что Гитлер придет к власти?»

Он ответил раздраженно: «Не знаю. Я не политик. Но я знаю, что уже теперь в театре невыносимая атмосфера. Нацисты, как крысы, вылезли из нор. Они уже заняли многие места. Да и улицы полны штурмовиков. Ладно, оставим это. Расскажи лучше о себе».

В тот день мы толком так и не поговорили. Слишком тяжело было у нас на душе. Удручала мысль, что наша А родина катится в пропасть. Неужели никто ее не спасет? Было больно смотреть, с каким отвращением этот прирожденный артист отправился вечером в театр.

На следующее утро я встретилась с двумя друзьями и моей сестрой Зуре в кафе на площади Бюлова, напротив Центрального Комитета нашей партии. Зуре уже стала членом Коммунистической партии Германии, вышла за– * муж за коммуниста. Муж ее не смог прийти, ибо он принадлежал к тем

немногим счастливцам, у которых еще была работа. Он был хорошим специалистом? электротехником на городской электростанции.

Мы сидели за столиком у окна. На площади перед домом «Карла Либкнехта» мы видели множество маленьких групп. Люди о чем-то спорили. Я пригляделась и подумала, что это дурной сон: люди в коричневой форме со свастикой на рукавах. У меня перехватило дыхание. С ними беседовали люди в штатском. «Кто эти в штатском?»? спросила я.

«Это наши товарищи. Только я не знаю: эти штурмовики пришли похулиганить или послушать. Мы со всеми ведем беседы. Даже с рабочими парнями из штурмовых отрядов. Пытаемся им объяснить, что они попали на удочку лжи и обмана».

Один из товарищей добавил: «Ведь пестрый народец, эти штурмовики. Одних сбила с толку безработица, другие поддались демагогии нацистов. Третьим достаточно посулить форму. Но самое главное для нас? завоевать на свою сторону рабочих? социал-демократов. Если это удастся, Гитлер не пройдет». Этому товарищу не сиделось на месте. Он встал и сказал: «Пойдемте».

Мы расплатились и вышли. Мои друзья вмешались в споры на площади. Про себя я думала: с какой же страстью борются коммунисты за каждого человека, который вместе с ними был бы готов дать отпор фашистской тирании.

Сестра моя была беременной. Эти дискуссии, которые она, как и все другие товарищи по партии, вела почти ежедневно, очень ее утомляли. Но она держалась мужественно. Сейчас и позже, когда эти варвары захватили власть.

В 1936 году ей пришлось расстаться с мужем и бежать из страны со своим малышом. Трижды пришлось ей бежать от нацистов, пять раз переезжать из одной страны в другую. Дания? Норвегия? Швеция, а когда нацисты были разбиты, весь маршрут снова: Швеция? Норвегия? Дания. И повсюду ей, как коммунистке, приходилось нелегко. В конце концов она вынуждена была заключить фиктивный брак, чтобы получить визу. А потом этот «муж» не захотел разводиться. И тут у нее было много огорчений и хлопот. Не хочу вдаваться в подробности. Многим пришлось еще хуже. Ей все же повезло. Жива она, жив ее сын. То, что она спаслась, она, еврейка и коммунистка, не попала в руки фашистов, уже само по себе было счастьем.

Мои товарищи никак не могли оторваться от спорящих. Я кивнула им и ушла. От площади Бюлова до дома моего отца было совсем недалеко. Я спросила Зуре, пойдет ли она со мной. «Нет, с тех пор как отец женился, я туда не хожу. Других детей он

навещает. Меня нет, потому что мой муж гой. Что он коммунист, он еще мог бы простить. Это он уже понимает. Видит же он, что происходит вокруг. А со своим религиозным фанатизмом расстаться не может. Впрочем, увидишь сама».

Янкель

Так оно и было. Встреча с отцом была малоприятной. Мы сидели рядом как чужие. Он был один в комнате. Я ожидала, что он расскажет мне о своей женитьбе. Но он только вымолвил не очень весело: «Тебе наверняка нужны деньги? Но у меня их нет. К сожалению».

«Ради бога, мне ничего не нужно. Я ничего не хочу. Я пришла тебя навестить. Но ты что-то этому не рад»,? вырвалось у меня.

Он смутился, хотел что-то ответить. Но тут открылась дверь спальни и вышла невысокая сухопарая женщина лет сорока, с горбом. Она прошла мимо, даже но подав мне руки. Ее узкие, плотно сжатые губы даже не раскрылись, чтобы сказать мне «здравствуйте». Взглянула только своими пронизывающими зелеными глазами и прошелестела в кухню. Она показалась мне ведьмой. Главной чертой ее характера была властность. И как я немного позже узнала, скупость и жадность. По моим впечатлениям, она помыкала отцом. Наверное, поэтому он вел себя так странно. Что-то не было заметно, чтобы он нашел свое позднее счастье. Сестра мне рассказала, что он вовсе не хотел жениться на этой женщине. Но она не давала покоя, пока не привела его к алтарю. Конечно, это было дело рук хитрого свата.

Я спросила отца о Зальмене: «Ты еще встречаешься с ним?»

«Теперь очень редко, не с кем мне перемолвиться умным словом. Кто разбирается сегодня в политике? Одна беда уходит, другая приходит. Антисемитская травля усиливается. Да и вообще дела плохи».

«А что можно, по твоему мнению, сделать?»? Мне действительно хотелось узнать, что он об этом думает.

«Что можно сделать? Ничего нельзя сделать. Ждать и молиться богу, чтобы он взял к себе Гитлера».

«Но, отец, вы ведь утверждаете, что на небе есть лишь один бог. Гитлер молится тому же богу. Кого же ему слушать?»

Моя ирония на этот раз не вывела его из себя.

«Ты еще надо мной смеешься? Ах, доченька, мне не до смеха. Я тебя еще не спросил, как тебе живется? Вышла ли ты замуж? Есть ли уж детишки?»

«Нет, отец, я жду своего суженого». Теперь я осмотрелась в комнате. Повсюду знакомые мне вещи. Ожило детство. А как далека я была от него. Вот узкая железная кровать, на которой я когда-то спала. Теперь на ней спит Янкель. На стене над кроватью

висела рамка с изречением, написанным печатными буквами. Я подошла поближе и прочитала: «Человек! Будь благороден, отзывчив и добр!» А еще ниже: «Советами я сыт по горло. Янкель». Что означало это? Глупая шалость мальчишки? Цинизм? Беспомощность? Отчаяние? Поиск? Подождем-ка, сказала я про себя. Сначала потолкуем с мальчишкой. Я спросила отца: «Где Янкель? Я хотела бы его повидать».

«Откуда я знаю, где он шляется! Он заявил мне, что не нуждается в опеке. Ходит на голове! Как все в этом мире».

«Ну, тогда я пойду». Я встала, поцеловала у отца руку. У меня было такое чувство, что никогда больше его не увижу. Он глубоко вздохнул и проводил меня до двери.

Медленно, погруженная в свои мысли, я спустилась по лестнице. На узкой, темной площадке натолкнулась на какого-то человека. Передо мной стоял мой брат Янкель. Я не верила своим глазам. Янкель без пейсов, без кафтана! Красивый, щеголеватый молодой человек девятнадцати лет. Одет по люде. Шляпа небрежно сдвинута на лоб, под рукой портфель. Я бросилась ему на шею. «Янкель, что с тобой стало? Хорошо выглядишь. А зачем портфель? Ходишь на работу, да?»

«Я не хожу, я бегаю».

«Как это бегаешь?»

«Такая профессия»,? сказал он с гордостью. Он знал, что этим произведет на меня впечатление.

«Что за профессия? С каких пор? Где работаешь, чем занимаешься? Рассказывай! Скорее!»

Не торопясь, наслаждаясь моим любопытством, он сказал: «Здесь, на площадке? Нет. Давай-ка поднимемся, сядем, и я расскажу тебе все по порядку».

«Подниматься? Нет, я уже попрощалась».

«Понимаю. Я бы тоже охотно распрощался. И я сделаю это. Думаю, что скоро. Но прежде я хочу жениться. Невесты у меня еще нет, но я ее найду. Без свата. Да и свадьбу отпраздную на свой вкус. Без его „королевы красоты“. Ты смеешься? Она действительно считает себя красавицей, эта горбатая. Извини, в этом она, конечно, не виновата, но злая баба. Отец собирался жениться на другой, которую он несколько лет назад обвенчал, а потом развел. Но сват, ты же знаешь его, целую неделю обрабатывал его с утра до вечера, дескать, это настоящая жемчужина. Специально для него привезли из Венгрии».

Я прервала его: «Как сватают, мне известно. Все равно отцу не помочь. Пойдем-ка посидим в кафе, ты расскажешь мне о себе. Это меня больше интересует». Я повела его в то же кафе на площади Бюлова. В какое-нибудь другое поблизости мы не

решились пойти. Там завсегдатаями обычно были проститутки и их сутенеры. Едва мы уселись, я сказала ему: «Ну рассказывай! Чем ты занимаешься? Что у тебя за профессия?»

Янкель больше не мог молчать. «Что за профессия? Я адвокат!»

«Кто? Ты?!? вскричала я.? Янкель, не выдумывай».

«Хорошо. Почти адвокат. Тебе этого мало? Серьезно, меня называют стряпчим».

«Давай без шуток? Ты ведь едва говоришь по-немецки? А писать вообще не умеешь».

«Представь себе, умею».

«Откуда?»

«Очень просто. Окончил курсы. Отец даже заплатил за меня. Что ты на это скажешь? Ему ничего другого и не оставалось. Ему было неудобно, что его „дорогая женушка“ считает каждый кусок, который я съедаю. Дескать, я не должен есть так быстро. Это вредно для здоровья. И не пить так много. От этого, дескать, толстеют. Я сказал себе: хватит балагурить. Ты должен сам зарабатывать себе на хлеб. И как можно скорей вон из этого дома».

«Янкель, ты просто великолепен! Ну а как ты думаешь это сделать?»

«Потерпи немного. Не закончил я еще курсы, как отец получил судебную повестку. Такого еще не было. Судебная повестка раввину! И кто вчинил ему иск? Один из его поклонников. Отец не расплатился за мебель. Ведь молодая парочка должна же была заново обставить спальню. Мебельщик несколько раз приходил к нам, его жена приходила. Они упрашивали, они кричали: „Как вам не стыдно! Вы грабите нас среди белого дня!“ Но на „королеву красоты“ все это не произвело ни малейшего впечатления. Как будто бы ее не касалось. А ведь виновата была она. Деньги у нее были, а платить не хотелось. И вот мебельщик пошел в суд. Дай ему, бог, здоровья. Потому что с этого все началось.

«Поручи это дело мне,? сказал я отцу.? Я покажу ему, кто кого грабит! Я заставлю его предъявить свои отчеты! Я потребую, чтобы он показал, какие он платит налоги и сколько скрывает».

Отец сказал: «Так нельзя». «Можно!? ответил я.? Если он может отобрать у тебя кровать, почему я не могу его потрясти?»

«А что скажут люди»,? пытался усовестить меня отец.

«Что люди скажут? Они скажут, ну и Янкель, толковый парень. Наконец-то нашелся кто посмелей. Кто борется? как это называют коммунисты?? да, с эксплуататорами».

«Что за эксплуататоры? Что за чепуху несешь, Янкель? Ты

что, тоже стал коммунистом? Или сошел с ума?»? раскричался отец.

«Дай-ка сюда эту бумажку, отец. Я постараюсь по-доброму с этим делом покончить. Ради тебя».

И вот пошел я в суд. Было это год назад, во вторник. Точно помню. Хороший был день. Конечно, поначалу сердечко у меня прыгало. Мне сказали, что немецкие судьи очень строгие и говорить с ними бесполезно. Они просто не слушают, что им говорят. Ну, адвоката еще туда-сюда. Но кто может оплатить адвоката? Это стоит дороже, чем весь иск. На чем я остановился? Да. Так вот, я должен подняться на третий этаж, занять место на скамейке у комнаты номер триста десять. Сидеть там, пока не позовут: «Шульман против Либермана». Так объяснил мне вежливый старик, дежурный у входа.

И вот я взлетаю на третий этаж, передо мной бесконечный коридор, полный людей: молодых, старых, среднего возраста, хорошо одетых, плохо одетых. Все волнуются, то посидят, то встают. Некоторые ходят взад и вперед. Большинство мрачно молчат. Другие продолжают свой спор, будто бы они дома. Все враждуют друг с другом. Вот и мой враг пришел. Он на меня не смотрит. Как будто бы я из воздуха. Он уверен в своей правоте.

Я усаживаюсь на скамейку. Справа от меня пожилая женщина. Она то и дело оглядывается.

«Этот человек меня бросил!»? говорит она возмущенно.

Я пытаюсь ее утешить: «Не переживайте, милая фрау. В жизни все случается. Конечно, в вашем возрасте это не так уж приятно!»

«Вы ошибаетесь, не о том идет речь. Мой муж погиб на войне. Я говорю об адвокате».

«А что у вас за дело, разрешите спросить?»

«Какое уж там дело. Описывают имущество. Как теперь быть!»

Женщина в отчаянии. Я успокаиваю ее, насколько могу. Теперь мне хочется узнать, что привело сюда соседа слева.

«А вы зачем пришли?»? «Описывают имущество»,? говорит он не очень-то дружелюбно. Да и почему ему быть дружелюбным. Ну и власть же! У половины города описывают имущество.

Наконец я вижу человека, который выглядит не таким несчастным, как все. Напротив стоит молодая красивая женщина и с вызовом смотрит мне в глаза. Я человек вежливый, предлагаю ей свое место. При этом позволяю себе шуточку: «Вас наверняка ждет что-нибудь приятное? Большое наследство?» «Помолчите-ка! Вам-то какое дело!»? кричит она. Она бы еще долго меня отчитывала, но, на счастье, ее зовут в зал. Ну, если она такая злая, думаю я, это наверняка развод. С ней и я бы жить не стал».

«Янкель, говори о деле!»

«Ну хорошо. Я снова сажусь рядом с пожилой женщиной. Мимо меня взад и вперед снуют какие-то мужчины. У всех портфели под локтем. Шляпы сдвинуты на затылок. Одни бегут в одном направлении, другие? в другом. Вверх по лестнице, вниз по лестнице. В одну дверь входят, в другую выходят. „Что это за люди?“? спрашиваю я свою соседку.

«Адвокаты,? объясняет она мне,? стоят больших денег, зато и выигрывают дела. Они говорят как по-писаному. А я? Я же не могу ни слова сказать. Я должна только платить. Одинокая, четверо детей. Двое постарше уже хорошо зарабатывали, а теперь без работы. Чем нам платить?»

И тут меня озарила идея: Янкель, вот бы тебе этим заняться! Портфель ты можешь себе купить, да и криво надеть шляпу не такое уж сложное дело. Болтать ты тоже умеешь. Ну, правда, не как по-писаному, но так долго, пока собеседника не станет тошнить. Я говорю женщине: «Знаете что? Я возьму на себя вашу защиту и не потребую от вас ни пфеннига». Старуха чуть не бросилась мне на шею.

Короче говоря, я выиграл оба процесса, и свой и ее. Когда я очутился перед судьей, я говорил, говорил, говорил и не мог остановиться. Люди за судейским столом стали нервничать, посматривать на часы, на меня, потом снова на часы. Пробило двенадцать. Наверное, им захотелось есть. Немцы пунктуальный пародь. Даже их желудки реагируют точно, когда наступает время обеда. И они поспешили со мной согласиться. Постановили: опись имущества отменяется, если ответчики аккуратно заплатят долги. Ответчики были удовлетворены. Истцы тоже.

Об этом пошли разговоры в гетто. Да и я постарался, чтобы все об этом узнали. Что же тебе сказать? Люди стали ко мне приходить как к настоящему адвокату. Поначалу я вообще не брал денег. Я, так сказать, репетировал. Потом стал понемножку брать. И теперь я зарабатываю этим свой хлеб. Только прошения сам не пишу. Немцы не любят, когда пишут с ошибками. Вот теперь ты знаешь, чем я занимаюсь».

«Что же ты будешь делать дальше?»

«Хочу учиться, стать настоящим адвокатом. Ты довольна?»

Что с ним стало, я не знаю. Через три месяца вся Германия превратилась в сумасшедший дом.

В тот день с меня хватило. Мне хотелось домой. По дороге к станции на Александерплац любопытство заставило меня зайти в универмаг «Титц». Огромный универмаг был набит товарами, а покупателей не было. Тут и там любопытные, как я. У касс почти никого не было. Да и чем платить? Безработица. Безработица в городе, безработица в стране. Фашисты использовали ситуацию.

А коммунисты боролись против этого.

В последующие дни я встречалась с друзьями. Повсюду один и тот же вопрос: что несет будущее? Положение было очень, очень напряженное. Что будет?

С радостью я шла на свидание с четой О. Прежде всего с Розой. Думала как следует поговорить с ними о политике в стране. Но между нами пробежала черная кошка и настроение было такое, что я вскоре ушла. Роза проводила меня до улицы. «Увидимся ли мы еще когда-нибудь? Думаю, нет». Больше она не могла ничего сказать. Из ее больших вопрошающих глаз катились слезы. Я крепко ее обняла. Сколько людей, у которых жизнь не сложилась! Из этой женщины могло бы кое-что выйти. Но только не в этой обстановке. Ах, если бы я тогда взяла ее с собой!

Снова в Минске

Наконец я снова в Минске. Но мои мысли все время возвращались в Берлин. Меня мучило беспокойство и печаль, я чувствовала укоры совести. Может, надо было остаться? Бороться вместе с товарищами? Что будет, если… что станется с моим стариком отцом, с моей сестрой Зуре, которая ждет ребенка, с моим братом Янкелем, который как раз собрался начать новую жизнь? Что станется с моими товарищами? Если… Но нет! Этого не случится! В Германии фашизм не пройдет. Все-таки такой сильный рабочий класс! А если? Может быть! Так я металась от одной крайности к другой.

Но потом меня полностью захватили репетиции. Правда, формально работа еще не началась. Но актера тянет в театр, как лошадь в стойло. Еще задолго до начала сезона собралась почти вся труппа. Приехал важный гость из Москвы: один из лучших советских режиссеров. Он приехал, чтобы поставить у нас «Праздник в Касриловке» Шолом-Алейхема. Пока что он вел беседы с труппой, знакомился с актерами. Мы все были в большом волнении: режиссер, русский по национальности, не знал идиш, а пьеса построена на еврейских песнях и танцах, обычаях и нравах. Она показывает быт маленького еврейского местечка. Как справится режиссер Дикий с этой пьесой?

Мы все были поражены, с каким пониманием, с каким тонким чувством он поставил эту пьесу. Просто великолепно! Это был шедевр!

На премьеру приехало много театралов из Москвы и Ленинграда. Все восхищались этой постановкой. Я играла в массовых сценах. Поэтому у меня была возможность разглядывать зрительный зал. Как хорошо, когда люди смеются!

Мне запомнилась небольшая сценка: рыночная площадь, наполненная людьми. Они поют и танцуют. Внезапно кто-то

кричит: «Слушайте! Слушайте!» Вокруг него собираются люди. Он держит речь. Несет чепуху. Говорит, говорит и не может остановиться. Он влюблен в себя, в свой дар речи. Один за другим люди уходят. Он остается один. Он не замечает, что вокруг никого нет. Кто знает, как долго он говорил бы еще, если бы не опустили занавес. Таких иронических сцен было много, с намеками на современников, известных и неизвестных.

Газет из Германии больше не приходило. Я все меньше получала вестей. Белорусские газеты я не понимала, русские? с большим трудом, а еврейские вообще не могла читать. Я никогда не умела читать и писать на идиш. Мои роли я записывала под диктовку латинскими буквами. Поэтому я была очень благодарна моему другу-белорусу, рабочему сцены, за то, что он почти ежедневно рассказывал мне о свежих новостях или читал мне газеты. Однажды он указал на статью: «Посмотри-ка, тут напечатан интересный материал? „Письма из Берлина“. Хитро улыбаясь, он начал читать. Мне казалось, я ослышалась. Это были мои собственные письма, которые я писала ему из Берлина о положении в Германии.

«Почему ты не спросил у меня разрешения их напечатать?»

«Ты же разрешила бы?»

«Конечно, я бы…»

«Ну вот, я же это знал».

На этого славного парня я не могла сердиться. Он помогал, как только мог: в театре, в быту. Он помог мне, например, переехать на новую квартиру. Да, я снова поменяла квартиру. Что поделаешь. На прежней комнаты были смежными. Мне приходилось, если я ночью вставала, проходить через комнату молодых супругов. Мне не хотелось им мешать. Поэтому я обменялась с нашим героем-любовником, у которого была отдельная комната, правда, далеко от театра. Он решил проблему очень просто, отгородив себе узкий проход. Моя новая комната была поменьше, но зато повыше. Актер мне оставил стол и стул. Свою железную кровать я взяла с собой. Ну и беззаботная же я была!

Сама смеюсь над собой, когда об этом вспоминаю. Похоже на анекдот, который служка рассказывал моему отцу. «Береле так хочется иметь собаку. Но денег не хватает. Он идет к собачнику и спрашивает: „Сколько стоит вон та собака?“

«Большая? Двести марок».

«А вот та, поменьше?»

«Триста марок».? «Ага! А вот та, совсем маленькая?»

«Та? четыреста марок».

«Гм! А вот та, совсем-совсем крохотная?»

«Самая маленькая? самая дорогая. Пятьсот марок».

«Скажите, пожалуйста, а сколько стоит никакая собака?»? спросил Береле. И ушел с пустыми руками».

Вот так же было у меня с квартирами в Минске. В конце концов я вообще осталась без крова. Вскоре меня перевели в Москву. Но это уже другая история. И очень печальная. Она связана с той трагедией, которая произошла в Германии.

Немецкий театр в Советском Союзе

В Москву ежедневно приезжали товарищи, бежавшие от нацистских палачей. Советский Союз принимал их по-братски. Было сделано очень, очень много, чтобы заменить им родину. За короткое время возникли газеты, журналы, клубы, театр. О трудоустройстве уж и говорить не приходится. Каждый мог выбирать, где он хотел работать. А что касается жилья и продовольствия, то о политэмигрантах заботились даже больше, чем о своих собственных гражданах.

В Москве был организован интернациональный театр. Он должен был играть на трех языках: немецком, французском, английском. Актеров было достаточно, в большинстве любителей. Деньги имелись тоже. Сложнее было с директором. Нашли одного. Он мужественно дрался на баррикадах Венгерской Советской Республики, но на театральных подмостках спасовал. Вернее сказать, спасовал перед женской частью труппы. Ему не удавалось организовать дело, подготовить репертуар. Он растерялся. Шел месяц за месяцем, а театр не давал ни одной постановки. Вместо спектаклей сплошные заседания, ссоры и споры.

Вот это запущенное дело мне поручили взять в свои руки. Увлекательная задача. Прошло много месяцев, прежде чем меня отпустили из Минска. Прибыв в Москву, я нашла только осколки театра. Их больше нельзя было склеить. Сразу с вокзала я поехала в этот театр и оказалась на общем собрании. Шум стоял страшный. Коллектив навалился на директора и требовал его немедленной отставки. Но вместо того распустили театр. Он уже стоил достаточно много. Кто мог взять на себя ответственность за новые расходы? Все три секции должны были отныне работать самостоятельно: англичане и французы присоединились к клубу завода «Динамо». А немцы хотели существовать самостоятельно. Но это требовало времени. А мне пока что поручили руководить клубом для иностранных специалистов. Снова я должна была прийти на смену мужчине. Бедные мужчины! Тот, которого я сменила, совсем не годился для клубной работы. Он мучил себя и других. Он вел себя как слон в фарфоровой лавке. Теперь мне предстояло взяться за это дело как следует. Возможностей было

много, денег тоже хватало. Их давали крупные предприятия.

Не знаю, какую культурную жизнь вели эти специалисты у себя на родине. Наверное, жили по-разному, но вряд ли им приходилось видеть и слышать столько настоящих артистов, ученых, литераторов с мировым именем, как в этом клубе. Им показали лучшие произведения искусства и литературы. Из знаменитостей Большого театра в клубе не выступала разве только Уланова: она неохотно выступала на клубных сцепах. Художественный и Малый театры часто играли на подмостках клуба. Они показывали инсценировки русских классиков, которые можно было сыграть на этой маленькой сцене. Это были художественные шедевры. Время от времени здесь играли и пьесы на современную тему. Или по крайней мере отрывки из таких пьес. И само собой разумеется, выступал кукольный театр Образцова.

Регулярно собирались советские и иностранные специалисты, чтобы обменяться опытом. Особенно активными были архитекторы и строители. Уже в то время они без устали спорили о том, как лучше, красивее строить дома. Им никогда не удавалось договориться. Кажется, они спорят до сих пор. Но истину найти им не удается. Да и не только им. В клубе можно было отлично поесть. Но это уж была не моя заслуга. Да и потанцевать тоже, каждую субботу, до самого утра.

Я не завистливый человек. И тем не менее, когда я посещала клуб имени Тельмана для иностранных рабочих на улице Герцена, меня охватывала зависть. Там царила совершенно другая атмосфера. Может быть, реже выступали «звезды», но зато люди чувствовали себя там как дома. Все было проще, непринужденнее, сердечнее. Настоящий клуб для рабочих. А в моем клубе люди предпочитали «потреблять». Художественной самодеятельностью заниматься они не хотели. Зато на улице Герцена работало много кружков. И даже если не было никаких мероприятий, в этот клуб шли, просто чтобы провести вечер в кругу товарищей. Многие встречались там впервые после бегства из нацистской Германии. Обнимали друг друга. «Ты еще жив? Как хорошо!»

Между тем немецкая труппа начала работать. Ее художественным руководителем стал известный у нас режиссер Густав фон Вангенгейм. Большинство актеров пришло из рабочего театра «Колонна Линкс», другие? из труппы «1931». Театр должен был обслуживать иностранных рабочих и инженеров, которых было немало на больших предприятиях страны. Сначала играли в Москве и ее окрестностях, потом начались гастроли. Все актеры были борцами против фашизма. У них оказались руководители, лучше которых и желать было нечего: Эрвин Пискатор и Артур

Пик. Оба в то время жили в Москве. Первый в качестве президента немецкой секции Международного революционного союза рабочих театров, второй был его секретарем. Оба считали, что труппа должна выступать и перед советскими рабочими. Для первых гастролей выбрали Донбасс. Театр готовился к этим гастролям очень тщательно. Меня огорчало, что я не могла поехать с ними. Наверное, я кому-то сказала об этом. Мне позвонил Артур Пик. «Нам нужен руководитель гастролей в Донбассе. В июле и августе тебе в клубе все равно делать нечего. Не хочешь ли взять на себя гастрольную поездку?»

«Желание есть, но отпуск у меня только четыре недели».

«Это мы уладим».

На следующее утро я была у Артура Пика. Он объяснил мне мои задачи. И в добрый час! В Донбасс! Как администратору мне дали одного работника театра, но этому молодому человеку с устаревшими взглядами не нравилось, что им командует женщина. Он все время чего-нибудь придумывал, чем бы меня позлить. Но моя работа от этого не страдала. Мой аппетит тоже.

Мы долго ехали на поезде. Было время кое о чем поразмыслить. Соберем ли мы полные залы? Поймут ли наши спектакли? Поймут ли наш язык? Как встретят нас? Где и как нас разместят? И все такое прочее. Наша программа состояла из небольших пьесок антифашистского содержания. Конечно, она включала и революционные песни, многие из которых были известны рабочим. Они с воодушевлением нам подпевали. Это помогало установить контакт между сценой и залом. Перед началом спектаклей я выступала с короткой речью на русском языке. Рассказывала о борьбе против фашизма в Германии и за ее пределами. В программах я не всегда участвовала, у меня хватало забот с подготовкой гастролей. Я вела переговоры с партийными комитетами, с предприятиями. Мне это доставляло большое удовольствие. Тем более что успех труппы превзошел ожидания. Полные залы. Большинство не понимало нашего языка, но понимало, за что мы боремся. Аплодисменты выражали солидарность. Это было лучшей наградой. Мы забывали о всех трудностях и мелочах быта. Уставшие и счастливые, возвратились мы в Москву.

Создается немецкий колхозный театр

Однажды? все случается, как известно, однажды? из Днепропетровска поступил запрос. Нельзя ли организовать немецкую театральную труппу для этой области. Ей предстояло бы играть в деревнях с немецким населением. Лет двести назад в тех краях поселились немцы, в большинстве своем швабы. Часть из них еще сохранила язык и обычаи предков. Для них-то и

хотели организовать этот театр. Инициатива принадлежала секретарю областного комитета Коммунистической партии Советского Союза Хатаевичу. Да и позже он проявлял большой интерес к нашему театру. Мы могли обращаться к нему, если что-нибудь у нас не клеилось. Так бывало. И он помогал.

Для этого театра Пискатор пригласил из Праги Максима Валентина. Многие из живших в Москве немецких актеров были заняты на съемках фильма «Борец». Максим Валентин пригласил из-за границы нескольких актеров, бежавших из гитлеровской Германии и оказавшихся теперь в одиночестве и без работы: Эрвина Гешонека, Анн Франк, Фридриха Рихтера, Германа Грейда, Герхарда Хинце, Курта Ренте, Лео Бибера. Само собой разумеется, что в эту труппу входила и Эдит Валентин, наш добрый дух. Кое-кто из актеров, живших в Москве, охотно присоединились к нам. Музыкальным руководителем стал Ганс Гауска, ученик Ганса Эйслера. Он же был и нашим композитором. Юмора у него было в избытке. Он заботился о том, чтобы никто не унывал. Очень помогала нам Зильта Шмюкле. Она была костюмершей, но делала все: рисовала эскизы костюмов, шила их, мастерила декорации, а иногда и рисовала эскизы театрального оформления. А если некому было играть, она брала на себя роли и получалось неплохо. Благодаря ей в коллективе всегда царила хорошая атмосфера. Нашим художником был Курт Лессер, талантливый парень. Ему удавалось даже в поле изобретательно оформлять спектакли.

Я присоединилась к этой труппе через несколько недель после ее основания, когда она уже оказалась в Днепропетровске. До того мне пришлось найти себе замену в клубе. В Днепропетровске существовала театральная студия на немецком языке, возникшая на базе сельских коллективов художественной самодеятельности. Ребята пытались создать театр, но они все хотели делать сами. «Сами, сами», как дети. А им могли бы помочь: в Днепропетровске работали три театра: русский, украинский и еще опера. Но те предпочитали вариться в собственном соку. Понятно, что у них ничего не получалось. Максим Валентин пригласил их присоединиться к нам. Получился неплохой коктейль. Они хорошо знали местную жизнь, а мы? театральное дело. Один помогал другому. Довольно быстро мы сплотились в один коллектив.

Наша работа имела большое культурно-политическое значение. Это было нам ясно. Нам было ясно н то, что жизнь колхозного театра, фактически театра на колесах, будет нелегкой. Максим Валентин предъявлял высокие требования к себе, к труппе, к зрителям. Мы не шли на уступки ни в художественном,

ни в человеческом отношении, а о политическом и говорить нечего. Это нашло свое выражение уже в его первой постановке: «Разбитый кувшин» Генриха Клейста. Замысел режиссера опирался на «Вариант» Клейста. Таким образом, в спектакле было показано начало колониальной эксплуатации. Метод Максима Валентина состоял в том, чтобы интерпретировать пьесу с марксистской точки зрения. Это был спектакль, который не стыдно было бы показать и в Москве.

У меня была роль ведущего, иными словами, я выступала с разъяснением к пьесе. Говорила по-немецки, по-русски, по-еврейски в зависимости от того, где мы играли. Потом я сидела в зрительном зале, наблюдала за публикой. Она следила за происходящим на сцене с большим напряжением. Несмотря на то, что мы играли без антрактов и колхозники приходили на спектакль после напряженного трудового дня. Секрет нашего успеха заключался большей частью в том, что мы поддерживали тесный контакт со зрителями. Опыт немецкой театральной жизни и работы агитационно-пропагандистского театра Максим Валентин использовал не механически. Он шел от жизни советских людей, для которых мы играли.

В нашей труппе играло немало превосходных актеров. Когда я вспоминаю, с каким комическим талантом играл жениха в чеховском «Предложении» Эрвин Гешонек, я и теперь не могу сдержать улыбку. Его робкое неумелое сватовство было маленьким шедевром театрального искусства. Смеху в зале, казалось, не будет конца.

Большим успехом пользовался у колхозников и спектакль на современную тему «Эмилия». Гешонек играл в нем репортера, я? толстую кухарку. Сочинил эту пьесу актер Драх, но во время репетиции мы все над ней работали. Нельзя сказать, чтобы это было крупное произведение искусства, но колхозникам спектакль нравился. Он говорил об их жизни.

Эмилией звали свинью, из-за которой разгорелся сыр-бор. Конечно, не всегда в конфликтах виноваты свиньи, но тут дело обстояло именно так. И вот пропала Эмилия. Ночной сторож недоглядел. Всегда виноват стрелочник. Вся деревня ищет Эмилию, все бригады, все кружки, впереди всех спортивный кружок, ну, конечно, и театральный кружок, хор? короче, все, кто только мог бегать. Вокруг этого происходит много забавных историй. И самое главное: мы в каждый спектакль включали местные события? позитивные и негативные,? называя имена и адреса. Вот тогда зрительный зал шумел! Обычно мы играли «Эмилию» прямо на полях. Об этом я расскажу поподробнее позже.

В репертуаре имелись еще две советские пьесы на современную тему: «Шестеро любимых» Арбузова и «Далекое» Афиногенова. Из антифашистских пьес мы поставили «Тайну» Района Зендера и сцены антифашистской борьбы в гитлеровской Германии под заголовком «Болотные солдаты». Все это в инсценировке Максима Валентина. Герхард Хинце инсценировал «Предложение» Чехова и его же «Медведя». Эти спектакли доставляли зрителям много удовольствия. А значит, и нам.

Все время на колесах

Нашей штаб-квартирой был Днепропетровск. Должен был им быть. Красивый город на. Днепре, индустриальный гигант Украины. Нашим начальством был театральный трест, как высокопарно называло себя театральное управление. Оно мало заботилось о нас. Нам приходилось все организовывать и доставать самим, даже помещения для репетиций. Референт театрального управления, который должен был нами заниматься, предпочитал сидеть сложа руки. Все, что он для нас сделал,? это придумал скучное название? Немецкий областной театр. По указанию свыше ему пришлось достать нам в короткий срок грузовик, трехтонку. Спектакли мы обычно готовили в Днепропетровске. В пути это было невозможно.

Мы исколесили всю область. Гастроли продолжались много недель, иногда месяцев. Каждый день мы играли в другой деревне. Нередко мы давали два спектакля в день. Я часто вспоминаю об одном из них. Играли мы в поле «Эмилию». Стояла невыносимая жара. Я как толстая кухарка была еще обложена подушками и буквально обливалась потом. Но ни жара, ни жестокие морозы не останавливали нас.

Спектакли часто начинались поздно вечером, точнее сказать, ночью. И кончались, когда уже кричали петухи. Часто случалось так, что наш шофер, наш дорогой Коля, заворачивал куда-нибудь не туда. Или наша колымага застревала в грязи. Или не работала наша «электростанция»? динамо, которую крутил мотор нашего грузовика. В общем, наша трехтонка была уникальная штука. На шасси? огромный деревянный ящик с маленьким окошечком. Мы напоминали бродячую труппу старинного цирка. Только с той разницей, что лошади находили дорогу и вытаскивали телегу из любой грязи. А нам приходилось толкать грузовик самим. Осенью и весной это случалось часто. И тогда начиналось: «Ну, раз, еще раз». Обычно у нас ничего не получалось. Тогда мы доставали быков, но рогатой команде удавалось вытащить грузовик обычно не легче, чем безрогой. Короче говоря, в век техники мог помочь только трактор. Так оно и было. С криком «ура» мы бежали за нашим ящиком, чтобы убедиться, что он действительно обрел

подвижность. Тракторист сидел за рулем, как король на троне, и сиял. Да и наши лица внезапно прояснялись. Скверное настроение улетучивалось, как только мы снова трогались в путь.

Мы мерзли и обливались потом, изрыгали проклятия и шутили, но в любой обстановке давали спектакли.

Нам надолго запомнилась наша поездка в Бабурку. Мы никак не могли найти эту деревню. Часами мы блуждали где-то поблизости. Дважды оказывались совсем рядом, но Бабурка словно исчезла с лица земли. Когда мы наконец ее нашли, была уже полночь. Колхозники терпеливо сидели на жестких скамейках и ждали. Я поглядела в «глазок» занавеса, не заснули ли они. Нет! Они ждали нас с напряжением! Даже младенцы на коленях у матерей не хныкали. Мы все были счастливы, хотя и очень устали. Спектакль шел так, будто мы играли на подмостках Московского Художественного театра. Аплодировали нам, правда, не так, как аплодируют в Художественном. Крестьяне сдержанней московской публики. Мы спрашивали их после спектакля: «Понравилось?»? «Да, неплохо». В их устах это было наивысшей похвалой.

После спектакля, несмотря на поздний час, зрители быстро убрали стулья и скамейки. Наш оркестр заиграл. Начались танцы. В немецких деревнях женщины сидят у стенки, в сторонке. Тем предприимчивее мужчины. Без долгих размышлений они пригласили наших актрис потанцевать.

В украинских деревнях тон задавали женщины. Наши встречи после спектаклей всегда оказывались очень оживленными. Мы расспрашивали колхозников, а они? нас. Нас часто спрашивали, почему мы не играем «Профессора Мамлока». Пьесы Фридриха Вольфа вообще пользовались большой популярностью. В каждой деревне были кружки художественной самодеятельности. В немецких деревнях? обычно театральные кружки, в украинских ? чаще хоровые и танцевальные. К сожалению, мы не смогли познакомиться с их выступлениями. На это не хватало времени. Но мы беседовали с руководителями кружков, обычно ими были учителя. Они подробно рассказывали о своих постановках. Репертуар театральных кружков обычно включал такие пьесы: «Племянник в роли дядюшки» Шиллера, «Молодой ученый» Лессинга, «Слуга двух господ» Гольдони. В одной украинской деревне под Никополем играли «Севильского цирюльника» как драматическую постановку. Не хватало музыкантов и певцов. А колхозники хотели во что бы то ни стало иметь «своего цирюльника». Учителя расспрашивали нас о пьесах про интеллигенцию, просили совета, как лучше поставить ту или иную пьесу. Максим Валентин беседовал с ними часами.

Он не танцевал. Зато много танцевали мы. Все то же самое: вальс и польку, польку и вальс. Было много шуток, смеха. Постепенно оттаивали даже деревенские скромницы, и тогда они становились очень веселыми. По крайней мере наши мужчины старались их развеселить. Расходились мы подчас уже утром. Колхозники бежали домой, переодевались, завтракали и отправлялись в поле. А мы укладывались где-нибудь поспать пару часов. Обычно в домах у крестьян. Иногда мы спали в клубе, в школе, в сарае или просто в поле, где так хорошо видны звезды. Однажды нас расквартировали даже в бане. Хотя это было летом, нас охватило желание попариться. Пришел старик истопник. Он истопил баню так, что мы чуть не изжарились. Ведро за ведром выливал он на раскаленную плиту. Как умирающие лебеди, мы, женщины, распластались на полу в соседнем помещении.

Нас повсюду отлично кормили. Я уж не знаю, сколько кур, уток и гусей должны были жертвовать нам свои жизни. «Немецкий театр? куриная смерть»,? шутили колхозные поварихи. Мы пожирали горы арбузов. Нигде не бывают они такими сладкими, как на Украине. По крайней мере нам так казалось. Мы работали до изнеможения, но испытали немало счастливых часов.

Директора-неудачники

С нашими администраторами нам не везло. Их приходилось часто менять. Нашим первым директором была женщина. Умница, но со скверным характером. Она напоминала мне горьковскую Вассу Железнову. Она нас просто терроризировала. Ей это, по-видимому, доставляло удовольствие. Она наслаждалась своей властью. Хуже всего приходилось тем, кто фактически работал на нее. Толку от нее было мало. Но как от нее избавиться? Ее муж? актер нашего театра. Его ведь нельзя было уволить. Когда мы отправлялись на гастроли, она оставалась в Днепропетровске в своей уютной квартире. Каждые две недели она появлялась в труппе, чтобы выплатить нам наше жалованье. Впрочем, и это случалось не всегда. Но скандалы она устраивала всегда. Они начинались уже рано утром.

Как секретарь партячейки, я пыталась урезонить ее. Я пробовала с ней потолковать с глазу на глаз. Но это было ошибкой, да и не помогло. У коллектива возникло чувство, что с нею не справиться. Но затем терпение лопнуло. Мне поручили пригласить на общее собрание секретаря районного комитета. Это было в Молочанске. Этот опытный товарищ хорошо нас знал. Он должен был посоветовать нам, что делать. Мы выложили все без обиняков. Он подтвердил? наше требование к директорше справедливое. Впрочем, это подтвердил даже ее собственный муж на нашем собрании. Он оказался на высоте. Он и раньше

несколько раз пытался утихомирить жену. Теперь коллектив единодушно требовал ее ухода. И ей пришлось уйти. А меня раскритиковали за то, что я раньше ничего не предприняла.

Внешне одна немецкая деревня была похожа на другую. Длинная, широкая улица с побеленными маленькими кирпичными домиками, стоявшими по ранжиру. Да и жители были похожи друг на друга: спокойные, приветливые, старательные. Они производили впечатление людей развитых, прогрессивных. Говорили, что колхоз? хорошее дело: есть свободное время. Многие еще ходили в церковь. А вот председатели колхозов были самые различные. Одни радовались нашему приезду и сразу же подписывали с нами договор. Других приходилось долго уговаривать. В этом я была большим специалистом. Мне ничего другого и не оставалось. После того как мы распрощались с директоршей, у нас были еще двое других. Но и с ними нам не повезло. Один из них был хорошим коммунистом, отличным руководителем кружка марксизма-ленинизма, но совсем не обладал организаторскими способностями. Человек разумный, он сам понял это и распрощался с нами примерно через полгода.

Его сменил человек постарше, лет пятидесяти. Этот не выдержал и четырех недель. Впрочем, удовольствие было маленькое? пешком бродить из деревни в деревню. Все равно, жара ли стоит на дворе пли мороз, идет ли дождь, или поднялась снежная буря, или град. Четыре, пять, шесть, а иногда и десять километров на своих двоих. День за днем. Иначе ничего не выходило. Хочешь не хочешь, надо заключать договора, готовить следующие гастроли. Машины у нас для этого не было. В то время их и во всей области было немного. Нашей трехтонкой для этого воспользоваться было нельзя. Она должна была обеспечивать вечерние представления. На такой риск мы пойти не могли. Просить у колхоза повозку для одного человека во время уборки урожая? Это мы разрешали себе очень редко. Наш новый директор, его звали Штиллерман, заявил нам коротко и ясно: «Головой работать я для вас согласен, но ногами? нет. У меня ноги не казенные». Шапку в охапку? и ушел.

А спектакли должны были состояться, чего бы нам это ни стоило. В конце концов, мы приехали не для своего удовольствия. Да и сборы нам были нужны. Правда, мы получали дотацию, но часть расходов должны были отрабатывать. Что делать в таком положении секретарю партячейки? Браться за дело. Вот я и отправлялась в путь. От деревни к деревне, день за днем. Я была молодой, здоровой. Ходьба меня не утомляла. В колхозную контору я являлась в отличном настроении. Не отставала от

председателя до тех пор, пока у меня в кармане не оказывался подписанный договор. В нем было точно определено, кто за что отвечает. За еду и ночлег? колхозное правление. С едой все обстояло великолепно, а с ночлегом? в зависимости от организационных способностей ответственных лиц. В любом случае радости было много, когда мы приезжали. Я должна была еще инспектировать сценические площадки, а затем снова в путь? иногда за день больше десяти километров? к следующей деревне, где мы выступали.

Там я встречалась с труппой. Я рассказывала о достигнутых результатах. Художественный руководитель бывал обычно мною доволен. Труппа тоже. Только мне это дело мало нравилось. Вечером я должна была играть в спектакле. Но нередко так уставала, что забывала свой текст. Однажды пришлось даже дать занавес. Я играла разумную женщину, старающуюся помирить поссорившихся влюбленных. Как заезженная пластинка, я повторяла все время одну и ту же фразу. В мыслях я все еще была у того председателя колхоза, которого мне пришлось долго агитировать.

Директор

«Эти гастроли ты еще как-нибудь выдержишь. Потом мы найдем выход»,? утешал меня Максим Валентин. По откуда взять ему директора? Как только гастроли подошли к концу, я отправилась в областной комитет партии и попросила совета. Где нам взять подходящего директора. «А ты сама?»? спросил руководитель отдела культуры товарищ Гантман. Он долго беседовал со мной о всех наших проблемах. Потом он на несколько дней отправился с памп на гастроли. Ему хотелось посмотреть, как выглядят будни театра на колесах. Какие у нас заботы. А может, он решил таким образом на меня повлиять. Я не хотела быть директором. Он понимал меня. Ведь мне пришлось бы на это время расстаться с моей любимой профессией. Совмещать и то и другое было невозможно. В таких трудных условиях невозможно. Но слова «ты нужна» для коммуниста закон. И во имя партийного долга мы готовы на многое!

Так я стала директором. Назначение мое произошло весьма забавно. Меня позвал руководитель театрального треста. Пришлось какое-то время ждать в приемной. Что поделаешь? начальник. Инструктор, который должен был нас опекать, но никогда не оказывался на месте, вышел из противоположной комнаты и приветствовал меня очень любезно. Мы обменялись несколькими словами. Когда он узнал, зачем я пришла, он пробормотал: «Извините, пожалуйста, мне срочно нужно к начальнику». Он исчез в святая святых. «Что вы делаете!

Либерман как директор? Это на нашу шею! Она не даст нам покоя!» Он говорил это так громко, что мне в приемной было слышно каждое слово.

Я встала, не постучав, открыла дверь к начальнику и сказала совершенно спокойно: «Тише, не так громко! В приемной все слышно!» Мужчины громко рассмеялись. Я хотела снова притворить дверь и уйти, но начальник пошел мне навстречу и усадил в кресло. Инструктор извинился. Я сразу же выложила: «Послушайте-ка, товарищи мужчины! Может, у вас есть другой директор? Я была бы вам очень благодарна. Честное слово!»

«Да нет, товарищ Либерман!.. Не обижайтесь, товарищ Либерман!» Они сказали мне еще несколько любезных слов, а я им несколько правдивых. Не игра в кошки-мышки, а полезный разговор. Начальник попросил прийти машинистку? личных секретарей тогда не имело даже начальство. Продиктовал ей приказ о моем назначении. В это время я разглядывала обоих мужчин. Удастся ли мне найти с ними общий язык? Удалось.

В полях

С «Эмилией» мы выезжали обычно в поле к бригадам, которые работали далеко от деревни. В дни жатвы они даже ночевали там. Сколько было радости, когда мы приезжали! Сначала мы какое-то время беседовали с колхозниками. Затем начинался спектакль. Иногда еще до спектакля мы устраивали танцы. Танцевать на траве трудновато. Не раз я падала и увлекала за собой партнера, или он меня?

Зрителей и сцену разделяли лишь несколько шагов. Впереди на траве усаживались детишки. Все остальные за ними? на скамьях и столах. Машина наша служила нам гардеробной и опорой для шатких кулис. Был у нас и красиво раскрашенный занавес. Даже в поле мы хотели пока зать нашей публике настоящий спектакль. И когда толстая колхозная повариха Мишкет Либерман пыталась соблазнить репортера Эрвина Гешонека хорошо зажаренным поросенком, это производило впечатление даже на собак и кошек. Они бегали по сцене. Мы были им очень благодарны. Если они это делали без особого шума. В одном из наших летних турне у нас появился очаровательный помощник, цыганский паренек, 14-летний красавчик. Жил он со своими родителями в таборе. В летние месяцы таких таборов было несколько в лесах Хортицкого района. Мы ни о чем не просили этого парня. Но как только мы приезжали в какую-нибудь деревню, он уже был там. И ждал нас. Сначала он помогал при разгрузке. Ужинать с нами не хотел. Вообще ничего от нас не брал. Он просто был счастлив, что может каждый вечер смотреть спектакль. Даже один и тот же. Он сидел

перед сценой с горящими глазами и открытым ртом. После спектакля сразу же исчезал. Он обещал своим родителям возвращаться вовремя, объяснил он нам. Они не такие отсталые, как другие, говорил он с гордостью. Он посещал школу. Позже намерен был поступить на трансформаторный завод в Запорожье. Хотелось бы ему стать актером, отправиться в Москву в студию цыганского театра, но этого не разрешат родители.

Однажды он привел с собой старшую сестру, лет двадцати пяти. Какая красавица! А как она двигалась! Из нее вышла бы отличная балерина. Это было видно с первого взгляда. Наши мужчины не спускали с нее глаз. Она была очень разговорчивой. «Если мой муж узнает, что я была здесь, он меня убьет. Он страшно ревнив. А что делать? Должна же я побывать в вашем театре. Хоть разок. Брат так много рассказывал о вас».

Еще сегодня я задаю себе вопрос: может, нам надо было вмешаться? Не только из-за мальчика или этой пары. Вообще в дела табора. Впрочем, этим занимались более компетентные люди. Постепенно жизнь цыган изменилась. Не сама собой. Этому предшествовала упорная разъяснительная работа. И помощь. Постепенно цыгане включались в нормальную творческую и общественную жизнь. Тем не менее много лет спустя еще встречались отдельные бродячие цыганские семьи. Они не могли оставить кочевую жизнь. А мы охотно оставили бы ее.

Летний сон в ручье

С одним спектаклем мы чуть не пошли ко дну. Со всем нашим имуществом, с людьми, машиной, декорациями, реквизитом. Спектакль? «Разбитый кувшин». Только я одна сидела на сухом месте. Потому что находилась в районном центре Хальбштадт и ждала приезда театра. Я выехала раньше поездом, чтобы подготовить наше участие в праздновании десятилетия основания этого районного центра. Без нас не обходился ни один праздник, ни один юбилей. Культурная жизнь в районах с немецким населением была немыслима без нас. Конечно, выступали и в украинских, и в еврейских деревнях. Имелся там целый еврейский район.

На этот раз ансамбль должен был прибыть накануне праздника, разместиться на квартирах, выспаться, а в праздничный день дать несколько представлений. Детский праздник начался еще накануне, ранним утром. Но театра все не было. Не было его и вечером, не было и утром праздничного дня. Что случилось? Мы всегда были очень дисциплинированны. На нас можно было положиться. Трудности никогда не мешали нам выполнять нашу задачу. Что же могло произойти?

В десять часов мы отправились на поиски. К нам

подключились все посты милиции и регулировщики уличного движения. На отрезке между Днепропетровском и Хальбштадтом. Проходил час за часом. Приближался полдень. О театре ни слуху ни духу. Дети обошлись и без нас: у них были дела повеселей. Но торжественное заседание! Оно должно было начаться в шестнадцать часов. Несколько часов уйдет на речи. Нельзя же без этого. А дальше? «Если бы случилось несчастье, мы об этом давно уже узнали»,? утешали меня товарищи из Хальбштадта.

Что-то около двенадцати зазвонил телефон в юбилейном комитете. Это был милиционер из соседнего района. Он рассказал: возвращаясь с рыбалки, он увидел на лугу у ручья спавших людей, так человек двадцать. Вокруг них лежала масса вещей. Может, цыгане? Он подошел к ним поближе. Оказалось, актеры. Они сегодня должны выступать в Хальбштадте. Попросили позвонить сюда и сообщить, что скоро приедут.

Он едва мог удержать смех. «Что с ним?»? удивляюсь я. Может, он как следует «заложил» на рыбалке? И это бывает, тем более в воскресенье. Он пространно объяснил, как найти театр. На всякий случай я попросила его проводить меня. Через минуту один из членов юбилейного комитета и я уже сидели в машине. Милиционер ждал нас у своего отделения. Влезая в машину, он с любопытством разглядывал меня. А может, я тоже принадлежу к той сумасшедшей компании? Через сорок минут гонки по полю мы оказались на месте.

Теперь мне уже не вспомнить, где находился тот ручеек, в русле которого наша труппа расположилась сладко поспать. Но картина, которая представилась мне, до сих пор стоит перед моими глазами. Весь наш театр распростерся на лугу у ручья. Все перемешано, люди, костюмы, декорации, реквизит, короче говоря, все, что у нас было.

Случилось следующее. Ансамблю удалось лишь поздно ночью отправиться в путь из Днепропетровска. Ждали одного музыканта. А он не приехал. Задержался на семейном торжестве за городом. Когда наконец можно было отправиться в путь, наступила темная ночь. Наш замотавшийся шофер сбился с дороги и угодил в ручей. Счастье еще, что этот ручей был таким мелким. Наша телега перевернулась, но так аккуратно, что пассажиры это почувствовали лишь после того, как оказались в воде. Они крепко спали. Хотя шофер и сидевший рядом с ним рабочий сцены за считанные секунды открыли двери и вытащили всех, одного за другим, все промокли до нитки. И все вещи промокли.

Из соседнего колхоза пригнали двух быков. С их помощью поставили автомобиль на колеса. Но мотор завести не удалось.

Глупых быков отправили обратно в деревню. Вместо них пришел умный человек. Автомеханик колхоза. Шустрый украинец. Он сразу разобрался, что к чему. Все же ремонт продолжался долго. Хотя механик только дважды устраивал перекур и ни разу не выматерился. Большое достижение. Наш шофер стоял около него и повторял: «Сейчас будет. Сейчас, товарищи». Он был славным парнем, наш Коля, приятным в обращении, всегда готовым помочь, но как шофер он доставлял нам немало хлопот. Так бывает, когда избираешь не ту профессию.

Как мы обрадовались, когда паша трехтонка снова затарахтела. Все по очереди расцеловали механика: «Спасибо, товарищ, большое спасибо!» В Хальбштадт приехали мы около двух часов дня. Устроители праздника были очень довольны. Праздничный обед, который ждал нас, пришелся всем по вкусу. Затем прилегли на лугу, чтобы хоть немного отдохнуть. Времени на поездку в деревню, где нам приготовили квартиры, не оставалось. Точно в назначенный час поднялся занавес, и мы показали спектакль «Разбитый кувшин». Юбилейный комитет гордился, что может предложить гостям классический спектакль. Всем чертовски надоели одни и те же смешанные программы госэстрады.

Оказалось, что в этом районе классиков любят. На библиотечных полках я увидела Гете, Шиллера, Гейне, Шекспира, Лессинга, Уланда, Байрона. Из антифашистских авторов? Бехера, Бределя, Вайнерта. Двадцать тысяч томов, в большинстве русские и украинские классики. Правда, современные авторы были представлены слабо. «Пока я доберусь до Днепропетровска, их там уже нет»,? объяснила мне библиотекарша. Многие книги современных авторов находятся в передвижных библиотеках, обслуживающих колхозы, и в полевых библиотеках, выезжающих на полевые станы. Там их больше читают, там они больше нужны, чем здесь. Она показала мне читательские формуляры, в которых было по пятьдесят записей за год. Рассказала она мне о читательских конференциях с детьми, которые проводились дважды в месяц. Клуб всегда переполнен, когда обсуждаются интересные книги.

В этом районе неплохо шло дело и в хозяйстве. Преимущественно здесь занимались животноводством. Здешняя телятница Суза Винд была известна далеко за пределами района. Конечно, были районы и похуже, и получше. Были украинские, русские, немецкие районы и один еврейский. Было и немало смешанных. Люди разных национальностей хорошо уживались друг с другом. Они встречались, советовались, помогали друг другу. А иногда и праздновали вместе. Мужчины чаще, женщины

пореже. Каждый сохранял свой жизненный уклад, свои традиции, привычки. Это не мешало уважать традиции и привычки других. Немецкие крестьяне праздновали рождество, как и в Германии, 24 декабря. Украинцы и русские ставили елку к Новому году. И все вместе отмечали праздник Октябрьской революции. В этот день даже наш грузовик становился нарядным. Будку мы обивали по периметру широкой кумачовой лептой. На одной стороне большими белыми буквами написали «Да здравствует Октябрьская революция!», на другой стороне? «Да здравствует Тельман!». Может, это было и не очень оригинально, но все понимали, что имелось в виду. Русские, украинцы, немцы, евреи и, кто знает, какие еще национальности жили в согласии и дружбе. Об этом я теперь часто думаю, когда слышу, что люди снова убивают друг друга. Причина всегда найдется: расовая ненависть, религиозный фанатизм, а по сути дела? классовая борьба. Я не забываю, с какой сердечностью принимали нас, немецких антифашистов, в украинских, еврейских деревнях. Если нас в пути настигала авария, нас трогало до глубины души, как о нас заботились. Нас не пускали в путь, пока все не оказывалось снова в порядке.

«Болотные солдаты» на украинской колхозной сцене

Однажды холодным дождливым ноябрьским днем мы застряли на сельской дороге неподалеку от украинской деревни. Нам не раз приходилось попадать в подобные ситуации. Мы уже были научены горьким опытом. Но иа этот раз почва оказалась глинистой и вязкой как смола. Наш метод «раз-два, взялись» не помогал. Что же было делать? Поискать быков? А может, сразу трактор? Наш «домашний фотограф», Курт Тренте, вытащил свою фотокамеру и запечатлел инцидент навеки. Час был ранний, улицы пусты. Вдруг перед нами «вырос» председатель колхоза. Пожилой украинец, рослый, худой, светловолосый, с серыми глазами. И очень добрый. Он смеялся: «Не очень-то вы на артистов похожи. Но я сразу понял, это вы, когда увидел вас из окошка».

«Что же лам делать?»? спросил Гешонек в отчаянии. Он страшно мерз, был тощ как палка.

«Идите-ка в клуб, о машине мы позаботимся. Согреетесь там, высушите вещи. Я уже приказал печку затопить. Вскоре и обед подоспеет,? успокаивал нас председатель колхоза.? Если можете, устройте нам концерт. Колхозники будут вам благодарны».

Весть о предстоящем концерте со скоростью ветра облетела деревню. В считанные минуты зал был полон. В это время мы поглощали вкусный суп, который нам принесли прямо в клуб. Тепло и сытный обед оказали на нас свое воздействие. Нас

клонило ко сну, но, когда мы увидели сияющие лица крестьян, к нам вернулась бодрость.

Курт Трепте вышел на сцену и рассказал собравшимся, что нацисты сделали из нашей прекрасной Родины. Я переводила на русский, Максим Валентин этим временем подготовил программу. У украинских крестьян оказалось много вопросов к нам, немецким антифашистам. Они хотели знать подробности о нелегальной борьбе, о тех, кто мужественно вел ее, о брошенных в тюрьмы, о казненных. Они разделяли наши чувства, советские друзья наши.

Мы показали инсценировку «Болотные солдаты». Она произвела такое большое впечатление, что в зале никто не решился хлопать. Вместе мы пели песни борьбы, пели народные песни, наши. Местный учитель поблагодарил нас немногословно, но очень взволнованно.

На этот раз мы не стали устраивать танцы. Нас не просили об этом. Это было бы некстати, сказал учитель. После такой волнующей встречи.

Наша машина стояла готовая двинуться в путь перед клубом. Дождь лил как из ведра. Председатель колхоза отсоветовал нам трогаться в путь. Он напомнил нам русскую поговорку: в такую погоду хороший хозяин и собаку на улицу не выгонит. Мы должны переночевать в деревне, или у крестьян, или в общежитии трактористов. Нам не хотелось месить грязь по улицам деревни. Мы устроились в маленьком общежитии. Кроватей всем не хватило. Но и на соломенных матрацах на полу можно было неплохо устроиться.

Вечером нам принесли ужин. Пришел председатель, школьный учитель и еще двое крестьян. Они принесли с собой водки. Ну что ж, в такую погоду было грех не выпить. Проходил час за часом, а паша беседа с этими милыми, любознательными людьми все еще продолжалась. Мы узнали от них о вещах, о которых мы не имели ни малейшего представления. Сельское хозяйство было для нас книгой за семью печатями, а ведь это такое интересное дело.

На следующее утро перед нашим убежищем нас ждал грузовик. Рядом стоял председатель колхоза. Он охотно оставил бы нас у себя, но нам пора было отправляться в путь. Мы поблагодарили, пожали ему руку и заняли места в нашей «великолепной карете».

Прощание с театром

Вернемся в Хальбштадт. На следующий день после праздника мы устроили выходной. Мы остались в деревне, где нас расквартировали. В этих идиллических сельских условиях мы

отлично отдохнули, оправились от пережитых нами мытарств, а кое-кто и от обильного возлияния накануне. Впрочем, в этот день был банкет. Пригласили всех. Я не могла пойти. Меня неожиданно навестил мой муж. Он устраивал мне часто такие сюрпризы. Причем я не могу сказать, что его толкало на это: тоска или ревность. Наверное, и то и другое.

Да, и это случилось в Днепропетровске. Я вышла замуж. За инженера-строителя. Он для нас сконструировал разборную сцену. Поскольку я ничего не понимаю в технике, его объяснения об этой сложной конструкции продолжались до тех пор, пока они не перешли в объяснение в любви.

Наши деловые встречи становились все более частыми и длительными. И я по уши влюбилась в этого энергичного, черноглазого, жизнерадостного, любознательного, вежливого, скромного, одним словом, очень симпатичного человека.

Нашу совместную жизнь нам удалось сконструировать лучше, чем сцену. Однажды воскресным утром я сказала мужу: «Иосиф, пора показать твою конструкцию Максиму. Этот вопрос он решает, а не я». Иосиф рассмеялся. Пришел Максим. Он одобрил и изобретение Иосифа, и наше решение пожениться.

Иосиф представил меня своим родителям. Они устроили праздничный обед. И наш союз на всю жизнь был заключен. Нам не потребовалось даже идти в загс. Так просто это было тогда. Брак считался законным и без штемпеля. Во время войны регистрация брака была, правда, введена снова. Пожалуйста! Со штемпелем или без штемпеля, неважно. Важно, что он и она счастливы. И мы были счастливы. Правда, мой муж был далек от театра, но он любил книги, кино и меня.

Да, театр он не любил, наш театр. В самом деле, дома я была урывками. «Ты за кого вышла замуж? За меня? Или за театр?»? спрашивал он опять и опять. Он настаивал на том, чтобы я ушла из театра. Но я не могла. Не могла оставить театр. Так паша совместная жизнь началась с конфликта. Но? что случается очень редко? конфликт разрешился сам собой. Примерно через год.

Максим Валентин и актеры нашего театра вернулись в Москву. Герман Грейд? в Швейцарию. Оставшаяся часть труппы была, как говорится, ни два ни полтора. В Одессе в то время тоже существовал Немецкий колхозный театр. Ему не хватало актеров. С удивительной энергией и самоотверженностью им руководила немецко-венгерский режиссер Ильза Берендт-Гроа, коммунистка. Кому-то пришла в голову умная мысль, вероятно тресту, объединить обе труппы. Меня хотели назначить директором. Мои коллеги просили об этом. Но в одесском театре уже был директор. Я решила, что мой муж прав. Если без меня, как

актрисы и как директора, могут обойтись, к чему эта жертва? Я рассталась с театром. Труппу я отправила в Одессу. И попрощалась со всеми. Нелегко это мне далось.

Мы с мужем отправились в Москву. В моей комнате жила дочка соседей, которая успела выйти замуж и родить ребенка. Мать ее жила в том же доме. По решению райсовета ее оставили в моей комнате, а нам дали другую. Девять квадратных метров. Половина той, которая была у меня прежде. Меня это не очень обрадовало. Но я нашла решение райсовета правильным, человечным.

В то время в Москве не было немецкого театра. Мне пришла в голову мысль отправиться в Еврейский театр. И вот я сидела перед великим Михоэлсом. Он хорошо помнил меня. Посмотрел на меня своим философским взглядом и сказал: «Для массовок вы слишком хороши. Но ничего другого я вам пока что предложить не могу. У нас слишком много женщин и слишком мало женских ролей. Решайте сами».

Легко сказать. Изо дня в день я терзала свою душу. Всеми фибрами я стремилась в театр. Но участвовать только в массовках? Нет, это не дело для меня, решила я. Возвратиться в Минск? Не подходит моему мужу. Я была бы снова постоянно на колесах, а он оставался бы один.

В московской школе имени Карла Либкнехта

В Москве была тогда школа имени Карла Либкнехта. Немецкая средняя школа? настоящий интернационал. Директор? венгерка, секретарь парторганизации и преподавательница русского языка? русская, другие учителя? немцы, русские, французы, англичане, австрийцы. И все вместе? замечательный коллектив. Дети чувствовали себя очень хорошо в этой подлинно человечной атмосфере.

В этой школе не было кружков самодеятельности. Только по большим праздникам дети выступали с концертными программами. Я отправилась к директору товарищу Крамер. Она встретила меня с воодушевлением. «Хорошо, что ты пришла. Нам как раз не хватает кого-то, кто занялся бы этим делом. Мы всем поможем тебе!» Она сдержала слово.

Для самых маленьких я пригласила одну из лучших преподавательниц танца. Она подготовила с малышами совершенно очаровательные танцевальные утренники. Театральный кружок и кружок чтения я взяла на себя. В знак солидарности с испанским народом мы поставили «Тайну»? пьесу известного испанского поэта Рамона Зендера. Фашистского генерала играл известный и у нас в ГДР советский радиорепортер Сергей Клементьев. Я была убеждена в том, что однажды он

станет актером. Но Великая Отечественная война распорядилась иначе. Он об этом пишет в автобиографии. Правда, любовь к театральным подмосткам он сохранил и по сей день.

Мои молодые энтузиасты хотели, конечно, поставить «Коварство и любовь». Я соглашалась лишь на отдельные сцены. Они настаивали на постановке всей пьесы. Я пошла к режиссеру Гансу Роденбергу. Попросила его помочь мне разработать режиссерский план. «Ты должна разработать его сама»,? сказал он. Но он долго и подробно объяснял мне, как поставить пьесу. Он согласился даже быть нашим консультантом. Только мы приступили к репетициям? немецкую школу закрыли. Почему? Никто не зная. Я стала снова искать работу.

Моя подруга Мирра

Из Испании вернулась Эмма Вольф. Как и раньше, в ее доме собиралось много гостей. Тем более что она интересно рассказывала о своих впечатлениях. Она жила теперь в центре Москвы, на Арбате, в маленькой двухкомнатной квартире. Муж мой часто выезжал в командировки. Я проводила у нее многие вечера. Очень для меня интересные вечера. Я встречала старых знакомых. Познакомилась с новыми людьми. Среди них? с милой изящной женщиной, к которой меня сразу потянуло: Мирра Лилина, редактор и публицист. Работала она на радио. Отличалась незаурядным интеллектом. Не забыть ее больших, полных любопытства глаз. У нее в голове словно запечатлелась целая литературная энциклопедия и справочник по марксизму. Она обладала феноменальной памятью. Все, что она когда-либо учила или прочитала, было разложено у нее по полочкам. Если кто-нибудь из ее друзей нуждался в справке, цитате, он звонил не в библиотеку, а ей. Было ей двадцать пять лет. А выглядела школьницей. Уже несколько лет она вела кружок но диалектическому материализму. Как утверждали участники, так живо, что редко | кто, пропускал занятия. При всех ее интеллектуальных способностях Мирра была очень непосредственной, почти детски наивной, чуткой к людям. Вот эта-то смесь и привлекала меня. Она могла одна занять целое общество. Но могла и очень внимательно слушать. На это способны далеко не все хорошие рассказчики. И она могла смеяться так весело и сердечно, что люди смеялись вместе с ней, даже если им и было не до смеха.

С тех пор между нами установилась тесная дружба. И после того, как я переселилась в Германскую Демократическую Республику, мы часто встречались. Сначала я по нескольку раз в год приезжала в Москву по делам службы. Теперь мои московские друзья приезжают ко мне. Дважды была у меня за последние годы

и Мирра. Оба раза она вела записи. Наши достижения произвели на нее большое впечатление. Но прежде всего наши люди. Советский литературный ежемесячник «Звезда» опубликовал ее дневники. По-видимому, они вызвали большой интерес. Некоторые из тех, о ком она написала, герои дневника, теперь часто получают письма из Советского Союза. Им пишут преподаватели немецкого языка и интернациональные клубы. Кое-кто из читателей послал своим немецким друзьям все четыре номера этого журнала. Один из них даже переплел их. Все, о ком Мирра написала, прочли ее записки с волнением. Мы только спрашивали себя, не слишком ли благожелательно она изобразила нас, берлинцев? «Берлин выглядит совсем по-другому, чем я себе представляла. И берлинцы очень милый народ. На их лицах всегда видишь улыбку, и каждому они говорят: „Доброе утро“, „Добрый день“ и „До свидания“. Даже в полицейском участке, куда я пришла, чтобы прописаться. Продавщицы тебе улыбаются и говорят: „Большое спасибо“. Даже если ты их мучаешь вопросами и ничего не покупаешь. Господи боже мой, почему немцы говорят по-немецки так быстро? Я не понимаю ни слова, хожу по Берлину как глухонемая. Удивительно! В сущности, Берлин? пограничный город, граница совсем близко. Вот защитная стена, вот пограничники. И тем не менее все это как-то не бросается в глаза, этого не замечаешь, это сразу же забываешь. Ничто, ну совсем ничто не напоминает в Берлине о том, что он стоит у самой границы. Спокойный, мирный город!»

Просто провалилась как учительница

После того как школа имени Карла Либкнехта была закрыта, я снова задумалась: чем же мне теперь заняться? Применение моим наклонностям вскоре нашлось. Теперь я занялась театральным искусством… со стариками. На самом деле. Моей главной актрисе было около шестидесяти. Она была профессором, известным ученым в области питания. Дело в том, что я очутилась в Институте питания. Меня привело туда не обжорство. В то время я еще была тоненькой. В Институт питания я попала после того, как попыталась стать преподавательницей немецкого языка и? потерпела полное фиаско.

Собственно, я никогда не хотела быть учительницей. При всем моем уважении к этой профессии. Или, может быть, именно в силу этого. По я дала себя уговорить. Меня сагитировал директор школы, которому я передала группу детей из нашей школы Карла Либкнехта. Каждый из сотрудников этой школы взял на себя подобную миссию. Так мы коллективно решили. В новой школе мы беседовали с директором, с классными руководителями. Мы хотели, чтобы дети почувствовали себя

хорошо в новой школе с первого же мгновения. Лишь после того, как эта задача была решена, учителя приступили к новой работе. Их всех тоже устроили.

Педагогических кадров не хватало. Моя школа искала преподавателя немецкого языка для пятого класса. «Мне некого туда послать»,? жаловался директор. При этом он глядел на меня с мольбой. «Самый плохой класс по поведению. Не удивительно, уроки немецкого языка он проводит в спортивном зале».

«И этот класс я должна взять на себя? Не справлюсь!» Я привела ему множество доводов.

«Попробуйте. Может, вам это удастся».

Черт побери! Я никогда не могу сказать: «Нет!» Короче говоря, с первой же минуты я утратила свой учительский авторитет. Я вошла в класс, как будто встретилась со своим театральным кружком. Бодрая, радостная, непринужденная. Я представилась. Сразу мне стали задавать вопросы. Из урока получился вечер вопросов и ответов. Почему у меня нет отчества? Я объяснила это. Откуда происходит мое имя? Такое смешное имя. И произнести его так сложно. Я объяснила им и это: родители ждали мальчика, его хотели назвать по имени деда. Родилась девочка, и вот мой отец превратил имя в Мишкет. Ну и ну! Это имя им не запомнить. Я должна им четко и ясно сказать, как им называть меня по имени и отчеству по русскому обычаю. Они не хотят оказаться невежливыми по отношению ко мне.

Я им сказала без долгих размышлений: «Называйте меня просто Мария Павловна. Хорошо?» «Да, да»,? завопил класс с облегчением. Но они так и не смогли успокоиться. Пока я не покинула школу. Имя Мария Павловна так ко мне и прилипло, пока я не переселилась в Германскую Демократическую Республику. Впрочем, с моим настоящим именем у меня и теперь неприятности: господину такому-то часто адресована почта, которую посылают те, кто не знает, что я женщина.

Ребята готовы были выслушать что угодно, только не немецкую грамматику. «Ну как же так,? возражала я,? это ведь язык Эрнста Тельмана». «Мы об этом уже слышали,? отвечали они хором,? от нашей пионервожатой. Знаем мы о Тедди». Меня они просят рассказать о других немецких коммунистах. Или что-нибудь прочесть, но по-русски. Это гораздо интересней! «Дер, ди, дас» им никогда не понять. И стараться мне нечего. Немецкий они изучать не хотят, уж лучше английский. Или французский.

Шум на моих уроках стоял такой, что пришел директор. Человек очень тактичный. Он появился перед самым звонком. «Вы видите, у меня ничего не получается».? «Наберитесь терпения. Не торопитесь с выводами». Но нет, эта профессия не была моей

стихией. Мы оба с большим сожалением поняли это.

Кому нужен культурник?

Если у коммуниста возникают проблемы, что ему делать? Он обращается за помощью к партии. Я пошла в райком Фрунзенского района. «Вы не знаете, кому нужен культурник?»? спросила я первого попавшегося мне в приемной инструктора. Он оказался очень чутким. Был готов мне помочь. Сомнения, мучившие меня по дороге: чего тебе надо? что ты можешь? что ты скажешь?? рассеялись, не оставив следа.

Инструктор знал меня по спектаклям в школе имени Карла Либкнехта. «Присядь и успокойся. Что-нибудь найдем. Вот Институт питания ищет заведующего научной библиотекой. Ну как? Тебе это правится?»

«Да, но…? я стала заикаться от страха.? Ведь я не имею об этой работе ни малейшего представления. Что мне там делать?»

«Работать. А на практике изучить новую профессию. Ну что тебе еще предложить?»

«Если бы я это знала?»

«Попробуй!»

«Хорошо. Но смотри, я снова приду к тебе».

«Я сам навещу тебя в институте».

Он сдержал свое обещание, славный парень. Мы подружились. Из-за войны потеряли друг друга из виду.

В Институте питания меня принял директор. Говорил он со мной неохотно, почти ворчливо. Я подумала: «У него наверняка не в порядке желудок». Так и оказалось. А вообще он оказался вполне приличным человеком. Как обычно в таких ситуациях, я сказала ему: «Хочу, чтобы вы заранее знали: я никогда не занималась такой работой. Не имею о ней ни малейшего представления».

«Я это знаю. Идите в библиотеку. Профессор введет вас в курс дела. Я думаю, что у вас хватит ума понять, что требуется. Желаю успеха».

Профессор сказал: «Добрый день и прощайте навсегда». Он забрал свой чайник, свою чашку, попрощался с коллегами и ушел. И на следующий день не появился. Теперь я его хорошо понимаю. Расстаться с библиотекой было ему нелегко. Ему было около семидесяти. Конечно, когда-нибудь пора кончать. Но ведь каждая из этих многих тысяч книг была приобретена им, и каждую карточку в каталоге он сам заполнил. Он был для читателей подлинным помощником, живым справочником. Едва кто-либо называл интересующую его тему, как профессор тут же давал ему необходимые книги. Ему не надо было даже смотреть в каталог. Он знал, где они стоят. А молодая сотрудница доставала книги с

полок. Я с охотой набросилась на работу. Еще немножко? и у меня действительно появилась бы новая профессия. Но этому помешала война.

Молниеносно покатилось по институту, что в библиотеке теперь вместо профессора сидит актриса. Всем хотелось на нее поглядеть. Такое случается не каждый день. Одни приходят, другие уходят, дверь не закрывается. Что было делать мне, бедняге? Прежде всего, стала делать хорошую мину. Затем сделала то, что делает каждый новый руководитель: переделала все вверх ногами. Все, конечно, обратили внимание: ага, новая метла.

Второе действие: я распорядилась, чтобы пробили стену в соседнюю комнату. Устроила там уютную читальню. Это было не так-то просто. Комната принадлежала директору. Трудно поверить, но он ее отдал. Его уговорила личный референт. Она знала лучше всех, когда у него не болит желудок и когда с ним легче договориться. Она оказывала на него большое влияние, эта старая революционерка Надя Р. Ей было лет сорок пять. В партию большевиков она вступила еще подростком. Она участвовала в завоевании власти рабочими. Состояла она в той же партийной организации, в которой был и Ленин, принадлежала к ее руководству. На партийном документе который был выписан Ленину, есть ее подпись. Этот документ находится теперь в Музее Ленина. Надю очень любили в коллективе. Она излучала спокойствие. Каждого готова была выслушать, каждому посочувствовать и помочь. И если я три года выдержала в этой библиотеке, то это было заслугой и Нади.

Она помогла мне организовать театральный кружок. Одной из самых активных читательниц была профессор Молчанова, женщина пожилая, но еще полная сил и инициативы. Ее интересовала музыка, я уговорила ее заняться театром. Она стала главной исполнительницей ролей в моих спектаклях. Привела она ко мне еще одну актрису, свою лаборантку. Та любила декламировать. Затем я вовлекла в наш кружок научного секретаря, человека лет пятидесяти. В конце концов, нам был нужен хотя бы один мужчина. Он оказался прекрасным конферансье. Нынешние могли бы ему позавидовать. К кружку присоединилась еще наша уборщица, двадцатитрехлетняя девушка из деревни. Просто прирожденный талант!

Приближался Октябрьский праздник. Во что бы то ни стало мы хотели подготовить праздничную программу и с серьезными, и с веселыми номерами. Я поставила «Тайну» Рамона Зендера, поскольку эта пьеса была политически очень актуальна. Она как раз подходила к обстановке в гитлеровской Германии. В ней шла

речь о зверствах фашистских палачей. Для второй, веселой части я написала одноактную пьесу, в которой подшучивала над директором. Боже сохрани, не над нашим! Показывала я важничающего бюрократа, который, кажется, заботится только о своем авторитете, никогда не имеет времени для чело-пека. Директора играла наша уборщица. Было это очень просто. Убирая его кабинет, она копировала этого бюрократа. Она садилась в его кресло, принимала посетителей, изображавшихся профессором Молчановой. Точнее, она не принимала посетителей, а выпроваживала их. Зато бесконечно долго разговаривала по телефону, давала указания, отменяла их, ругалась, ссорилась и т. п. Эта девушка играла так живо, забавно и прежде всего жизненно правдиво, что в зале люди корчились от смеха. К моему тексту она добавила свою импровизацию и играла так, как будто всю жизнь только и выступала на сцене. Понятно, что и мне все это доставило большое удовольствие.

Понемногу я стала разбираться в библиотечных делах. Чего мне не хватало, так это хорошей атмосферы в институте. Ее не было, потому что между нашим секретарем парторганизации, женщиной очень волевой и слишком честолюбивой, и нашим мрачным директором шла постоянная война. Она упрекала его в том, что он занимает институт темами, далекими от жизни. Возможно. Я не могла об этом судить. Но мне не нравились ее методы. Вместо того чтобы открыто поставить вопрос в партийной организации, она пыталась интриговать и завоевать на свою сторону каждого по отдельности. Мне это страшно не нравилось. Я хотела расстаться с институтом.

III
Враг у ворот Москвы!

Но тут пришла беда. Пока жива, не забуду тот день. 22 июня 1941 года было воскресенье. Прекрасный теплый солнечный день. Мы с мужем собирались покататься на лодке в Парке культуры имени Горького. Мы уже были одеты. Было двенадцать часов дня. Муж включил радио, чтобы перед уходом еще раз послушать последние известия. Мы услышали голос Молотова. Он возвестил народу печальную весть о нападении гитлеровской Германии. Мы вскочили, подбежали к громкоговорителю. Теперь короткое обращение повторял диктор. По мы все еще не могли поверить. Растерявшись, мы смотрели друг на друга.

Муж мой первый сбросил оцепенение и сказал: «Война! Ты понимаешь? Война! Я иду в военкомат. Подожди меня».

«Нет, я пойду с тобой».

Мы отправились в путь молча. Так же, как и многие другие мужчины и женщины. На улицах у громкоговорителей собирались толпы людей. Весть о случившемся застала их в пути. Мужчины стояли, как будто окаменев, у женщин текли слезы. Они даже не утирали их. В военкомате собралось много людей. Они стояли повсюду: в коридорах, на лестницах, в огромном дворе. Стояли молча. Только время от времени у кого-то прорывалось несколько слов. Кто-то сказал: «Проклятые немцы! Что мы им сделали?» Другой, стоявший рядом с моим мужем, добавил: «До сегодняшнего дня я думал, что немецкий рабочий никогда не поднимет руку против нас. Ах, все они фашисты! Совести нет». Я хотела ему ответить: «Нет, не все». Но предпочла промолчать. В тот момент это было бы бестактным.

Вышел комиссар и сказал: «Пожалуйста, товарищи, идите домой. Здесь ждать нет смысла. Вас известят. Для всех нас это неожиданность. Мы должны провести подготовку».

Дома мой муж сказал: «Хорошо, что ты промолчала. Ты ведь знаешь, наши люди умеют различать друзей и врагов. Но в этот момент у всего народа только одно чувство». Он прервал разговор. Помолчав, он добавил: «Я знаю, тебе тяжело».

Так оно и было. Советский Союз стал для меня второй родиной. Всем сердцем я любила эту страну. Я стала советской гражданкой, членом Коммунистической партии Советского Союза. Но Германия осталась для меня родиной, и любовь к ней жила во мне. Ее не могли отнять у меня фашисты. С первого же момента мне было ясно: я должна принять участие в борьбе с

фашизмом. Какое участие, должна была решать партия. Я пошла в райком. Военком принимал там добровольцев. Приемная была заполнена студентами Института иностранных языков. Как только он выходил из своего кабинета, его окружали юноши и девушки. «Ну когда?!» Он успокаивал: «Скоро подойдет и ваша очередь».

«Так продолжается весь день,? объяснил он мне, когда я оказалась перед ним. ? Даже четырнадцатилетние настаивают: „Товарищ комиссар, если вы нас немедленно но пошлете на фронту мы поедем туда сами!“ Если медицинская комиссия не пропускает стариков, они приходят и пытаются меня разжалобить. А Гитлер думает, что может нас победить! Что с вами делать, товарищ, я пока еще не знаю. Подумаю. Вас известят».

В начале июля призвали моего мужа. Прежде чем отправиться на фронт, он прошел под Москвой офицерские курсы. Я посещала его каждое воскресенье. Вместе со мной из электрички на этой станции выходили сотни женщин. Вместе мы шли по длинной дороге через лес к офицерской школе. У ворот нас ждали наши мужья. Наступила прекрасная осень. Все мы искали местечко в лесу, женщины раскладывали на салфетках всяческие лакомства, которые они припасли своим мужьям. Продуктов не хватало, их выдавали по карточкам. Вместе с женами приезжали и дети. Они вцеплялись в своих отцов. Понимали ли они, что предстояло отцам? И матерям? И им самим? Вряд ли. Но они видели, что все вокруг были грустны и что мать теперь так часто плачет.

В нашем институте людей становилось все меньше. Каждый день кто-нибудь уходил на фронт. И женщины уходили. В качестве медсестер, санитарок. Москву почти ежедневно бомбили. Я окончила курсы самообороны, и меня назначили ответственной за противовоздушную оборону всего нашего шестиэтажного дома. Как только раздавался сигнал тревоги, женщины за несколько минут оказывались на своих постах. Располагались по всему дому? от чердака до подвала. Даже женщины постарше участвовали в этом. За исключением нескольких обмороков, все обошлось хорошо. Небо Москвы было защищено надежно с первого дня. Фашистские самолеты? «стервятники», как народ их называл,? прорывались редко. Бомбежки унесли не так уж много человеческих жизней. Болезненней были для нас новости с фронта. Но росла стойкость советских людей.

Мать и сын идут на фронт

Моя подруга Эмма Вольф уже служила в армии в качестве политинструктора. Она умела обходиться и с автоматом еще со времен испанской войны. Ее полк находился в Москве, казармы?

напротив нашего дома. Я часто забегала к ней вечером. Если она была свободна от службы, я оставалась надолго. Случалась тревога, она вскакивала. Надевала китель, брала винтовку на плечо и вместе с другими офицерами и солдатами отправлялась нести патрульную службу. Меня она посылала в бомбоубежище. Но я оставалась, конечно, наверху. На крыше нашего института я научилась бороться со страхом. Но ее близость придавала мне силы. В октябре 1941 года нас всех мучили опасения за Москву. Фашисты наступали.

14 октября Эмма появилась у меня. «Хочу попрощаться. Завтра утром мы выступаем». Мы обнялись. На рассвете я услышала с улицы слова команды. Наверное, это воинская часть, подумала я. Я вскочила с кровати, накинула пальто и пошла вниз. От улицы меня отделяло только несколько ступеней. Я жила в маленьком деревянном доме. Да, действительно, полк Эммы пошел на фронт. Эта картина навсегда запечатлелась в моей памяти: впереди знаменосец, в первом ряду около командира и политкомиссара Эмма Вольф. Слева от нее? молодой солдат, почти ребенок, шестнадцатилетний сын Эммы Володя. Самый молодой сотрудник фронтовой газеты. Раздалась команда, колонна пришла в движение. Солдаты запели маршевую песню. Я смотрела им вслед. В соседних домах у окон стояли люди. Они кивали защитникам Москвы. У многих выступили слезы на глазах. У меня тоже.

Эмма писала редко, самое необходимое. Из ее писем я узнала, что некоторое время мать и сын находились в одном месте, хотя и не в одной части. Вечером, когда утихал бой, Володя добирался до воинской части матери, чтобы с ней повидаться. Если он не приходил, в путь отправлялась мать. Если не было возможно ни то ни другое, она спрашивала в штабе: «Жив ли мой сын?» Или он спрашивал: «Жива ли моя мать?» Потом они потеряли друг друга. Володе исполнилось восемнадцать. Он стал настоящим солдатом? борцом против фашизма. Его перевели на другой участок фронта. Месяцами они не слышали друг о друге.

Эта маленькая изящная женщина пережила все, что только может испытать настоящий боец: победу и поражение, героизм, а иногда и малодушие. Она была ранена, контужена, перенесла сыпной тиф. На ее груди немало наград. Она видела живые и мертвые жертвы бесчеловечности после изгнания фашистских оккупантов.

О мужестве Эммы я слышала от других. Она неохотно говорила о себе. Однажды я встретила ее с политкомиссаром ее части в пригородном поезде. Я ехала несколько станций с ними, чтобы побыть с ней. «Не слишком ли отчаянно она ведет себя?»?

спросила я комиссара. «Вот именно. Эмму видишь все время в окопах. Удержать ее невозможно. Она знает, как нужна солдатам ее материнская теплота». Меня это взволновало, но я ничего не сказала. Да это и было бы бесцельно.

«Любовь к социалистической Родине, любовь к людям? вот источник, из которого она черпает»,? писал Илья Эренбург об Эмме Вольф в одной из своих фронтовых корреспонденции после того, как он несколько дней провел в ее части.

По пути с одного фронта на другой капитан Эмма Вольф оказалась среди офицеров, сопровождавших генерала армии Батова. Генерала с глазами мечтателя. Я познакомилась с ним. Два часа этой встречи принадлежат к тем, о которых не забываешь, о которых помнишь всю свою жизнь. Меня изумляла его естественность, его скромность. И не менее? его талант рассказчика. Его можно было слушать часами. Он рассказывал о своих солдатах, о своих офицерах, рассказывал об эпизодах, говорящих об их мужестве, самоотверженности. Говорил он и о капитане Эмме Вольф. Уже в дверях, перед уходом, он сказал: «Жертвы, которые приносит наш народ, несказанно велики, но он уничтожит врага человечества. Да, так будет, в этом нельзя сомневаться».

Это было в самые тяжелые дни Отечественной войны. Его слова оказывали целительное воздействие. Он попрощался с нами очень сердечно и быстро пошел по длинному коридору. Я стояла в дверях и смотрела ему вслед. Мне так не хотелось расставаться с этим большим человеком небольшого роста, непохожим на генерала, с двумя Золотыми Звездами Героя Советского Союза.

Капитан Эмма Вольф была в числе освободителей Вены, ее сын в числе тех, кто освободил Берлин. Спустя год после конца войны Эмма стала настаивать, чтобы он возвратился в Москву, закончил школу и поступил в университет. Но Володя тянул с демобилизацией. Ему трудно было вернуться в старую колею. Эмма поехала в Берлин, чтобы побеседовать с ним. Под руку мать и сын ходили по двору казармы. Командир наблюдал за ними из окошка. Вечером он позвал Володю: «Кто эта барышня, с которой ты сегодня под ручку прогуливался по двору?»

«Моя мама»,? ответил удивленно молодой человек.

«Этот трюк мы знаем»,? лукаво усмехнулся командир.

«Вы можете удостовериться, товарищ командир. Моя мать все равно хотела прийти к вам».

На следующее утро капитан Эмма Вольф пришла к командиру. Она попросила его воздействовать на Володю. Действительно, через несколько недель Володя уже был в Москве. Его мать тоже. Хотя ей было нелегко оставить свою работу

офицера по вопросам культуры в Советской военной администрации в Вене. Но если бы не ее настойчивость, Володя, которому уже исполнилось двадцать два, вряд ли окончил бы свою учебу.

Эмма снова стала работать в печати. Двадцать три года она руководила испанской редакцией журнала «Советская женщина». На заслуженный отдых она ушла только семидесяти лет, заболев лейкемией. Впрочем, едва ли это можно назвать отдыхом. Вновь и вновь ей звонят, например, из военкоматов: «У нас призывники. Расскажите-ка им, как вы воевали». Или звонок из редакции? просьба встретиться с женщинами из латиноамериканских стран. Иногда мать и сын разглядывают свои фотографии берлинского времени. Они оба смеются. Нелегко дался им этот смех! И я вглядываюсь в эти фотографии. Их можно было действительно принять за влюбленную парочку. В свои сорок четыре года Эмма выглядела девушкой. Володя, напротив, значительно старше, чем он был.

Среди фотографий, оставшихся у меня от Эммы, я нашла маленькую газетную вырезку. Не знаю теперь, из какой газеты я вырезала ее. Политкомиссар и журналистка Мария Овсянникова написала тогда всего несколько строк:

«В 5-ой Московской дивизии вместе со своей матерью капитаном Эммой Лазаревной Вольф, участницей боев в Испании, воевал ее шестнадцатилетний сын Володя. Если мы преклоняемся перед мужеством, перед душевной чистотой этих молодых солдат, то мы знаем: такими их воспитала Родина. Но не было бы у них таких матерей, не получились бы из них поэты и герои».

«Вы еще вспомните мои слова…»

Тяжелые дни мы пережили в октябре 1941 года. Фашистский вермахт приближался к Москве. Используя свое техническое и численное превосходство. С потерями он не считался. Мысль о том, что Москва может попасть в руки фашистов, была непереносимой. В начале октября я получила от комиссара извещение подготовиться к отправке.

Но пришел день, который никогда не изгладится из моей памяти: 15 октября фашисты в сорока километрах от Москвы, в предместье Москвы? Химках! Это невозможно было себе представить. Мы были уверены, что Красная Армия, если необходимо, пойдет на любые жертвы, чтобы отстоять столицу Родины. И тем не менее нас охватил страх.

В этот день мы, как обычно, пошли на работу. К концу рабочего дня, около шести вечера, нас позвали на собрание. Секретарь парторганизации сказал, что положение угрожающее. Наш институт будет эвакуирован в этот же вечер. У кого дома

есть дети или инвалиды, тех посадят в грузовик, кто хочет остаться, может оставаться. Мы должны взять с собой только самые необходимые вещи. Места мало. Муж мой был на фронте. Дома никого не оставалось. Вместе с профессором Молчановой мы сидели в ее лаборатории, грелись у газовой горелки и ждали. Мы размышляли вслух, что мы сделаем, если фашисты займут этот дом. Оружия у нас не было. «Я выброшусь из окна»,? сказала я. Профессор Молчанова ответила: «У меня есть в кармане цианистый калий. Хватит на обеих».

Два грузовика доставили нас на вокзал. Куда нас повезут дальше, мы не знали. Сесть в поезд казалось делом немыслимым. Повсюду люди, многие москвичи отправились в путь пешком. Кто мог обращаться с винтовкой, присоединился к защитникам столицы. Грузовик довез нас до города Горький. Там мы погрузились на пароход. Он уже был переполнен. Тем не менее стояла гробовая тишина. Все наши мысли были с Москвой.

Спать никто но мог. Мы сидели в салоне за большим длинным столом. Время от времени кто-нибудь глубоко вздыхал. Пожилая женщина закричала: «Нет! Нет, этого быть не может!» У нее начался сердечный приступ. Мы обступили ее. Одни пытались ей помочь, другие плакали. К нашему столу подошел майор. Он ковылял на двух палках. «Никакой паники, товарищи, никогда, слышите вы, никогда фашисты не увидят Москву. Вы еще вспомните мои слова». Он сказал это с такой убежденностью, что мы устыдились своего малодушия. Эта непоколебимая вера в победу над фашизмом в самый грозный час запечатлелась у меня на всю жизнь.

Я обратила внимание на этого офицера еще днем. Он был единственным военнослужащим на пароходе. Крепко сложенный человек ковылял по середине салона туда и обратно довольно долго. «Ранение в ногу, я должен тренироваться,? объяснил он мне позднее, как будто речь шла о пустяке.? Я не намерен долго прохлаждаться в тылу». Еще сегодня вижу перед собой этого настоящего человека.

Пятьдесят пять градусов мороза на солнце

В Казани мы сошли на берег. Нас разместили в школе. Оказалось, что на партах можно спать. Между прочим, лучше, чем на письменных столах. Еду мы покупали на рынке. Тогда еще можно было кое-что купить. Через неделю мы сели в поезд и поехали дальше. Ехали мы долго, почти месяц, куда? не знали. Думали, что едем в Ташкент. Всем хотелось в теплые места. Наш эшелон остановился в Тюмени. Тогда мы поняли, куда едем. Нас охватил ледяной ветер, когда мы вышли из вагона за кипятком.

Станцией назначения оказался Новосибирск. С детьми, со

всеми пожитками мы отправились с вокзала на трамвае к нашему филиалу. Коллеги приняли нас дружелюбно. Они разделили с нами свои письменные столы. Днем они сидели за ними, ночью мы спали на них. Столов на всех не хватало. Приходилось спать посменно, каждому часа два-три. Моя сменщица предложила мне спать вдвоем. Но она занимала три четверти стола. Она была толстушкой. Не виновата же она. Мы подружились. Ночью мы несколько раз вставали и менялись местами. По теории относительности Эйнштейна, ночь может быть очень короткой или очень длинной. Она бесконечно длинна, если приходится двум женщинам спать на одном письменном столе.

Днем мы проводили время в коридорах. Большинство детей были в начале войны эвакуированы из Москвы. Поэтому в нашей группе было всего двое детей школьного возраста. Они вели себя даже чересчур разумно. Жизнь шла дальше. Самое трудное было привыкнуть к запаху касторки. Как беженцы, мы получали восемьсот граммов черного хлеба в день. Слишком много. Так много мы не могли съесть. Мы меняли хлеб на картошку. Картофелины были величиной с орех. Мы жарили их вечером в лабораторных печках на касторке. Есть их еще кое-как было можно, но пахли они непереносимо. Приходилось зажимать себе нос. Но зато у нас раз в день была горячая еда. Но запах касторки не скоро выветрился.

Так продолжалось только четыре недели. Потом нас всех разместили на частных квартирах. Сибирякам пришлось потесниться. Их это не очень радовало. Да и кто бы обрадовался? Но они выполняли свой долг. Сибиряки суровый народ. Как и природа Сибири.

И все же нигде я не видела столько солнца зимой, как в Новосибирске. Но это солнце обманчиво. На таком солнце можно легко отморозить себе нос, или щеки, или еще какую-либо часть тела. Пятьдесят пять градусов мороза! Прохожие говорят друг другу: «Гражданочка, потрогайте себя за нос!» или «Потрите-ка себе щеку, она у вас совсем белая!» Но никто не предупредил меня, когда я отморозила себе ноги. И где? В трамвае, который полз как улитка. После этого я предпочитала идти на работу и обратно пешком. Это было надежнее. Расстояние было «маленькое»? всего семь километров в один конец. Бинт на ногах все время сползал, но зато он грел.

В Сибири легко зимовать, если у тебя есть овчинный полушубок. Ну, на худой конец, шуба из норки или соболя. И к тому же валенки. Да, прежде всего валенки! Их у меня как раз не было. Я пошла на рынок и купила себе поношенные валенки. Денег хватило только на пару старых валенок со стертыми

подошвами. Купила и сразу же отправилась в сапожную мастерскую. «Прием через четырнадцать дней»? гласила записка на двери. Старший сапожник оказался неумолимым. «Я положу их здесь за печкой. Приду за ними через четырнадцать дней, хорошо?»

«Делайте что хотите»,? проворчал сапожник, инвалид, уставший от перебранок с клиентами.

Когда я пришла через две недели, не было ни валенок, ни сапожника. Никто ничего не знал. Мне хотелось плакать от злости, но я смеялась над собой. Ведь через эту обувную мастерскую проходили ежедневно дюжины клиентов.

К сибирской зиме я оказалась совершенно неподготовленной. В тот день, когда я покинула Москву, на мне было старое осеннее пальто для хождения по чердакам и подвалам на службе. Тут бы мне пригодилась моя медвежья шуба. Но она висела в Москве в шкафу. Отцы города? они действительно заслуживали это имя? старались изо всех сил облегчить участь беженцев. Но их были многие тысячи. Тем, кого эвакуировали из западных областей, из Минска, Витебска например, было еще хуже, чем нам, москвичам. Они оставили в родных местах не только все свои пожитки. Случалось, что в пути теряли детей или они заболевали. Люди умирали от ужасов, от тоски, от мытарств. Беда свалилась на них так неожиданно. Гром ударил средь ясного неба. Но они предпочитали смерть жизни под властью фашистов. Двинулись в путь в первые же часы войны. По дороге их бомбили фашисты, не разбирая, где дети, где старики.

Свидание в Новосибирске

В один прекрасный день на вокзале Новосибирска я столкнулась с минским театром. Встреча была печальной. После бесконечных дорожных приключений и длинного пути они прибыли в Новосибирск. Прибыли ночью. Очень плохо одетыми, истощенными. Они ютились на вокзале в ожидании жилья, одежды, продуктов. На вокзале я ежедневно получала шесть буханок хлеба для нашего коллектива. Каждая буханка по три кило. После объятий и слез я дала минчанам три буханки, чтобы хоть немного утолить голод, мучивший их уже много дней. Уборщица из института, помогавшая мне доставлять хлеб, была согласна. Мои институтские коллеги, конечно, тоже одобрили это. Кстати, я уже не работала библиотекаршей, а стала завхозом и секретарем парторганизации.

Почти ежедневно мои дела вели меня на главную улицу Новосибирска. Эта широкая улица шла через весь город. На ней находились горком партии и горсовет. И в том и в другом мне помогали где советом, а где делом.

Стоял жестокий мороз. На центральной улице города я встретила дирижера Курта Зандерлинга; он жил в крохотной комнате гостиницы вместе со своей женой. Он страшно мерз в своем тонком пальтишке, просто посинел от холода. Но не сказал ни слова об этом, не жаловался. Его согревали звуки Девятой симфонии Бетховена: он отправлялся на репетицию.

По всему городу были наклеены афиши с именем этого немецкого дирижера, напечатанным огромными буквами. В самое жестокое время войны. И в страшный мороз люди стояли в очереди, чтобы достать билеты. Мне повезло, он дал мне контрамарку. Это был один из самых великолепных, самых потрясающих концертов. Люди аплодировали, стоя, по нескольку минут. Они аплодировали Бетховену, они аплодировали дирижеру, они аплодировали честным немцам. Зандерлинг сиял от счастья.

Случайно мы встретились с ним на следующий день на том же самом месте. Я увидела, что он чем-то очень озабочен. Спросила его, в чем дело. Оказалось, что он и его жена давно хотели ребенка. И вот теперь его жена беременна. В такое неподходящее время. Они не знали, что делать. Они ничего не сделали. Иначе одаренный Томас Зандерлинг{6}? их сын? не появился бы на свет. Нелегко им было принять это решение. Зандерлинг покинул гитлеровскую Германию в 1935 году. В декабре 1941 года ему пришлось снова отправиться в путь. На этот раз из Ленинграда, их второй родины. Сегодня здесь, завтра там. Без пристанища. Курт Зандерлинг страдал и боролся вместе с советским народом. С народом, который ежедневно тихо, скромно, без хвастовства совершал великие подвиги.

А мой минский театр? Не прошло и недели с тех пор, как я встретила моих бывших коллег. И уже получила приглашение на премьеру. Она должна была состояться через десять дней. Я была крайне удивлена. Без декораций, без костюмов. Сами еще совсем не устроенные, они решили выступать. Им не хотелось сидеть без дела. Их гастроли не были предусмотрены. Они просто должны были получить пристанище и отдохнуть от пережитого. Минчанам пришлось покинуть город в считанные часы, совершать длинные пешие переходы под бомбежками, испытать голод, жажду, жару, болезни, смерть. Их не миновало ни одно испытание. Их лица были помечены печатью страданий, но они уже играли, играли самые веселые пьесы. Они хотели, чтобы люди хоть на два-три часа забыли о своих заботах. И люди смеялись от всей души на этих спектаклях. Но в конце, когда актеры раскланивались, у многих появлялись слезы. От радости. От горя.

Мне очень хотелось сделать минчанам что-то приятное. Но как? Чем? Может, устроить для них небольшой прием? Но у меня ничего не было. Нет, было! Великолепная свекровь. Как добралась она ко мне в Новосибирск, я расскажу немного попозже. Во всяком случае, она была здесь. В ее кладовке лежали два килограмма дрожжей, полученных на шесть продовольственных карточек, свекла, лук и немного муки. На рынке она купила яйца и самогон. Хлеба у нас было достаточно. Как много различных блюд она приготовила из этих запасов. И как это было вкусно! «Прием» состоялся у меня в комнате! Соседка предоставила нам и свою комнату. Моя свекровь совершила чудеса поваренного искусства. Сначала подали закуску из дрожжей с поджаренными луковицами, затем борщ из красной свеклы. Второе блюдо из дрожжей, лука, яиц и муки. Десерт из свеклы и дрожжей, конечно без лука. Никто не заметил, что все блюда приготовлены из дрожжей. Я рассказала им об этом только после того, как все было съедено. Они попросили рецепты. Так им все понравилось.

А теперь о моей свекрови, о моем свекре и трех моих золовках, которые жили со мной в одной комнате. Дело было так. Однажды я встретила в Новосибирске брата моего мужа. Конечно, на все той же главной улице. Он приехал в командировку. Жил в другом городе. Его, как хромого, признали негодным к военной службе, и он работал инженером на одном оборонном заводе. Он рассказал мне, что вся семья вот уже две недели ютится в Ташкенте. Город переполнен беженцами. Спят они все в парке под открытым небом. Мать заболела малярией.

«Пойдем на почту»,? сказала я без долгих раздумий. Я отправила телеграмму: «Ташкент. Главпочтамт. До востребования. Жду вас всех у меня». Я, правда, не знала, куда я дену пять человек. Мне принадлежало полкомнаты и узкая железная кровать. Спала я на голых пружинах, укрывалась матрасом. Но надо было найти какой-то выход.

Хозяйкой моей была молодая одинокая женщина. Сначала она была даже рада моему появлению. Но как-то вечером она разделила свой ужин с молодым красивым парнем, а потом и свою кровать. Когда я на следующий вечер пришла с работы, комната была поделена двумя простынями, висевшими на веревке. Перегородка оказалась отнюдь не звуконепроницаемой. После любовных сцен? назовем это так? я слышала, как «малышка» хныкала: «На фронте ты найдешь себе другую. Какую-нибудь санитарку. Забудешь меня. Поклянись, что ты меня не забудешь! Поклянись!»? «Не мешай мне спать!»? «Клянись! Клянись! Клянись!» Но он не хотел клясться, ему хотелось спать. И он ругался. И так каждую ночь недели четыре подряд. Пока

парень не ушел на фронт. Нет, в эту комнату я не могла привести своих родственников.

Я обратилась к председателю горсовета. Описала ему судьбу моего несчастного семейства, которому пришлось четырежды эвакуироваться из одного места в другое. И он дал мне ордер на комнату в двадцать два квадратных метра. Большего я и желать не могла. Половину комнаты, которую я занимала, мне пришлось сдать. Я отказалась от нее весьма охотно.

Свекровь

Из родного Днепропетровска семью моего мужа эвакуировали вовремя. Вместе с госпиталем, в котором работали трое членов семьи. Отец кучером, одна дочь врачом, другая, помоложе, санитаркой. Мать сидела с парализованной дочкой дома. Когда город эвакуировался, госпиталь взял с собой все семейство. Раненые освободили для парализованной местечко на грузовике. Но она отказалась от этого места. Вместе со здоровыми прошла сто километров пешком. Как ей это удалось, и сегодня остается для. меня загадкой.

Выбившиеся из сил беженцы сели где-то в поезд. Он доставил их на Северный Кавказ, в Ессентуки. Но госпиталю в Пятигорске срочно был нужен хирург. Все семейство перевели туда. Трое снова работали в госпитале. Казалось, все устроилось. Но фашисты добрались и до Северного Кавказа. И снова этим людям пришлось бежать. Они покинули госпиталь лишь в последнюю минуту, после того как удалось пристроить всех раненых. Тех, кого не удалось увезти, спрятали у жителей города.

После длинных пеших переходов и еще более длинных переездов они, снова без сил, оказались в Ташкенте. Разместились в одном из многочисленных парков города. Теперь они были у меня в Новосибирске.

Моя свекровь была добрейшим человеком. И наделена умом мудреца. Больше всего мне нравилось свойственное ей чувство справедливости. Нет, больше всего мне нравилось, что она всегда была на моей стороне, а не на стороне собственного сына. Умная свекровь. Но шутки в сторону и шляпу долой перед этой простой женщиной, которая своему мужу, своим детям и, само собой разумеется, своей невестке сократила рацион еды до минимума, чтобы подкормить семью, которая была вывезена из Ленинграда через Ладогу. И теперь оказалась в той же квартире в соседней комнате. Это была женщина с шестью детьми. Они уже опухли от голода. Едва могли двигаться. Женщина категорически отказалась от направления в больницу, не хотела расставаться с детьми, которым спасла жизнь в немыслимо трудных условиях.

Ни один ребенок не был ее родным. Детей у нее вообще не

было, да и мужа не было. Всех ребятишек она собрала в соседних домах. Она находила их рядом с их мертвыми матерями? плачущих, изголодавшихся, замерзших. На ручной повозке она отвозила тела матерей на кладбище. Полумертвых детей брала к себе в маленькую комнатушку. Одного за другим. И стала им матерью. Они все спали в одной кровати, ели и играли в этой кровати. Кроме кровати, в комнате уже ничего не было. Всю мебель сожгли в печке. Женщина оставила работу на заводе, бродила по улицам около хлебных магазинов, столовых. Собирала остатки и крошки, все, что хоть кое-как можно было съесть. Так ей удалось сохранить детям жизнь. Под конец она подкармливала их кожаными ремнями. Эти ремни она варила так долго, пока из них не получалось нечто вроде киселя.

Теперь и дети, и эта женщина были спасены. Им повезло, они оказались в нашей квартире. Среди нас была врач, медицинская сестра и самая лучшая сиделка, которую только можно себе представить: моя свекровь. Она строго следила за тем, чтобы ленинградцы не набрасывались на еду, а привыкали к ней постепенно. Ибо немало после эвакуации из города от этого погибали. По указанию моей золовки свекровь давала им неделями только куриный бульон с растертым куриным мясом и поджаренным белым хлебом. Все маленькими порциями. Свекровь развела кур на дворе для новогоднего праздника. Она еще была религиозной и придерживалась всех обычаев. Но не требовала этого от своих детей. И вот теперь она пожертвовала своих кур.

О героизме ленинградцев во время блокады написано много. Но я думаю, что об этом надо писать и писать. Каждое новое поколение должно знать о невообразимых страданиях этих людей. Они показали, какой стойкостью обладает человек, сколько страданий он может вынести, если он знает, за что страдает. История ленинградцев ? это тысячи историй о человеческом величии. Когда эта ленинградская семья переселилась в квартиру побольше, обе женщины горько плакали при расставании. Благочестивая еврейка из Днепропетровска и атеистка из Ленинграда. Теперь нашу квартиру не оглашали больше ни смех, ни плач детей.

Как-то в воскресенье после похода на рынок свекровь привела с собой в дом маленького красноармейца? сына полка. Ему было всего одиннадцать лет. Он утром того же дня прибыл с Западного фронта. Ждал поезда, который доставит его к родственникам, проживающим неподалеку от Новосибирска. Поезд уходил только вечером. Мальчик отправился на рынок в поисках еды. Деньги у него были. Свекровь обратила на него внимание. Заговорила с

ним и пригласила его к нам домой.

«Отпустите его! Ему надо погреться! Он замерз»,? сказала она нам, когда мы столпились вокруг него. Что за славный был паренек! Каждый его обнимал и ласкал. Он разглядывал нас своими синими лучистыми глазами. Мы хотели его расспросить, но свекровь нас погоняла: «Скорей, скорей накрывайте стол. Ребенок есть хочет».

Во время обеда паренек рассказал нам свою историю. Отец его погиб на фронте, мать умерла в больнице. От чего, он не знал. Жил он у соседей. Они относились к нему хорошо. «По нашей улице проходила Красная Армия. Я побежал за солдатами. Это было в Полтаве. Сначала командир меня прогонял, но я не уходил. Я все время бежал за солдатами, все дальше и дальше. Рассказывал им всякие смешные истории. Солдаты смеялись. Они попросили командира, чтобы он разрешил мне идти с ними. И он разрешил. Он называл меня „сын полка“. Во! И подарил мне этот горн»,? мальчик указал на инструмент, который он держал на коленях, не расставаясь с ним даже во время обеда. «За храбрость»,? сказал командир. Мы рассмеялись. Так смешно он это сказал. «Сыграть вам что-нибудь?» Не дожидаясь ответа, он поднес горн к губам. Правда, сыграть ему не удалось. Слишком уж много он съел за обедом.

Мы охотно оставили бы малыша у себя. Но он не соглашался: «Дядя и тетя ждут меня. У них тоже есть такой мальчик, как я». К поезду его провожали полдюжины женщин. Все его обняли, целовали. Он терпел. Как взрослый, подал нам правую руку на прощание. Левой он придерживал свою пилотку, чтобы не сползла. Должна же пятиконечная звезда сидеть точно посредине.

О моем свекре рассказывать почти нечего, потому что и он ничего не рассказывал. Он был молчуном. Впрочем, нас это не огорчало. У него был тяжелый характер. Он всегда был чем-либо недоволен. Все заботы он оставлял женщинам. Всегда был голоден и поэтому устроился на бойню, где можно было подкормиться. Как и другие на бойне, он пил кровь забитых животных. От этого, наверное, умер. А может, от слабости? Мы этого не знаем. Он мирно заснул на работе. Хорошая смерть.

Люба, старшая из сестер, была смелым врачом. В госпитале она решалась на самые сложные операции, если они были необходимы. После, оставшись одна, она едва могла успокоиться. Раненые ее обожали. Раз или два в неделю я приходила к ней в госпиталь, читала раненым что-либо или разговаривала с ними. В зависимости от их настроения. В дни посещений к раненым приходили зачастую совсем чужие люди. Особенно к тем, у кого в городе, не было ни родных, ни знакомых. Муж Любы пропал без

вести в первые же дни войны.

Сима, вторая дочка, была бухгалтером. Когда началась война, она окончила краткосрочные курсы медицинских сестер. С ранеными она была очень покладиста, а дома с ней не было сладу. Она страдала: ее жених был на фронте, не писал ей, но его мать получала письма. Однако с матерью жениха Сима не ладила. И когда они поженились в 1945 году, не прошло и полгода, как властолюбивой свекрови удалось их развести.

О Буне, самой младшей, парализованной, я могла бы написать целую книгу. Для меня она была героиней. Я называла ее «наш маленький Николай Островский». И не в шутку. Днем и ночью Буню мучили страшные боли. Ее тело было скрючено. Она едва могла двигаться по комнате, да и то только если на что-нибудь опиралась. Но она никогда не жаловалась, никогда не бранилась. Напротив, она успокаивала нас, если у кого-нибудь подчас сдавали нервы: ведь шестерым приходилось делить одну комнату. В то время ей было двадцать шесть лет. Ее парализовало, когда ей было семнадцать. В самые лучшие годы. После вирусного гриппа. До того она была здоровой, миловидной девушкой. Только что окончила школу и начала работать. Ее скрючивало все больше. Боли становились все более невыносимыми.

Когда мы с мужем переселились в Москву, мы взяли ее с собой. Показали всемирно известному нейрохирургу профессору Бурденко. Он сделал ей очень сложную операцию в мозгу. Риск был большой. Профессор Бурденко не скрыл от нее это. Не моргнув глазом, она подписала заявление, что согласна на все, на любой риск. После операции боли уменьшились. Тело немножко распрямилось. Но она не могла больше держать голову. Она все время откидывалась назад. Ей приходилось опирать голову на спинку стула, если она сидела, и поддерживать ее руками, если она двигалась. И вот это тяжелобольное существо не позволяло никому убирать квартиру. Когда она мыла пол, она лежала на боку, одной рукой держала голову, а другой тряпку. Квартира всегда была прибранной, лучше не надо. Она сама тоже. Это стоило ей чудовищных усилий. Ей хотелось быть полезной. Она много читала, всегда знала последние новости. Пятнадцати лет она стала комсомолкой. О своей болезни, своих страданиях, в том числе и духовных, она говорила очень редко. Ей не хотелось огорчать окружающих. Часто она упоминала Николая Островского, особенно в разговорах с матерью, чтобы ее утешить. Пять десятилетий продолжалась эта мужественная жизнь.

В Совете жен

Каждые две недели моя свекровь отправлялась в военкомат,

чтобы получить деньги от моего мужа. На себя и на меня. Он поделил их пополам. Однажды она принесла письмо. Я просто вырвала его из ее рук. Она ведь не могла читать. Мне показалось, что это весточка от моего мужа. Уже несколько месяцев мы ничего не знали друг о друге. Я не знала, где он, он? где я. Весть могла быть и очень плохой. Такие вести приходили из военных комиссариатов.

Но это было приглашение на встречу жен фронтовиков. Комиссар приглашал в городскую библиотеку. Я пошла туда. Собралось около трехсот женщин. Встреча прошла по-деловому, без пафоса, без лишних слов и без президиума. Комиссар коротко описал положение на фронте и перешел к существу вопроса. Он предложил организовать Совет жен. Говорил о том, что у семей фронтовиков, особенно эвакуированных, много забот. Совет жен мог бы помочь им. Местные власти готовы оказать ему всяческую поддержку. В конце он осветил политические и культурные задачи Совета. После его выступления наступила пауза. Мы думали. Потом взяли слово несколько женщин. Поддержали его предложение. Оно не было новым. Советы жен существовали на Дальнем Востоке, у Халхин-Гола, они прославились тогда на всю страну. В то время они решали преимущественно культурные задачи. Теперь на первом плане стояли социальные проблемы. Я тоже взяла слово. Мне хотелось сказать о том, что многие эвакуированные женщины с детьми еще ночуют в залах ожидания вокзала. Эти женщины заслуживали восхищения. Каждое утро они посылали своих детей умытыми и аккуратно одетыми в школу. Этим женщинам необходимо было помочь.

Комиссар предложил выдвигать кандидатуры в Совет жен. Семь женщин. Одни кандидатуры были названы, другие женщины предложили свое сотрудничество сами. В их числе была и я. Я не успела оглянуться, как была избрана председателем Совета. Затем стали высказывать предложения и пожелания.

Началась наша деятельность. С утра до вечера без передышки я бегала но учреждениям. Поскольку я работала завхозом, то мне удавалось совмещать служебные и общественные дела. Начальство мое знало об этом и относилось к этому хорошо. Каждый вечер мы принимали в военкомате женщин. Их приходило много. Мы выслушивали их пожелания, их жалобы. Прежде всего мы заботились о жилье и теплой одежде. Горсовет предоставил нам право искать жилые квартиры, в которые еще можно было подселить. Подселяли прежде всего семьи фронтовиков. На поиски мы отправлялись по воскресеньям, обычно вдвоем. В то время люди в Новосибирске жили довольно просторно. Большинство горожан добровольно приняли

эвакуированных. Но кое-где мы еще находили свободные комнаты. На окраинах города, в переулочках имелись небольшие дома с садами. Именно здесь я предпочитала искать. Во время одного из обходов мое внимание привлек новый красивый деревянный дом, одноэтажный, но довольно большой. Я позвонила. Дверь открыла коренастая женщина средних лет. Она встретила меня недружелюбно. Я показала мое удостоверение, выданное горсоветом. Попросила разрешения войти. Она пропустила меня в коридор. Не ожидая моих вопросов, она сказала: «Я тут же освобожу дом, если вы предоставите мне и моим двум детям подходящую квартиру. Так решил суд».

«Что за решение суда?»

«Ах, вы не знаете? А я думала, что вы из жилуправления».

«Нет, я ищу свободную площадь. Давайте присядем на минуточку».

«Пожалуйста. Лучше скажу вам сразу, в чем дело. Этот дом конфискован. Мой муж построил его на казенные деньги. Да и других глупостей наделал немало. Теперь его посадили».

«Давно?»

«Сидит уже пять месяцев. Я много раз ему говорила, оставь эти дела. Добром они не кончатся».

«Сколько комнат в вашем доме?»

«Три, еще веранда, коридор, кухня, туалет, баня».

«Когда был суд?»

«Четыре недели уже прошло».

«Спасибо. Вам дадут другую квартиру».

«Хорошо. Мне хочется, чтобы скорее все было позади».

«Здесь мы устроим детский сад. До свидания».

Это было в воскресенье. В понедельник в девять часов утра я была у судьи. Рассказала ей о нашем разговоре и попросила ее ускорить движение дела. «Постараюсь, товарищ, но не могу вам обещать, что решение суда еще на этой неделе будет передано судебному исполнителю. Да это вам и не поможет. Все равно он не выселит женщину, пока ей не найдут квартиру, а это может тянуться годами».

«Пожалуйста, дайте мне решение суда. Я сама его отнесу судебному исполнителю. У того ведь тоже немало дел. А пока что мы поищем другую квартиру для этой женщины. Она сама этого хочет. Для нас важен каждый день».

«Ну ладно. Может, у вас это и получится».

«Еще дайте, пожалуйста, копию решения для райжилуправления. Вот увидите, через несколько недель мы пригласим вас на новоселье детского сада».

Я получила решение, получила копию, стала бегать по

учреждениям. Короче говоря, с детским садом у нас ничего не вышло. Зато мы организовали детскую кухню. За несколько недель. Дом почти не пришлось перестраивать. Мы убрали одну стену, поставили большую плиту с котлами. Военком нам в этом помог. Он дал стройматериалы и прислал взвод солдат. А уж они постарались. И стали ежедневно готовить обед на триста детей. Хватало им и на ужин. «Детский сад помог бы только тридцати детям»,? говорили женщины из нашего Совета, когда обсуждался этот вопрос. Мое предложение не получило поддержки. И правильно. Самое важное было питание.

Хозяйка дома получила для себя и своих детей большую комнату, двадцать шесть квадратных метров, с кухней в том же самом дворе, где жила и я. Нам повезло. Семья одного генерала переехала в другую квартиру. Его жена была членом нашего Совета. Как только она мне рассказала о предстоящем переезде, я тут же отправилась в райсовет и немедленно получила его согласие. Все произошло за считанные минуты. Солдаты перетаскивали мебель, а мы, женщины, взялись за другие вещи.

«Не хочешь ли ты у нас работать?»? спросил меня председатель райсовета, когда я принесла ему бумаги на подпись. Таких предложений я получала немало. Но у меня было только одно желание: отправиться на фронт. Ну а райсовет я все равно посещала каждый день. Председатель принимал меня, когда было нужно. Конечно, если не было заседаний. Но в годы войны недолго заседали.

Мне очень нравился этот человек, его непринужденность, его юмор, быстрая реакция. А ему нравилось, что я умею наседать на большое начальство. «Ну, партизанка, что ты сегодня придумала?»? встречал он меня обычно. Было бы трудно перечислить все, что этот человек для нас сделал.

«Ленин никогда не заставлял себя ждать»

Наш Совет жен работал с таким энтузиазмом, что сердца «ответственных мужчин» смягчались, когда мы оказывались в их кабинетах.

Хотя я твердо решила ходить в военкомат не каждый вечер, меня все время тянуло туда. Тем более что многие женщины хотели поговорить именно с председателем, в особенности если речь шла о деликатных вопросах. Обычно у моего стола уже стояла очередь, когда я появлялась. Что было тут делать?

Однажды случилось, что я опоздала на целый час. Я собиралась прийти пораньше. Поэтому решила поехать на трамвае. Расстояние было немаленькое? семь километров. Не такой уж пустяк, если идти пешком. Но трамвай шел еще медленнее, с бесконечными остановками. Как неисправимая

оптимистка, я все же думала, что доеду на нем быстрее. Я ходила по вагону взад-вперед, чтобы не примерзнуть к сиденью, пока мое терпение не лопнуло. Я вылезла из вагона и продолжила путь пешком.

Запыхавшись, я вошла в приемную. «Извините, пожалуйста»,? сказала я женщинам, снимая пальто. Ледяное молчание.

Рядом с моим столом сидела старая сибирячка, которая часто нас посещала и много нам помогала. Она знала в этом городе многих, и это было для нас очень важно. Двое ее сыновей воевали на фронте. Она поправила свой платок, наклонилась ко мне и сердито прошептала: «Хочу кое-что вам сказать на ухо. Другие пусть не слушают. Вы коммунистка, так? Образованная женщина. Читали, наверное, Ленина. Но Ленин никогда не заставлял себя ждать. Никогда. Вы этого не знаете? А я знаю, хотя еле умею читать. Мне говорил об этом муж. Он был вместе с Лениным в ссылке. И я тоже никогда не заставляю себя ждать».

Этот упрек я запомнила на всю жизнь. Клянусь, что с того дня я никогда не опаздываю на встречи, будь то служебные или личные. Как правило, я прихожу раньше, чем нужно, и даже сержусь на себя за это.

Генерал и женщины

Большинство тех, кто приходил к нам, искали жилье. Всем мы помочь не могли, но некоторым удавалось помочь. Легче было с теми, кто нуждался в теплой одежде. В этом отношении крепко нас поддерживал начальник военного округа Новосибирска. Генерал с могучим сложением. Ему было около шестидесяти. Настоящий сибиряк, он говорил басом. И манеры его были тоже немного грубоватыми. Как его голос. Но он обладал чутким сердцем. Однажды он вызвал меня к себе.

«Садитесь».

Я села.

«Как идут дела?»

«Думаю, неплохо. Мы ведь только начинаем»,? ответила я заикаясь.

«Не будьте такой неженкой. Вы должны вырвать у военторга все, что можно у них вырвать. Получили вы теплые вещи для эвакуированных?»

«Нет, товарищ генерал».

«Сами виноваты. Надо требовать!»

Ему хорошо говорить, подумала я. Ему стоит только приказать. А мне? Да и что это за тон? Ведь я не солдат. В его прищуренных глазах я заметила лукавые искорки. Неужели он думает, что перед ним сидит робкий ребенок? Ну, я ему покажу.

«Барышня, барышня,? обратился он внезапно ко мне. Не без

иронии и пренебрежения,? сегодня же военторг получит распоряжение распределять одежду только через Совет жен. Вы несете за это ответственность. Проведите опрос, составьте списки. Через две недели доложите мне, что вы сделали. Так. А теперь можете идти».

Ну и дела! В коридоре я перевела дух. Сердиться не было смысла. Генералам непривычно иметь служебные дела с женщинами, тем более с обидчивыми. Он был человеком дела. Но и мы были людьми дела. С одеждой все наладилось. Конечно, не без нажима на военторг.

В следующий раз я доложила обо всем генералу. Прощаясь со мной, он испытующе посмотрел на меня и сказал: «Барышня, я не могу вас больше видеть в этой красной кофточке».

«У меня нет ничего другого, товарищ генерал». Я была задета. Слышать такое при моем-то тщеславии.

«Черт подери! Вы что, хуже других? Смотрите, не обижайте свой Совет жен! Без ложной скромности!»

«Товарищ генерал, тогда распорядитесь об этом сами».

«Будет сделано. Что еще, барышня?»? он расплылся в улыбке. Вскоре мы беседовали друг с другом как друзья, хотя это ему было нелегко. Случалось, он снова впадал в свой генеральский тон. Но это случалось все реже и реже. И меня это очень радовало.

Женщины куют оружие

Сибирь и Урал превращались в кузницу оружия. Сюда эвакуировали много предприятий. Рабочих рук недоставало. Мы устроили большое собрание. Призвали женщин идти работать на предприятия, заменить мужчин. Отклик превзошел все ожидания. На заводы пошли даже женщины, которые прежде нигде не работали. Например, генеральские жены. Многие поменяли письменный стол на станок. В то время я научилась по-настоящему ценить этих женщин, их самоотверженность, их чувство ответственности, ту естественность, с которой они преодолевали невероятные трудности этой жизни. Это был подлинный героизм.

Достаточно вспомнить, как спокойно, как энергично они заготавливали в лесу дрова в свое свободное время. Наш Совет жен делил их на небольшие группы. Женщины валили деревья, пилили, грузили их и на повозках вывозили из леса. А затем сами кололи дрова. Сил это требовало много, но что было делать: угля не хватало. В нем нуждались военные заводы. Немного угля получали только семьи эвакуированных с маленькими детьми. В этом нам помогал директор угольного комбината. В первую очередь он должен был обеспечить оборонные заводы. Но когда

мы приходили и объясняли ему, что речь идет о малышах, у него не хватало духа сказать нам «нет».

Так было повсюду, куда мы приходили. Везде мы встречали готовность помочь, везде нам шли навстречу.

Еще сегодня с чувством глубокого внутреннего удовлетворения я вспоминаю этих великолепных людей, мужественных женщин и мужчин, отдававших все силы делу победы над врагом.

С топливом вообще было немало трудностей. Что касается угля, то мы получали его на вокзале, расположенном в центре города. Ночью мы разгружали вагоны, на каждый вагон ставили восемь? десять женщин. До рассвета караулили уголь, чтобы его не украли. На постах сменяли друг друга каждые полчаса. Утром женщины, получавшие уголь, увозили его на ручных повозках или уносили в ведрах. Старикам и инвалидам помогал Совет жен.

С заготовкой дров было еще труднее. Впрочем, мы не вешали носа. Иногда нам поднимал настроение глоток водки, иногда? какое-нибудь забавное приключение. Однажды мне попалась упрямая лошадь. Стоял мороз пятьдесят пять градусов. Я нагрузила мои сани и направилась было в обратный путь. Внезапно моя лошадь свернула палево. А надо было двигаться прямо. Мне не помогали ни тпру, ни ну, ни ругательства, ни уговоры. Лошадь или вообще останавливалась, или тянула налево. Что с ней случилось? Откуда этот левый уклон? У лошади? А может? именно у лошади? Произошло это на исходе воскресенья, улицы были уже пусты, начало смеркаться. Меня охватило отчаяние. Но тут из огорода появился паренек. Я спросила его: «Скажи-ка, малыш, не знаешь ли ты, почему лошадь тянет налево?»

«Ясное дело! Конюшня стоит вон в той стороне».

«Что же мне делать?»

«Подождите, я позову отца».

Пришел отец, дал лошади кусочек сахару, вскочил на козлы, взял в руки вожжи: «Ну, ну, Косой, давай, давай!» И Косой как черт побежал к моему дому, не сворачивая ни направо, ни налево. Этот славный человек помог мне разгрузить дрова. Моя свекровь пригласила его к ужину. Как всегда, у нас была картошка, жаренная на касторке. Гость поблагодарил, сказал, что уже поел. От стаканчика самогонки он не отказался.

«Не наливай столько,? шепнула я свекрови.? Косой должен вернуться в конюшню».

«Ну Косому я ведь и не наливаю»,? рассмеялась она.

«Хорошо погрелся»,? сказал мой помощник, обливаясь потом.

На следующее утро по дороге на работу я зашла в конюшню,

чтобы посмотреть на Косого. Но он не обратил на меня никакого внимания. Нет, с лошадьми мне не удавалось найти общий язык.

К сожалению, нам приходилось переносить не только физические лишения. Мы взяли на себя трудную задачу? вручать похоронки семьям погибших. В эти часы мы хотели побыть с женщинами, получившими тяжелую весть. Обычно мы шли к ним домой. Я часто спрашивала себя по дороге: к чему это? Что такое слова? Но затем я видела, что и слова помогают. Но дело не ограничивалось словами. Мы помогали, чем только могли.

Вскоре Советы жен появились повсюду, как грибы после теплого дождя. Даже в самых маленьких поселках нашей области. Это было хорошим делом. Теперь речь зашла о том, что необходимо центральное руководство. Его поручили мне. Я получила кабинет в клубе офицеров и письменный стол. И была счастлива, что не надо было пользоваться ими. Меня вызвали в Москву.

Вещи никогда не играли в моей жизни большой роли. Бог ты мой, сколько раз в жизни я теряла все, что имела. Но у меня был еще один берлинский чемодан. Его доставили мне коллеги, приехавшие из Москвы. В чемодан они сложили остатки моих немногих вещей, уцелевших после бомбежки. Светло-серый, небольшой, из твердого картона, но весьма прочный, этот чемодан выглядел еще весьма прилично. Он был мне дорог, и я взяла его с собой. Почти пустым. Моя свекровь положила в него еды на дорогу и немного припасов. Я вынула припасы и вернула ей.

«Возьми хоть немного картофеля,? уговаривала она.? Нам хватит».

Мне надоело с ней спорить. Я уступила. В Москве на вокзале производили выборочный контроль. Искали спекулянтов. Милиционер заметил еще издалека, что я с трудом тащила свой чемодан.

«Что у вас там?»

«Картошка».

«Картошка?»? повторил он недоверчиво.

«Да, картошка. Пожалуйста, посмотрите».

Женщина сошла с ума, подумал он, судя по брошенному на меня взгляду. Из Сибири она тащит картошку. Ничего! Я была очень благодарна моей свекрови: мне не пришлось ходить на рынок. Картошки хватило на три дня для меня и соседки. Утром, днем, вечером картошка в мундире. Деликатес! Не хватало, правда, селедки и водки.

В лагере военнопленных

На следующее утро я отправилась в Политуправление

Красной Армии. Там я встретила давнего своего друга: Артура Пика. В форме Красной Армии. После короткого приветствия он сказал: «Пойдем, познакомься с ними». Взял меня под руку и повел по длинному коридору со многими дверьми.

«С кем я должна познакомиться? Куда ты меня тащишь?»

Оп рассмеялся, открыл одну дверь.

«Встать!»? раздалось в комнате, едва мы переступили ее порог. Со стульев вскочили два немецких солдата., Я окаменела. Не могла произнести ни слова, даже «гутен таг». Солдаты глядели на меня с удивлением. Все молчали, и наконец Артур Пик проговорил: «Иди в мою комнату. Я сейчас приду». Я вышла в коридор, не сказав ни слова. Он остался и о чем-то говорил с солдатами.

«Ну что ты,? сказал мне Артур, вернувшись в свою комнату.? Это же антифашисты. Они отправляются на фронт. Ты могла бы по крайней мере обменяться с ними парой слов».

«Извини, Артур. Я попросту онемела. Меня поразила их форма. Антифашисты в такой форме! {7} Это трудно понять».

Но вскоре я это поняла. Через два дня я уже находилась в лагере военнопленных в Можайске. Управление находилось в центре города. Найти его было нелегко. От города остались только руины. На них не было номеров. В двухэтажном особняке, в котором теперь пригоден был только первый этаж, я нашла то, что искала.

Начальник лагеря, пожилой коренастый полковник, обрадовался моему появлению.

«Я сам попытался начать работу с военнопленными, читал им доклады, но с переводчиком толку мало. Хорошо, что вы приехали. Я сразу же возьму вас с собой в лагерь».

«Спасибо, товарищ полковник. Сама найду. Сейчас хотела бы отдохнуть, помыться с дороги».

«Сами вы не найдете. Лагерь находится в лесу, пять километров отсюда. Пойдемте».

Джип катил по шоссе. Повсюду, где жили люди, следы пожарищ, руин. Полковник прервал молчание:

«Кстати, вчера в лагере был случай самоубийства. Вот идиот! Только что попал в плен, офицер. Кто знает, в чем дело?»

Я не ответила. В голове роились мысли. Через несколько минут мы оказались у лагеря. Полковник провел меня через проходную будку. Пропуска еще у меня не было.

«Видите эту землянку? Вон прямо перед нами? Там находится антифашистский актив».

Я огляделась. Вокруг блиндажи, достроенные, недостроенные. Их соорудили здесь части вермахта. Теперь они

служили жильем для немецких солдат, у которых Красная Армия выбила оружие из рук и которым она спасла жизнь. Теперь я встретилась с ними во второй раз. И на этот раз я чувствовала себя не в своей тарелке. Никак не могла успокоиться. Вновь и вновь я внушала себе: ты получила задание, ты должна его выполнить так, как этого от тебя ожидают. Я решила проявить всю человечность, на которую только способна.

Можайск был пересыльным лагерем. Я это знала. Тем не менее меня удивило, что по лагерю бродило столько военнопленных, руки в карманах. Как будто не шла война. А она шла совсем недалеко отсюда. Февраль 1943 года. Погода стояла теплая, светило солнце. Военнопленные, проходившие мимо, пожирали меня глазами. Некоторые шептались: женщина в лагере? Что ей здесь нужно?

Я вошла в ближайший блиндаж. В нем было тесно, как в железнодорожном вагоне, но тепло и чисто. Его обитатели лежали на нарах и дремали. В одном из отсеков сидела группа беседующих. Я подошла к ним.

«Встать!»? закричал кто-то так громко, что я вздрогнула. Все вскочили. Встали по стойке «смирно». «Добрый день! Садитесь. Не хочу вам мешать»,? сказала я подчеркнуто по-гражданski.

«Мы спорили по поводу вчерашнего случая»,? сказал мне один из них.

«Ну и что же? Что вы об этом думаете?»

«Такой дурак! Из-за Адольфа в могилу!»? высказался один, постарше, по выговору берлинец.

«Заткнись! А не то я заткну тебе рот!»? раздалось с противоположного конца блиндажа.

«Кончилось ваше время! Заруби себе это на носу!»? возразил берлинец.

«Посмотри-ка на него, тоже мне коммунист!»

«Да нет, он просто подлизывается!»

«Предатель! Сволочь!»

«Прекратите! Надоело!»

Так продолжалось некоторое время. Потом все замолчали. Наверное, из-за меня. Я молча переводила взгляд с одного на другого. Лучше оставить их одних, только не торопиться, сказала я себе. В то же время все во мне кипело. Большинство из них производило впечатление фашистов. Это была горькая правда. Мне надо было ее переварить. Но как? Я раздумывала об этом целый день, строила планы. Я отправилась в блиндаж антифашистского актива. Небольшое помещение, железная печка, стол, скамейка, два стула и двое военнопленных, которые нетерпеливо меня ждали. Они знали, что я сегодня должна была

прийти. И вот они сидели, как привязанные, в своем бараке и не решались выйти, чтобы не разминуться со мной. Когда я вошла, они вскочили. Без команды «Встать!».

«Добрый день! Я ваш политинструктор (кто только выдумал это скучное название!). Мы будем работать вместе». Я подала каждому руку. Передо мной стояли два совсем молодых паренька. Хорошие, открытые лица.

«Давайте сядем. И расскажите мне о себе, о том, как вы стали антифашистами. Коротко».

«Хорошо. Меня зовут Вальтер М., мне двадцать один год. Я был летчиком, лейтенант. Меня сбили в самом начале войны. Пять дней я лежал со сломанной ногой в лесу, истекал кровью, испытывал голод, жажду. Меня знобило, хотя стояла жаркая погода. Думал, что конец. Из последних сил я сантиметр за сантиметром дополз до первых домов поселка. Кто знает, может, это был тот же самый, который я за несколько дней до этого бомбил. Меня нашли дети, они позвали родителей. Кто-то сказал обо мне военному коменданту. Тот приехал на джипе. Он и шофер затащили меня в машину и отвезли в госпиталь. Иначе мне бы крышка». Он помолчал. Наверное, его взволновали воспоминания.

«Ну и дальше?»

«Знаете, о советских врачах и сестрах можно писать романы. Если уж здесь из тебя не получится человек, то ты на всю свою жизнь останешься сволочью. Как вы понимаете, я не мог не стать антифашистом».

Другой рассказал о себе еще короче. «Фриц Х., двадцать лет, австриец. Отец был коммунистом, рабочим. Когда его призвали, он сказал матери: „Ради этого Шикльгрубера{8} я не пойду на смерть. И в русских стрелять не буду. Знай, я попытаюсь сразу же перебежать. Ты, сынок, сделай то же самое, когда настанет и твой черед“,? внушал он мне. И я это сделал».

Итак, у меня появились два помощника. Но в то время как Вальтер многое читал, теперь даже марксистскую литературу, которую ему доставала сестра в госпитале, Франц совершенно ничего не знал. Он был еще ребенком. Но с антифашистскими убеждениями и доброй волей.

«Как разрешите вас называть?.? спросил Вальтер.? Госпожа комиссарша или как?».

«У меня хорошее имя, как у одного известного немца, который был врагом нацистов: Либерман. Но я не его родственница».

«Ах, этот художник, который будто однажды сказал: „Геббельс врет так быстро, что я не успеваю блевать“.

«Да, что-то в этом духе. Говорят, что Макс Либерман сказал это, когда узнал, что нацисты сняли его с поста президента Академии художеств! А вы-то откуда об этом знаете?»

«От моей жены»,? Вальтер схватил свои костыли, проковылял к стене, на которой висел его китель, взял из кармана фотографию и подал ее мне. Миловидная женщина лет на десять старше его, на коленях маленький ребенок, двое постарше справа и слева. «Не мои, ее приданое,? заявил Вальтер, когда увидел мое удивленное лицо.? Мы еще не обвенчались. Жили только вместе».

Мне понравилось поведение этого двадцатилетнего антифашиста. Ребята не из самых плохих, подумала я.

Вскоре я познакомилась с пленными другого сорта. Из маленького зарешеченного окошка я наблюдала за человеком на дворе. Он стоял ко мне спиной. Я видела только его расставленные ноги в начищенных кожаных сапогах, руками он уперся в бока. Военнопленные расчищали двор от снега. Он присматривал за ними. Ему не хватает только плетки, мелькнула у меня мысль. Даже не видя его лица, я это почувствовала.

«Кто этот человек?»? спросила я у ребят.

«Лагерный комендант,? проворчал Вальтер презрительно.? Человек с длинным языком».

«Позовите-ка его сюда».

«Комендант лагеря Ганс Дитер Ф. явился»,? отрапортовал по-военному. Я оглядела его с головы до ног. Новенькая, отлично сидевшая форма, начищенные сапоги, глаза, которые избегают твоего взгляда и оценивающе оглядывают тебя. Этот не пронесет кусок мимо рта.

«Как это вчера произошло? Я имею в виду самоубийство. Расскажите». Я предложила ему стул. Была подчеркнуто с ним любезна, ибо я хотела, чтобы он разговорился.

«Так точно, госпожа комиссар. Он прибыл к нам вчера с партией солдат. Я сразу же заметил, что это офицер. Подошел к нему. Он представился мне. Имя я не запомнил».

«Это в данный момент и неважно».

«Так точно, госпожа комиссар. Я поместил его в блиндаж к солдатам. Он этого не хотел. Только на сегодня, шепнул я ему. Утром посмотрю, что можно сделать. Он был единственным офицером в лагере. Сегодня утром на перекличке его не оказалось. Стал его повсюду искать и нашел в бане на веревке. Мертвым».

Вальтер вмешался: «Советский врач сказал, что смерть наступила лишь за несколько минут до того, как его нашли. Если бы его нашли пораньше, он, может быть, был бы еще жив». Оба антифашиста были явно взволнованы случившимся. Самоубийца

был еще совсем молодым человеком, двадцати одного года.

«Неужели никому из соседей по блиндажу не бросилось в глаза, что он отсутствовал всю ночь? Позовите-ка ко мне его соседей по парам»,? сказала я коменданту.

Пришел берлинец.

«Карл В. явился».

«Садитесь, Карл. Скажите, вы не попытались поговорить с тем человеком?»

«Пытался, но он ничего не желал слушать. Все время сидел на краю нар, скрючившись, спрятав лицо в руки, как будто все для него кончено. Больше я ничего не знаю».

«Спасибо, Карл. Можете идти».

Комендант лагеря продолжал сидеть у меня. По-видимому, ему здесь было приятно. «Где вы служили?»? спросила я.

«В полевой жандармерии, госпожа комиссар».

Кровь прилила к моему лицу. Он, наверное, это заметил. Внезапно он замолчал, закашлялся, разглядывал меня, пытаясь определить, какое произвел на меня впечатление. «Идите!»? почти закричала я на него.

«Слушаюсь, госпожа комиссар».

Этого мне было достаточно в тот день. Единственное, чего я хотела,? прочь из лагеря.

Хозяйка из Можайска

Темнело. Я отправилась назад в город. Управление лагеря сняло там для меня комнату. Хозяйка просила мне передать, что я должна прийти до девятнадцати часов: у нее ночная смена. Деревянный домик, чудом уцелевший, одиноко стоял посреди руин. Дверь открыла мне молодая женщина с печальным взглядом. Она была приветлива, но сдержанна и все время вздыхала, показала мою комнату, дала ключ от квартиры и вышла. Через несколько минут вошла снова. «Если вам нужен чай, в кухне стоит керосинка и посуда. Сын покажет вам все это. Я скоро ухожу на работу в госпиталь».

Сыну было всего четыре года. Я попросила женщину остаться. Она села на стул, я на кровать.

«У вас какая-нибудь беда? Может быть, вам станет легче, если мы с вами поговорим?»

«Ах,? вздохнула она,? рассказать это нелегко. Он был таким хорошим человеком, мой отец. Они его убили. И лесника. Топором. Как будто кололи дрова. Мой отец не захотел стать бургомистром. Немцы сначала ушли. Вечером, когда стемнело, отец и лесник решили бежать к партизанам. Они было совсем собрались в путь, да тут пришли убийцы! Проклятые фашисты! Моя мать так и не смогла пережить это. Недавно я ее

похоронила».

В дверь просунул свою голову малыш: «Мама, идем, мама?»

«Этот малыш все видел своими глазами. Теперь он боится оставаться один. Хорошо, что в доме будет еще один взрослый».

«А где ваш муж?» Я почувствовала, что задала глупый вопрос.

«Где же ему и быть? Там, где все наши мужчины, на фронте. С первого дня. Спокойной ночи»,? пожелала она мне на прощание. Но заснуть я не могла. Несмотря на усталость. Прошлую ночь я провела в поезде, сидя на чьем-то багаже. Другим было еще хуже. Они стояли на ступеньках.

Я не могла успокоиться. Вновь и вновь я думала о судьбе этой женщины и о том, как человечно поступает партия. Меня, немку, она направляет к гитлеровцам в лагерь, чтобы их просветить, чтобы пробудить в них совесть. В самый разгар этой жестокой войны.

Утром в восемь я была в лагере. Мне сказали, что начальник уже здесь. Мы можем пойти к нему без предварительного доклада. В деревянном домике охраны у него есть маленькая комнатка. Я постучалась, вошла.

«Ну как дела?»? спросил он.

«Товарищ полковник, почему комендантом лагеря назначен именно бывший солдат полевой жандармерии?»

«Не может быть! Я тут же это проверю». Он позвал к себе командира батальона охраны. Это был молодой, энергичный старший лейтенант, не очень приветливый. Наверное, потому, что я не к нему обратилась. Но я ничего не знала о его существовании. И о субординации тоже не знала. Полковник объяснил ему, о чем идет речь.

«Я назначил его, товарищ полковник. Откуда мне было знать, кто он такой. Мне он наплел нечто совсем другое. Я тут же выгоню его ко всем чертям!»

«Товарищ старший лейтенант, как вы считаете, не лучше ли будет, если антифашисты сами предложат вам нового коменданта?»? спросила я вкрадчивым тоном.

«Согласен, но только он должен быть дельным парнем».

«Завтра я назову вам фамилию этого человека. А решать будете вы». Я распрощалась не по-военному, что явно не понравилось старшему лейтенанту. Он этого не скрыл.

«Кого могли бы вы предложить на пост коменданта?»? спросила я ребят в блиндаже.

«Старого сняли. Он не подходил. Вы сами это слышали».

«Этого не знал никто. Он вчера проговорился».

«Посмотрите-ка, неужели же мы не найдем подходящего человека, антифашиста. Может быть, берлинца, Карла В.? Как

думаете?»

«Мы знаем его мало».

«Почему вы варитесь в собственном соку?»

«Это неверно, госпожа Либерман,? сказал обиженно Вальтер.? У нас был совсем неплохой актив. Но всех послали дальше, в рабочий лагерь. Теперь нам приходится начинать сначала».

«Ну так начинайте же! Пойдемте, ребята. Покажите мне, пожалуйста, блиндаж, в котором проходят собрания».

Война на сцене

Большой светлый блиндаж примерно на триста человек. Скамьи, стол, покрытый красной тканью, перед ним стул.

«Подумайте о том, чем бы нам здесь заняться в следующие дни. У ваших солдат слишком много времени».

Франц присел ко мне на скамью.

«Сегодня здесь должен состояться эстрадный концерт. Им заправляет один конферансье. Отменить?»

Меня удивил этот вопрос.

«Как так „отменить“? А что за программа?»

«Пока нам удалось найти только гармониста, певца и иллюзиониста. И у конферансье есть кое-что в запасе».

«Не очень богато. Ну ладно, я приду на ваш вечер. Когда он начинается?»

«В девятнадцать часов».

На обратном пути я спросила моих обоих помощников: «Вам приходилось выпускать стенные газеты?»

«Видеть видели, но сами не делали»,? ответил Вальтер.

«Пойдемте со мной, посмотрим на стенгазету в караульном помещении. Она неплохая».

Дежурный спросил нас сквозь окошечко: «Куда?»

«К вам, товарищ. Мы хотели бы посмотреть вашу стенную газету. Можно?»

«Пожалуйста».

Ребята накинулись, конечно, сразу же на карту, на которой фронт был обозначен маленькими флажками.

«Мы каждый день вносим в нее поправки,? объяснил нам дежурный.? Теперь фронт выглядит не так, как месяца два назад, верно? Теперь мы гоним немцев».

Большинство статей в стенгазете были посвящены Сталинграду. Глаза советского солдата сияли. Да и у моих антифашистов тоже. Они поняли: это поворот в войне.

«Госпожа Либерман, если бы у нас была информация, бумага и чем писать, мы бы тоже сделали такую газету»,? сказал Вальтер, когда мы снова оказались в блиндаже.

«Все это вам достану».

Мы стали обсуждать первый номер антифашистской стенной газеты.

«Только не все делайте сами, ребята. Подберите других, кто антифашистски настроен. Вы наверняка здесь не единственные. Вот и появится у вас новый актив».

Вошел Карл В.: «Вы звали меня?»

«Да. Садитесь. Кто вы по профессии?»

«Транспортник. Кабельный завод „Берлин-Обершпрее“.

«А в армии что вы делали?»

«Работал шофером в службе тыла».

«Если я не ошибаюсь, вы противник нацизма. С какого времени?»

«Не хочу выглядеть лучше, чем я есть. Дома я во многом верил нацистам. Но шофер много ездит. Я видел, как нацисты ведут себя на оккупированных территориях. Это свинство. Тут я сказал себе: хватит».

Нас прервали. Карла позвал к себе старший лейтенант.

После обеда наш блиндаж посетило много военнопленных. У каждого было что-нибудь на сердце. В такой ситуации важна каждая мелочь. Где могли помочь, помогали. Конечно, мы старались говорить на политические темы, говорить откровенно. Пришлось хорошо попотеть, прежде чем пленные стали понимать, что между большой политикой и личными делами есть связь. Вновь и вновь мы ставили им вопросы: кому полезен фашизм? Кому нужна война? Подумайте! Подумайте! Но вот думать-то и было им трудно. «Народ мыслителей» разучился думать.

Точно в девятнадцать часов я пошла на вечер. Я волновалась. О том, что сделали нацисты с культурой, знала только по слухам. Что это будет за представление? Все места были заняты. Многие стояли по стенам и в проходе. Я села на стул, который мне приготовили.

На сцену вышел конферансье, сначала он нес всякую чепуху, видимо, сам не знал, о чем говорил. Потом стал рассказывать неприличные анекдоты. С «бородой» и более новые. В зале хохотали? мне было противно. Свои анекдоты он чередовал с трюками, которые ему удавались неплохо. Он был профессиональным конферансье. А что его «искусство» принижало человека, он не понимал. Он не умел иначе. Да и от него не требовали ничего другого.

После него на сцену вышел гармонист. Он сыграл две народные песенки, затем стал наигрывать солдатские песни. Люди в зале подпевали ему с таким воодушевлением, как будто они вот-вот снова отправятся в поход. Я не знала, что делать. Еле-еле сдерживалась. Прекратить этот вечер? Сразу же? Позднее? Я

обернулась, посмотрела на военнопленных. Они смотрели на меня. Как она будет реагировать, «эта комиссарша»? На сцене уже выступал иллюзионист.

Потом на подмостки прыгнул солдат и сказал, что он хотел бы спеть песню. Ему было около сорока. Он выглядел весьма солидно. Я думала, что теперь-то наконец будет предложено что-то приличное. Он затянул песню. Петь он не мог. Что за песня, я поняла не сразу. На второй строке мне стало тошно.

«Теперь конец!? резко прервала я его.? Вы просто свинья! И поете, как ворона! Эх вы! Что сказали бы ваши матери, ваши жены, если бы они вас слышали? Подчас я сомневаюсь, осталось ли в вас еще что-то человеческое». Я покинула зал. Вечер был прерван. Конферансье бежал за мной, как побитая собака.

«Подумайте-ка вы о том, как подготовить приличную программу. Мы вам поможем. Приходите завтра ко мне». Не торопясь, я шла по двору к антифашистскому блиндажу. Мне хотелось послушать, о чем говорят пленные друг с другом. Но они молчали. А мне так хотелось бы узнать, что происходит в их душе. Неужели они действительно таковы, какими я их увидела на этом вечере. А может, все же это не так?

По дороге в город я вновь и вновь обдумывала свои впечатления. На моих помощников я рассердилась. Они не должны были бы допускать такого свинства. Впрочем, может быть, им было не под силу подготовить что-либо поприличнее? Нет, Вальтер кое-что знал из классиков и других настоящих писателей. Да и среди военнопленных наверняка можно было бы найти кого-то, кто еще сохранил остатки культуры.

Но то, что произошло на следующее утро, примирило меня с ребятами. В блиндаже висела стенная газета с картой и флажками! Оба работали над ней всю ночь. В газете была всего одна статья. Ее написал Вальтер после вечера. Он поставил в ней много вопросов: Сталинград, приказ держаться до последнего, неизбежное поражение Гитлера, напрасная гибель сотен тысяч людей, их непозволительная покорность, презрение нацистов к людям, преступление против народов других стран и в конце просто варварство. Неплохо сделано, неплохие рисунки. Их нарисовал Франц. Я высказала ребятам, что думала об их газете. Они радовались, как дети. По существу, они и были детьми. Отнятое детство.

Дверь в наш блиндаж не закрывалась целый день. Солдаты осаждали стенгазету. Особенно большое впечатление производила карта с линией фронта. Повсюду они говорили только об этом. Многие приходили снова? с вопросами. Но лишь немногие с желанием сотрудничать. Кроме Карла В.,

антифашисты приняли еще двоих в актив. Теперь можно было уже говорить об активе в пять человек.

Ближе к вечеру ко мне пришел конферансье.

«Госпожа Либерман, мне хотелось бы извиниться перед вами за вчерашнее».

«Сколько вам лет?»

«Сорок».

«Вам все же было тридцать, когда пришли нацисты. Неужели вы ничего не знаете о немецкой культуре?»

«Солдаты не хотят этого слышать».

«Попробуйте и тогда сами увидите».

«У меня нет книг».

«Я принесу вам книги».

«Не думайте обо мне плохо, я не нацист, я артист и политикой не занимаюсь».

«А разве ваш вечер не имел отношения к политике? Подумайте еще раз о его программе. Потом приходите ко мне, поговорим».

В последующие два дня в лагерь поступали все новые и новые партии военнопленных, прямо с фронта. Я стояла у ворот и разглядывала их. Вид у них был очень несчастный. Грязные, замерзшие, трусливо озирающиеся, стояли они перед воротами и ждали, пока их впустят. А может быть, они ждали расстрела? Ведь этим как раз пугали их нацисты. Советский командир полка охраны и немецкий комендант лагеря работали рука об руку и очень четко. Новоприбывшие получали суп, хотя и жидкий. В обед еще кашу. Три раза в день горячая пища. Этого не получало и население Можайска. Новички отправлялись в баню, затем в теплые блиндажи. Постепенно они приходили в себя. Начиналось политическое размежевание. В большинстве своем они были еще заражены нацизмом. Но и среди таких попадались люди различного плана: отпетые и доступные для аргументов, тупые и умеющие думать, разумные, готовые поговорить о политике и интересующиеся только едой. Работать приходилось нам со всеми.

В роли коменданта Карл В. оказался на месте. Он начал сотрудничать и в активе. На последнем собрании выступали только он и Вальтер. В набитом до отказа блиндаже они рассказывали почти целый час о том, как они стали антифашистами и как впервые познакомились с советскими людьми. Они говорили эмоционально и убедительно. На мою долю оставалось только заключительное слово.

Кто хочет, тот говорит

Ветреным, холодным днем в марте 1943 года наш лагерь

посетили Вальтер Ульбрихт и Густав Соботтка.

«Мы хотим обратиться к военнопленным,? сказал товарищ Ульбрихт.? Как это сделать?»

Я показала им блиндаж для собраний.

«Хорошо. Соберите солдат».

«Как подготовить собрание, выступающих?»

«Нет, не надо готовить. Кто захочет, тот выступит. Выступит, как считает нужным».

Через двадцать минут собрались почти все. Мы даже не ожидали такой явки. Одних, кто еще верил в победу Гитлера, привело любопытство, других? надежда на хорошие вести. Наши гости рассказывали о своих впечатлениях на Сталинградском фронте. Они говорили о том, почему Гитлер проиграет, не может не проиграть. После нескольких выступлений слово попросил Ганс Дитер Ф. Я шепнула товарищу Ульбрихту: «Этот из полевой жандармерии».

«Пусть, я уж найду, что ему ответить».

Ф. откашлялся, как он обычно делал, когда надо было выиграть время, потом выложил: «Камрады! После Сталинграда каждому ясно: наше положение безнадежно. Немецкие солдаты должны покончить с гитлеровской войной. Иначе они лишь помогут умножить страдания нашего народа. Гитлер и его генералы во имя своего престижа бессовестно жертвуют сотнями тысяч. И так они пожертвуют всем немецким народом».

Он говорил так, будто всю жизнь был антифашистом! У меня пересохло в горле. Товарищ Ульбрихт встал и сказал примерно следующее: «Вы неплохо заучили нашу листовку. Я слышал, что вы были в полевой жандармерии. Расскажите-ка нам о своих личных впечатлениях. Например, о том, как полевая жандармерия гонит солдат на смерть. О жестокостях к людям на оккупированных территориях я уж не хочу упоминать. Может быть, кто-нибудь меня дополнит».

Такого желания ни у кого не оказалось. Антифашисты не могли и слова промолвить от возмущения. Многим были противны этот цинизм и лицемерие бывшего жандарма. Собрание подошло к концу. Оно длилось больше двух часов. Гостей окружили десятки пленных. Они задавали вопросы. Совсем тихо, чтобы другие не слышали. Они боялись своих собственных товарищей.

В путь во Владимир

Погода стояла сырая и холодная. Во дворе лагеря грязь по колено. Военнопленные торчали в блиндажах. Топлива было у них достаточно. Они сидели, а в большинстве лежали и размышляли. В Можайске работать им было негде: все разрушено,

а восстанавливать еще не начинали. Безделье развращало людей. Хотя в лагере уже работал актив в четырнадцать человек, дело двигалось вперед очень медленно. Если бы у нас была по меньшей мере библиотека, даже маленькая. Я вспомнила, что в моей полуразрушенной московской квартире можно еще было бы собрать чемодан книг. С этой мыслью я пошла к начальнику: «Товарищ полковник, можно мне на один день съездить в Москву?» Я объяснила ему зачем.

«Вам это не нужно. Сегодня утром пришел приказ из Москвы. Наш пересыльный лагерь передвигается поближе к фронту. Все военнопленные направляются во Владимир, в лагерь 190. Трудовой лагерь. И вы поедете с ними».

«У меня одна просьба, товарищ полковник. Нельзя ли послать этих двух парней, Вальтера и Франца, в антифашистскую школу, я думаю, из них выйдет толк».

«Постараюсь»,? обещал он.

От начальника я уходила втройне обрадованная: на фронте дела шли хорошо, военнопленных направят в рабочий лагерь, а моих верных помощников? в антифашистскую школу.

Вечером полковник собрал всех сотрудников в столовой полка охраны на торжественное прощание. Был накрыт поистине королевский стол: селедка с картофельным салатом и водка. Начальник поблагодарил всех. Кое-кому он вручил почетные грамоты, других повысили в чине. И я поднялась на ступеньку. Он был внимательным начальником, наш полковник. И слово держал. Вальтера и Франца он послал в антифашистскую школу в Красногорск.

Я отвезла их туда. В Москве у нас была пересадка. Мы должны были переехать с одного вокзала на другой. Я показала им центр столицы. Мы прошли по длинной улице Горького до Красной площади. Мавзолей Ленина был закрыт. Оба немецких антифашиста были в форме вермахта. Многие прохожие оборачивались им вслед, разглядывали их. Но никто не сказал им дурного слова. Самое большее, они говорили друг другу: «Посмотри-ка, вон фрицы». Мои оба «фрица» были очень счастливы.

Через два дня я снова приехала в Можайск. В лагере царило возбуждение. Он кишел провокационными слухами: «Ты знаешь, нас посылают в Сибирь, в тундру. Оттуда уж не вернешься».? «Тсс. Я знаю, это точно. Мне сказал один из конвоя». Да, нацисты среди военнопленных не теряли времени даром.

Мы собрали пленных, объяснили им. Во-первых, в Сибири не так уж плохо. Там живут советские люди, а теперь есть и пленные. Я рассказала им о своих сибирских впечатлениях. Во-вторых, им

не повезло: они будут отправлены не в Сибирь, а во Владимир, старинный город недалеко от Москвы.

На вокзале собралось много сотрудников лагеря. Начальник приказал им хорошо организовать транспорт. Он появился и сам, чтобы удостовериться в выполнении своего приказа. Товарные вагоны с досками для сидений и железными печками стояли наготове. Топливо, провиант на дорогу военнопленные взяли с собой из лагеря. Кое-кто из них ворчал, но в большинстве своем они вели себя неплохо. Правда, при посадке от немецкой дисциплины не осталось и следа. Каждый стремился заполучить местечко у печки. Однако достаточно было скомандовать: «На посадку становись! Марш!»? и порядок установился. Приказ все еще действовал на вымуштрованных немцев.

Я села в следующий поезд. Сначала поехала домой, в Москву. Рухнувшая стена в моей комнате была восстановлена. Она обрушилась, когда в казарму напротив попала бомба. Теперь все снова было в порядке. Сын моей соседки жил с женой и ребенком в моей комнате. Я ничего не имела против этого. На два дня они освободили мне комнату.

С огромным удовольствием я бродила по центру Москвы. Улицы были снова полны народу. Эвакуированные учреждения постепенно возвращались в свои старые здания. Мне очень хотелось повидаться с кем-нибудь из близких людей. Но их в Москве не было. Наудачу я позвонила своей подруге Мирре. Меня очень обрадовал ее голос в телефонной трубке. Весь день я провела у нее. Иногда так хочется, чтобы тебя побаловали. Муж Мирры, работавший в оборонной промышленности и имевший броню, пропадал на своем предприятии. Сама Мирра ждала ребенка и поэтому прервала на год работу на радио. Мы решили развлечься. Но это нам не очень удалось. Будущая мать не находила себе места. «Только бы ребенок родился здоровым!? говорила она с грустью.? Бомбежки, лишения… Да, уже в чреве матери ребенок чувствует войну. Разве это не страшно?» Конечно, это страшно, думала я, но ничего не сказала. Я поставила пластинку с песней Суркова. Нам всем она нравилась. Солдаты в окопах пели ее с большим воодушевлением. Для них эта песня и была написана. Песня о той единственной дома, о ее любви, которая помогает ему выжить. Мы обе пели ее, будто лежали в окопах, плакали и смеялись.

Мне пора было к поезду. Распрощались мы весело. За столом выпили по стакану вина. «За победу! За будущую жизнь!» Сын, которого родила Мирра, получился замечательным парнем. Он педагог, последователь Макаренко.

Домой я поехала на метро, взяла вещи и пешком пошла на

вокзал.

Мой начальник

Поезд был переполнен. Во Владимир я приехала совершенно измученная в три часа ночи. Я подождала на вокзале, пока не рассвело. Камера хранения была еще закрыта. Мой тяжелый чемодан, на этот раз наполненный книгами, я оставила у начальника станции и отправилась в путь. Владимир? это старинный город с красивыми церквами и другими средневековыми достопримечательностями. До четырнадцатого века? центр Владимиро-Суздальского княжества. Но мне было не до истории. Кроме длинной главной улицы я видела лишь маленькие узкие немощеные переулки, которые то уходили в гору, то спускались с горы. Маленькие ветхие деревянные домики. Путь от вокзала к лагерному управлению шел круто в гору. Мне пришлось пройти семь километров. Общественного транспорта в городе не было.

Лагерное управление находилось в здании администрации тракторного завода. Я вошла в комнату начальника лагеря. За большим письменным столом сидел невысокий подполковник в очках, что-нибудь около пятидесяти лет. Похож на учителя. Он встал и сделал несколько шагов мне навстречу. Это настроило меня хорошо. «Мои бумаги, наверное, еще не пришли, но я здесь».

Он ответил мне в том же тоне: «А это главное, я о вас знаю».

У меня сразу же установился контакт с этим человеком. И этот контакт сохранился на годы. Работать с ним было одно удовольствие. Мне казалось, что этот человек олицетворяет партию. Гуманист до мозга костей. Это чувствовали даже военнопленные. Антифашисты боготворили его, его и врача Беликову. Еще сегодня многие из антифашистского актива спрашивают меня об этих двух людях. Мне очень жаль, что не удалось сохранить с ними связь.

«Известно ли вам, что вы отвечаете за двенадцать лагерей?»? спросил меня мой шеф с сочувственной улыбкой.

«Нет, этого я не знала. И где они?»

«Здесь, на территории тракторного завода, находится главный лагерь, два других? в городе и девять? в области».

«Везде ли есть антифашистские активы?»

«Нет, только в главном лагере и лагере номер один».

«Хорошие?»

«Большие».

Я рассмеялась.

«Чтобы ответить на ваш вопрос, дорогой товарищ, надо знать этих людей, понимать их язык».

Мой шеф нравился мне все больше.

«Я думаю, вряд ли полезно для антифашистской работы совмещать в одном лице руководителя актива и лагерного коменданта. Но как с этим быть, разберетесь сами».

«Можно ли мне теперь идти? Я бы хотела провести сегодняшний день в лагере, понаблюдать».

«Идите сначала в хозяйственный отдел и скажите, чтобы вас разместили».

Хлебом единым

Хозяйственный отдел был через две двери. В комнате сидели добродушные люди. Двое мужчин и одна пожилая женщина.

«Мы разместили вас в „гранд-отеле“ тракторного завода,? пошутил один из мужчин.? В комнате на три человека. Пока что вы в ней одна».

Говоривший заметил, видимо, какую я сделала кислую мину. «Лучше, чем в городе. Не так далеко. Ведь по вечерам здесь дороги не освещаются. От вашего общежития вам надо пройти до лагеря только четыре километра по полю, и вы на месте».

«Да, действительно рукой подать».

Я спросила о столовой.

«Столовая была, да сплыла. Теперь будете получать паек. Раз в две недели».

«И что мне с ним делать?»

«Есть!»

«Сырым?»

«Как так, сырым? Варить!»

«Где?»

«Ну, в вашем „гранд-отеле“.:

«И когда? Вечером?»

«По мне, хоть ночью. Если вам это нравится».

«Вы человек веселый!»

«Да, со мной не соскучишься!»

«До свидания!»

Я, конечно, не стала готовить. Не было ни времени, ни охоты. Да и кто говорит, что человек хлебом единым жив? Вкусен был черный хлеб, я ела его утром, днем, вечером, снова и снова. Я даже не могла его весь съесть. Конечно, за это пришлось расплачиваться. Ну, ладно. О болезнях говорить не стоит. Такое у меня было правило. К сожалению, я слишком часто его забывала. Как и другие хорошие правила.

Разговор в хозяйственном отделе не прибавил мне бодрости.

В лагерь я пошла с невеселыми мыслями. К тому же пришлось вернуться: у меня не было пропуска. Он лежал в управлении. Шеф о нем позаботился, а подписал его командир караульного батальона. Еще десять минут ходьбы? и я оказалась в лагере.

Антифашистский актив находился в левом бараке, сразу же у входа.

Это помещение располагалось между кухней и помещением для выдачи хлеба. Не очень-то подходящий климат для разъяснительной работы, мелькнула у меня мысль. Я открыла дверь. Обычная команда «Встать!», которую я, впрочем, вскоре сама отменила. В помещении находилось довольно много пленных. Встав в круг, они о чем-то спорили друг с другом. Я услышала слова «норма», «проценты». Неплохо. Я поприветствовала всех, сказала, кто я такая. Трое тут же исчезли. Это были командиры рот, только что вернувшиеся со своими людьми после смены. Они докладывали о выполнении нормы. Двое остались. Блондин представился мне: «Герберт К. Руководитель актива и лагерный комендант. А вот это Детлеф. Он здесь убирает».

Второй был совсем молодым пареньком с лицом ребенка. Слишком красив для парня. Почему он в лагере, а не на работе? Он что, болен?

Я попросила Герберта К. показать мне лагерь. «У нас два барака. В одном, вот в этом, живут румыны. В том напротив? мы, немцы. Там же и амбулатория. Есть еще госпиталь, но он по другую сторону тракторного завода».

Барак оказался огромным, хорошо освещенным помещением, заполненным нарами. Соломенные матрасы, одеяла? все чистое, нары стояли тесно. В другом бараке? то же самое. Здесь и там на парах сидели пленные.

«Почему они не на работе?»? спросила я.

«Они больны. Некоторые из них постоянно больны. Те, кто распустился, кто боится холода, не хочет работать»,? объяснил мне Герберт К. Мы посетили амбулаторию. В маленькой приемной сидели два немецких врача и ели. Они смотрели неприветливо, отрешенно, будто едва воспринимали то, что происходило вокруг них. Они ели, и совсем неплохо. Выглядели эти господа весьма упитанными, разве что немного бледными. По-видимому, они избегали бывать на воздухе, чтобы не столкнуться с «простым народом». За все годы я ни разу не видела их у ворот. В отличие от советских врачей, которые на ветру, в любую погоду, в самую рань стояли там и отсылали обратно простуженных пленных, не разрешая им идти на работу.

Я вошла в кабинет врача. Немецкий фельдшер как раз

перевязывал пациента. Другие пленные стояли рядом и ждали. Фельдшер меня поприветствовал глазами, улыбкой. Был пересменок. Обеденный перерыв, но времени поесть у него не было. Один за другим шли больные. Я стояла у двери, смотрела, как он работает, и ушла с чувством, что у этого немецкого пленного? его звали Гейнц Т.? на первом плане была забота о товарищах.

Территория оказалась очень большой. Герберт К. показывал мне, как много он здесь сделал. Возможно. Но мне бросилось в глаза, что он часто якал и говорил выспренне.

«Скажите мне, почему командиры рот приходят докладывать вам о выполнении норм? Ведь есть бюро учета».

«Чтобы я мог тут же сказать свое мнение. У меня должен быть порядок».

«Спасибо. Теперь я знаю, в чем дело. Не хочу вас больше задерживать. Соберите, пожалуйста, завтра вечером весь актив».

Главный инженер Якобсон

Я отправилась на тракторный завод. Спросила, как увидеть главного инженера. Меня послали в цех номер один. Издалека я вижу высокого солидного мужчину с седой копной волос, окруженного военнопленными. Подхожу к нему. Вежливо, почти что галантно он ведет меня в свое бюро. Это крохотная деревянная будка. Здесь еле-еле нашли место письменный стол и два стула. Садимся. Я спрашиваю его, как работают военнопленные.

«Отлично, если они работают по профессии. И в том случае, если это не отпетые нацисты. Нацисты тянут волынку, но мы быстро их обнаруживаем».

«И что с ними делают?»

«Или они меняют свое поведение, или мы отправляем их на строительство дорог».

Входит мастер, показывает ему какую-то деталь. Речь идет о миллиметрах. Когда мастер уходит, я спрашиваю дальше: «Я вижу здесь и грузчиков. Как работают они?»

«Стараются, хотят здесь работать. Здесь легче выполнить норму, чем, скажем, на стройке. Нам нужны специалисты, товарищ. Наши на фронте. Подумайте об этом, когда придет новая партия пленных».

«Непременно подумаю».

Мы беседуем еще несколько минут. Он спрашивает меня, есть ли у меня книги, которыми мы могли бы поменяться. Потом мы прощаемся, крепко пожав друг другу руки. Мы понравились друг другу. Мы встречаемся почти каждый день, когда я обхожу места работы военнопленных, ибо и здесь случаются конфликты.

Три недели спустя ранним утром в воскресенье? я охотно поспала бы подольше ? стук в мою дверь.

«Можно войти? Я жена Якобсона».

Вот те на. Что ей от меня нужно?? думаю я.

«Я хочу пригласить вас отведать наши беляши? пирожки по-татарски. Вы, наверное, никогда не ели. Извините, что я вас разбудила. Мой муж сказал, что вы рано уходите. Пожалуйста, приходите в два часа дня!»

Вчетвером сидим мы за столом. Вместе поедаем целую гору беляшей. Ничего подобного я никогда не ела! А может, тогда только так казалось? Есть и водка, сколько хочешь. И настоящий кофе? специально для меня. Я тронута. Не только тем, что мне предложили кофе. Якобсон симпатяга. А его жена умница, что пригласила меня.

«Навредить? это они могут»

Вскоре после моего визита на тракторный завод я решила отправиться на стройку. С полдороги вернулась. Подумала, что не стоит приходить туда незадолго до конца смены. Смысла нет. Занялась своими личными делами. Получила продовольствие на две недели и со свертками решила отправиться в свою комнату. Нагруженная, как ишак, я стояла перед управлением. Мне повезло. За рулем легковой машины, стоявшей у здания, сидел совсем молодой шофер. Он внимательно посмотрел на меня, на мои узелки и сказал: «Садитесь, бабушка. Я еду в город и возьму вас с собой». Он подвез меня к заводской гостинице, двухэтажному кирпичному дому. «Спасибо, сынок. Правда, ты назвал меня бабушкой, но ничего, ты все-таки славный парень». Слово «бабушка» задело меня. Неужели я уже выгляжу, как бабушка? Женщина остается женщиной.

Моя комната находилась на первом этаже. Она была большой, имела центральное отопление. Был и балкон. В ней стояли три железные кровати, платяной шкаф (вот хорошо!), шкаф для посуды и керосинка. В центре? большой четырехугольный стол, четыре стула. На стене репродуктор, который можно было выключить, если не хотелось слушать (тоже хорошо.) Умывальник, душевая в коридоре. Туалет, общий для мужчин и для женщин.

Я ничего не ела весь день и накинулась на хлеб, как самый неразумный пленный. Горячую воду дала мне дежурная по этажу, сахар у меня был. Чего мне недоставало, так это человека, того единственного, с которым я охотно разделила бы эту трапезу: мужа. Он воевал на каком-то фронте. Мы потеряли друг друга. Я попыталась прогнать печальные мысли. Задумалась над тем, что мне предстоит здесь делать. Ни до чего дельного не додумалась.

Вскоре я заснула.

На следующий день отправилась на стройку. Военнопленные строили два цеха. Один был наполовину готов, другой только что начали строить. Прораба я застала в его деревянной каморке на краю стройплощадки. Человек среднего возраста, выглядит больным. Инвалид войны, судя по нашивкам. Я спросила у него, не болит ли у него что-нибудь. Слишком уж взгляд сердитый.

«Не спрашивайте! О болячках здесь забываешь. План я не выполняю! У меня только пленные, а они не хотят работать. Вот навредить? это они могут! Все время отлынивают, ищут местечко потеплее. Нет, немцы? народ, лишенный совести. Только немногие ведут себя честно. А вот выполнение норм, чтобы им записали, этого они хотят все. Так дело не может продолжаться. Скажите им это, пожалуйста».

«Это я сделаю. Можете быть уверены».

Охотнее всего я сказала бы им все, что я о них думаю тут же, на месте. Но смысла в этом не было бы никакого. Пленные меня еще не знают. Они подумают: откуда-то появляется баба и начинает нас, закаленных мужчин, учить, как работать. Я решила потолковать с ними позднее.

Только не кашисты

Между лагерем и стройплощадкой находилась литейная. Беседую с ее начальником. Он не так раздражен, как прораб. Говорит: «В большинстве это неквалифицированные люди. Наши литейщики дают им прикурить. Народ это способный. Но нет интереса к работе. Думают только о том, чтобы им записали проценты. Бывают конфликты. А что делать? Война!»

«Я буду приходить почаще! Если у вас есть проблемы, скажите мне».

Теперь я разыскала нормировочное бюро лагеря. Товарищ Смирнов как раз складывает свои вещи. Ну и крохотная комнатушка, подумала я. Он отвечает за распределение работы, за учет выполнения норм и соответственно за пайки. Ему помогают румынские пленные.

«Куда вы уходите? Мне надо бы с вами поговорить».

«А мы можем поговорить прямо здесь. Это теперь вата комната. Не хотел бы уступать ее, но приказ есть приказ».

Я рассказываю ему о своих разговорах.

«К сожалению, не могу вам помочь. Я редко бываю на рабочих местах. Да это и не моя задача. И времени на это нет».

«Но что-то ведь надо сделать?!»

«Конечно. Вот вы этим и займитесь».

«Ах так? Пожалуй, вы правы. Это действительно моя задача».

«Через час можете занять свое место. Моя резиденция теперь

за углом. Буду сидеть вместе с военнопленным Тодорофым. Удовольствие маленькое».

Впрочем, он чем-то недоволен. А самое скверное, он выглядит хитрым, неискренним человеком. Но хорошо притворяется. До самого конца отношения наши оставались испорченными.

По дороге к помещению антифашистского актива мне навстречу шел пленный. Коренастый, с энергичным лицом, лет двадцати пяти. «Ичик? заместитель коменданта лагеря. Я хотел только сказать вам „Добрый день!“

«Весьма любезно с вашей стороны. Много работы?»

«О да! На месте не посидишь. Утренняя смена, дневная смена, иногда и ночная смена. Ведь комендант одновременно у нас и руководитель актива».

«Кто вы по профессии, Ичик?»

«Крестьянин, из Восточной Пруссии. Был небогатым, привык работать».

«А что вы делали в армии?»

«Стрелял, хотел или нет, а приходилось. В артиллерии. Я обер-ефрейтор».

«Вам здесь не слишком трудно? Командуете?»

«А я ничего не имею против. Работать за зоной, на тракторе,? это моя мечта. Вырваться за колючую проволоку, увидеть поля. Майор из караульного батальона не пускает меня. Я немного понимаю по-русски, и он охотно со мной работает».

«До свидания! Вечером мы увидимся на активе».

«А я не в активе»,? кричит он мне вслед.

«А почему?»? кричу я ему.

«Расскажу в другой раз».

«Хорошо, Ичик». Все называют его Ичик. Что это? Имя? Фамилия? Прозвище? Я не знаю этого и до сих пор.

Обеденный перерыв. Я стою у ворот, разглядываю пленных, которые идут на обед. Сразу видно, вот рота специалистов? прямая походка, довольные лица. По крайней мере у большинства. Мне кажется, что это удовлетворение рабочего, который что-то сделал. Через двадцать минут подходит строительная рота и люди из литейной. Их походка такая же разнообразная, как и отношение к окружающему миру. О да, походка человека может рассказать о многом. Во всяком случае, я вижу здесь совсем других людей, чем те, с которыми имела дело в Можайске. А у многих надежда на то, что с «тысячелетним рейхом» будет скоро покончено и они смогут уехать домой.

Домой, домой! Да! Об этом мечтают все. Большинство пленных в лагере давно. Они попали в плен под Москвой, Великими Луками, Ржевом, Курском. Пленных из Сталинграда у

нас еще нет. До сих пор на вечерней поверке майор сообщал о новостях с фронта. Ичик переводил. Пленные знают, что Красная Армия теперь наступает.

Я осматриваю кухню. Повара? двое немцев и румын. Ими руководит советская повариха. Она получает продукты. Подручный повара, молодой веселый берлинец, помешивает в котлах. Он показывает мне картофельный суп с маленькими кусочками мяса, потом пшенную кашу. Пахнет неплохо. Наверное, довольно вкусно. Отсюда я иду в столовую. Заглядываю в котелки, из которых едят пленные. Почему это суп в котлах такой густой, а в котелках жидкий? Кому достается гуща? Я вижу перед собой длинный стол для «избранных». Узнаю у шеф-повара, кто сидит за ним. Оказывается, немецкий комендант лагеря, его заместитель, руководитель актива, командиры рот, руководители мастерских. Та же картина у румын. С этим придется кончать, думаю я. Удастся ли мне это? Ничего не поделаешь, нужно! По крайней мере что касается руководителей актива. Нам не нужны антифашисты, которых называют кашистами, от слова «каша». Это те, которые с помощью показной политической активности пытаются обеспечить себе поблажки.

Мерилом должна быть честность, порядочность, хорошее отношение к советским людям, к работе. Вот главное. Не торопись, имей терпение. Иначе попадешь впросак, уговариваю я саму себя. Да, терпение, терпение? вот что тебе нужно. И правдивое слово, суровое и человечное. Вот что поможет тебе в работе.

Должна ли я заняться и румынскими пленными? Их здесь примерно человек двести. Не знаю. Никто мне ничего не сказал. Открываю дверь в комнату актива. В комнате сидят мужчина и женщина. Румынский политинструктор. Красивая женщина с черными сияющими глазами, немного постарше меня. И румынский руководитель актива, так лет тридцати, выглядит хорошо, в черном костюме. Он покрасил форму, которую ненавидит, и ему перешили ее. Ведет себя как человек штатский и весьма уверенно. И он и она называют друг друга «товарищ». Они на ты. Я завидую им. Когда удастся установить такое взаимопонимание с моими земляками?

Мы беседуем втроем о взаимоотношениях обеих национальностей в этом лагере. Предрассудки есть и у тех и у других, говорят они. Но в общем и целом все идет мирно. Румыны не подчиняются немцам, немцы? румынам. Это очень важно. Время от времени румыны жалуются на прусский командирский тон лагерного коменданта. Им, конечно, противно высокомерие некоторых немцев. Немцы же жалуются на то, что румыны

гоняются за теплыми местечками и подлизываются к начальству.

«Мы позаботились о том, чтобы все было по справедливости, на паритетных началах,? объясняет мне румынка.? После этого взаимоотношения наладились».

Румынский политинструктор посещает лагерь время от времени. У нее много лагерей в различных областях Советского Союза.

«На него я могу положиться,? говорит она о руководителе актива.? Он уже „товарищ“. Тот улыбается, ему приятна похвала.

Рота БК

Повсюду я встречаю в лагере пленных из роты БК. Одни выполняют легкую работу, иные слоняются но лагерю. Почему они такие осоловевшие? Это не оставляет меня в покое. Я прошу одного из «плантонов», так называют румыны прихлебателей, которые здесь встречаются, послать ко мне коменданта Герберта К. Вместе с ним я обхожу барак немцев.

«БК,? объясняет он мне,? означает „Без категории“. Они считаются больными. Освобожденными от работы».

«Чем вы больны?»? спрашиваю я первого попавшегося.

«У меня водянка».

«Где вы подцепили ее?»

«Не знаю».

Следующий: «Водянка в ногах».

Третий: «Водянка в ногах». Четвертый говорит: «Я должен неделю отдохнуть. Так приказал господин подполковник. Измотался. Проработал на тракторном заводе две смены подряд».

«Ну и как вы себя здесь чувствуете?»

«Лучше. Могу без конвоя выйти за зону и кое-что купить на рынке. За это очень благодарен подполковнику».

Некоторые пленные простужены. У других грипп. Но у большинства водянка, водянка, водянка. Человек тридцать из восьмисот.

«Откуда эта водянка?»? спрашиваю я Герберта К., когда мы вновь оказываемся в комнате актива.

«Большинство сами виноваты в этом. Среди них есть три группы: одни заядлые курильщики, меняют свой хлеб на табак и в конце концов теряют последние силы. Вторая группа? люди, лишенные всякой выносливости. Они боятся холода, боятся непривычной физической работы. Они валяются на нарах и дремлют, им все равно. Эти приходят в себя через какое-то время. Антифашисты им помогают. Самые скверные в третьей группе. Эти пьют табак, чтобы у них опухли ноги и им не надо было идти на работу. Это заядлые нацисты. Они рассчитывают, что таким образом скорее попадут домой, когда война кончится».

Герберт преувеличивает, думаю я в первый момент. Но к сожалению, все правильно. Я иду в амбулаторию, расспрашиваю обоих немецких врачей. Они говорят то же самое, хотя и очень неохотно. Из них приходится выжимать каждое слово. В конце концов они вынуждены признать: «Дистрофии здесь можно избежать. При этом питании она вовсе не неизбежна».

«Стало быть, ее вызывают сознательно?»

«В большинстве случаев да».

«Почему вы не объясняете им, что они калечат себя на всю жизнь?»

«Это взрослые люди. Они должны знать, что делают».

«Чем объяснить это равнодушие по отношению к своим же соотечественникам?»? спрашиваю я Герберта К., когда мы уходим из амбулатории.

«Оба? стопроцентные фашисты. Даже фельдшер Гейнц Т. больше не спорит с ними. К чему? Их не переубедишь».

«Ну а что делает сам Гейнц?»

«Он часто бывает в бараках, беседует с людьми из роты БК. Многих ему удалось убедить».

Входит командир караульного батальона. Герберт К. кричит: «Встать!» Как будто бы он командует целой ротой, а в комнате? лишь он один. Майор и я видим друг друга в первый раз. Он разглядывает меня. В его обращении ко мне и сочувствие, и сомнение: «Одна женщина среди тысячи мужчин? Ну, ну!»

«А может, хорошо! Именно поэтому?»? дерзко отвечаю я ему и думаю при этом: Мишкет, не распускай язык. В общем, не так уж я уверена в своих силах. Во время обеда я пытаюсь отключиться, но мысли не дают мне покоя. Я просматриваю газеты, составляю политинформацию на этот день. Надо уложиться в страницу. Дело нелегкое. Герберт прочтет ее на вечерней поверке. Погода стоит холодная.

Не без сердцебиения

Мне не удается толком подготовиться к заседанию актива. Сначала я должна увидеть этих людей. Познакомиться с их политическим уровнем. Иначе они меня не поймут. За несколько минут до начала я вхожу в комнату актива. Не без сердцебиения. Комната полна людьми, полна табачного дыма. Клубы заполняют все помещение. Но не мне на это жаловаться. Сама заядлая курильщица. Курю махорку «козьи ножки». Это прогоняет чувство голода.

«Добрый вечер всем!»? приветствую я собравшихся. Это люди по преимуществу среднего возраста. Молодых среди них мало. Все стоят, ждут, пока я усядусь. Устраиваюсь в уголке на скамейке. Руководитель актива садится рядом. Как обратиться к

собравшимся?? задумываюсь я. Уважаемые господа? Чепуха! Они подумают, что я издеваюсь.

Герберт считает: «Двадцать шесть. Все здесь. Сегодня отсутствующих в виде исключения нет».

Понятное дело. Они так много слышали о «красных комиссарах», так много о них читали, видели их в нацистских фильмах. Комиссары стали пугалом в геббельсовской пропаганде. И хотя эти люди больше не верят в пугала Геббельса, любопытство у них есть. Тем более что я женщина. Многие, наверное, в первый раз видят коммунистку. А что это именно так, уж конечно, распространилось по лагерю.

«Садитесь, пожалуйста. Начнем». Я называю свое имя. Говорю им коротко, кто я такая и что мне здесь нужно. В этот момент входит Гейнц Т., фельдшер, садится на стул у двери.

«Сегодня я буду задавать вопросы,? продолжаю я.? Я здесь новичок. В следующий раз буду отвечать на ваши вопросы. Первый мой вопрос: довольны ли вы вашей антифашистской деятельностью? Второй: чем объяснить, что так плохо работают строительные бригады? Третий вопрос: хорошо ли, что Герберт К. совмещает обязанности коменданта и руководителя актива? Кто хочет высказаться?»

Наступает обычная пауза. Только она что-то затягивается. Герберт встает, хочет спасти честь актива. Я тяну его за китель:

«Оставьте, Герберт, ваше мнение мне известно. Я хочу послушать других. Называйте, пожалуйста, ваши имена, чтобы мы познакомились друг с другом, и, пожалуй, еще вот что: с каких пор вы антифашисты? Так, пожалуйста».

Поднимается молодой пленный, лет двадцати пяти. В очках, выглядит надменно. Может быть, за этим пытается скрыть свою робость?

«Руди К., был торговым служащим. Воспитан в антифашистском духе. Мой отец был социал-демократом, нацисты его убили. Не хочу врать, нашу работу не назовешь удовлетворительной. Все делается формально. Возьмем, например, кружок по изучению истории Коммунистической партии Советского Союза. У нас есть теперь немало тех, кто хочет побольше узнать о Советском Союзе. Но как занимается этот кружок? Один читает текст, и все. Вопросов никто не задает. Да и на вопросы наш руководитель не смог бы ответить. Он ведь не готовится. А если так, то чего ж заниматься. Вот мое мнение». «

«Я что-то не поняла. У кружка один руководитель? Или несколько?»? спрашиваю я.

«В том-то и дело. Каждый раз? другой. Герберт приказывает, недолго раздумывая. Сегодня ты руководишь! И баста! Он больше

командует, чем объясняет. По моему мнению, надо разделить эти две функции.

По второму вопросу я ничего сказать не могу. Я сейчас работаю в городе. В бригаде маляров».

«Кто еще хочет выступить?»

«Я Зепп Ш. Сорок лет, каменщик, член Коммунистической партии Германии вплоть до призыва в армию. Перебежчик. Я хотел бы начать со второго вопроса, потому что я в строительной роте. Насколько я знаю, главная причина плохой работы в том, что многие еще относятся к русским как к врагам и увиливают от работы. Они только недавно в плену.

Вторая причина: прежде они работали на кирпичной фабрике, где они после часа работы на улице могли пять минут погреться у печей, если были морозы. Теперь они тоже бегают к печам, но засиживаются у них, хотя холода прошли. Апрель на дворе. Третья причина: мы, антифашисты, мало заботимся о новичках. Вот я сам стою, как упрямый осел, у кладки, выполняю свою работу, не обращая внимания на других. Кладка растет. Мой начальник доволен. На этом все кончается. Конечно, мало самому хорошо работать. Мы должны помочь ребятам. Научить их делу. И повлиять на их политические взгляды тоже нужно. Многие из них? служащие, учителя, чиновники, купцы… и, кроме того, нацисты».

«Кто у вас командир роты?»? спрашиваю я.

«Порядочный парень, но слабохарактерный. На этот пост нужен такой, который сможет прикрикнуть, если нужно. И даже приказать, как в армии. Некоторые еще не понимают другого языка».

«Не хотите ли вы принять роту?»

«У нас мало каменщиков. Каждый на счету. Кроме того, я плохой организатор. Может, я ошибаюсь. Не исключено. О работе актива: она никуда не годится. Нам нужен другой руководитель».

Следующий, кто берет слово, продолжает его мысль: «На самом деле, чем мы занимаемся? Я имею в виду наш актив. В бараках да, там мы даем отпор нацистам, если они наглеют. По разве этого достаточно? После Сталинграда многие начали думать. Они хотят во всем разобраться. Их отношение к людям здесь, в Советском Союзе, тоже изменилось. Поэтому многие идут заниматься в кружки. Но кружки работают так, что толку мало. Давайте говорить правду: после работы мы все валимся на нары и дремлем, вместо того чтобы поспорить, почитать. Мы скоро превратимся в кретинов. Правда это или нет, Герберт?»

Умные слова. Тот, кто их произнес, еще совсем молод. Ему девятнадцать, может быть, двадцать. Девятый ребенок в рабочей

семье, как я узнаю позже. Но Герберт отвечает ему лишь иронической, самовлюбленной улыбкой.

Снова берет слово кто-то из молодых. Высокий, широкоплечий, он улыбается, глаза как щелки. Он смотрит на всех по очереди, откашливается и начинает: «Меня зовут Вернер. Коренной берлинец. Был поваром и сейчас повар.

Останусь ли поваром, не знаю. Антифашист? Это, пожалуй, преувеличение. Правда, с нацистами никогда заодно не был. Все, связанное с этой публикой, сплошная трагедия, а я люблю комедию.

Ребята, надо что-то делать, чтобы жизнь была повеселей. Люди хотят и посмеяться. Смех укрепляет здоровье! Да, да! Политика нужна. Признаю. Но разве веселый вечер не политика? Это тоже входит в задачи актива. Таланты мы найдем. Это я возьму на себя. А вы мне помогите. Так? Ну, все!»

Мы все смеемся. Прирожденный комик. Действительно, за несколько дней Вернер Г. раскопал таланты и устроил концерт. Теперь вместе с конферансье пишет короткие сценки, в которых высмеиваются превратности лагерной жизни! Выступает сам. Невероятно смешон на сцене.

Следующим встает молодой тощий парень. Наверное, двадцати, может быть, двадцати одного года. У него бледное интеллигентное лицо. Кажется, он смущен.

«Детлеф Д., столярный подмастерье. Был членом гитлеровской молодежи. Сказать по правде, эти идеи против плутократов и все такое мне нравились. По чванство немецким происхождением и высшей расой было противно. И в армии я увидел, что недочеловеками считают не только русских и поляков, но нас, простых солдат, тоже. Мы просто мало думали. Господа генералы и офицеры чувствовали себя господствующей расой. А как они вели себя? Не только СС. Ну да ладно, что сейчас говорить об этом. В плену я с сорок первого. Только здесь мне многое стало ясно. По поводу актива: если мы актив, давайте и вести эту работу. Так продолжаться не может. Герберт не подходит как руководитель актива. Все».

Выступают еще и другие. О работе актива и его руководителя мнение у всех единое. Я ожидала, что выскажется Гейнц Т. Но он лишь лукаво улыбается все это время. Думает о чем-то своем и молчит. Встает руководитель актива и объясняет, что ему сказать нечего. Он изображает обиженного. Пора заканчивать. Уже поздно. Пленным надо рано вставать.

«Благодарю вас. Для меня это было интересно. На следующем заседании актива предлагаю побеседовать о вашем моральном долге перед советскими людьми. Согласны? Выполнение нормы,

проценты, дополнительное питание? все, о чем я здесь слышала, все это хорошо и нужно. Но посмотрим на все это с моральной стороны. Может быть, помимо процентов, вы найдете радость исполненного долга. Подумайте, как подойти к этому. Вы знаете ваших людей лучше, чем я,? я встаю.? Еще секунду. Следующее занятие кружка мы проведем в зале, для всех. То есть для тех, кто захочет. Я расскажу о Советском Союзе, о моих лучших впечатлениях. А теперь спокойной ночи».

Румынка меня уже ждала. Она хотела у меня переночевать. Мы беремся под руки и идем через поле к гостинице. Темно, хоть выколи глаза. Несколько раз мы спотыкаемся. Хотели сократить путь. Получилось наоборот. Так часто бывает в жизни. Ты думаешь, нашла дорогу покороче, а она оказывается длиннее.

Моросит дождик. Холодно. Несмотря на все это, мы говорим о модах. Любимая тема у женщин. Особенно о вещах, которых нет. Румынка в новеньком дождевике. Я спрашиваю ее? откуда. «Купила на барахолке под Москвой». Я тоже решаю купить там при первой возможности плащ и зонтик. Слишком часто здесь идут дожди. Правда, моя шинель не так быстро промокает, но пилотку хоть выжимай. В дождливую погоду я имею весьма печальный вид.

В комнате приятно и тепло. Мы кипятим чай, болтаем, смеемся. Будто две девицы. Самообман. В действительности нервы дают себя знать. Ложимся спать. Румынка должна встать в три часа утра. Она боится опоздать на поезд. Взяла в руки книгу, но тут же заснула. Позади у нас тринадцатичасовой рабочий день, да еще те два часа на дорогу туда и обратно. Когда утром просыпаюсь, нахожу записку от моей гостьи: «Очень жаль, что наше знакомство оказалось таким коротким».

Утро я начинаю с посещения строительной площадки. На этот раз? о чудо? я нахожу всех пленных на местах. Они откуда-то узнали, что я собираюсь прийти. Обращаю внимание прораба на это. Он отвечает мне: «Дорогой товарищ! Как только вы уйдете, старая игра в кошки-мышки начнется снова».

«Потерпите еще немного,? прошу я его.? Скоро это изменится. Мы ищем энергичного командира роты».

«Ну хорошо, подождем»,? говорит этот человек, которого немцы превратили в инвалида и которого они теперь так изводят своей плохой работой. Снова и снова я удивляюсь, как быстро проходит чувство ненависти. Даже у тех, кто многое перенес. Как велики их терпение, их человечность. Просто невероятно.

Поговорим откровенно

Оказавшись снова в лагере, я встретила у проходной Герберта К. «У вас сейчас есть время, Герберт? Пойдемте со мной, мне надо

с вами поговорить».

«Извините, пожалуйста, госпожа Либерман, я жду здесь майора. Можно прийти к вам попозже?»

Я спросила дежурного, когда хотел прийти майор.

«Он ничего не сказал».? Услышала я в ответ.

«Дайте мне знать, пожалуйста, когда он придет».

«Хорошо».

«Пойдемте, Герберт. Вы его не упустите».

Мы сидим в моей комнате друг перед другом. «Поговорим откровенно, без задних мыслей. Вы неглупый парень, Герберт. Оставьте майора в покое. Пост коменданта никто у вас не отнимет. На эту работу вы годитесь. В лагере порядок. Чистота. Но руководитель актива? Для этого вам многого не хватает. Не только знаний. Их можно здесь приобрести. Вам недостает человеческих качеств. Не обижайтесь на меня. Я хочу вам добра. Вы слышали мнение актива? Оно совпадает с моими впечатлениями. Давно ли вы антифашист?».

«С начала войны».

«И как это произошло?»

«Нацисты искалечили мою жизнь. Отец был одним из них, но не мать. Он нас обоих оставил. Меня трехлетним. Мать работала и днем и ночью, чтобы дать мне возможность учиться. Я проучился два семестра на юридическом факультете. Было нелегко. Зубрил, как только мог. Но зато было, чем гордиться. Началась война. „Пошли-ка вы все…? подумал я.? Нашли дурака жертвовать своей головой за „самого великого фюрера всех времен“. Так одна мысль следовала за другой“.

«И теперь вы гордитесь собой, не правда ли?»

«Да, горжусь. Я и делаю многое».

«Я думаю, что пленные, которые работают на улице в любую погоду и работают хорошо, тоже кое-что делают. Разве не так? У вас есть организаторские способности. Не кружит ли это вам голову? Герберт, ваша самовлюбленность отталкивает людей. А вы ведь не хотите этого? Вы молоды, вы можете еще измениться. Попробуйте приглядеться и прислушаться к другим. Не думайте, что вы один правы».

«Госпожа Либерман, я постараюсь…»

Что он постарается, я не расслышала. В этот момент открылась дверь и вошел дежурный. «Товарищ подполковник позвонил, вы должны немедленно явиться к нему». Обращаясь к Герберту, он добавил: «Сегодня „никс“ майора».

Я успела еще сказать коменданту: «Детлефа пошлите на работу, лучше всего на тракторный завод. Может, он кое-чему научится. И ему это пригодится в жизни».

Герберт побледнел как полотно.

«Мы вас сюда не звали»

«Вы были сегодня в лагере номер один?»? встретил меня взволнованно обычно столь спокойный подполковник.

«Нет. Собиралась это сделать завтра».

«Нам надо немедленно отправиться туда. Фашистские элементы написали на бараках свои лозунги».

Лагерь номер один был втрое больше, чем лагерь тракторного завода. Побеленные деревянные бараки стояли в шахматном порядке. На одном из них я вижу большие буквы, измалеванные черной краской: «На русских работать не будем!» И на другом: «Дополнительное питание для всех, или мы бастуем!»

Подполковник приказывает пленным построиться. «Фашистскую пропаганду мы не потерпим, так и знайте. Мы найдем виновных и накажем их. Это неисправимые нацисты. Преступники! А вам я хочу посоветовать: не идите у них на поводу. Вам однажды пришлось уже поплатиться за это. Плен не курорт. И мы вас сюда не звали. Разойтись!»

Дальше он говорить не может. Этот добрейший человек вне себя от возмущения. «Черт побери!? говорит он, когда мы остались одни и постояли несколько минут молча, думая о происшедшем.? При таком гуманном обращении даже в голове животного должно что-то произойти. Но этих преступников ничем не возьмешь!»

Мне сказать нечего. Меня охватили стыд и ненависть. «Я останусь здесь, товарищ подполковник».

«Хорошо. Вечером я приеду сюда, поговорю со следующей сменой. Может быть, мне придет в голову что-нибудь получше. Сейчас я слишком взволнован. Франц переведет. Вам не нужно меня ждать».

Я отправляюсь в помещение актива. Пожилой военнопленный представляется мне как руководитель актива. Он в ужасе от того, что случилось. Производит впечатление честного человека. Но не в состоянии решить здешние большие и сложные задачи. Да откуда и взяться способностям этим? Мне не в чем его упрекнуть. Добрая воля есть, не хватает знаний. Условия нелегкие. Военнопленные в большинстве своем работают на стройках, работают плохо, поэтому не получают дополнительного питания. Ворчат. С антифашистами дело иметь не хотят. Вот и плодородная почва для нацистов. Руководитель актива старается, бегает, спорит, уговаривает. «В конце концов дело у нас пойдет,? успокаивает он меня. Да и себя тоже.? Только медленно, очень медленно». Я с ним согласна.

Вечером я собираю актив. По своему составу и

политическому уровню он напоминает актив центрального лагеря. Люди и здесь готовы сотрудничать. Мы обсуждаем, что можно сделать в ближайшие дни. Почти все придерживаются мнения, что четверо офицеров, живущих в лагере, оказывают на всех плохое влияние. Они нацисты до мозга костей. С утра до вечера шатаются по солдатским баракам.

Мы беседуем до глубокой ночи. Случившееся угнетает активистов. Они решают поговорить об этом со всеми но ротам. Поговорить начистоту. Хотят выпустить стенную газету. Эти сволочи должны знать, что думают о них большинство пленных солдат и что они их не поддерживают.

Доктор Беликова

Сплошные сюрпризы. Дома меня ждет еще один. Хочу открыть дверь в комнату, она не открывается. Изнутри в замочную скважину вставлен ключ. Дверь открывает женщина средних лет. Секунду мы смотрим друг другу в глаза, как бы оценивая друг друга. Она высокого роста, стройная. Черные волосы гладко зачесаны назад и собраны в пучок. В ее красивых карих глазах сквозит горе. «Не пугайтесь. Меня здесь поселили. Зовут меня Беликова».

«Ничего. Я к этому подготовлена. Хорошо, что вас поселили».

«Как так? Вы ведь меня не знаете».

«У вас хорошие глаза. Только очень печальные».

«Пришлось кое-что пережить».

«Расскажите».

«В другой раз».

«Вы приехали только сегодня утром? Где будете работать?»

«В лагере, как вы».

«Врач?»

«Разве по мне видно?»

«Да. Словно для этого родились».

Она бросает на меня взгляд и улыбается.

«Что, доктор?»

«Вы милая женщина!»

«Почему бы и нет?!»

«Меня предупредили, что вы очень строгая».

«Неужели я выгляжу так? Возможно. Но к сожалению, я не строгая, а как раз наоборот».

«Ну, мы поладим».

Мы хорошо поладили. Четыре года жили мы в одной комнате, делили радость и горе. Я полюбила ее. Она была тихим, деликатным человеком. Всегда готова помочь, даже пожертвовать собой. И прекрасный врач. Для своих пациентов она делала все, что могла, будь то сотрудник или пленный.

В первый же вечер я попросила ее осмотреть инвалидную роту и объяснить мне, почему тысячи пленных при этом питании остаются здоровыми, а несколько дюжин становятся дистрофиками. Доктор Беликова подтвердила то, что мне сказали и комендант Герберт К., и немецкие врачи, и фельдшер Гейнц Т.

На следующее утро мы вместе отправились на работу. Так было в последующие годы очень часто. Но не всегда. В плохую погоду? осенью, зимой, весной? доктор Беликова появлялась в лагере еще до семи часов утра. Она стояла у ворот, когда военнопленные отправлялись на работу. Если казалось, что кто-то болен гриппом или у кого-то порванные ботинки, отправляла обратно в барак. Больным назначала прием. Пленные шли на работу после того, как им заменяли обувь.

Никогда не забуду, как доктор Беликова однажды ночью в жестокий мороз поехала в Москву, чтобы привезти какое-то лекарство? я не помню какое? для одного пленного. В городской больнице лекарство кончилось. Был ветреный день. Беликова возвратилась на грузовике полузамерзшая, торопилась, чтобы успеть и, может быть, спасти жизнь этому немцу. Такой была доктор Беликова, которая сама прошла через гестаповский ад. В эту ночь мы долго сидели вместе, пока не пришло время ей ехать на вокзал, и тогда-то она рассказала наконец свою историю.

Доктор Беликова была начальницей полевого госпиталя в районе Харькова и вместе с госпиталем оказалась в окружении. Красноармейцы сражались изо всех сил, но вырваться из кольца им не удалось. Многие пытались пробраться к своим поодиночке. Доктор Беликова осталась с ранеными. Побоище, учиненное немцами, было ужасно, Тех, кого оставили в живых полевые части, добили эсэсовцы. Они прочесывали дома, находили спрятанных раненых и расстреливали их на месте. Доктор Беликова не захотела прятаться. Она думала о тяжелораненых, которым нужна будет ее помощь.

Хозяйка дома, старая крестьянка, выдавала Беликову за родственницу, у которой «не все дома». Она облачила ее в длинное выцветшее ситцевое платье, повязала косынку, из-под которой выглядывали всклокоченные волосы, намазала лицо сажей. Доктор Беликова все время держала в руке яблоко и жевала, жевала его, не отвечая ни на какие вопросы. Но все это не помогло. Ее выдали умные живые глаза. По крайней мере СС не поверило в этот маскарад. Ее стали допрашивать. Требовали, чтобы она сказала, кто она такая и где спрятаны комиссары. Допрашивали и хозяйку.

Обе женщины молчали. Двое эсэсовцев вытащили их на улицу, привязали к дереву. Один бил Беликову прикладом

справа, другой? слева. И так ее бросало от одного к другому. Она молчала. Били и старушку.

Потом один из эсэсовцев вытащил пистолет и прицелился в доктора Беликову, но другой сказал: «Оставь! Она ведь совершенно здорова. Отправь ее в лес». Старуху тут же пристрелили. На глазах у Беликовой. Этот страшный случай еще долго преследовал ее во сне.

В лес было согнано много молодых девушек. Поздно вечером их погрузили на грузовик и привезли в Харьков, в «лагерь», на глинистый пустырь, огороженный колючей проволокой. Узники должны были быть угнаны в Германию. Эта участь предстояла и доктору Беликовой. Но в ту ночь Красная Армия снова освободила Харьков. Правда, город вскоре снова пришлось. сдать, но за это время удалось вывезти раненых и узников. Беликову вывезли на самолете в Москву. Много недель она провела в госпитале. «Я видела, как люди становятся зверями. Я поклялась себе при всех обстоятельствах оставаться человеком»,? заключила она свой рассказ.

Теперь она лечила больных немецких солдат. Она делала больше, чем ей предписывал долг. «Наш ангел» называли ее эти много испытавшие мужчины.

«У вас всегда приходится чему-то учиться»

Подполковник вызвал меня к восьми часам утра. Я рассказала ему о вчерашних дискуссиях в лагере номер один. Мы обменялись мнением о случившемся и пришли к единому выводу. В этот лагерь мы должны бросить все силы для политической работы. В конце беседы он передал мне письмо из Москвы: предложение послать двадцать пленных в антифашистскую школу. Я долго думала, как взяться за эту задачу, и решила, что вообще не могу решить ее, в этот момент не могу. Слишком мало я знаю здешних антифашистов. Жаль, но ничего не поделаешь. Это от меня не уйдет, утешала я себя. В следующий раз пошлю вдвое больше.

В помещении актива сидят Герберт и Ичик. Они погружены в беседу. Я подсаживаюсь к ним. Ичик вскакивает каждый раз, когда меня видит. Рада ему и я. Порядочный парень. Друг Советского Союза.

«Вы согласны, госпожа Либерман? Герберт теперь один заправляет всем, а я пойду работать».

«Куда?»

«На тракторный завод».

«Не хотите ли принять строительную роту? Ее растормошить? разве это не задача для вас?»

«Нет. Работа на тракторе? это моя мечта».

«А кого порекомендуете на строительную роту?»

«Зеппа Ш. Знаю, он не хочет, думает, что не справится. Неверно. Он пользуется авторитетом у своих камрадов. Хороший парень, говорят они. Если он научит других, толку будет больше, чем если он сам как одержимый работает».

«Вы правы. Пошлите, пожалуйста, Зеппа Ш. ко мне. А когда придет с работы Руди К.?»

«В шестнадцать тридцать».

«Он должен сразу же прийти ко мне».

«Слушаюсь»,? говорит Герберт с иронической улыбкой. Он знает, что мне не нравится этот тон.

«Кстати, Ичик, почему вы не в активе?»

Он громко смеется.

«Этого вопроса я долго ждал. Знаете, в активе надо постоянно чему-то учиться. А это не для меня. Если понадобится моя помощь, пожалуйста».

«Ну, хорошо!»? говорю я. И думаю про себя: он еще придет к нам.

В дверь стучат. Прежде чем я успеваю сказать «Войдите», появляется Руди К. Он в чистой, отутюженной форме, волосы хорошо причесаны. Бросаю на него быстрый взгляд. Кажется, тщеславный это парень. И наверное, очень самоуверенный. Разгадки характеров людей, с которыми я встречаюсь, стали моей второй натурой. Но с выводами я осторожна. Предлагаю ему сесть напротив меня.

«Вы хотели со мной говорить?»

«Да,? отвечаю я односложно. И молчу. Снова обдумываю, правильно ли мое решение.? Согласились ли бы вы попробовать руководить активом?»

«Если вы считаете нужным». На его лице отражается недовольство тем, что речь идет о попытке. Он убежден, что справится. А я в этом не очень уверена. Только выбора у меня нет. Он все же обладает основными предпосылками. Всей душой ненавидит фашизм и хорошо относится к Советскому Союзу. Но удастся ли ему убедить других? Вот в чем вопрос. Руководитель актива должен уметь повлиять на других. Фельдшер Гейнц Т. подходит больше, он как раз входит в дверь. На дворе начинается перекличка. В это время он может оставить свою амбулаторию.

«С завтрашнего дня вы освобождаетесь от работы вне лагеря,? говорю я быстро Руди К. Он должен идти на перекличку.? Составьте план работы по своему усмотрению. Потом придете ко мне».

Он сжег за собой все мосты

«Можно сесть? Я хотел еще вчера к вам прийти».

«Что же вам помешало?»

«У нас сейчас хлопот полон рот. Погода отвратительная, многие простужены. Наш новый советский врач доктор Беликова требует от нас: профилактика, профилактика. Я в восторге от нее. Какой она прекрасный человек!»

«Да, это верно. Скажите, Гейнц, почему…»

«Почему я не в активе? Вы хотели об этом спросить?? перебивает он меня с улыбкой.? Очень просто. Времени нет. Я могу уйти из амбулатории, только когда другие ложатся спать. Поверьте мне, я беседую с ними и в амбулатории. Я читаю много марксистской литературы. Выступить в прениях, даже с докладом,? охотно, если мне поручат».

В самом деле, я часто видела, как Гейнц Т. с некоторым опозданием приходил на мои лекции в столовой или в комнате актива. Обычно он оставался стоять у двери. Но это ему не мешало выступать в прениях, выступать толково и убедительно. Я удивлялась даже, откуда он знает столько о рабочем движении. Правда, у него было хорошее общее образование, он знал немецких классиков, даже Гейне, который был запрещен в гитлеровской Германии. Когда Гитлер пришел к власти, ему исполнилось семнадцать. Он уже учился в вузе. Среди тысяч военнопленных имелось совсем немного подобных ему, столь же далеких от милитаристской муштры, даже по внешнему виду. Прежде всего он был человеком, который много думал и побуждал думать других. В то время это еще была редкость. Он очень интересовался искусством. Я охотно беседовала с ним. Его не надо было поучать. Только, пожалуй, иногда поправлять. Конечно, он вскоре начал работать в активе. На многие горячие головы он действовал успокаивающе, хотя и сам иногда приходил в раж. В конце концов мы отправили его в антифашистскую школу.

Еще тогда Гейнц Т. умел хорошо формулировать свои мысли. Меня не удивило, когда я позднее узнала, что он стал доцентом в одном из университетов ГДР, а позднее профессором. Он сжег все мосты к Западной Германии и переселился в Германскую Демократическую Республику. Всю эту историю он описывал с большим юмором. Он рассказал мне об этом, когда приехал из города Галле, чтобы поздравить меня с шестидесятилетием. Он навестил меня с огромным букетом цветов.

Мне пришлось довольно долго ждать, пока Зепп Ш. после работы пришел ко мне. Он был тщательно умыт и побрит. Пленные знали, что я это ценю. Я считала, что и внешне они не должны распускаться. Зеппа я охотно назначила бы руководителем актива, но он не хотел. Он сомневался, справится ли с этой работой. Принудить его я не могла. Привести в порядок

строительную роту в составе двухсот пленных было в тот момент, пожалуй, важнее, утешала я себя. Кроме того, Зепп все равно нас скоро покинет. Он кандидат номер один для антифашистской школы.

Зепп ухмыльнулся: «Я догадываюсь, чего вы от меня хотите».

«Да, я хочу, чтобы вы приняли строительную роту. Это было бы самое лучшее».

«Верно. Я еще раз об этом подумал, поговорил с начальником. Он того же мнения».

«И в политическом отношении вы могли бы кое-чему научить ребят. Не так ли?»

«Постараюсь, госпожа Либерман. И надеюсь, что вы не пожалеете о своем решении».

«Спасибо, Зепп! Вы знаете, если вам понадобится моя помощь…»

Крепкое рукопожатие завершило наш разговор.

С этим мы не хотим иметь ничего общего

В лагере номер один начались беседы. Утром в восемь часов с ротой дневной смены. Когда я прохожу через ворота, там уже выстроилась рабочая колонна. Некоторые лица кажутся мне знакомыми. Я спрашиваю пленного в первом ряду:

«Вы давно здесь?»

«Мы ведь из Можайска, госпожа Либерман»,? отвечает тот почти с упреком. Пожалуй, было бы лучше распределить их среди старожилов, приходит мне в голову. Те уже стали другими. Я говорю об этом с Нормировочным бюро, которое отвечает за распределение работы.

«Через несколько дней мы это сделаем,? отвечает мне Клава, руководительница бюро.? Теперь мы все заняты поисками подстрекателей. Их надо привлечь к ответственности. Антисоветская пропаганда! Только этого нам не хватало».

Комната актива переполнена. Некоторые стоят у двери библиотеки. Люди шепчутся. Наверное, потому, что появилась я. Ну ничего, привыкнут, думаю я.

Иоахим К., руководитель актива, объясняет пленным, о чем сегодня пойдет речь и что он об этом думает. Спокойный, вдумчивый, пожалуй, даже добродушный, Иоахим К. переполнен яростью и стыдом.

«Кто хочет высказаться о происшедшем?»

Поднимает руку пожилой человек. Он чем-то озабочен.

«Я командир роты. Мои товарищи просили меня сказать. (Пауза.) Да, попросили меня сказать следующее: мы считаем это большим свинством. Все до одного. О некоторых вещах мы различного мнения, но эти нападки мы решительно отклоняем.

Мы не хотим, чтобы нас считали заодно с нацистскими офицерами. А что касается питания, то я, например, совсем не согласен с тем, чтобы лодыри и хорошие рабочие получали одинаково. Вот что хотел сказать».

Кто-то вскакивает. Он из актива.

«Такое с нами не повторится! Мы не позволим фашистам портить нашу репутацию. Если я кого-нибудь из этих поймаю, изобью до смерти! Можете мне верить!»

«Кто еще?»? спрашивает руководитель актива. Из библиотеки протискивается через толпу высокий широкоплечий человек. Густав Б.? хороший рабочий, пользуется симпатией.

«У них не все дома! Что же, выходит, русские должны нас на руках носить? Или послать в санаторий? Из-за того, что мы в их стране вели себя как варвары. Я вот что хочу сказать: сейчас я работаю в городе. Я посмотрел, как живут люди. У них ничего нет. Кто в этом виноват? Нам лучше помалкивать».

Я подхватываю эту мысль и описываю невероятные страдания, которые война принесла советскому народу, разрушения, массовые расстрелы на оккупированной территории. Я упоминаю о Краснодаре, Киеве, Бабьем Яре, где людей заставляли копать себе могилы, где тела лежали штабелями и часто под трупами находились еще живые. Никто из военнопленных не сознается, что видел такое. Или почти никто. Это делали»эсэсовцы, говорят они. Но разве не было и регулярных войсковых частей, которые действовали не менее жестоко? Приказ!? говорят они в таких случаях. Когда об этом заходит речь, фашисты помалкивают. Они предпочитают действовать исподтишка. Мне пора заканчивать. Скоро придет следующая рота. Так мы беседуем изо дня в день. Мы хотим охватить каждого. Большинство военнопленных прислушивались. Они отмежевываются от подстрекателей.

Тем не менее я ухожу домой недовольная. Работы так много. Одна я с ней не справлюсь. У меня должны быть помощники, по крайней мере в этом лагере. С этим вопросом иду к подполковнику. В маленьком коридоре без окошек сидит молодой лейтенант. Когда вхожу, он встает и по всем правилам приветствует меня. Он не знает, кто я. У меня нет знаков отличия. Мне не раз приходилось видеть здесь офицеров. И все же я пристально разглядываю лейтенанта. У него бледное мальчишеское лицо, лукавые карие глаза, детская улыбка. «Скоро, наверное, он освободится. Я жду уже долго»,? поясняет он мне.

Мне этот парень симпатичен. Я спрашиваю его: «В каком отделе вы работаете?»

«Пока еще ни в каком».

«Как вас понимать?»

«Послан в распоряжение подполковника. Только что из госпиталя».

«Ах, вот что! Идите к нам»,? вырывается у меня.

«Куда же это?»

«В политотдел».

«Что я должен там делать?»

«Например, перевоспитывать немецких военнопленных. Чтобы они снова стали людьми».

Секунду он молчит, потом говорит: «У меня на это не хватит сил. Легкое прострелено».

«Вы могли бы взять лагерь, который расположен в хорошем месте, где чистый воздух».

«Честно сказать, не очень я в это верю. Совсем недавно немцы в меня стреляли, а теперь я должен их уговаривать: „Ну будьте же хорошими!“ Нет!»

«Кто вы по профессии?»

«Изучал историю, недоучился. Немного знаю и немецкую историю».

«Ну вот! Прекрасное совпадение. Подумайте. Можно, я зайду к начальнику до вас?»

«Пожалуйста»,? говорит он с понимающей улыбкой.

С женщиной говорить не буду

«Хотел уже за вами послать. Вам сегодня придется поехать в Суздаль. Мы выявили подстрекателей,? огорошил меня начальник.? След действительно ведет к фашистским офицерам. Еще сегодня мы отправим эту четверку в Суздаль. Там офицерский лагерь, там ими займутся».

«Зачем вам нужна я?»

«Начальник Суздальского лагеря просил вас помочь ему на допросе самого старшего в этой группе. Он майор».

«Хорошо. А как я туда доберусь?»

«За вами заедут».

«Можно еще кое-что сказать?»

«Когда вернетесь».

«Тогда будет, пожалуй, поздно, товарищ подполковник».

«Пожалуйста, но коротко».

Я излагаю ему коротко мои мысли. Прошу направить ко мне молодого лейтенанта, который ждет в коридоре.

«Проверю. Если он подходит для этого, возможно, и направлю. Познакомьтесь с Суздалем. Красивый городок. В старорусском стиле. Особенно интересны монастыри».

Мы находимся в маленьком помещении на втором этаже. Начальник лагеря в Суздале и я. Из окошка я вижу крыши многих

церквей. Хочу познакомиться с ними поближе. В этот момент открывается дверь и входит пленный, среднего роста, полный, лет шестидесяти. Офицерская форма еще в хорошем состоянии. Он исподлобья смотрит на полковника, потом на меня, автоматически приподнимает правую руку, тут же ее опускает. Полковник указывает ему на стул.

«Выясните его звание, прежнюю должность, где воевал, где попал в плен и верит ли он в Гитлера и его победу».

Я перевожу. Офицер смотрит в окошко и молчит.

«Почему вы не отвечаете»,? спрашиваю я.

«Я немецкий офицер. Я не стану говорить с женщиной о военных вещах».

«Вы уже давно не офицер. Немец? Я сомневаюсь в этом. Порядочный человек? По-видимому, вы не были им никогда. Кто вы такой, собственно говоря?»

Он бросает на меня взгляд, исполненный ненависти. Я знаю, о чем он думает. Он думает, что он спаситель Германии, а я предатель. Как действовали «такие спасители», когда на фронте дела шли плохо, об этом мне часто рассказывали пленные. Они думали только о спасении своей собственной шкуры, а иногда еще и о своем барахле. Как подполковник фон Засс. Когда его взяли в плен в Великих Луках, он просил позаботиться о своих чемоданах, а не о раненых. Его волновала собственная персона, а не солдаты.

Я перевожу нашу перепалку полковнику. Он разочарован. Он надеялся, что пленный скорее разговорится с немкой. На деле вышло наоборот.

«Ну ладно. Я прикажу отвезти вас домой. Переводчик здесь у нас есть».

Так мне и не удалось побродить по Суздалю. Едва успела бросить взгляд на улицу с монастырской стеной и на купола церквей. Я возвращаюсь во Владимир, в гостиницу. Мне не хочется показываться в лагере в плохом настроении.

Впрочем, суздальский начальник лагеря был, пожалуй, не так уж неправ, когда решил прибегнуть к помощи немки. Не мог же он знать, что натолкнется на такого закостенелого немецкого офицера. Совсем по-другому реагировали, например, пленные солдаты и офицеры, когда несколько позже в наш лагерь приехала товарищ Грета Кейльзон, сотрудница национального комитета «Свободная Германия». Она приехала на короткое время, чтобы вместе со мной отобрать антифашистов для особого задания. Хотя мы сидели в моей комнате и с каждым из кандидатов говорили с глазу на глаз, весть о ее посещении быстро распространилась по всему лагерю. Вечером, когда мы

устроили перерыв, в мою дверь постучали. Снаружи стояли несколько пленных, молодые и старые. Они просили, чтобы госпожа Кейльзон выступила перед всеми. Может быть, она расскажет о положении в Германии.

Она выступила после ужина. Зал был набит битком. Грета Кейльзон говорила недолго, говорила по-матерински. Она рассказала и о том, каково положение на родине: большинство сыто войной по горло. Продовольствия по карточкам выдают все меньше. Убитых и раненых все больше. Пленные должны быть довольны по крайней мере тем, что остались в живых, должны радоваться, что близок конец войны, близко и возвращение домой, но к этому надо готовиться. Даром ничего не дается. Новую родину надо еще создать.

Я сидела рядом с Гретой Кейльзон на сцене и могла наблюдать лица слушателей. Конечно, у разных людей возникали разные мысли. Но все они находились под впечатлением встречи с этой женщиной, с этой коммунисткой. Это было видно.

Немцы изменятся?

Никогда!

Теперь я расскажу историю с учениками антифашистской школы. Хотя она произошла и позже. Было это зимой. Очень суровой зимой. Я сопровождала 20 военнопленных в Красногорск. Мы почти не спали. Нас глубоко взволновало прощание. Было сказано много хороших, разумных слов. Домой не пошла? переночевала в лагере. Вместе мы отправились ночью на вокзал. Шли в хорошем настроении, тихо напевая песни рабочего движения, народные песни. Пришел поезд. Стоянка лишь несколько минут. Мы должны были поторопиться с посадкой, разместиться все в одном вагоне.

Все были возбуждены, особенно я. Мы стояли на площадке, захотели войти в купе. Я открыла дверь. На нарах лежали раненые красноармейцы. Двое из них увидели за моей спиной пленных. «Фашистов вон! Вон! Немедленно! Иначе мы их выбросим сами!»? закричали эти двое. Другие, ковыляя, подошли поближе. Они тоже кричали, угрожали. Но большинство остались лежать и размахивали костылями. Я хотела объяснить им, что это за люди. Они не дали мне говорить.

«Не агитируйте нас, товарищ! Они нас на всю жизнь в калек превратили!»

«Но это ведь антифашисты».

«Антифашисты? Немцы? Чепуха!»

«Послушайте же меня минутку!? сказала я громко, насколько могла. Я почти кричала и глотала слезы:? Вы солдаты, солдаты Красной Армии. Я тоже солдат. Солдат нашей партии. Мне дали

поручение привезти этих пленных в антифашистскую школу. Там, в тамбуре, они могут замерзнуть. Я понимаю ваши чувства. И мне очень больно. Но скажите мне, что же я должна делать? Дайте, пожалуйста, хороший совет».

«Пусть войдут»,? сказал один басом. Другие молчали.

Я открыла дверь.

«Заходите, ребята!» Они не хотели, они стыдились.

«Вы замерзнете! Заходите!»

Тихо, почти на цыпочках, опустив глаза, они вошли; Они стали в проходе, глядели в окна.

Прошло несколько минут. Кто из красноармейцев мог двигаться, подошли к антифашистам один за другим, сначала робко, потом решительней. И те и другие хотели поговорить друг с другом. Позвали переводчиков. Но и без переводчика начали объясняться. «Фашизм, война? плохо. Понимаешь? Не надо!» Чувство ненависти исчезло. Человек искал контакта с человеком. Да что много говорить об этом. Я была счастлива.

Встреча с профессором Янценом

В Москве у нас была пересадка. К счастью, на том же вокзале. Я сожалела только о том, что не могла показать пленным город. Не могла рисковать. Кто-то мог потеряться в толпе. Среди них были и такие, что могли сказать по-русски только: «Я Владимир». И его тут же вернули бы во Владимир.

В Красногорске антифашистов принял один из учителей школы. Он пошел с ними в столовую пообедать. Чтобы и я могла поесть, одна из сотрудниц школы дала мне свой обеденный талон следующего дня.

Закончив свои дела, я собиралась уже покинуть лагерь, но тут ко мне подбежали Вальтер и Франц.

«Как хорошо, что мы вас еще застали!» Свиданию мы все очень обрадовались. Они уже завершили свой курс и ожидали задания. Я вернулась в лагерь и направилась к одному из руководителей антифашистской школы, профессору Янцену. Я еще не знала его. И вот передо мной эта яркая личность. Коммунист, обладавший большой силой воздействия на окружающих. При этом простой, скромный, милый человек (так, собственно, и должно быть). Мы долго беседовали о нашей работе. Позже мне пришлось с ним не раз встречаться. Но и тот, кто видел его лишь раз, не забудет его никогда. Ораторский талант? сам по себе редкость. Но профессор Янцен обладал еще особым даром делиться с другими своими огромными знаниями марксистского учения. Он был очень человечен и говорил очень человечно, необыкновенно убедительно. Его речи, его лекции всегда были посвящены борьбе за лучшее, что заложено в человеке. Он обращался к разуму человека. Многие ученики его, которые позже были у меня в лагере, говорили мне, что он сделал их коммунистами.

Я спросила у профессора Янцена об обоих выпускниках школы, Вальтере и Франце. Он очень их хвалил. Оба хорошо закончили курс. Вальтер даже на «отлично». Его прощальное выступление произвело большое впечатление.

«Что они теперь будут делать?»

Профессор Янцен заметил, конечно, куда я клонила.

«Франц хотел бы на фронт. Это желание удовлетворено. А Вальтеру ранение не позволяет отправиться туда же «.

«Не могла бы я получить его для антифашистской работы в моем лагере?»? высказала я наконец свое желание.

«Можете. Возьмите его сразу с собой».

Ему не пришлось этого повторять дважды. Я тут же отправилась в соседнюю комнату за бумагами Вальтера.

Потерянная биография

Вскоре появился Вальтер с деревянным чемоданом в руке.

«Мне пришлось собраться в одну минуту. Я даже не успел попрощаться с учителями и товарищами. Но я очень рад, что буду работать с вами».

Франц пожал руку мне и Вальтеру. Он был немного опечален тем, что не может поехать с нами. Но гордился своим направлением на фронт. С Вальтером я отправилась во Владимир.

В Москве у нас было несколько часов времени. Я купила маленький картонный чемодан, книги и? какое счастье!? целый килограмм кофе в зернах. Все это засунула в чемоданчик. Метро

доставило нас на вокзал. Поезд опаздывал. Мы поели в вокзальном ресторане украинского борща. Пришлось довольно долго ждать. Но поезда все еще не было. Мы расположились в зале ожидания. Чемодан я поставила рядом на пол. Наконец прибыл поезд. Все бросились на перрон. Я схватила Вальтера за руку, но он не мог быстро бежать. Паровоз уже загудел, когда мы вскочили на подножку. Пассажиры потеснились. Мы вошли в вагон.

Все сложилось великолепно. Только моего чемодана не. оказалось. А в нем были бумаги Вальтера. Я оставила его на полу в зале.

В лагере дежурный офицер не хотел принять пленного. «Без сопроводительных бумаг ничего не выйдет».

Я рассказала ему эту историю.

«Поймите меня!»

«Я понимаю вас очень хорошо. Но могу вам посоветовать только одно. Идите к подполковнику, не к майору, к подполковнику».

Черт побери! Потерять в военное время важные бумаги. Я стояла перед моим начальником чуть жива. Призналась ему в своей небрежности, рассказала все, как было.

«Скверное дело, товарищ Либерман. Но не принимайте это так близко к сердцу. Случается иногда даже с дипломатами»,? сказал он. Мне хотелось броситься ему на шею.

У меня самого столько вопросов

Дождь лил как из ведра. Я отправилась в лагерь по длинной дороге через цех номер один. Вижу: все сильно взбудоражены. Ичик стоял в кругу пленных. Они спорили. Мастера ругались. «Давайте работать, черти!» Я узнала, что повысили норму. Советские рабочие приняли это как само собой разумеющееся. А пленные затеяли бузу. Они обвиняли командира своей роты, что он их предал. Один из них назвал его штрейкбрехером. Ичик размахнулся, чтобы его ударить. Другой пленный помешал ему.

«Да, конечно, меня спросили. Что же мне было делать? Жульничать? Ведь есть же у них право лучше организовать работу или нет? Давайте кончать бузу!»

Работа возобновилась. Ичик хотел мне кое-что объяснить. «Не теперь. Соберите своих людей вечером в столовой и объясните им все. Разумно! Пощечина не аргумент».

Под вечер Ичик пришел ко мне. Он был в полнейшем смущении. «Без вас я не выйду на сцену».

«Вам этого делать не надо. Вы не должны произносить речей. Только объяснить, в чем дело».

«Такое дерьмо! Если бы я знал…»

«Не трусьте, Ичик. Все бы было в порядке, если бы вы заблаговременно рассказали товарищам о новых нормах. Так, как рассказал инженер советским рабочим».

«Что же теперь делать?»

«Теперь надо наверстать упущенное. Признайте, что совершили ошибку. Я не приду. Улаживайте сами свои дела, без поддержки. Это лучше».

К своей роте он вернулся в плохом настроении. Она ждала его в столовой не менее раздосадованная, чем он сам. Около девяти вечера Ичик снова появился в дверях моей комнаты. Он сиял. «Я к вам на минутку. Все вышло как нельзя лучше. Мы объяснились по-настоящему. Поговорили и о других вещах. Ребята еще не вполне успокоились, но все уладится. К новым нормам надо привыкнуть».

«К человеческому обращению тоже, Ичик».

«Спасибо».

«Доброй ночи!».

Из-за случая в цехе номер один Вальтеру пришлось долго ждать у ворот. Я видела его издали. Он стоял, прислонившись к будке часового. Он мог уже ходить без костылей, но сильно хромал, и иногда боли возобновлялись., Я передала дежурному офицеру письменный приказ подполковника. Он едва прочел его. Внимательно посмотрел на Вальтера, потом на меня и снова на Вальтера. Что ему было надо? Может быть, он думал, что Вальтер мой брат? Брат? Мог бы быть братом. Он и другие. Но еще время не пришло. А где мои настоящие братья? Мой отец? Мои сестры? Их дети? Живы ли они еще?

Перевоспитание целого народа? Как много лет это потребует? Ах, у меня у самой столько вопросов…

Мысль о том, что я до сих пор позаботилась только о главном лагере и лагере номер один, меня тяготила. Ну что было делать? Каждый новый день приносил новые заботы. Да и еще кое-что меня задерживало. Я вбила себе в голову, что первую поездку по другим лагерям совершу с агитбригадой, покажу военнопленным концертную программу, обязательно веселую.

Были у нас лагеря с более трудными условиями, чем во Владимире. По различным причинам пленные часто не выполняли нормы. В результате они не получали и дополнительного питания. Но даже и на 800 граммах хлеба и дополнительной горячей еде сытыми люди оставались недолго. Содержание белка в пище было невысоким. А еще ниже калорийность духовной пищи. А это требуется человеку тоже, особенно в таком состоянии. Психологическое давление колючей проволоки, душевное напряжение, тоска по близким истощают

силы. У одного сильнее, у другого слабее. Но я могу сказать с чистой совестью: все мы, немецкие ли коммунисты, советские ли офицеры, антифашистские ли комитеты,? все мы старались изо всех сил облегчить людям горькую участь плена. Мы насыщали их отнюдь не только теорией, иначе толку бы от нее было мало.

Мы взялись за подготовку веселой концертной программы. Повар Вернер Г. приготовил «вкусную» программу. Ему помогал профессиональный конферансье, толковый, способный парень. Да и у других нашлись таланты. Музыканты, певцы, дирижер, артисты. Не хватало только музыкальных инструментов. Я пошла к бухгалтеру, спросила, есть ли на это деньги.

«На музыкальные инструменты? Нет, только на книги».

«Ну а если мы заменим…»

«К сожалению, этого нельзя»,? сказал бухгалтер и углубился снова в свои фолианты.

Но я не отставала: «Товарищ младший лейтенант, ну хотя бы один-единственный инструмент. Я ведь человек скромный».

Он ухмыльнулся. Это уже шаг вперед. Он знает, о каком инструменте я думаю. Понимает, что этот инструмент стоит дороже, чем все остальные, вместе взятые.

«Так, так. Только один-единственный? Очень скромно. Ну хорошо, я возьму деньги из нашего культурного фонда. А если этот аккордеон нам понадобится, мы его возьмем. Понятно?»

Еще бы не понять! Позже он не раз посещал наши музыкальные вечера, как, впрочем, и другие офицеры.

Началось с подаренного аккордеона

С ордером на покупку, сияя от радости, направилась я в лагерь. Позвала к себе аккордеониста Эдди Б. Он был профессиональным музыкантом. «Завтра поедете со мной в Москву. Мы купим аккордеон».

«Нет, не может быть! Вы шутите,? его голубые глаза искрились радостью.? Бог мой, я снова смогу играть!» Он ушел из комнаты вне себя от восторга. Не прошло и десяти минут, как появляется целая делегация: дирижер Б., конферансье Ойген Ф., эстрадный певец Фред С. и комик В. Он говорил за всех: «Госпожа Либерман, мы собираем деньги».

«Чего вы хотите?»? От неожиданности я перешла на берлинский диалект.

«Нам совершенно необходим оркестр».

«Так. Это все, что вам необходимо? Или, может быть, что-нибудь еще?»? пошутила я. А в душе порадовалась состоянию этих людей.

«Для каждого в отдельности? это лишь копейки. Скажите „да“.

«Нет, ребята, я не согласна». Я казалась себе похожей на того бухгалтера, который сначала тоже не мог решиться. Я не хотела обходить актив. В тот же вечер я созвала руководство. Руди К. сделал кислую мину, но не сказал, в чем дело. Гейнц Т. и Вальтер М. высказали мнение, что, если пленные хотят купить инструменты на собственные деньги, пусть купят.

Гейнц заметил, что у меня еще были сомнения. «Не понимаю, что вас смущает? Все в порядке. Когда мы поедем домой, музыканты возьмут инструменты с собой. Может быть, они и дома будут выступать с таким оркестром. В большинстве они профессиональные музыканты. Чтобы вы успокоились, мы опросим всех, согласны ли они».

«Ладно. Обсудите это со всем активом и скажите мне о своем решении».

В последующие дни деньги были собраны. В помещении актива были вывешены подписные листы. Кто хотел, заходил и вносил деньги, вписывая свою фамилию. Тут мне хотелось бы сказать, что музыканты действительно поехали на родину группой и захватили с собой все музыкальные инструменты. Они несколько раз выступали в Берлине.

Он притворился слепым

Перед моей дверью тихо и скромно стоит пленный. Он ждет уже довольно долго. Но другой протискивается без очереди. Я слышу, как он говорит за дверью: «Я пойду сначала, ясно? Ты болтун, тебе надо много времени». И вот он у меня. Высокий как каланча, плотно сложенный. Он смотрит на меня своими голубыми глазами, как будто хочет сказать: «Неужели вы мне не поможете?»

«Что случилось?»

«До сих пор был на легкой работе в лагере. А завтра меня посылают на строительство дорог».

«Вы что, больны?»

«Был болен. Ослеп».

«Что с вами случилось?»

«Да, ослеп. На четыре месяца».

Он видит мое удивленное лицо.

«Да это я только притворился. Понимаете?»

Я смотрю ему в глаза. Он действительно смотрит как слепой, но с отвратительными глазами. Поэтому ему нетрудно было играть слепого. «А как же вы попались?»

«Я пошел в душ. Вижу, в углу стоят сапоги. Ну, парень, говорю я себе, это тебе пригодится. Схватил их и натянул на ноги. Когда вышел из душа, вижу: у двери стоит комендант и другие ребята. Они смотрят на сапоги и трясутся от смеха. Сапоги они

специально поставили, чтобы меня поймать. Понимаете?»

«Убирайтесь вон отсюда!»? говорю я ему.

Заходит другой. Немного задумчивый, немного мечтательный. С независимым выражением лица, как будто он стоит над всем, что его окружает.

«Я хотел попросить вас прочесть мою пьесу. Написал ее здесь, в лагере».

«О чем в ней речь?»

«О нацистских преступлениях».

«Вы только здесь узнали, что нацисты преступники?» «Да нет, я ненавидел их с самого начала. Только для сопротивления не хватало духу».

«А что помешало вам вести с ними борьбу?»

«Вы, наверно, знаете, какой народ художники. Нам легко быть против чего-то, труднее выступать за что-то».

Я стала гадать, кто же он по профессии. Приятный голос, культурное произношение. «Вы актер, не правда ли?»

«Да, и режиссер. Если вам пьеса понравится, я бы охотно ее поставил».

«Я скажу вам об этом завтра или послезавтра. Как бы то ни было, я рада тому, что вы ко мне пришли».

«И еще одно есть у меня желание. Я охотно сотрудничал бы в активе».

«Это очень кстати. Мне как раз нужен кто-либо способный поднять культурную работу».

«Не знаю только, смогу ли я? Я ведь только еще начинаю».

«Помогу вам».

Не оратор, но все же…

Было самое время навестить лейтенанта Петрова. Правда, он несколько раз приходил ко мне. Но другое дело, если я пойду к нему. С тех пор как в лагере номер один были разоблачены подстрекатели, жизнь там идет интереснее. Эти события побудили задуматься многих пленных. Конечно, и то, что теперь их опекает Петров, принесло свои результаты. Это был удачный выбор. Он легко вступает в контакт, понимает положение людей, у него установились хорошие отношения с антифашистами. Немецкую историю он знает лучше, чем многие немцы. Работает с активом при помощи переводчика. Конечно, он не бог весть какой оратор. Да и я, впрочем, тоже. Когда надо выступать перед большой аудиторией без шпаргалки, мне приходится нелегко. Но никуда не денешься. Научилась. А позже опять разучилась. Зато по меньшей мере половину моего времени я отвожу индивидуальным беседам. Тут сразу есть отклик. А может, и нет. По крайней мере знаешь, с кем имеешь дело.

Новый начальник нашего политотдела хороший оратор. Я очень ему благодарна, когда он выступает вместо меня, особенно на военные темы. Тут мне не очень-то ловко выступать перед мужчинами. А он стоит у карты, описывает положение на фронте. А я перевожу. Иногда он меня подбадривает: «Больше огонька!» Ну что же, когда речь идет о наступлении Красной Армии, у меня появляется больше огонька. Заговаривая о гитлеровской армии, он приходит в ярость. Начинает увещевать: «Поймите же наконец, как это все бесчеловечно!»

Прежний начальник политотдела едва ли интересовался мной и моей работой. Я интересовалась им тоже мало. Он заботился лишь о политической работе в аппарате лагерей. Иногда он устраивал мне нечто вроде экзаменов. Например, спрашивал о положении рабочих в Германии до 1933 года. Я отвечала ему не шаблонно, опираясь на факты. Он был мною недоволен. Для него существовали только две краски: черная и белая. Ограниченный был человек. Я избегала его.

Мой новый начальник, напротив, обладал хорошим чутьем. Он охотно прислушивался к моим советам. Когда я предложила ему вместе посетить два самых отдаленных лагеря, он тут же согласился.

Прежде чем покидать Владимир, я, как правило, проводила совещание с руководителями актива. На этот раз я хотела обсудить с ними, следует ли поручить автору пьесы Эгону М. культурную работу. Выяснилось, что его мало знают. Мы стали гадать: почему он не выпячивал себя? Из скромности? Или как индивидуалист, забравшийся в башню из слоновой кости? Если судить по пьесе, которую он написал, то индивидуалистом он не был. Так или иначе, я выступила за то, чтобы доверить ему культурную работу. Если он сам согласен. Его антифашистские убеждения казались мне искренними. Это чувствовалось и по пьесе. А всему остальному он научится.

Я попросила позвать к нам Эгона М., чтобы он мог познакомиться с активом. Да и мне хотелось выполнить обещание. Эгон был разочарован, что не может поговорить со мной с глазу на глаз.

«Господин М., ваша пьеса мне нравится,? сказала я ему.? Важная тема, персонажи близки к жизни, диалоги живые. Правда, чувствуется, что вы несколько подражаете „Профессору Мамлоку“ Фридриха Вольфа. Но это не беда. Самое главное? пьеса произведет впечатление. Если хотите, начинайте репетировать».

«Я рад. Очень рад. Но с работой культурника я хотел бы еще подождать».

«Побеседуйте с активистами. Может, у вас появится охота.

Мне, к сожалению, надо идти».

Но перед дверью стоит еще один пленный, который хочет побеседовать со мной наедине.

«Что вас привело ко мне?»

Это пожилой человек среднего роста, полный, с грубыми чертами лица.

«Госпожа Либерман, я коммунист».

«Что дальше?»

«Работа вне лагеря мне тяжела. Не могли бы вы найти для меня что-нибудь полегче?»

«Так, так. А кому легко работать вне лагеря? Кем были вы по профессии?»

«Чернорабочий, на рынке».

«Где вы попали в плен?»

«В Югославии».

«Что вы там делали?»

«Боролся с бандитами».

«С какими бандитами?»

«Ну с партизанами».

«Ах, так. И вы еще утверждаете, что состояли в компартии? Вы лжете! Вы еще сегодня говорите на языке фашистов. Значит, вас отправили на борьбу с партизанами, так?»

«Так. Я же вам сказал».

«Были вы в партии или нет? Самое лучшее, что вы можете сейчас сделать, это сказать правду». Я спрашиваю его, а сама убеждена, что он никогда не был коммунистом. Коммунист не ищет выгод. Пленный молчит. В его взгляде есть нечто тупое, звериное. Он производит на меня впечатление человека, который способен на все. Но я ничего не могу доказать. Говорю ему, что он врет, чтобы шел ко всем чертям и пусть радуется, что ему сохранили жизнь.

В лагере на каменоломне

Сначала мы отправляемся в лагерь на каменоломне. На джипе два часа езды. Если ехать на поезде с пересадками, уйдет весь день. На этот раз мне повезло, еду с шефом. Он встает рано. Я должна быть готова к пяти часам, говорит он мне. Часок отсрочки мне удается у него выклянчить. Ведь я прихожу домой поздно. Моя основная работа начинается вечером, когда пленные в лагере. Днем я обхожу места, где они работают. Тут не очень поговоришь. Но всегда приходится что-то улаживать, кому-то сказать веское слово.

В поездку вместо оркестра я беру с собой мои книги: Гете, Шиллер, Гейне, Бехер, Вайнерт, Карл Либкнехт (речь перед судом) и хрестоматию, в которой представлено много прекрасных

писателей. Две последние книги? настоящие жемчужины. Может, думаю я, в одном из лагерей устрою вечер чтения. В последний раз я выступала? как давно это было? в Московском институте иностранных языков. С тех пор мне не приходилось читать стихи с эстрады. Настроение не то, да и времени нет. Вдохновение осталось. О тех вечерах я не забыла.

Но о них сохранились не только воспоминания. Об этом я узнала в октябре 1975 года. Зазвонил телефон, слышу женский голос: «Говорит Людмила. Все эти годы я мечтала снова увидеть вас. И вот теперь я в Берлине. Можно прийти к вам?»

Я понятия не имела, кто такая Людмила. Но она говорила с таким воодушевлением, что я не могла ей отказать. Я спросила: «Когда у вас есть время? »

«Сейчас»,? отвечает она. Через полчаса она у меня. Теперь я узнаю ее. Двадцать восемь лет тому назад она была студенткой Института иностранных языков. Не пропускала ни одного моего вечера, хотела стать преподавательницей сценической речи. И стала ею.

«Знаете ли, что у нас еще много пленок с вашими записями? Мы еще теперь с ними работаем».

Я радостно ахнула.

«Когда я снова приеду, я привезу их с собой. Только послушать».

«Этого мне достаточно».

«Весной я снова приеду в Берлин, с дочкой. Она знает ваш голос и хочет обязательно познакомиться с вами».

Мы проговорили долго и расстались, как будто все это время поддерживали самую тесную дружбу.

Пустынный ландшафт. Лагерь находится как раз напротив каменоломни. Нетрудно представить себе, как это давит на настроение пленных. И действительно, здесь царят подавленность и безнадежность. Я ищу причины. Сначала иду на кухню. Снимаю пробу. Еда здесь лучше, чем во Владимире. Суп гуще. Повар кажется прямо-таки волшебником, готовит с любовью. Это чувствуется. Чтобы у пленных были и витамины, он ежедневно отправляется со своими помощниками в лес и в поле и собирает все, что содержит витамины, что можно употребить в пищу.

Этот лагерь невелик. Пленные живут без всякого соприкосновения с внешним миром. Они видят только скалы. У них такое чувство, будто они задавлены этими скалами. Мы осматриваем двор, газоны. И крайне удивлены: во дворе, посреди каменной пустыни,? зеленый оазис, ухоженный газон, обрамленный пестрыми цветочными клумбами. У посыпанных гравием дорожек столы и скамейки из березы. В клубном

помещении вся мебель? тоже из стволов березы? сделана с выдумкой и вкусом. Все это вызывает у нас восхищение. Мы говорим об этом пленным. Никакой реакции. На нас смотрят окаменевшие лица. Настроение здесь ниже нуля. Мой начальник политотдела, майор и я решаем собрать вечером всех пленных. Я собираюсь сначала как следует дать им прикурить.

«Что голову опустили!? начинаю я громко и с вызовом.? Это ведь саморазрушение! Подумайте, что вы делаете. Когда-нибудь вас освободят из плена. Когда? Сказать вам не могу. Но фашизм скоро будет уничтожен. А вы что делаете? Надо оставаться человеком. Помнить о своем долге, не терять надежду? вот главное. Что вы браните русских? Ведь вы же им принесли столько горя! Ругайте тех, кто вас погнал сюда, как овец или диких зверей. Ради кого? Зачем?» В этом духе говорю дальше, говорю прямо и откровенно.

Наверное, я проговорила долго. Майор стал уже терять терпение. Он тоже был потрясен апатией пленных. Хотел им кое-что сказать. Он говорит о разрушенных городах, о миллионах жертв, о мертвых и живых на той и на другой стороне? о всех тех, кого унесла преступная гитлеровская война.

«Вы остались в живых. Это хорошо. Вы в плену. Это нелегко. Но вам придется восстановить по крайней мере часть того, что разрушено. С этим надо примириться. Чем скорее, тем лучше для вас». Он тоже говорит им чистую правду, без утайки. Это самое правильное. Особенно в этот момент.

Люди слушают напряженно. Потом задают много вопросов: о политике, о личных делах? все вперемешку. Мы сразу же отвечаем? то майор, то я. Вот встает один и спрашивает: нельзя ли навести порядок в учете работы? Ошибки злят людей. Он командир роты, работающей на каменоломне. Мы записываем его вопросы и обещаем проверить.

Нормировочное бюро находится вне лагеря и подчинено каменоломне. На следующее утро мы находим директора и просим его тут же проверить жалобы. Он просит принести бумаги, беседует со старшим мастером, с другими сотрудниками, расспрашивает, как работают пленные. Ему отвечают: по-разному. В общем и целом удовлетворительно. Выясняется, что жалобы не напрасны. Учетчик, человек уже пожилой, толстый, заспанный, признает это. Он многое напутал в отчетности. Преднамеренно или нет? доказать нельзя. Директору ясно одно, что этот человек не годится для этой работы. Еще до того, как мы уехали, его заменили.

Я потом часто посещала этот лагерь. Жалоб больше не было. Если только было возможно, я брала с собой оркестр и обоих

конферансье. Берлинца В. из Можайска я назначила здесь руководителем актива. Он обходился с людьми умно, по-отечески. И очень подходил для этого лагеря. В путь я снабдила его подновленной формой, деревянным чемоданом, стопкой книг марксистской и художественной литературы и несколькими советами. Ему удалось довольно быстро организовать работу антифашистского актива. К этим отшельникам пришла жизнь. Конечно, настроение оставалось неустойчивым, как и в других лагерях. Но мрачный климат безнадежности исчез. Люди снова научились смеяться.

«Ну, чем займемся сегодня?»? спросил меня мой начальник.

«Не знаю, какие у вас планы. После вчерашней накачки мне хотелось бы сегодня перенести их в другой мир. Устроить литературный вечер».

Он улыбнулся, удовлетворенный, спросил: «Может, мне сначала сказать им о результатах нашей проверки? А потом я пойду к нашим товарищам. У них тоже есть свои проблемы».

После ужина пленные остаются в столовой, здесь имеется хорошая сцепа, конечно из березы. В два счета отодвинули столы, поставили скамейки. Стали рассаживаться. Со сцены я наблюдала за людьми. Они производят сегодня более приятное впечатление, чем вчера. Когда майор рассказал, что они не зря жаловались на учетчика, что его уже сняли, они зааплодировали. Как хорошо, когда ты прав и это признают другие.

Читаю пленным из Гете, Шиллера, Гейне. Во втором отделении? Либкнехта, Вайнерта, Мюзама, Толлера. Каждый раз короткое вступление. Я бы охотно спросила их, читали ли они по крайней мере что-нибудь Гете. Но я этого не делаю. К чему обижать их. Они воспитанники общества, в котором растоптана культура. Я была удивлена, как внимательно они меня слушали. В зале полнейшая тишина. Никто не кашляет, никто не решается двинуть ногой. Глаза устремлены на меня. Мне кажется, что люди воспринимают благородство мыслей, красоту языка.

В начале вечера я вижу в первом ряду своего начальника. Он понимает лишь отдельные слова. Улыбается мне. Его радует происходящее. В перерыве между Шиллером и Гейне он исчезает.

В лагере на торфяниках

На следующее утро мы едем в Мезиновку, в лагерь на торфяниках. Здесь совсем другой ландшафт. Повсюду лес. Он тянется на протяжении двух километров, до самых торфяников. На другой стороне? деревушка. Между ними лагерь. Здесь не так аккуратно, как в лагере у каменоломни. Вокруг запустение. Но настроение лучше. У пленных есть контакт с населением. Каждый день они проходят по деревне, обмениваются парой слов, иногда

им подкидывают съестного. Большинство охраны ничего не имеют против. Есть, конечно, и такие, которые не разрешают. Немногие оставшиеся в деревне мужчины работают на торфе в качестве звеньевых. В перерыве они разговаривают с пленными. Как-то уж понимают друг друга. Поэтому пленные кое-что знают о происходящем в мире.

В этом лагере другие проблемы. У немцев не сложились отношения с румынами, составляющими четвертую часть пленных этого лагеря. Немцы озлоблены тем, что румыны захватили в свои руки почти все внутренние службы. На кухне они полные хозяева. Об этом много говорят, это источник взаимной ненависти. Начальник лагеря не разбирается во всем этом и считает, что вопрос должны решить сами пленные.

За несколько часов нам удается навести здесь порядок в этом вопросе. По оправдавшему себя образцу: пропорциональное представительство, независимость. Никто из пленных других национальностей, будь то венгры, румыны или итальянцы, не хотят подчиняться немцам. Говорят: хватит!

Через год мы создали на окраине Владимира маленький интернациональный лагерь. Здесь никто не спрашивал о национальности, главное? как ты работаешь и как ты себя ведешь. Это лагерь кирпичного завода. Здесь создано настоящее самоуправление. Пленные могут свободно передвигаться.

В Мезиновке мы посетили и места работы пленных. Чтобы добраться до торфяников, нам пришлось пересечь по узкой доске канаву, наполненную грязной водой. Майор уже на другой стороне, у него под ногами твердая почва. Он поворачивается, чтобы подать мне руку. В этот момент доска ломается. Я падаю в грязь. Меня засасывает. Майор пытается меня вытащить. Ему помогает подбежавший пленный. Меня «спасают». Но от пояса до подошв я в клейкой мокрой черной грязи. Все смеются, я тоже смеюсь. Солнце помогает мне просохнуть.

Майору хотелось посмотреть, как машины прессуют и формуют торф, но меня это мало интересует. Мы коротко беседуем с советскими прорабами, с пленными. Все идет хорошо, этому помогает хорошая погода. И норма выполняется, и дополнительное питание выдается. Но и в этом лагере нет ни актива, ни книг, никакой духовной жизни. Люди производят тяжелое впечатление, ничем не интересуются. В такой обстановке процветают тупость, мерзость, интриги. Необходимо что-то предпринять. Мы решаем послать сюда нескольких активистов из главного лагеря, которые уже наверняка знают, что нужно.

Вечером мы собираем всех немцев и румын и предлагаем им задавать нам вопросы. Вопросов много. Но когда мы предлагаем

пленным ответить на наши вопросы, толку мало. Разве что они позже поразмыслят над тем, о чем мы их спрашиваем.

Пока мы ездим, в главном лагере работа идет дальше. Ото меня очень радует. Хорошо показали себя Гейнц Т. и Вальтер М. Они видят, что Руди часто теряет самообладание. Его самоуверенность не знает границ. Это не так просто, как я думала. Исправиться ему трудно.

Эта тройка приходит ко мне сразу же после моего возвращения. Они рассказывают мне о том, что случилось за это время в лагере. Мне нравится их идея избрать руководящее ядро. Мы распределяем работу. Вальтер берет на себя пропаганду: доклады, кружки и т. д. В антифашистской школе он многому научился и теперь умеет учить других. Не теряет ни часа. К сожалению, я не могу назначить его руководителем актива, он был офицером. Правда, всего только лейтенантом, летчиком. Но у пленных солдат он не имел бы авторитета. С офицерами они не хотят иметь дела. Мне кажется, что мало-помалу к ним возвращается что-то вроде классового сознания.

Гейнц Т. берет на себя разъяснительную работу в бараках. Закончив свои дела в амбулатории, он идет к своим камрадам. Они доверяют ему. Ему удается вразумить кое-кого. Руди К. остается руководителем актива, причины его снять нет. Да и заменить его некем. Но он остается предметом моих забот. Его надо не перевоспитывать, а воспитывать. Я много работаю с ним. Мы часто спорим. Он оказывается упрямцем. А я этого терпеть не могу. Через полгода я послала его в антифашистскую школу. Надеюсь, что он там кое-чему научился, да и у меня в лагере. Не только знания приобрел, но и научился работать с людьми. Ибо после своего возвращения на родину он стал работать в магистрате одного из больших городов нашей республики. А там нужно и то и другое.

Лагерь получает оркестр

В мое отсутствие антифашистский актив завершил сбор денег на музыкальные инструменты. Мне принесли деньги и подписные листы. Каждому пришлось пожертвовать действительно только копейки. В ту же ночь я отправилась в Москву, чтобы купить музыкальные инструменты. Со мной поехали двое пленных, музыканты по профессии. Они взволнованны, как дети, которых ведут на елку. В магазине на площади Дзержинского они выбирают инструменты, необходимые эстрадному оркестру. Мы тут же их забираем с собой. Еще покупаю в коллекторе кучу книг. Их пришлют нам по почте. Наше дело только упаковать их.

От всей этой работы устала не только я, пленные тоже. И проголодались. Но мы находимся рядом с Красной площадью и

прежде всего хотим на нее посмотреть. Мы оставляем купленные инструменты в книжном коллекторе и отправляемся в путь. Мои подопечные одеты наполовину в штатское и не бросаются в глаза. Не торопясь, они проходят по Красной площади, разглядывают Кремль, собор Василия Блаженного, старые здания вокруг. Я внимательно смотрю на своих подопечных. Потом мы гуляем по центру, проходим мимо Большого и Малого театров, мимо Центрального универмага. Ближе к вечеру заходим в столовую, чтобы пообедать. Эти пленные, которые раньше за словом в карман не лезли, сидят тихо. Красная площадь, Кремль, да и этот обед за столом, накрытым белой скатертью, производят на них огромное впечатление. Конечно, и покупка музыкальных инструментов, на которых они будут играть.

Наш поезд отправляется только в полночь. Мы нагружены как мулы, но я хочу показать им еще несколько станций метро, похожих на дворцы. В свое время они произвели на меня внушительное впечатление. То же самое испытывают мои спутники. Совсем без сил мы наконец оказываемся на вокзале. Устраиваемся в зале ожидания. Мне так хотелось вздремнуть, хоть на минутку. Но оба парня возбуждены, у них столько вопросов. Их интерес к увиденному радует меня. Усталость исчезает. В поезде они находят для меня местечко и уговаривают поспать. Но теперь я заснуть не могу.

Музыкальные инструменты мы на один день выставили в помещении актива. Военнопленные могли увидеть, на что собирали деньги. И действительно, дверь не закрывалась. А сколько радости было! На следующий вечер начинаются репетиции.

Музыка завоевывает друзей

Начинается долгожданный вечер отдыха. Весь лагерь взбудоражен. Даже дежурные офицеры и конвой. Ничего не скажешь, это не пустяк. У нас настоящий оркестр с профессиональными музыкантами и профессиональным дирижером. Торжественная премьера. В первом ряду сидят советские офицеры и солдаты. Во втором? «знатные люди» из лагеря номер один. Все с нетерпением ждут, когда поднимется занавес.

Наконец наступает долгожданный момент. Конферансье Ойген Ф. открывает программу торжественным вступлением. Но без своих шуточек, у которых уже длинная борода, не может обойтись. Впрочем, откуда ему взять другие? Затем выступает оркестр. Гвоздь программы, он играет с воодушевлением, военнопленные сопровождают музыку, хлопая ей в такт. Теперь скетч из лагерной жизни. Его играют комик Вернер Г. и

конферансье Ойген Ф. Скетч написали они сами. В нем высмеивается лагерная «знать». Парням нельзя отказать в наблюдательности. Уж очень они комичные: маленький, узкоплечий, подвижный как ртуть Ойген Ф. и высокий, толстый Вернер Г., который прекрасно играет роль простака.

Потом снова оркестр. На этот раз с эстрадным певцом Фредом. У него приятный тенор. Выглядит он хорошо. Высокий, с черными волнистыми волосами, синеглазый, да и характер у него добродушный. Его нашел Вернер. Фред? человек скромный и трудолюбивый. Я освободила его от работы на стройке и послала на кухню, чтобы он не простудил горло. Чистя рыбу, он поранил себе большой палец на правой руке. Пришлось палец отрезать. Но Фред не очень это переживал. Самое главное, его горло в целости.

Начал оркестр с хорошей эстрадной музыки. Но постепенно перешел к популярным песенкам невысокого пошиба. Одна за другой. Это песенки двадцатых годов. В зале великолепное настроение. Пленные подпевают. У каждого есть своя любимая песня. Их исполняют на бис. Вдруг и у меня появляется «любимая песенка». Я тоже прошу ее повторить: «Когда я танцую с тобой, я на седьмом небе». Можно лопнуть со смеху! С тех пор как наши музыканты узнали, что это «моя» песенка, они играют ее на каждом концерте. Если я присутствую. Вскоре я уж и слушать ее не могу. В конце программы артисты подготовили для меня сюрприз: музыкальное произведение, сочиненное нашим дирижером. Называется оно «Мои ребята», посвящено мне, объясняет мне потом дирижер. Хорошо, что он об этом сказал только мне. Я обращаю его слова в шутку, но, конечно, благодарю его. В общем и целом удачный вечер, веселый, да и нельзя сказать, что бессодержательный. Поразвлекались прекрасно. Обошлось и без непристойностей. Снова шаг вперед.

Эту программу повторяли несколько раз в главном лагере и в лагере номер один. Потом мы совершаем с ней турне. Наконец исполняется мое желание. В каждом лагере мы вставляем в программу номера, связанные с местными происшествиями. Кстати сказать, позднее Ойген Ф. написал и несколько политических скетчей. Я ему немного помогла. Для наших гастролей нам выделяют полуторку. Мы привезем книги и создадим библиотеку. Между прочим, и этот наш экипаж не раз застревал в пути. Да, техника сразу же начинает бастовать, как только я к ней прикасаюсь. Хорошо, что с людьми мне везет больше.

Само собой разумеется, что в первую очередь мы отправляемся в каменоломни. Приезжаем в воскресенье. У ворот нас встречает весь лагерь. Эти сияющие лица! Не могу их забыть.

После обеда начинается концерт. Затем меня засыпают вопросами. До вечера приходится со столькими поговорить, стольких успокоить, что у меня трещит голова, когда мне предстоит выступать с докладом. Не беда. Одно то, что мы сдержали слово, не забыли о них, поднимает настроение.

Чувствуется, что руководитель актива за короткий срок сделал здесь немало. К нему охотно идут. В его характере есть нечто отцовское, успокаивающее. Он немало над собой поработал, расширил свои знания. Занимался по ночам, как он мне говорит. Днем он отправляется вместе со всеми в каменоломню. Это располагает к нему людей. Короче говоря, пленные здесь преобразились. Конечно, сыграло роль и то, что были устранены несправедливости. Я думаю, что немалую роль.

Так мы колесим по Владимирской области вдоль и поперек. Мы хотим посетить десять лагерей. Удается нам побывать только в четырех: кроме каменоломни, еще в Кольчугине, Зобинке и Гусь-Хрустальном. Кольчугино и Зобинка прикреплены к текстильным фабрикам, на которых работают почти одни женщины. Война взвалила на их плечи тяжелый груз. Они несут его с таким мужеством и терпением, что хочется до земли им поклониться. В обоих лагерях светлые и вместительные бараки. Книг очень мало. Активных антифашистов еще меньше. Придется послать и сюда опытных антифашистов из Владимира. Впрочем, недоразумений с выполнением норм, дополнительным питанием здесь почти не бывает.

«Красавчик» Отто

Кольчугино не пострадало от военных действий. Но нет дня, который бы не напомнил женщинам о войне. Их мучит судьба близких на фронте, забота о детях, которые остаются дома без присмотра, тоска по близким. Продуктов по карточкам выдают мало. С одеждой дело обстоит плохо. Вся жизнь? борьба. И в тылу тоже. Но женщины добры к пленным. Некоторые из них сами этому удивляются. «Проклятые немцы!» Работницы называют их так в разговоре со мной.

После маленькой экскурсии по фабрике я отправляюсь на рынок, чтобы купить чего-нибудь поесть. Ко мне обращается молодая женщина. Ей под тридцать. Она невысокого роста, изящная, с приятной внешностью. Говорит хриплым голосом. «Извините, пожалуйста, я из ткацкого цеха, где вы только что были. Пошла за вами. Мне нужно вам кое-что рассказать по секрету. Вы меня не выдадите?»

«Ни за что. Что с вами такое?»

Она молчит. Мы выходим из городка. Она начинает:

«Не думайте обо мне плохо. Я очень его любила, этого Отто».

«Какого Отто?»

«Да знаете, нашего коменданта. Он долго ко мне приставал. И однажды очутился в моей квартире. Я живу одна. Никого у меня нет. Иной раз такая тоска берет. И вот случилось. Он часто приходил ко мне. Красивый парень. Может нравиться. Что делать? Но я, глупая курица, подарила ему фотографию с надписью».

Она останавливается, глядит на меня во все глаза. Хочет узнать, какое впечатление произвел ее рассказ.

«Что же дальше?»

«Теперь все кончено. Он оказался подлецом. Хочет меня использовать».

«Каким образом?»

«Чтобы помогла ему бежать. Достала одежду и деньги».

«А если не поможете?»

«Тогда он грозит на меня донести».

Черт побери! Чем тут помочь? Подумав, я спрашиваю:

«Фотография у него с собой?»

«Не знаю».

У нее текут слезы, она в отчаянии.

«Успокойтесь. Найдем какой-нибудь выход».

В этот момент мне кое-что приходит в голову. Мы садимся на трамвай. Она едет на фабрику, я? в лагерь. Я должна поспеть до того, как пленные вернутся с работы. Но «красавец» Отто не отпускает меня ни на шаг. Он показывает мне лагерь, говорит о том о сем. Я размышляю: может, поговорить с ним откровенно? Нет. С таким человеком это опасно. Он еще и на меня донесет. Жаль! А ведь выглядит так, что внушает к себе доверие. Есть какое-то обаяние. Наверно, тем и привлек эту молодую женщину.

Приходит начальник лагеря. Он был во Владимире на совещании. Услышал, что мы здесь, и досрочно вернулся в лагерь. Видно, что он рад. Хочет чем-то быть мне полезным. Когда я спрашиваю его, где бы помыться, он провожает меня в баню и ждет больше часа, пока я помоюсь, а затем сопровождает меня назад, в лагерь. Еще ни один начальник лагеря не был со мной так любезен.

Есть и такие, с которыми трудно найти общий язык. Надо искать, а это стоит нервов.

Мы вместе обедаем в столовой. Ему надо к директору, а мне в лагерь. Самое время. Военнопленные возвращаются сейчас с работы, умываются и становятся в строй на перекличку. В это время я осматриваю комнату коменданта, прилегающую к залу, где спят пленные за стеклянной перегородкой. Я перебираю все в его комнате, в письменном столе, поднимаю матрас, ничего не

могу найти. Но я должна найти эту фотографию! Чтобы он не мог навредить этой женщине. И не мог сбежать. Об этом я уж позабочусь.

Еще до начала собрания я беседую с несколькими пленными. Должны же быть среди них разумные люди, которые могли бы работать в антифашистском активе. Действительно, таких находится немало. Они только и ждали, чтобы их кто-то «организовал». Может быть, среди них можно найти и помощника в этом деликатном деле? Нет, лучше не надо. Не могу рисковать.

Начинается концерт. Успех огромный, как повсюду. Начальник лагеря привел свою жену. Я перевожу им. После концерта они приглашают меня к себе на ужин. Беседа не клеится. Мои мысли не дают мне покоя. Я размышляю, посвятить ли этого милого человека в мою тайну? Или лучше не делать этого. Решаю: нет, лучше не надо. Не стоит втягивать его в эту историю. Независимо от того, как он стал бы на нее реагировать. Вскоре я прощаюсь. Начальник лагеря провожает меня. Я собираюсь переночевать в его кабинете. По дороге рассказываю ему, что в главном лагере будет проводиться совещание руководителей актива и комендантов. Прошу его послать ко мне Отто и Вернера М., которого я, возможно, назначу руководителем актива. И прошу послать их с конвоем.

Хлеб и доброта

В лагере в Гусь-Хрустальном атмосфера хуже некуда. Руководитель актива Георг П. принимает меня уже у ворот с кислым выражением лица. «Что?! Музыка? Сегодня? Невозможно! Люди голодны. Вот уже два дня, как нам сократили рацион».

«А почему?»

«Не знаю».

К воротам подходит начальник лагеря, приветствует меня, дает указание разместить ансамбль. Мы идем с ним по лагерю. Он показывает мне бараки, кухню, столовую, комнату для актива. Все это легкие постройки. «А вот здесь мой кабинет. Самая маленькая комната во всем лагере». Кабинет находится напротив комнаты для актива.

«Не могли бы мы на минутку присесть? Я устала».

«Пожалуйста. Что будете пить? Чай? Водку?»

«И то и другое». Впервые я замечаю улыбку на его лице. Он наливает мне водку левой рукой, правой у него нет.

«За ваше здоровье!»

«А я пью за ваше здоровье». Это не двести, даже не сто граммов. Наше настроение ниже нуля. Правда, водка немного его подымает. Он рассказывает мне: «У меня большие неприятности. Дороги замело. Вот уже два дня не подвозят продовольствия.

Ждем его каждый день. Но пока его нет, приходится экономить. Немцы ходят с такими лицами, будто им в гроб ложиться».

«Ну, вы знаете сами: если мужчины голодны, они как волки».

«Ах, что говорить, как часто мне приходилось сосать палец, когда мы пробивались из окружения. Вы думаете, что фрицам не пришлось это испытать? Но тогда они помалкивали».

«Как думаете, завтра подвезут?»

«Надеюсь. Погода вроде успокаивается. Такого еще не было. Ведь пленные же получат все до грамма».

«Не хотите ли вы разъяснить это? Сегодня вечером? На перекличке?»

«Что? Мне еще перед ними извиняться? Да кто заварил всю эту кашу?»

«Я ведь сказала? объяснить. Попробуйте. Не упрямьтесь! Сами увидите, какое это произведет впечатление».

«Ну, хорошо. Послушаю раз в жизни совета женщины»,? говорит он, мило улыбаясь.

«Такие мысли не сами приходят, товарищ старший лейтенант. Я тоже должна была до них дойти».

«Уговаривать вы умеете».

Во время переклички я стою у окошка и смотрю во двор. Мне хочется увидеть, как реагируют пленные на слова начальника лагеря. Он говорит долго и хорошо и заканчивает словами:

«Итак, вы ничего не потеряете. Хлеб и сахар вам выдадут на руки, все остальное пойдет в котел. Получите добавку. Будете получать ее несколько дней. Хорошо?»

«Хорошо!»? отвечают ему хором.

И кажется мне, что обе стороны говорят искренне. Может ли человеческое обращение заменить кусок хлеба? Думаю, может. На какое-то время. Я сама это испытала.

Антифашистский актив существует еще недолго. После переклички один активист за другим заходят в комнату. Их человек двадцать. Они смотрят так, будто с их плеч свалилась тяжелая ноша. Выглядят и обрадованными, и пристыженными. Ведь не удалось им повлиять на людей. В эти дни это выявилось особенно ясно. Я не могу удержаться от упреков. Но они сами настроены самокритично. Стоя, мы совещаемся, времени мало. Вывод: суеты было много, настоящей работы с людьми? мало.

«Мы настоящего контакта с людьми еще не нашли. Просветительством занимались».

«Мы себя считали какими-то особенными».

Руководитель актива с этим не согласен. Начинается спор. Я прислушиваюсь, даю советы и обещаю приезжать почаще. Чувствую, что у них есть желание исправить ошибки.

После собрания я долго беседую с руководителем актива Георгом П. и его заместителем Освальдом Г., бывшим коммунистом. Я критикую их без скидок. Хорошо, что Георг воспринимает это правильно. Он всегда задумывается над тем, что я ему говорю. Однажды он даже написал мне письмо, в котором благодарил за критику. Такое бывает нечасто.

С Освальдом Г. дело сложнее. Он самоуверен, думает, что умнее всех. Но человек он честный, энергичный и неплохой теоретик. Он как бы дополняет Георга П., который не имеет опыта общественной работы. Руководство актива он на себя принять не может, потому что работает инженером на стекольном заводе. Времени у него остается мало.

У «моих ребят» сегодня тоже урчит в животе. Но настроение хорошее. Я делаю доклад. Сегодня это вторая речь для пленных, у которых в животах пусто. Я пытаюсь поэтому изъясняться коротко. А ансамблю я говорю:

«Ребята, сегодня вы должны играть так, чтобы люди повскакивали со скамеек. Настроение в зале неважное».

«Не беспокойтесь. Мы не подкачаем!»

Действительно, они превзошли самих себя. Выступали с огоньком, импровизировали, отпускали шуточки, которые не были предусмотрены. И сами смеялись пуще всех. Концерт доставил всем большое удовольствие. Никто не хотел уходить.

«Ну, пора кончать»,? пришлось мне прикрикнуть на обоих конферансье, которые не хотели уходить со сцены. Я видела, что люди начинали уставать. Ведь программа уже шла три часа.

В комнате начальника лагеря, где я должна была спать, на столе лежала телефонограмма: «Завтра возвращайтесь во Владимир». Почему? Об этом ни слова. Ну что же, все равно собиралась вернуться. В семь утра мы грузимся на нашу машину. Нам помогают несколько пленных. Мы трогаемся в путь. Они приветливо машут нам.

«Приезжайте поскорей опять!»

Во Владимире меня ожидают новости. Самая главная: сообщение из Москвы о создании среди военнопленных национального комитета «Свободная Германия»; вторая новость: из Суздаля к нам прибывают сегодня двести бывших офицеров. Что же это означает? Что за люди? У нас ведь солдатский лагерь. И последнее: «красавчик» Отто из Кольчугина вчера прибыл сюда. Майор ничего об этом не знал. Еще немножко ? и он отправил бы его обратно.

Начинаю с этой последней новости. Иначе еще опоздаю, чего доброго. Пока меня не было, майор назначил нового коменданта лагеря. Я знаю его мало. Могу ли я ему довериться или нет, не

знаю. Делать, однако, уже нечего: Отто расположился в его комнате. Здесь я не могу устроить обыск. Герберт К. снят, поскольку он, несмотря на многочисленные предупреждения майора, оставил маленького Детлефа жить в своей комнате.

Я приглашаю к себе нового коменданта. Хочу выяснить, чем он дышит. Солдат-сверхсрочник, в политическом отношении неясен. Фашистом никогда не был. Так говорит он. Но так говорят теперь все. Ну а как он себе представляет будущее? Гитлера надо послать ко всем чертям. Это для него ясно. С войной надо покончить. Это тоже ясно.

А что будет с Германией? Об этом он еще не подумал. Ну ладно, хватит на первый раз. Я рассказываю ему историю с «красавчиком» Отто. Прошу его достать мне как можно скорее фотографию той девушки. Не проходит и получаса, как он, сияя, приносит фотографию. Она была спрятана под матрасом.

Лагерные коменданты обычно хитрецы. А этот кажется мне добродушным. О благе пленных он заботится больше, чем его предшественник. Он искренне возмущен поведением своего «коллеги» и учиняет ему разнос. Я же не хочу видеть этого негодяя. Еще могу понять, что он крутил любовь с той девушкой. Но его подлость простить ему не могу. Посылаю его на самые тяжелые дорожные работы. Там он под хорошей охраной. Там у него пройдет охота делать глупости.

По пути в лагерь номер один посещаю места работы пленных. Меня здесь не было уже четыре дня. Появились проблемы, особенно в литейной. Много брака, споры. Вновь и вновь слышишь одно и то же. «Немцы воображают, что знают все лучше других»,? говорит начальник. Они наполняют формы не так, как он этого требует. Он недоволен, ругается, грозит снять проценты. По сути дела, он прав. Я объясняю пленным, что они должны выполнять указания начальника. На какое-то время эти проблемы решены. А потом возникают новые. Где люди, там всегда проблемы.

В лагере номер один собрались уже руководители активов и коменданты. Завтра начинается обмен опытом. Сегодня я беседую с каждым по отдельности. У них ведь есть и вопросы личного свойства.

Странное пополнение

Офицеры из Суздаля прибывают под вечер. Они выглядят не очень-то бойко. В монастыре они были среди своих. Теперь они попали в солдатский лагерь. Да еще в такой, который им известен как «зараженный» коммунизмом. Дают понять, что, если их попытаются обратить в коммунистическую веру, они будут сопротивляться. Об этом и речи быть не может! Вот с какой

мыслью они сюда прибыли. Об этом я узнаю немножко попозже от антифашистов, которые есть среди них. Их всего семь. Сразу же после переклички они приходят ко мне. К ним присоединяется Гейнц Т. В моей комнатке очень тесно, но люди чувствуют себя хорошо. Правда, даже сесть могут не все. Одни расположились на длинной скамейке у окна и даже на печи.

Они описывают суровую политическую борьбу, которая ежедневно шла в Суздале. Там столкнулись два мира. Кое-кто оказался между ними, падают, поднимаются снова. В офицерских лагерях споры ожесточенней, чем в солдатских. Причем антифашисты спорят по-деловому, а нацисты угрожают, пытаются их запугать. С ненавистью они смотрят на каждого, кто поддерживает национальный комитет «Свободная Германия».

Наступает время ужина. Но уходить никто не хочет. Разговор продолжается. Я прошу принести активистам еду в мою комнату. В тесноте, да не в обиде. «Как дома, у мамы»,? говорит Генц Ш. Он жадно ест из своего котелка. Длинный, костлявый, он вечно голоден. Рассказчик он толковый.

Один из антифашистов не притрагивается к еде. Ждет.

«Поешьте с нами, товарищ Либерман!»

Это первый, кто обращается ко мне со словом «товарищ». У меня впечатление, что это честно. Фриц Ш. говорит немного, но то, что он говорит, идет от сердца. Это первое впечатление. Оно меня не обмануло.

«Спасибо. Я уже поела. Приятного аппетита».

Я закручиваю махорку.

После ужина настроение еще лучше, еще бодрее. Теперь антифашисты рассказывают «веселенькие» истории из жизни их лагеря. Многое похоже на анекдот. Например, как нацистские офицеры и генералы ежедневно по нескольку часов занимались только тем, что обменивались кулинарными рецептами. Состязались, кому больше в голову придет. Каждый старался превзойти другого в выдумке. По воскресеньям после богослужения это их хобби достигает кульминации. Они пекут «пирожные». Печенье, какао и сахар собирают для этого всю неделю. Им живется неплохо, этим господам. И в плену неплохо. Ничего не поделаешь! Советский Союз придерживается Женевской конвенции.

Как-то в воскресенье к генерал-фельдмаршалу Паулюсу пришла делегация этой публики. У него был день рождения. Но, больной гриппом, он лежал в кровати. И вот с самодельным «тортом» эти господа стояли на пороге его комнаты и произносили здравицы в честь фельдмаршала и, конечно, в честь фюрера. Они были убеждены в том, что Паулюс будет растроган

до слез. «Не старайтесь, господа,? сказал генерал-фельдмаршал.? У фашистов я ничего не возьму. Покиньте, пожалуйста, мою комнату». Поздно понял Паулюс, что с чем едят, очень поздно. Но все-таки понял.

Солдаты, пережившие Сталинград, тем не менее не могли простить ему происшедшего. И по праву. Если бы он до последней минуты не следовал приказаниям Гитлера, остались бы жить миллионы людей и на той и на другой стороне. Только подумать: полтора миллиона человек бросило нацистское руководство в бой в самом Сталинграде и вокруг него, считая с румынами, венграми и итальянцами. Какую-то часть удалось вывезти на самолетах. Девяноста одна тысяча еще была жива, когда Красная Армия вынудила Паулюса капитулировать. Если только этих людей еще можно было назвать живыми. Они попали в плен больные тифом, истощенные, израненные, запутавшиеся, отчаявшиеся. Тот, кто их видел, знает, что они напоминали призраков. В советском плену они пришли в себя. В результате самоотверженной заботы советских врачей, сестер, санитарок. Немало советских людей заразились при этом сыпняком, а некоторые и погибли. Забыть об этом могут только очень зловредные, очень опасные люди.

Выпускники антифашистских школ хотели в тот же вечер узнать, какие они получат задания, куда их пошлют, где они будут работать. Я могла их понять, но не удовлетворить их любознательность. Я сказала им открыто, что сначала хочу получше познакомиться с ними. И что было бы хорошо, если бы они какое-то время поработали вне лагеря, на стройках. Мне хотелось увидеть, как они относятся к тяжелому физическому труду. Да, личный пример в нашем лагере на первом месте.

В тот вечер мы составили расписание бесед о целях и задачах национального комитета «Свободная Германия». Эти беседы должны были проводиться с небольшими группами в помещении актива, чтобы люди не стеснялись ставить вопросы и высказываться. Это очень важно. Об этом я вновь и вновь говорила активистам.

Мы не печем коммунистов

Настроение «суздальцев» не давало мне покоя. Уже рано утром я была в лагере. Начинался мягкий сентябрьский день. На дворе толпился народ. Люди приходили, уходили, стояли группками, спорили, расходились, снова сходились. Что такое? Что тут назревает? О нет, на этот раз мы окажемся побыстрее, мелькнула у меня мысль. Весь день не спускаю с них глаз.

После ужина я попросила «суздальцев» остаться в зале. Воздух был словно заряжен электричеством. Да и я сама тоже. И вот я выпалила: «Давайте без болтовни. Тогда мы лучше поймем

друг друга. Мы никого не хотим здесь перевоспитывать за одну ночь. Сегодня фашист, завтра коммунист? Нет, господа! У нас тут не пекарня. И булочек здесь не печем. Чтобы стать коммунистом, надо пройти длинный путь.

Хотите? знакомьтесь с нашими идеями, не хотите? не надо. Это ваше дело. Нам лицемеры не нужны. Вы можете придерживаться любых взглядов и высказывать их, но только не фашистских, ибо фашизм преступен. Человечество не должно погибнуть. И еще: вы так много говорите о терпимости. А терпимы ли вы сами по отношению к антифашистам? Как обстоит у вас с этим дело, господа?

Кстати, хотите слоняться без дела и печь «пирожные», пожалуйста. Кто хочет работать, тот может обратиться к учетчику. У кого есть вопросы, проблемы, может прийти ко мне или обратиться к антифашистскому активу. Так! А теперь о положении на фронтах. Чтобы вы не питали иллюзий. И подробно описала им обстановку на фронтах. Кое-что им пришлось проглотить. Ход войны давно изменился на всех направлениях.

Большинство офицеров пошло работать. Просто из чувства самосохранения. По принципу: движение поддерживает здоровье. Если бы я захотела описать, какие изменения происходили в их сознании, мне пришлось бы расширить эту книгу до толстенного тома. Так много здесь было оттенков. Здесь были и честные люди, и разумные, обладавшие чувством ответственности. Они усвоили антифашистские взгляды, нашли путь друг к другу и к нам. К концу таких было немало.

После того как я огорошила пленных горькой правдой, которая, казалось, немного помогла, я захотела предложить им нечто новое: вечер классических произведений. Гете, Шиллер, Гейне, стихи и баллады. Может быть, на такой вечер придут и те, кто избегает политических собраний. Пока еще избегает. Ведь бывало и так, что кое-кто из совращенных находил путь к истине с помощью великих немецких гуманистов. Посмотрим, что получится.

Маленькое объявление, написанное печатными буквами и укрепленное кнопками на доске в столовой, оповещало о вечере чтения, о программе и о выступающем. Никакой другой рекламы я решила не делать, чтобы проверить, есть ли у людей интерес к этому.

Наступает вечер. Зал переполнен. Всем находится место. Когда я прохожу по залу на сцену и вижу устремленные на меня вопрошающие и удивленные глаза, меня внезапно охватывает смущение. Мне вовсе не важно, ждет ли меня успех как актрису. Меня беспокоит вопрос: какое воздействие окажет этот вечер на

собравшихся? Ведь большинство из них непривычно к такой духовной пище. Или отвыкло от нее.

Вот я на сцене. Забываю обо всем остальном. Читаю стихи. Между отдельными авторами устраиваю маленькие паузы. Аплодисментов нет. Нет их и в конце. Любопытно, почему? Может быть, потому, что мои слушатели находятся под сильным впечатлением от прочитанного? Или, может быть, потому, что прочитанное не произвело на них ни малейшего впечатления? Не знаю.

Зал пустеет медленно. Я жду. Ко мне никто не подходит. На дворе собираются группки, спорят. Я проскальзываю мимо них. Иду в свою комнату, усаживаюсь, размышляю. Через несколько минут приходит Гейнц Т. Садится напротив. Ему не нужно многих слов. Его глаза сияют.

«Извините меня, пожалуйста. Я хотел сразу зайти к вам, но меня задержали. Меня окружили камрады. Чего только они не хотели о вас знать!»

«Это неважно. Как им понравился вечер?»

«Произвел большое впечатление. Они ждали здесь чего угодно, но только не вечер классиков. Да еще прочитанных комиссаршей, которую так боятся».

В дверь тихо стучат. Хромая, входит Вальтер М.

«Я сразу хотел к вам, но меня задержали суздальцы».

Я рассмеялась.

«Почему вы смеетесь, госпожа Либерман?»? спрашивает Вальтер почти обиженным тоном.

«Да потому, что вы оба произнесли одни и те же слова, когда вошли в комнату».

«Я хотел, собственно говоря, только поблагодарить вас. Цветов у меня, к сожалению, нет. Это был очень хороший вечер».

«Не могли бы вы мне объяснить, почему слушатели не аплодировали?»

«Они были слишком удивлены и растроганы,? высказывает свое мнение Вальтер. ? Многие еще долго стояли на дворе, расспрашивали меня: кто вы, что вы, актриса ли вы?»

«И что вы им ответили?»

«Пусть сами пойдут к вам и спросят».

«Боже избавь»,? иронизирует Гейнц.

«Твои два врача тоже были там».

«Я видел их. Они думали, что на этот раз все обойдется без политики».

«Да, на этом вечере были и те, кто ничего не хочет знать о политике. Например, этот фанатик из гитлерюгенд Роберт М. Он спросил меня: „Когда госпожа Либерман выступит со своим

следующим докладом?“

«На следующей неделе»,? сказал я.

«О чем будет доклад?»? «Что такое коммунизм?»? «Хм-м,? проворчал он.? И тем не менее я пойду».

«Кстати, госпожа Либерман, вы пропустили две последних строчки из „Погибшего ребенка“? Почему?»? спросил меня Гейнц.

«От волнения, конечно. Я забыла перевернуть страницу. В конце нашего вечера меня сбила с толку абсолютная тишина». Говорить об этом мне неприятно. Но Гейнц смеется с таким пониманием, что я тоже смеюсь.

«Когда устроим следующий вечер?»? спрашивает он.

«Думаю, скоро. Вот тогда почитаем наших современников».

«Да оставь ты госпожу Либерман в покое! Неужели не видишь, как она устала? А ведь ей еще домой далеко идти».

Вальтер тянет Гейнца за рукав, а то бы тот еще остался сидеть.

«Доброй ночи, ребята!»

На следующий вечер заседание актива. Когда мы здороваемся, каждый говорит мне: «Спасибо за вчерашний вечер». Или что-нибудь в этом духе. Только один молчит. Руди К. Неужели он так далек от искусства?? размышляю я. Да, это так. Вот еще одна причина, по которой у нас нет личного контакта. Наши отношения натянуты и очень прохладны. Его обижает то, что им командует женщина. Мне доставляет мало удовольствия дважды в день с ним встречаться. По-русски он мало понимает. Мне приходится ему ежедневно диктовать последние новости. Однажды он опаздывает. Я встречаю его не очень приветливо. В конце концов, я всегда прихожу во время. Он говорит, что его задержали новички и, между прочим, спрашивали его, не жена ли я ему. По-видимому, он хочет меня позлить. «Ну и идиот! Да, я имею в виду вас»,? вырывается у меня. Обычно я стараюсь быть с ним терпеливой. На этот раз не удержалась. Да, я строга с активистами. Но вместе с тем? я имею право это сказать? обращаюсь с ними по-человечески. Я многого требую, но многое для них и делаю.

Еврейская рота в лагере

От продолжения этой неприятной сцены меня избавляет вызов к воротам. У ворот стоят сорок три пленных, отказывающихся идти в лагерь. Это румынские евреи. Но они в форме фашистского вермахта. Я обращаюсь к ним на идиш. Этого мне не следовало делать, ибо теперь многие плачут. Какой-то горбатый старик громко всхлипывает. Но они идут за мной. Я веду их в комнату актива румын.

Румынский руководитель актива говорит с ними по-

румынски. Здесь много румын, говорит он. Румыны успокаиваются. По крайней мере им не придется снова иметь дело с немцами. Руководитель актива предлагает им сесть. Я иду на кухню и говорю, чтобы им принесли суп, хлеб и чай. Прошу, чтобы порции были побольше. Люди целый день ничего не ели. Еду сразу же приносят, но съедают ее еще быстрее.

Мужчины обступили руководителя актива, все сразу ему что-то говорят. Когда я вхожу в комнату, они окружают меня. Они кричат наперебой: «Ради бога! Мы ведь не нацисты!», «Мы не солдаты!»,? «И мы не капиталисты! Мы простые евреи, которые случайно остались в живых. Понимаете?»

«Как я могу вас понять, если вы все говорите сразу. Сядьте, пожалуйста, успокойтесь, и пусть кто-то один расскажет».

«Мендель, говори ты»,? решает тот, что постарше, горбатый.

Мендель, приземистый, рыжий мужчина лет сорока, начинает:

«Горе мне, как часто мне еще это надо рассказывать! Ну, так вот: мы все прятались в различных деревнях. Где была какая нора, мы в нее заползали. Неделями не видели неба. Думали, что мы спасены. Но пришли эти бандиты, нашли нас, согнали, как сгоняют коров, погрузили на грузовики и увезли. Что еще сказать вам? Мы видели себя уже в Освенциме. Что там было, этого вы себе представить не можете!»

«Э, ты слишком болтлив,? прерывает его горбатый.? Эта женщина хочет лишь знать, почему мы в фашистской форме. Ну, говори дальше».

«Почему? Это я тоже б хотел знать. Нас заставили ее надеть, и баста. Пойми-ка немцев, как будто бы они нас не могли укокошить в наших лохмотьях. Они заставили нас разминировать дороги, по которым они бежали. Возьми их нелегкая! Больше двухсот из наших людей погибли на этом деле. Это было в России. Харьков называют этот город. На наше счастье, Красная Армия опередила их. Фашистов взяли в плен, ну и нас заодно. Ох, горькая наша доля! Ох, какая горькая! Ну слава богу, мы остались в живых».

«Что теперь с нами будет?»? хотел узнать горбатый.

Что я могла ему ответить? Чертовски трудная ситуация, с одной стороны, а с другой стороны… Я пытаюсь подсластить им пилюлю. Рассказываю об одном румынском еврее, который находится здесь, в лагере. Он добровольно пошел в фашистский вермахт, подделав бумаги. Делал все, что делали и фашисты. И кто знает, что он делал. А здесь он все время ссылается на то, что еврей, жертва, хочет получить поблажки. Что я должна с ним делать, по вашему мнению?

«Размозжить ему череп»,? говорит Мендель.

«Ведь это настоящий бандит!»

«Ну, его череп я оставила в покое. Но его я послала на самую тяжелую работу»

«Хорошо, очень хорошо. Но мы? Мы ведь честные люди, настоящие жертвы».

«Может, и так, но кто теперь это может проверить? Это вы должны понять. Здесь ваша жизнь в безопасности. Война ведь не будет продолжаться вечно. Вы сами видели, как Красная Армия гонит фашистов».

«Но все-таки нам должны предоставить условия получше?»

«И это невозможно. Да и это было бы не в ваших интересах. Только усложнило бы вам жизнь, способствуя антисемитизму. Работать, даже тяжело, полезнее для здоровья, чем шататься без дела. И жить в мире с другими тоже очень важно».

«И нами снова будут командовать немцы?»? разволновался Мендель.

«Ни в коем случае. Вы сами выберете командира роты. Я еще скажу, куда вас пошлют работать».

Среди них было большинство ремесленников. Горбуна поставили банщиком. Сапожник и портной получили направление в мастерские. Все другие были посланы в бригаду каменщиков. Там очень нужны были рабочие руки. И кто знает, думала я, может, им пригодится еще эта профессия. А Зепп Ш. будет хорошо обращаться с ними. В этом я была уверена.

Поначалу они разбегались, так же как все остальные. Командиром роты у них стал Мендель. Он носился по территории, собирал своих людей. Натыкался на кого-нибудь, начинал ругаться:

«Да вселится злой дух в отца твоего отца! Да поглотит тебя земля! Разве ты человек? Нет, ты не человек. Ты скотина!»

Но прошло два-три месяца, и они привыкли к тяжелой работе и к жизни в лагере, насколько к ней можно привыкнуть. С румынами они жили в дружбе. С немцами дела иметь не хотели. Трудности возникали только тогда, когда подходили еврейские праздники. Почти все они были религиозны. В эти дни они просили освобождения от работы. Но ведь если разрешить это одним, то придется разрешить и другим. А поскольку в лагере было много различных национальностей и вероисповеданий, то исключения делать было нельзя. Я решила пока что обойти этот вопрос. Время лучший лекарь.

Богослужение

Когда в лагере появились «суздальцы», пришлось позаботиться и о воскресных богослужениях. Они привели с собой

пастора, протестанта. Я попросила его к себе. Передо мной стоял щупленький, съежившийся человечек. Он отказался присесть. Я сказала ему:

«Если хотите служить службу, можете воспользоваться столовой». А он ответил мне: «На коммунистов работать не буду».

«Вы часом не спятили? Нам ведь богослужение не нужно. Оно нужно вашим соотечественникам. Эх вы! Проповедуете любовь, а сами источаете ненависть. Такие ненавистники? плохие пастыри душ. Идите!»

Я направилась к Петрову в лагерь номер один. Может быть, тот что посоветует. Может, в этом большом лагере я найду духовное лицо. Выхожу из ворот и вижу: стоит пленный и просит часового разрешить ему пройти. Тот звонит майору. Я беру у него трубку. Этому пленному разрешают пройти в лагерь, если я провожу его. Он говорит на ломаном немецком языке. Узнаю, что он итальянец. Хочет рассказать свою историю, но мы уже пришли.

«Товарищ майор, вот тут один добровольно просится в лагерь».

«Наверное, сошел с ума»,? ухмыляется майор.

«Сошел, сошел,? отвечает итальянец по-русски.? Я как раз из сумасшедшего дома убежал, здесь, во Владимире. Меня хотели выписывать и отправить назад в Суздаль. Но я не хочу в Суздаль. Там я снова сойду с ума. Я хочу здесь остаться и работать. Ведь здесь есть и итальянцы, не правда ли? Я могу с ними работать. Я антифашист».

Майор разрешает принять его в лагерь. Я иду к Петрову. По дороге я размышляю. Этот человек словно послан мне богом! Производит хорошее впечатление. До сих пор мучилась, не знала, как быть с шестьюдесятью итальянцами. А он может стать мне опорой. Позднее я попробовала учиться у этого антифашиста итальянскому языку. Но вскоре бросила. Времени нет! Времени нет! Никогда не было у меня времени для себя.

Петрова я не видела почти целую неделю. Мы сердечно поздоровались. Я рассказала ему о своих трудностях с религией.

«О, тут я опередил вас. У нас в последнее воскресенье была служба. Теперь будем проводить ее регулярно. До обеда молимся, после обеда занимаемся спортом. Так, чтобы каждому угодить».

«Признаю, Саша, что здесь я отстала. Не можешь ли ты мне помочь?» Неожиданно я перешла с ним на ты. Очень уж славный парень.

«Ну что ж, одного попа я тебе дам! У нас здесь двое. Но придется их самих спросить. Сейчас позовем сюда».

В комнату входят двое. Остаются у двери, вежливо здороваются. Петров приглашает их сесть. Тот, что постарше,

баварец с лысиной и круглым добродушным лицом, католический священник. Тот, что помоложе, высокий, бледный, протестантский пастор. Мы беседуем. «Оба настроены к нам лояльно,? замечает Петров.? Они сожалеют, но вынуждены отклонить мое приглашение. Они не могут оставить здесь свою паству. Но согласны время от времени, особенно в праздничные дни, посещать наш лагерь. У них есть все для богослужения, включая красное вино и облатки для причастия».

Я с удивлением спрашиваю: «Откуда это у вас?»

Оба смотрят на лейтенанта.

«Скажите, не бойтесь»,? подбадривает их Петров.

«Господин лейтенант был так любезен и показал нам здешние великолепные церкви. Мы познакомились с попом. Он нам помогает. Если нам что нужно, мы можем пойти к нему. Даже без конвоя».

Мы договариваемся, что через воскресенье устроим у нас службу. Что касается следующего воскресенья, то тут у меня свои планы.

Сто пятьдесят человек идут купаться

На следующее воскресенье в восемь утра сто пятьдесят человек с песнями маршируют из лагеря. Их сопровождает только одна женщина. Больше никто. Это лучшие рабочие главного лагеря. В их числе антифашистский актив. И некоторые «суздальцы». Из выпускников антифашистской школы я взяла с собой только троих. Все эти люди заслужили трудом своим хоть раз насладиться природой и искупаться в реке. До реки идти через весь город. Больше часа, даже быстрым маршем.

В центре города рынок. Мы делаем крюк и идем туда. Пленные хотят кое-что купить. Я даю им тридцать минут времени. Большинство набрасывается на фрукты, которых они уже давно не ели. Некоторые покупают сало, лук, творог, крутые яйца. Хлеб у них есть с собой. Махорка тоже. Конечно, проходит гораздо больше, чем полчаса, пока я не собираю всех снова. Ведь им хочется сначала на все поглядеть. Я могу это понять. Я тоже сначала прицениваюсь, когда прихожу на рынок.

Я наблюдаю, как ведут себя военнопленные, как относятся к населению. И могу сказать? очень хорошо. Если бы кто-нибудь вел себя иначе, ему пришлось бы вернуться. Я бы отправила его в лагерь помер пять, который находится в городе. Здесь ему пришлось бы сидеть и потеть, вместо того чтобы искупаться в Клязьме. Тут бы у него было время подумать о своем поведении, пока мы не захватили бы его вечером домой.

Стоит прекрасное бабье лето. Вода еще теплая. Но там, где мы собирались купаться, не растет ни деревца, ни кустика. Мужчинам негде раздеться или переодеться. Мне приходится отойти подальше. С собой я беру трех выпускников антифашистской школы: Фрица Ш., Вилли Ш. и Гейнца Ш. Мне хочется познакомиться с их жизнью, узнать подробно об их службе в вермахте, какой путь прошли они в плену. И тут же подумать, как их использовать. Долгих раздумий позволить себе не могу. Их помощь мне очень нужна. Антифашистская школа их многому научила. Она оказала влияние и на их характер. Очень помогли в этом откровенные беседы, критика и самокритика. И в наших лагерях мы этого придерживаемся. Пока что я занимаюсь с ними каждый день. Теперь они должны работать самостоятельно, воспитывать других. Получится ли у них? Думаю, да.

Впрочем, один из этих парней сразу же оказался ни на что не годным. Очень неустойчивый в политическом отношении, он уклонялся от тяжелой физической работы. А был еще сравнительно молодым и полным сил. Единственно, что он охотно делал,? мыл полы в столовой. Ведь за это ему давали добавку. Иными словами, кашист. Активисты стыдились его поведения и исключили его из актива. Чтобы перевоспитывать людей, знаний мало, надо еще самому быть человеком. Иначе ничего не выйдет. С этой точки зрения я и приглядывалась к этим трем выпускникам антифашистской школы, сидевшим рядом со мной.

Почему у них нет к нам ненависти?

Все трое воевали в Сталинграде, бывшие офицеры, прошли почти одинаковый путь.

Фриц Ш. впервые задумался, когда оказался в «котле» и были съедены последние лошади. Вокруг сотни тысяч убитых, раненых, тифозных, умирающих. Те, кто выжил, истощены, обессилены.

«Русские? те, на другой стороне защищающие дом Павлова,? дерутся как одержимые. Если они проявляют такой героизм, должны же они знать, за что воюют, мелькнула у меня тогда мысль. Последнее, что я пережил в „котле“, была болтовня Геринга о том, что надо во что бы то ни стало держаться. И возмущение в блиндажах: „Ложь!“, „Подлость!“, „Предательство!“.

С этими мыслями и пошел Фриц Ш. в плен. «Первая встреча с немецким коммунистом Карлом Раабом в лагере Елабуга для меня незабываема».

Он описывает, как этот коммунист старался найти пути к сердцу каждого, кто сохранил в себе хотя бы искру человечности.

Фриц Ш. добровольно пошел работать в бригаду на лесоповал. Как офицер, он мог бы и отказаться от работы. И в этом отношении Советский Союз строго соблюдал Женевскую конвенцию.

«Перелом должен начаться с работы, сказал я себе. На лесоповале я встретился с советскими людьми. С нами, военнопленными, они обращались, как и с другими членами бригады. Почему у них нет к нам ненависти?? спрашивал я себя ежедневно снова и снова. Кровь ударяла мне в голову, когда я видел враждебность и высокомерие офицеров, еще веривших в Гитлера».

Фриц Ш. открыто выступил против своих бывших товарищей. Писал статьи в стенную газету. Писал стихи. Но стихи только для себя.

«О чем думал „мертвый“? значилось на обложке тетрадки, которую он мне передал. Его рассказ прерывает Гейнц Ш. Ему не терпится. „Меня вот что потрясло: я очнулся в советском лазарете. Меня привезли туда полумертвым, с сыпняком прямо со Сталинградского фронта. Когда я очнулся, вижу: у моей постели стоит советская сестра, щупает мой пульс, спрашивает, как я себя чувствую. Она ухаживала за мной, не щадя себя, до тех пор, пока не заразилась сама и ее не увезли в больницу“.

«В моем корпусе умерло от тифа семь сестер и санитарок: И…»

Фриц Ш. хочет еще что-то добавить, но Вилли Ш. прерывает его: «Дай мне сказать. Меня буквально перевернуло, когда я увидел, как заболевшая начальница госпиталя, еврейка, дети и родители которой были убиты нацистами в Витебске, через три недели снова вышла на работу. Она пришла в платке: от тифа у нее выпали все волосы».

«А заболел почти весь персонал. Тогда на самолете в срочном порядке доставили сорок студентов, которые, рискуя жизнью, продолжали уход за больными. Нас поставили на ноги дополнительным питанием, давали нам много сала. Иначе мне был бы конец»,? Гейнц Ш. замолкает, прикрыв глаза. Он вот-вот расплачется. Слишком свежо еще все это у него в памяти.

Фриц Ш. прерывает напряженную тишину: «И тем не менее среди офицеров еще так много ничему не научившихся. В нашем лагере они собирались тайком, при свечах, чтобы выносить

приговоры отступникам. Эта сволочь! Каждый антифашист приговаривался ими к смерти. Наши имена заносили в списки, которые они хотели переслать в Германию. Даже наши семьи должны были за нас расплачиваться. Борьба с ними была нелегким делом».

«А помните, как все волновались, когда к нам в лагерь приезжали видные коммунисты Герман Матери и Фридрих Вольф? Беседы с ними забыть невозможно. День и ночь это бродило у нас в голове».

«Вилли, я думаю, что так начиналась новая жизнь и у многих других. Ну ладно, давайте кончать и в воду! Госпожа Либерман тоже, наверно, не прочь искупаться?»

Еще бы, конечно, не прочь. Я прошла подальше. А когда вернулась, мы продолжили нашу беседу, но уже спокойнее. Почти лирично. Нас всех освежило купание в Клязьме. Я узнала, что они принадлежали к тем первым сорока офицерам, которых послали в Красногорск в антифашистскую школу. Их отобрал Герман Матерн. Он же сопровождал их в школу. Во время длительного путешествия по железной дороге они провели с ним незабываемые дни. «В школе я уже считал себя коммунистом. Но мой учитель товарищ Хернле полагал, что я тороплюсь». Фриц Ш. рассказывал это, посмеиваясь над собой.

После антифашистской школы всех троих отправили работать в офицерский лагерь в Суздале. Для них снова началась война с фашистами. Три месяца провели они в рабочем лагере, среди людей, которые трудятся, а не пекут «пирожных», среди людей, пытающихся возместить причиненный ущерб. Антифашисты замолкают, вытягиваются и смотрят в небо. Внезапно Фриц Ш. говорит: «Я удивляюсь. Здесь совсем другая атмосфера. И в политическом отношении, и в человеческом. Люди кажутся мне какими-то более зрелыми. Наверно, нацистов здесь не так много, и они не такие оголтелые?»

«Возможно, Фриц. Но дело в другом. Здесь преимущественно рабочие. Хотя их классовое сознание и сильно притупилось, но все же они не столь во власти нацистской системы, как офицеры. А впрочем, нацистов и у нас в лагере предостаточно. И споров бывает немало. Ну, вы вскоре сами убедитесь в этом».

Я люблю русских

На обратном пути мы идем попарно. Со мной рядом Фриц Ш.

«Вы говорите немножко по-русски, Фриц?»

«Научился в Суздале, по книгам. Целые ночи просиживал».

Он читает стихи Пушкина и Лермонтова по-русски.

«Я люблю русских. Кто ненавидит Советский Союз, у того совесть нечиста».

Его лицо сияет, когда он говорит о советских людях. Он производит на меня впечатление антифашиста, у которого слово не расходится с делом. Он кажется мне надежным, скромным, в человеческом отношении чистым, может быть, слишком эмоциональным, но это лучше, чем бедность чувств, подвожу я в мыслях итог своим впечатлениям и спрашиваю у него:

«Фриц, пошли бы вы работать в трудный лагерь? Такой, в котором фашисты недавно попытались восстановить свое влияние?»

«Ну, такое мне не в новинку».

«Представьте себе, они подсыпали пленным соль в еду, чтобы вызвать у них недовольство, устраивали аварии водопровода, чтобы срывать собрания. Там мне нужен человек, на которого можно положиться. Но только, Фриц, не действуйте в одиночку. Кажется, у вас есть такая склонность?»

«Да, это верно».

«Вы справитесь с делом, только если вы сколотите хороший коллектив».

«А где этот лагерь?»

«Несколько подальше от Владимира. На торфяниках. Называется Мезиновка».

«Честно признаться, я немного робею перед самостоятельной работой. Но само собой разумеется, возьмусь за нее.

«Будете ли вы к нам наведываться?»

«Конечно, буду».

Скажу сразу: Фриц Ш. достиг в Мезиновке многого. Когда я приехала к нему через некоторое время, то увидела, что он сумел сплотить вокруг себя актив. Тон в лагере задавали антифашисты, а тех, других, становилось все меньше. Да и наглости у них поубавилось.

Фриц работал с подлинным энтузиазмом. И этому он научился у коммунистов. Его особенно отличало сердечное отношение к советским людям. Доклады о Советском Союзе были его любимым делом. После моего ухода он стал инструктором в других лагерях, а лейтенант Петров стал старшим инструктором. И если Фриц Ш. после своего возвращения целых семь лет представлял нашу Германскую Демократическую Республику в Ленинграде в качестве генерального консула, то это было закономерной вехой на его пути. Советский Союз наградил его орденом Дружбы народов. Заслуженная награда. Но за годы работы? за тот сердечный жар, с которым он вел, работу.

С Фрицем у меня сердечная дружба. Он часто навещает меня. Однажды, это было, кажется, в Женский день в 1975 году, он извлек из своего кармана уже пожелтевшую книжечку.

«Тебе это знакомо?»? спросил он, подавая ее мне.

«Конституция СССР»,? прочла я на красной обложке и спросила:? Что мне с ней делать?»

«Ничего. Ты мне подарила ее на прощание, когда от нас уезжала».

Я перевернула обложку и увидела посвящение, написанное моей рукой,? цитату из «Как закалялась сталь» Николая Островского. Это известное место: «Самое дорогое у человека? это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире? борьбе за освобождение человечества».

Цитата хорошая. Но меня злит, что я не написала ничего своего, ничего личного. Я говорю это Фрицу.

«Ну, переверни-ка еще страничку».

«Ага, здесь. „Вы, Фриц, встали на этот путь. Я знаю, что вы пойдете по нему уверенно до конца. М. Л. Владимир, 15. VII. 47“.

Признаюсь, мое сердце билось быстрее, когда я держала эту книжку в моих руках и видела перед собой бывшего своего воспитанника Фрица Ш.

В следующий раз он снова принес русскую книгу. «История дипломатии». С улыбкой он протянул ее мне. Открываю первую страницу и читаю: «В знак признательности за вашу хорошую разъяснительную работу среди военнопленных в качестве руководителя актива лагеря 190/3. 21. III. 47. М. Л.»

«Ах, теперь я знаю, почему ты стал дипломатом. Видишь, я это предвидела».

Вилли Ш. я послала как руководителя актива в лагерь номер один во Владимир. Лучше него никто бы не мог справиться с работой в этом большом лагере. Энергичный, целеустремленный, уверенный в себе, он мог хорошо выступать на больших собраниях. Даже без подготовки. Он был хорошим организатором. Может быть, даже слишком хорошим. Он уж слишком все и всех «организовывал». Но поправлялся, когда я на это указывала. Скрытые нацисты не могли его обмануть. Он давал им отпор как надо. Лейтенант Петров и он хорошо работали в паре. Правда, вначале они упустили из виду вопросы культуры, но зато обогнали все наши лагеря по спорту. У них были команды по футболу, волейболу, легкой атлетике. Они устраивали соревнования. Появились и болельщики. Даже из нашего управления, с предприятий. У меня спорт был немного в загоне. Спортсмены главного лагеря ходили в лагерь номер один.

После моего ухода Петров стал старшим инструктором и

переселился в главный лагерь, Вилли Ш. он взял с собой. Оп назначил его там руководителем актива. Через некоторое время во всех лагерях проводились выборы. Выбирался актив вместе с руководителем. Были подготовлены списки кандидатов, образованы избирательные комиссии, устроены избирательные кабинки. Голоса подсчитывали в присутствии наблюдателей. Все как полагается. Это было в 1948 году.

Вилли Ш. получил большинство голосов. «Я очень сомневался в своем успехе,? признался он мне недавно.? Ведь я же был офицером. Но еще больше волновался за меня лейтенант Петров. Он переживал, как за самого себя».

После возвращения из плена Вилли Ш. работал заведующим отделом в министерстве народного образования. Позднее в министерстве культуры.

Гейнца Ш. я оставила у себя в лагере. Сыпняк основательно подорвал его здоровье. Работы руководителя актива в одном из наших лагерей, которая требовала много нервов, он бы не выдержал. С его знаниями, с его спокойствием и уравновешенностью, он стал моим надежным помощником в главном лагере, где обстановка после прибытия суздальцев стала очень сложной. После возвращения на родину он работал в авиации и писал книги.

Несколько лет тому назад на Унтер-ден-Линден меня остановил человек среднего возраста: «Товарищ Либерман! Как хорошо, что я вас снова вижу!»

Это был Иоахим К.? первый руководитель актива в лагере номер один, надежный, верный антифашист. С утра до ночи он был на ногах и рвался на части, чтобы научить пленных уму-разуму. Какое это было вначале трудное дело! Антифашистов называли предателями, лакеями русских. Иоахим К. обладал терпением и спокойствием. Пытался убедить человека, не ругал его. Радовался, когда лагерь принял выпускник антифашистской школы Вилли Ш., а его направили на курсы в антифашистскую школу в Талице. Вскоре после нашей встречи на Унтер-ден-Линден Иоахим К. написал мне письмо: «Время плена со всей его суровостью было для меня хорошей школой». Он стал коммерческим директором одного крупного берлинского предприятия.

Вечера художественной самодеятельности мы проводили в нашем главном лагере часто, но театральных постановок военнопленные еще не видели. И вот премьера. Помывшись и побрившись, они спешили через двор в столовую, чтобы захватить свободные места. Посмотреть пьесу своего автора хотелось всем. Тем более что эту пьесу Эгон М. написал в лагере.

Название я уже не помню. Пьеса была на антифашистскую тему. Содержание можно изложить в нескольких словах: известный ученый подвергается преследованиям некоторых своих коллег, потому что он еврей. На него пишут доносы. В конце концов его выживают из созданной им лаборатории. Другие ученые предпочитают не вмешиваться. Тем самым возлагают на себя часть вины и ответственности. Герой пьесы оказывает своим гонителям сопротивление. Хотя понимает, что оно лишь ускорит его отправку в Освенцим. Но он жил как борющийся гуманист и таковым хочет умереть.

На зрителей пьеса производит сильное впечатление. Кажется, многие испытывают угрызения совести. Может быть, они сознают, что и сами в чем-то виноваты? Позднее они рассказывают мне о своих наблюдениях. «Да, это было так и еще хуже». Все знали о преследованиях евреев, и все молчали. Только маленькая кучка антифашистов помогала преследуемым.

Однажды в воскресенье утром ко мне пришла делегация от еврейской роты. «Госпожа Либерман! Обычно мы каждый вечер молимся богу, тихо, каждый про себя, плачем. Но приближаются наши большие праздники. Праздник Нового года и Йомкиппур. Мы хотели бы помолиться вместе».

«Вам нужно помещение? Берите комнату румынского актива. Там вам никто не помешает».

«Очень хорошо. Но если уж мы грешим в субботу тем, что работаем, не могли бы мы по крайней мере получить освобождение от работы на два праздничных дня?»

«Этого я решить не могу. Думаю, что нет. Но я еще об этом вам скажу».

«Скажите, пожалуйста, но поститься в день Йомкиппура нам можно? Мы просим, чтобы все питание выдали нам вечером».

«Это, бесспорно, можно».

Так я снова должна была решать сложный вопрос. Я склонна была отказать в этой просьбе. В конце концов, у других такое же право. Столько праздников! Чем это кончится, если каждый возьмет выходной в свой праздник? Я пошла к начальнику. Послушаем, что скажет он.

«Обязательно мы дадим им свободные дни. Это минимум того, что мы можем для них сделать. Позаботьтесь, пожалуйста, чтобы они получили все, что им нужно для богослужения».

Его решение меня все же обрадовало. Подошли праздники. Евреи заперлись в комнате актива и молились весь божий день. Впрочем, это уже не было молитвой. Это были сплошные рыдания. Все, кто проходил мимо, потрясенные останавливались. Кстати, евреи сами достали все, что им нужно было для

богослужения: молитвенные накидки, молитвенники, молитвенные ремни и другие вещи. До сих пор я не знаю откуда.

Я попыталась узнать, как отнеслись другие военнопленные к тому, что еврейской роте на праздники предоставили свободные дни. Мне сказали, что никто не посетовал по этому поводу.

Было ли то чувство вины? Или потребность как-то возместить причиненное зло? Как бы то ни было, военнопленные проявили полное понимание того, что для сорока трех евреев в лагере время от времени делались исключения. Нередко об этом исключении просили даже не сами евреи, а немцы. Или, может быть, те, кто был недоволен, не решались выразить свое недовольство? Они знали, что их осудит большинство пленных. Не стану утверждать, что в то время уже все немцы переменили свое отношение к евреям. Среди военнопленных еще, бесспорно, имелись антисемиты. И тем не менее мой опыт говорил мне, что отрицательное отношение к евреям в народе не имело глубоких корней. Подобно поверхностному слою краски, этот фашистский предрассудок удалось довольно легко соскоблить.

С католическим и евангелическим богослужениями дело удалось кое-как наладить. Они совершались более или менее регулярно. А если богослужение приходилось отменять? в конце концов, и священники, несмотря на хорошие отношения с господом богом и с коммунистами, не застрахованы от заболеваний,? Гейнц Т. пытался меня сагитировать, лукаво улыбаясь:

«Госпожа Либерман, не могли бы вы заменить попа? Зал битком набит, пленные ждут».

«Ах, так! Опять читать стихи Гете вместо молитв? Ну хорошо, только ради вас»,? шутила я. Этот поклонник литературы использовал любую возможность для того, чтобы убедить меня читать стихи. А я особенно не сопротивлялась. Каждое соприкосновение с настоящим произведением искусства оставляло в сознании военнопленных свои следы. Как у каждого человека.

Он не пришел к нам

В один прекрасный день после такого утренника я увидела у моего порога молодого парня. Он, наверное, долго ждал меня. По дороге в мою комнату я несколько раз останавливалась во дворе, чтобы поговорить с военнопленными. В воскресенье для таких бесед время было очень подходящим. Военнопленные успевали отдохнуть после рабочей недели. Тот, кто меня ждал, был одним из «суздальцев», Роберт М. Я знала, что он был в свое время фанатиком в гитлерюгенд. Теперь, после пережитых разочарований, не хотел ничего знать о политике. Увидев меня,

он вынул руки из карманов, стал по стойке «смирно». Даже у этого юноши муштра засела глубоко, думала я.

«Удивительно! Что привело вас ко мне?»? спросила я. Подчеркнуто вежливо, чтобы расположить его к разговору.

«Прометей»,? коротко ответил парень.

«Как вы сказали?»

«Да, Прометей. Он не дает мне покоя».

«И что же? Сделали ли вы какой-нибудь вывод? Я имею в виду не окончательный, но хотя бы какой-нибудь?»

«Госпожа Либерман, пожалуйста, не задавайте мне политических вопросов. Я не могу на них ответить. Да и не хочу. Не хочу даже об этом ничего слышать».

«Успокойтесь, молодой человек! Вы пришли ко мне из-за „Прометея“, так? Значит, у вас появились сомнения, возражения, так или не так?»

«Так,? ответил он.? Тем не менее я ни во что больше не верю. У меня внутри все перегорело. Хватит».

«Я знаю, вы пережили большое разочарование в тех идеалах, в которые верили. Они побудили вас примкнуть к гитлеровской молодежи. Вас это мучит. Ну а дальше что?»

«Дальше для меня существует лишь огонь. Я часами просиживаю у печки, я и топлю ее обычно».

«И что это вам дает?»

«Силу дает. Надежду».

«Роберт, это же самая настоящая чепуха! Подумайте-ка, вы ведь не глупый парень. Что это? Трусость?»

Я нарочно прибегаю к этому резкому слову, чтобы расшевелить его.

На этот раз такой прием не увенчался успехом. Я часто его применяю, в особенности когда имею дело с молодыми пленными. Это своего рода шок. Их мучил страх перед пленом, которым их пугали офицеры. Они рассказывали им чудовищные вещи о плене, для того чтобы они не сдавались. Иной раз шок помогал пленным, которые не верили больше в Гитлера, но чувствовали себя связанными присягой, ложно понятым чувством верности.

Хотя Роберт М. в первый момент и отреагировал, он тут же снова спрятался в свою скорлупу. «Думайте обо мне, что хотите, но трусом я не был. Никогда!»

«А ваша мистика? Не бегство ли это? Бегство от фактов, от ответственности, от вашего долга как порядочного человека, наконец, от самого себя. Не так ли?»

«Не знаю, госпожа Либерман. Я в полном смятении».

«Ну ладно, оставим этот разговор. Приходите в другой раз.

Приходите, когда захотите. Возьмите вот с собой томик Гете. Но только на два-три дня. Прочтите еще раз спокойно „Прометея“, который произвел на вас такое большое впечатление».

Примерно через неделю он снова стоял перед моей дверью. Не постучал, а ждал, пока я выйду.

«Ах, вы снова здесь, Роберт. Заходите».

«Я принес вам обратно книгу».

«Садитесь, у меня есть время. Мы могли бы поговорить. Если вы хотите».

«Нет, спасибо. Я не хочу».

«Почему?»

«Пока еще не готов к этому. Мои мысли далеко».

«А где? Не могли бы вы мне это сказать?»

«Дома. Извините. Я приду в другой раз». Когда он произносил эти слова, он смотрел в окошко мимо меня. Выражение его лица говорило о том, что он думает о чем-то своем.

«Вы себя неважно чувствуете, Роберт?»

«Нет, нет, я здоров. До свидания. Я скоро приду к вам». Медленно, волоча ноги, как старик, он ушел.

Ему больше нужен врач, чем я, подумалось мне. Дома я поговорила с доктором Беликовой.

«Вы могли бы поместить Роберта на какое-то время в госпиталь?»

«Конечно, могу. Не знаю только, поможет ли это ему. Если он, как вы предполагаете, в депрессивном состоянии, лучше ему остаться среди людей. Где он работает?»

«На тракторном заводе, чернорабочим».

«Для того чтобы что-то решить, я должна его посмотреть. Пошлите его ко мне».

Доктор Беликова установила, что у Роберта психическое заболевание. Она хотела показать его специалисту городской больницы. Но потом мы решили оставить его в покое. Толку все равно не было бы, поскольку Роберт отмалчивался. Его товарищи по работе, с которыми я беседовала, сказали мне, что он хорошо работает, вежлив. Но предпочитает одиночество. В последнее время он вообще ни с кем не говорит.

Я попросила Вальтера М. заняться этим молодым человеком. Оба были офицерами, Роберт М. тоже был лейтенантом, хотя ему было всего девятнадцать. Мы подумали, что, может быть, он скорее раскроет свою душу такому же, как он сам.

«Вальтер, позаботьтесь об этом Роберте М. Узнайте у него, что его угнетает. Может быть, вам это удастся. Прежде чем что-то для него сделать, надо знать причины его странного поведения. Я хочу знать, что сбивает его с толку. Разочарование?

Преступление? Его собственное? Или те, что он наблюдал?

В конце концов, у нас здесь не психиатрическая больница. И я не врач. Я готова ему помочь. Но для этого я должна знать, в чем дело».

«Попытаюсь».

Через несколько дней Вальтер мне рассказал: «Роберт М. попросил оставить его сейчас в покое. Он сначала должен сам во всем разобраться. Потом, может быть, придет к нам, а может быть, нет. Он сказал, что свое разочарование в жизни он преодолел, почти преодолел. Но не может верить в то, что его отец, которого он считал добрейшим человеком на свете, мог быть участником преступлений СС. С другой стороны, он был эсэсовским офицером высокого чина. Он знает, что СС совершают преступления против человечности. Удалось ли его отцу избежать участия в этих преступлениях? Вряд ли. Но вывод он сделает лишь после того, как поговорит с отцом. В мыслях он уже сейчас все время спорит с отцом, ежедневно, ежечасно. Но до тех пор, пока он не поставит здесь точку, он не может считать себя антифашистом. Хотя он проклинает Гитлера и весь третий рейх».

Роберт не пришел к нам. Да мы на этом и не настаивали.

Спасибо, спасибо за все

Лучшим рабочим предоставляется неделя отдыха. Чтобы они могли отдохнуть и выспаться, подполковник приказал выстроить на лагерном дворе барак на 60 человек. Барак, светлый, просторный, разделен на две части. В одной разместили дистрофиков. В день новоселья пришел начальник лагеря. Он обратился к обитателям барака. Одним он пожелал хорошего отдыха. Других уговаривал взяться за ум. Эти дистрофики причиняют нам много хлопот. Доктор Беликова уделяет им большое внимание как человек и как врач. Но все вместе мы едва добиваемся успеха. Эти люди как наркоманы.

Теперь я могла бы, пожалуй, послать из лагерей Владимирской области двадцать или даже тридцать активистов в антифашистскую школу. Но как быть, когда заявка на сто человек?

Ах ты, боже мой! Откуда их взять. Волнение большое. Но еще больше радость. Я объезжаю лагеря, повсюду советуюсь с активом, повсюду идет тщательный отбор. Из главного лагеря посылаем в школу почти весь актив: Гейнца Т., Зеппа Ш., Руди К., Эгона М. и многих других.

Незадолго до отъезда все активисты? и те, кто едет, и те, кто остается,? были приглашены начальником на ужин. Мы сидим в небольшом помещении бывшей советской офицерской столовой за столами, покрытыми белыми скатертями. В меню шашлык,

московский салат, вино, водка. Начальник не пьет ни того ни другого. Но он поднимает бокал и обращается к активистам с прочувствованными словами. Он явно взволнован. Его радует, что эти люди встали на путь гуманизма и хотят действовать в этом духе.

Гейнц Т. благодарит советского офицера и коммуниста за все хорошее, что он делает для военнопленных. Гейпц говорит тихо, медленно. Хотя он никогда не лезет за словом в карман, волнение мешает ему говорить. Потом он обращается к немецкой коммунистке, сидящей с ним рядом, благодарит ее, говорит о том, что она для них учитель и мать вместе.

Я не отвечаю ни слова. Но весь вечер у меня в душе чувство радости. Я рада, что у меня такой начальник, я рада, что у меня такие ученики.

Сто мужчин и одна женщина

После поездки по лагерям я набираю сто человек. Это лучшие. По крайней мере мне так кажется. Хотя ошибку нельзя исключить. До сих пор антифашистские школы были довольны теми, кого я посылала.

На второй день мы собрали всех в нашем главном лагере. Те, кто прибыл из других лагерей, добрались по железной дороге. Одни, без конвоя. Это привело их в восторг.

Вечером накануне отъезда я приглашаю их в комнату актива на прощальный вечер. Приглашаю и остающихся активистов. Тесно. Многим приходится стоять. Я могу им предложить только слова. Слова благодарности, слова доверия. Из ста присутствующих выступает по крайней мере треть. Каждый? только несколько слов. Одни говорят о том, как они, нацистские солдаты, стали антифашистами. Другие? о том, что отдадут все свои силы преображению Германии и крепкой дружбе с советским народом. Так продолжается до рассвета, когда нам надо отправляться в путь. В комнате такая боевая и вместе с тем такая человечная атмосфера, что учащенно бьется не только мое сердце, но и сердца всех этих мужчин.

В семь часов утра мы отправляемся в дорогу. Сопровождаю эту сотню только я, и никто больше. Они получили паек на один день. Вечером мы должны прибыть на Место. Из дому я беру с собой все, что только могла найти. Для тех, у кого особенно большой аппетит. Мы едем по железной дороге до станции Горки. Оттуда на пароме должны добраться до Талицы.

Стоит ноябрь. Но уже очень холодно. Дует ледяной ветер. Паром не работает вот уже два дня. До антифашистской школы пятьдесят километров. Их придется пройти пешком. Скоро стемнеет. Сегодня мы не доберемся. Что делать? На этом холоде

ночевать невозможно. Я стою у реки, гляжу на волны стального цвета. Мужчины молчат. В этот момент, пожалуй, самое разумное помолчать.

Помочь они мне все равно не могут.

Оглядываюсь. Вблизи два деревянных домика. Стучусь в первую попавшуюся дверь. Открывает пожилой загорелый мужчина с лысиной во всю голову и бакенбардами. Мне повезло! Это паромщик. Но выясняется, что и он не может помочь. Вот уже два дня, как паром вытащен на берег. Объясняю ему наше положение. Прошу его приютить нас на ночь, пусть на полу, в коридоре, в подвале, где угодно. Главное, чтобы у нас была защита от ветра. Нет, сто человек он не разместит, места не хватит. К нам подходит его жена. Она испугана, смотрит на колонну военнопленных. Ничего не поделаешь, мне остается одно? не уходить, настаивать. Хотя это мне и неприятно. Я уговариваю обоих. Не могу удержаться, чтобы не пустить слезу. Наконец их сердца смягчаются, они разрешают пленным войти в их дом. Я испытываю чувство гордости за этих чутких советских людей.

Нам отводят комнату, коридор и лестницу, ведущую на сеновал. Кто побыстрее, занимает места получше, на лестнице. Все другие укладываются на полу, набиваются как селедки в бочку. Я устраиваюсь на табуретке, и сто мужчин «стерегут» мой сон.

Рассветает, мы отправляемся в путь. На завтрак не уходит и пяти минут. У нас ничего больше нет, только остатки от вчерашнего. Каждый кладет все, что он находит в своем кармане, на расстеленную газету. Кусок хлеба, кусочек сахара. Того, что удается набрать, очень мало. Мы решаем: пусть это получат те, кто послабее. Зато жена паромщика угощает нас всех великолепным напитком: кипящая вода из огромного самовара. Хорошо погреться! Мы ведь совсем застыли. Прощаясь с нашими хозяевами, я хочу оставить им немного денег. Но они отказываются, обиженные моим предложением. Каждый из ста мужчин говорит им «большое спасибо», покидая их дом.

Паромщик накидывает полушубок и выходит с нами во двор. Он показывает нам рукой, в каком направлении нам надо идти, где повернуть, где идти прямо, где повернуть налево. Я слушаю невнимательно. Зачем? Все равно мне этого не запомнить. Есть сто мужчин, пусть запоминают. В пути у каждого из ста мужчин свое мнение, как следует идти дальше. Очень жалею, что я невнимательно слушала паромщика!

Переход длится дольше, чем обычно. Мы устали, мы голодны. Последние километры еле тащимся. Когда добираемся до Талицы,

там все вне себя. Нас ждут со вчерашнего вечера, никто не мог сообщить, где мы застряли. И откуда? В лесу, по которому мы шли, не было телефона. Не было его и в избах, мимо которых мы проходили. Мы опоздали точно на двадцать четыре часа. Теперь только и слышим: «Давай, давай!»

Наших ребят ждет еда со вчерашнего дня. Не проходит и минуты, как под котлами бушует огонь. Они получают сразу сегодняшний завтрак, обед, ужин да еще вдобавок и вчерашний ужин. Но сначала их, «бедняжек», гонят под душ и выдают им свежее белье. Пытаюсь уговорить, чтобы их сначала покормили, но врач неумолима. Меня приглашает на ужин супружеская пара Паула и Герберт Грюнштайны. Беседовать с ними интересно, но я изнемогаю от усталости. Паула говорит: «Уложить тебя здесь мы не можем. Ты видишь сама. Но ты можешь устроиться в комнате товарищей Фельдмана и Шауля. У них ночное дежурство. Они придут только утром. Мы скажем им, в чем дело».

Мне все равно. Я еле держусь на ногах. Подошвы горят, глаза горят, сердце горит. Вот только свет никак не загорится в комнате, куда меня привели. Но кровать я нахожу и в темноте. Я сбрасываю шинель и заваливаюсь спать.

Не знаю, приходилось ли мне так крепко спать за всю мою жизнь. Я просыпаюсь только тогда, когда перед моей кроватью оказываются двое мужчин. Они громко переговариваются и смеются: «Ну и дела! Как ты сюда попала?»

«Как? Грюнштайны ничего вам не сказали?»

«А мы их сегодня еще и не видели».

Я вскакиваю, объясняю им, в чем дело, благодарю и ухожу. Эти товарищи тоже хотят спать. А я хочу под душ, в столовую и назад на станцию, домой. Втайне я надеюсь встретить во дворе кого-нибудь из моих активистов. Мы ведь толком и не попрощались. Когда мы пришли, было не до того. Я выхожу из столовой, оглядываюсь: мимо проходят военнопленные. Ни одного знакомого лица. Ничего не поделаешь. Наверное, их уже отправили на занятия. Ко мне подходит завхоз, говорит, что перед воротами ждет повозка. «Лошадь хорошая,? говорит он.? Успеете еще к сегодняшнему поезду».

Направляюсь к воротам и вижу: все сто мужчин стоят там, выстроенные, как на поверке. Впереди Гейнц Т. Он вручает мне послание размером с почетную грамоту. «Пожалуйста, от всех нас». Благодарю его, пожимаю ему руку. Вижу сияющие лица. Я тороплюсь уйти. Иначе, не дай бог, еще расплачусь.

Прощальное письмо

В поезде я прочитываю их «грамоту». Еще и еще раз. В ней говорится о том, как они прошли путь от слепых фашистских

ландскнехтов, одураченных пропагандой, к думающим, прогрессивным людям. «Мы говорим сегодня от имени тех тысяч военнопленных, которым вы вернули смысл жизни, которым вы открыли глаза…» И т. д. и т. д. Не могу пересказать здесь всего, что было написано в этом письме. Это было бы нескромно. Но в конце его стояло самое главное: «То, что мы воевали против советских людей, породило бы у нас неизгладимое и непереносимое чувство вины, если бы нас не воодушевляло сейчас намерение помочь перевоспитанию нашего народа в антифашистском духе. Как честные антифашисты, мы обещаем не жалеть ни труда, ни сил, ни жертв, чтобы следовать по пути, начертанному вами. На этом мы расстаемся сегодня. Нашу благодарность мы докажем здесь, овладевая знаниями, а затем и на родине».

Прощание с активистами, которых я отправляю в антифашистскую школу, всегда для меня дело нелегкое. Всегда вновь и вновь задумываешься: выбрала ли ты тех, кого нужно? Сохранят ли они верность нашему делу? А с некоторыми уходит как бы часть твоего сердца. Столько вложено в это дело.

Антифашистские школы были умным и перспективным делом. Из них вышли многие активисты первых лет. Те, кто стал нашими верными помощниками в строительстве социалистической Германии. Отсеялась только очень небольшая часть. Как правило, там же, в школах. В большинстве люди с запятнанным прошлым.

Мои ученики рассказывали мне, что в их группе в Талице был пленный, который никогда не расставался со своей флягой и никогда не пил из нее. Пленные потребовали, чтобы он в их присутствии открыл эту флягу. Ему ничего не оставалось, как согласиться на это. Флягу отправили в мастерскую и раскупорили ее. В ней оказался миниатюрный фотоаппарат. Этот человек признался в том, что он был офицером фашистской контрразведки. Под видом простого солдата и врага Гитлера он продолжал свое грязное дело.

Бывало и по-другому, хотя и редко: люди, участвовавшие в фашистских преступлениях, внезапно сознавались в них. Гуманистические идеи, с которыми они соприкасались, пробуждали у них совесть. Им хотелось освободиться от угнетавшего их груза. Одно время мою комнату убирал уже седой человек лет шестидесяти. Высокого роста, внушительной внешности, он выглядел тем не менее очень усталым, истощенным, еле волочил ноги.

Я спросила его о профессии. Он заявил, что был кузнецом, что всегда тяжело работал, никогда не занимался политикой.

Наши антифашисты уважали его. Он хорошо работал, отличался предупредительностью. Изо дня в день он присутствовал на докладах и дискуссиях. В один прекрасный день он пришел ко мне со слезами на глазах. «Госпожа Либерман, я вам лгал. Я не кузнецом был, а кадровым солдатом. В 1933 году мой начальник вступил в СС и взял меня с собой. Говорил, что я там больше получать буду».

«И вы продали свое человеческое достоинство за медный грош?»

«Если бы я тогда знал, что я окажусь в банде преступников и стану одним из них, поверьте, этого бы не произошло. Тогда я был еще порядочным человеком».

Был ли он когда-либо порядочным человеком?

Недавно я встретила в моей партийной организации по месту жительства учителя из Талицы товарища Фельдмана. Он тоже принадлежал к тем, кто ковал кадры для новой Германии, как десятки других коммунистов на фронте, в антифашистских школах, в лагерях для военнопленных. У меня было хорошее настроение. Я похлопала его по плечу, пошутила: «Ну, ты на меня не сердишься?»

«Не сержусь? За что?»

«Дружище, ты разве не помнишь, как я легла спать в твоей кровати, не спросив твоего разрешения?»

«Ах, это была ты? Я не узнал бы тебя снова».

Еще бы! Через тридцать лет!

Надя. Без троицы дом не строится

Во Владимир я вернулась преисполненная новыми идеями, планами. Был уже вечер, я пошла в свою гостиницу. По дороге думала, как жаль, что не застану доктора Беликовой. Она, наверно, еще не вернулась с работы. Но вот уже несколько недель, как в нашей комнате новичок. Это была женщина, наша ровесница, звали ее Надя. Она работала в социально-бытовом секторе тракторного завода. Это была очень скромная и очень одинокая женщина. Ее муж умер несколько лет назад. Ее сын, которого она обожала, находился на фронте. Она отказалась от отдельной комнаты, потому что не могла вынести одиночества. Переселилась к нам в гостиницу. С ней было интересно беседовать. Она читала почти все новинки художественной литературы и рассказывала нам о них. Чтение было ее страстью. Но особенно охотно она рассказывала нам о своем сыне. О том, каким он был умным и одаренным в его девятнадцать лет, каким добрым. И действительно, его письма светились любовью к ней. И были очень поэтичными. Надя оказалась очень тонкой и деликатной. Она любила людей, охотно им помогала. Поэтому и

выбрала работу в этом направлении. Редко она ложилась спать до того, как мы приходили. Мы засиживались за столом, и каждый рассказывал о своих думах и заботах.

В тот вечер Александра Беликова пришла особенно поздно. Я уже успела отдохнуть. Мыслями она все еще была в госпитале.

«Что случилось с военнопленным, которого я послала к вам неделю назад?»? спрашивает она меня.

«Ко мне никто не приходил».

«Неужели? У него была малярия. Он не может работать на стройке. В госпитале он все время писал стихи и пьесы, декламировал Маяковского по-русски. Я подумала, что вам пригодился бы такой в вашем коллективе.

«Очень пригодился бы. Но я не могу освободить его от работы. Может быть, подобрать что-нибудь в роте внутренней службы?»

«Согласна. Легкую работу он выполнять может. Его зовут Йозеф. Ах, никак не могу запомнить эти немецкие фамилии».

Наде надоело слушать про наши лагерные дела.

«Да хватит вам об этом. Все одно и то же».

Мы улыбнулись и замолчали.

«Александра!»

«Слушаю вас».

«Завтра воскресенье».

«В самом деле?»

«Не хотите ли хоть раз дома посидеть?»

Она улыбается своей доброй и лукавой улыбкой.

«А вы?»

На следующее утро мы встаем поздно. Это кажется нам очень странным. Первый выходной день за два года. Втроем мы идем на рынок. Кое-что покупаем. Варим великолепный обед. Мы выпиваем немножко водки и кудахчем как куры. Три женщины. Мы вместе? в то же время каждая из нас одинока.

Утром мы идем в лагерь вместе с доктором Беликовой. Мы ищем Йозефа.

«Йозефов у нас до черта»,? говорит комендант Т.

«Скоро найдем, госпожа доктор».

Госпожа доктор идет в госпиталь успокоенная. Комендант отправляется на строительные площадки и вскоре приводит мне этого Йозефа.

Разрешите доложить: бывший ефрейтор…»

Передо мной стоит военнопленный неброской внешности, худощавый, лицо желтое с коричневым отливом, глаза живые, смотрит чуть-чуть надменно.

«Вы в нашем лагере недавно?»

«Три недели. Две из них провел в госпитале».

«Почему вы не пришли ко мне сразу?»

«Не хотел».

«Почему?»

Он стоит передо мной в небрежной позе, мнет свою пилотку, выворачивает ее наизнанку и молчит.

«Не хотите ли мне представиться?»? говорю я, чтобы прервать молчание.

Молодой человек, только что стоявший передо мной в небрежной позе, становится по стойке «смирно». Не без иронии он рапортует: «Разрешите доложить, бывший ефрейтор Йозеф К. из 535-го танкового полка шестой армии».

«Садитесь. Так, теперь рассказывайте, почему не хотели?»? говорю я тем же тоном.

«Вы первая немецкая коммунистка, к которой я должен был обратиться, и к тому же еще женщина».

«И что же?»

«Вы могли обо мне подумать, будто я симулянт».

«Если доктор Беликова говорит, что вы в состоянии выполнять только легкую работу, то это так и есть».

«Ах, доктор Беликова! Прекрасная женщина. Ангел!»

Казалось, что этот молодой человек полон противоречий. Я читала в его глазах то доверие, то недоверие, то он мне представлялся скромным, то нагловатым.

«Где вы были прежде?»

«В „генеральском лагере“ в Суздале. Эти вампиры ведут себя здесь так же, как там?»

«Это зависит от таких, как вы. Что вы умеете?»

«Что умею? Честно сказать, ничего. Мне было двадцать, когда я два года тому назад в рождественский вечер вместе с пятнадцатью товарищами предпочел плен. Вообще-то я два года учился журналистике».

«Что побудило вас перебежать к нам?»

«Я был противником нацизма по религиозным мотивам».

«А другие?»

«Им война надоела по горло».

«Посмотрим, не удастся ли устроить вас в Нормировочное бюро в качестве учетчика. Я вам скажу об этом».

«Не пригожусь ли я вам для стенной газеты?»

«Еще бы! Только во внерабочее время».

Он вынул из своего кармана пачку листочков и положил их мне на стол. Было видно, что некоторые из них он долго носил с собой. Это были стихи о весне, об осени, о матери. Не без таланта написанные. Была там и пьеса о коричневой чуме. В

политическом отношении довольно запутанная, полная мистики. Я прочла ее и сказала это ему. Он меня не понял. Еще не мог понять. Но чувствовалось, что хотел.

Гейнц Ш. знал его еще по Суздалю. Так что не я открыла этот талант.

Мы охотно оставили бы у себя пленного, способного сочинять стихи и пьесы. Но оказалось, что наше Нормировочное бюро не нуждалось в людях. Я подумала: в лагере номер один, возможно, и есть несколько одаренных людей. Но ни один из них не мог взять художественную самодеятельность в свои руки. Тамошнее бюро ищет пленного с организаторскими способностями. Короче, я направила его туда. Йозеф К. проявил себя в этом отношении прекрасно. И очень помогал нам во многом. Например, когда мы отменяли тайком существующие особые пайки для «лагерной знати». С тех пор эти небольшие пайки выдавались только по врачебному предписанию.

Йозеф К. помог создать в лагере художественную самодеятельность с оркестром, квартетом, театральной труппой. Он был ее душой. Он поставил «Разбойников» и «Племянника в роли дядюшки» Шиллера, а также «Тай Янг пробуждается» Фридриха Вольфа. Он написал также, на мой взгляд, весьма безвкусное ревю «Мисс Эвелин». Поскольку оно предназначалось для Нового года, я смотрела на это сквозь пальцы. Капельмейстер Тони Н. сочинил для ревю музыку. В постановке участвовали и офицеры, которые до тех пор держались в стороне. Работа в самодеятельности помогала установить контакт с ними. Постепенно люди начинали задумываться и о политике.

«Если шейх говорит „проклятый капитализм“, то это еще отнюдь не социалистический реализм»,? сказала я автору после исполнения «Мисс Эвелин». Так утверждает сегодня Йозеф К., у которого много юмора и еще больше фантазии. Я что-то не помню, говорила ли я это. Помню, что сказала ему: «Ну и ну! Теперь пленные будут думать только о женщинах». Моя ирония ему не понравилась. Он чрезвычайно гордился своим «балетом», в котором выступали двадцать молодых мужчин. Танцевали на помосте, который тянулся через весь зал. Он был доволен этой своей выдумкой.

Йозеф К. стал переводчиком. Он давно полюбил русский язык и русскую литературу, изучил русский еще в плену. Теперь преподает язык тем, кто хочет изучить его быстро и в совершенстве. Применяет скоростной метод, который, как утверждает, изобрел сам.

В заключение расскажу еще вот что. Этот Йозеф К. написал мне под новый, 1971 год длинное письмо: «Меня давно увлекает

один замысел? „Мы находим мать во Владимире“. Да, угадали, я хочу написать о вас. Суздаль, Владимир? это прекрасные древние города, на их фоне шел процесс перевоспитания, в котором вы принимали такое большое участие. Мне только не приходит в голову хорошее решение этой темы. Я ведь мало общался с главным действующим лицом. Правда, мне известны его большая чуткость, заботливость и доброта. И мне известны те трудные обстоятельства, в которых проявлялись эти великолепные человеческие качества. Такую книгу надо писать как гимн немецким коммунистам в эмиграции, как гимн германо-советской дружбе, зарождавшейся тогда в среде „пленных. Таковы мысли, занимающие меня. О том времени пишут много мемуаров. Но процесс перевоспитания был не побочным продуктом больших военных и политических событий. С точки зрения нынешнего дня он был одним из важнейших результатов. И наибольшее участие принимали в нем коммунисты, жившие тогда в Советском Союзе, к которым принадлежите и вы. Благодаря вашему вкладу Владимир стал для военнопленных университетом жизни. Вам следовало бы самой написать такую книгу. А может быть, привлечь к этому и нас? Благородная задача!..“

Он открыто признает: его мировоззрение начало меняться не под влиянием марксистского учения. Он был ревностным католиком. На него подействовала гуманность советских людей. Он восхищался ими. Это чувство он сохранил и до сегодняшнего дня. Чувство, которое разделяет с ним вся его семья. Его жена переменила свою профессию, стала переводчицей с русского. Каждая встреча с советскими людьми для нее радостное событие.

Мы союзники!

Когда темпераментные румыны узнали, что румынский народ прогнал ко всем чертям фашистское правительство, Антонеску и объявил гитлеровской Германии войну, лагерь заходил ходуном. Они отправились на работу с песнями, приплясывали, бросали вверх свои шапки и кричали: «Мы союзники! Мы союзники!» Прошли месяцы, а они все еще обращались к каждому советскому человеку, который им встречался, с этим восклицанием.

Теперь наступило время доказать, что это так. Румынские революционеры сформировали боевые части, которые должны были помочь добить фашизм. Возможность вступить в эти части была предоставлена и военнопленным. В нашем солдатском лагере все заявили о своей готовности. Конечно, по различным причинам. Как бы то ни было, брали не всех. Одного желания было мало, надо было иметь еще и ясную политическую ориентацию. Производился отбор. Подполковник сидел несколько дней со мной в комнате, и мы беседовали со всеми румынами,

записавшимися в списки добровольцев. Нам помогал руководитель румынского актива. Он знал своих людей. На него можно было положиться.

Однажды, когда мы закончили эту работу, а подполковник уже хотел уйти, в дверь постучали. В комнату вошел горбатый румынский еврей. Его фамилии в списке на было. Единственного из всех сорока трех человек команды «смертников», с которыми он попал в плен. Пятидесятилетний мужчина, он выглядел, как старик, измученный жизнью. Он стоял перед нами и ничего не говорил; впрочем, в этом и не было надобности. Его влажные глаза, его вопрошающие жесты, вся его фигура умоляли нас. Наконец он обратился к подполковнику:

«Я прошу вас, разрешите мне уехать домой. У меня семеро детей. Я должен выяснить, живы ли они еще. А потом, пожалуйста, потом я возьму винтовку и пойду воевать. Ох, как я буду бить этих фашистов! Как буду бить! За мою жену, за моих детей, за всех».

Мы трое смотрели друг на друга. Обычно каждый из нас говорил свое мнение, когда тот, о ком шла речь, покидал комнату. Но на этот раз подполковник в его же присутствии обратился к руководителю актива: «Запишите его в список. Пусть он отправится к своим семерым детям».

Горбун низко поклонился и молча вышел. Я видела только, как сотрясалась его согбенная спина.

Рождественский праздник в лагере

Шел 1944 год. Декабрь. Немецкие пленные снова готовились к рождеству. Шли репетиции самодеятельности. В сочельник они хотели показать веселую эстрадную программу. Только не сентиментальную. На кухне начали экономить продукты. Комендант лагеря запас немного табака. В столярной мастерской сколотили ясли для Христа-младенца, а самого младенца смастерил резчик по дереву. Из леса, до которого было не так уж близко, притащили елку. У нас были парни, которые могли сделать все на свете. Они обладали необыкновенным даром изобретательства. Какие, костюмы они «организовали» из простынь, просто удивительно! Да что там костюмы! Они предложили мне из металлического лома собрать автомашину. Но только в том случае, если я никому ее не отдам. Этого я им, конечно, не могла обещать.

Сочельник. В зале настроение ниже среднего. Слышно только, как люди кашляют и вздыхают. О да! Тихая ночь, все мысли дома, в Германии. Нельзя допустить, чтобы людьми овладели только эти чувства. И сегодня они должны услышать правду! Перед тем как мы вошли в зал, я сказала Гейнцу Ш.:

«Нехорошо, если сегодня к ним обратится женщина. Сделайте вы это».

«Охотно,? согласился он сразу.? Да и настроение у меня подходящее».

«И голос,? пошутила я,? пасторский голос».

Но Геинцу Ш. сегодня не до шуток. Его мысли тоже дома. У него очень привлекательная жена. Верна ли она ему? Его это мучает. Она не была ему верна. Когда он вернулся, он нашел свою квартиру пустой. Жена, оба ребенка и вся обстановка исчезли. Их захватил с собой американец из оккупационных войск.

Конечно, вечер начался рождественской песней «Тихая ночь, святая ночь». Оркестр аккомпанировал, пленные пели. Гейнц Ш. вскочил на сцену. «Мир на земле, ? начал он, как пастор.? Да, друзья, новости, о которых я вам расскажу,? хорошие новости. Хорошие для всех людей, желающих мира на земле. Наша родина скоро будет освобождена от варварства. Красная Армия ведет бои уже на немецкой земле. Возникнет новая, мирная Германия». И он рассказывает о предложении Коммунистической партии Германии, описывает его во всех подробностях. Сообщает также, что пятьдесят генералов из лагерей военнопленных, в том числе генерал-фельдмаршал Паулюс, обратились с воззванием «К народу и вермахту», призывая покончить с войной и сделать первый шаг к лучшему будущему.

«Камрады, мы, антифашисты лагеря 190, призываем вас присоединиться к широкому движению противников Гитлера. Желаю вам приятного праздника и хорошего настроения».

На сцене появляется Ичик. Как у Деда Мороза, у него за спиной мешок. Он не оратор. Произносит всего несколько слов, но с большим чувством. Его тема всегда одна я та же: честно работать, хорошо относиться к советским людям. Он передает пленным своей роты премии завода? пачки табака. За то, что эта рота самая лучшая, говорит он. Он гордится этим так, как будто он по крайней мере заместитель директора. Я сижу в последнем ряду и улыбаюсь: на нашей будущей немецкой родине из него может получиться хороший директор.

По залу идет Дед Мороз и вручает каждому по пачке махорки. Это удалось за неделю сэкономить коменданту, так же как и продукты, которые улучшат питание в эти два праздничных дня. Раздают традиционные пирожные. Без них какой же праздник?! Они так напоминают о доме! Одни веселы, другие грустят.

Вечером представление. Комик Вернер Г. превзошел себя и сделал все, чтобы никто не грустил, не скучал. Конферансье Ойген Ф. тоже старается изо всех сил. Пленные смеются, как

дети. И все же я, как обычно, рада, когда рождественские праздники позади. Вообще не люблю праздников. Они всегда приносили мне только дополнительные хлопоты.

Фольксштурм?

Дети и старики

Эшелон, который сегодня прибывает к нам во Владимир, выглядит просто жалко. Много стариков. Скрюченные, будто от холода, а на дворе начало мая. Мая 1945 года. Среди новичков много и юнцов. Они хлюпают носами, глаза как у беспомощных детей, которые только и ждут, чтобы пришла мать, осушила слезы и утерла нос. Это последний призыв Гитлера? фольксштурм!

На вокзале собралось все лагерное начальство. Новичков снабжают самым необходимым и ведут дальше, в Гусь-Хрустальный, в рабочий поселок стеклодувов. Мы больше не пытаемся найти среди них квалифицированных рабочих, хотя очень нуждаемся в них. Знаем, что среди новичков квалифицированных рабочих почти нет. Опрашивая людей, мы слышим снова и снова: газетные работники, учителя, чиновники, студенты, учащиеся и т. д. в «тысячелетнем рейхе» никогда не ценили людей умственного труда, а теперь и подавно. Фашисты убрали всех, закрыли театры, учреждения культуры.

Пленные едва держатся на ногах. У большинства понос. Доктор Беликова решает сразу же отправиться с ними. Я присоединяюсь. В Гусь-Хрустальном больных размещают в карантинные бараки. Доктор Беликова не разрешает мне вести сейчас беседы даже со здоровыми. Только после того, как они пройдут санобработку. Она боится заразы, боится за меня, не за себя.

Руководитель актива об этом не знает и приводит ко мне молодого парня. Толстячок, с волосами как солома. Ему всего шестнадцать лет, настоящий ребенок. Он стоит передо мной в полнейшем смятении, по щекам катятся слезы. Он не понимает того, что с ним произошло. Он только вышел на улицу, чтобы посмотреть, что там происходит. Его тут же схватили и поставили к зенитной пушке. Он повторяет снова и снова: «Я хочу домой, к маме».

Я успокаиваю этого юнца в солдатской форме. «Конечно, ты поедешь домой. Поедешь с первым же поездом, который отправится на родину. Но немножко тебе все же придется подождать. Возьми себя в руки! Ты ведь уже взрослый мужчина! Не правда ли?»

«Да»,? всхлипывает он. Руководитель актива кладет ему руку на плечо и уводит его. Он стал любимцем всего актива. Ему было не так уж плохо в лагере. Каждый старался ему что-то подкинуть

съестное да и разные дельные мысли в его голову. Сумел ли он их усвоить? Он был не только толстым, но и довольно глупым мальчишкой. С первым же поездом, отвозившим больных, его отправили на родину. Кстати, больные. Имелось намерение сперва отправить домой лучших работников и активистов. По соображениям гуманности сначала отпустили больных. Сколько антисоветских вымыслов об этом было пущено в ход со стороны Запада! «Посмотрите на этих бедных пленных, возвращающихся из России! Как они выглядят!» У меня каждый раз разливалась желчь, когда я об этом слышала.

В тот день я беседовала еще с несколькими пленными. Им было все равно. Да, да, они знают, что война проиграна. Они не хотели ее. И конечно, говорили они, мы никогда не были нацистами. Но я обнаружила среди них оголтелых фашистов. Их нетрудно было обнаружить. Они имели задания держать в узде солдат фольксштурма. Да и здесь они пытаются продолжать свое гнусное дело. Но им не удастся это!

В тот день ко мне пришел еще один молодой парень. Высокий, костлявый, голубые водянистые глаза. Он остался стоять у двери. «Я был в СС, меня расстреляют? Мне всего девятнадцать. Меня отправили в войска СС потому, что у меня рост 187 сантиметров».

«Если вы не совершали преступлений, вам ничего не будет».

Он поворачивается и уходит. Может быть, он подумает над тем, что я ему сказала. А может быть, и нет. Боже мой, что сделали нацисты с людьми?

Кончилась война!

Час поздний. Я заканчиваю работу, проветриваю комнату. Входит доктор Беликова. Она падает на кровать без сил. Тут же вскакивает снова. «Пойдемте, примем душ. Ваши вещи надо продезинфицировать». «Нет, мне не хочется. Я устала. Завтра утром!» Она настаивает на своем. Я иду за ней, послушная, как хороший, воспитанный ребенок. Сегодня мы ляжем спать пораньше. Каждый хочет еще привести в порядок свои мысли, поделиться впечатлениями дня. А уж тогда? в кровать!

В четыре часа утра меня будят. У моей кровати стоит доктор Беликова. Она трясет меня. Я хочу проснуться, но мне это удается не сразу.

«Вставайте! Война кончилась! Война кончилась! Скорей, скорей! Я еду в Москву! Поедемте со мной!»

Мне еще не верится. Но соскакиваю с кровати, потому что Александра этого требует. И только когда я вижу ее залитое слезами счастливое лицо, я верю, что это правда. Мы бросаемся друг другу на шею и плачем. Мы плачем? о наших родственниках,

о наших знакомых, о тех миллионах людей, которые не дожили до этого дня.

В этот день я хочу быть в Москве! Даже если я заработаю выговор, потому что без разрешения уехала. Мы должны поторопиться, чтобы не пропустить поезд.

Я успеваю еще постучать в дверь руководителя актива. «Георг, войне конец! Включите радио! Скажите об этом, пожалуйста, всем. Прощайте! Я еду в Москву».

Советскому солдату, который стоит на посту, мы бросаемся на шею и бежим на вокзал.

Четыре часа тридцать минут утра. Улицы еще пусты.

Поезд переполнен. Люди висят на нем как грозди. Они размахивают шапками, платками: «Гитлер капут! Гитлер капут!» Мы бежим от одного вагона к другому, повсюду полно. Наконец нам помогают какие-то мужчины вскочить на подножку. Они скрещивают руки, образуют цепь так, чтобы никто не упал. Крики, возгласы, всеобщий восторг. Раздается свисток поезда. Нельзя понять ни слова.

Мы останавливаемся только в Москве. Все стремятся в метро, все хотят на Красную площадь. Но выход из метро забит людьми. Выйти невозможно. Мы бежим к другому выходу, на площади Свердлова перед Большим театром. И здесь необозримая толпа. Люди поют, танцуют, поодиночке, вдвоем, втроем, в большом кругу, в маленьком кругу, бросаются друг другу на шею, смеются, плачут! И все мы бесконечно счастливы. «Война кончилась! Война кончилась!» Если где-то появляется солдат или офицер, к нему протягиваются десятки рук, его качают, еще раз и еще раз. Вырваться невозможно. Все словно пьяны от восторга. И мы тоже. Я не узнаю мою тихую, сдержанную Александру. Она поет и танцует, она вне себя. Я тоже!

К полудню мы охрипли и выбились из сил. К тому же голодны. Александра хочет домой, но пройти невозможно. Повсюду полно народу. Наконец нам удалось пробиться. Александра чувствует, что я неохотно собираюсь домой. Да и что мне там делать? Последнее письмо от мужа я получила неделю тому назад из госпиталя города Н. Его ранило в апреле, на этот раз в колено. Рана не опасная, пишет он. Но за неделю может многое случиться. Как раз за последнюю неделю.

«Пойдемте к нам»,? говорит Александра. Я очень благодарна ей за приглашение. Она живет вместе со своей матерью, с женой брата и его двумя маленькими детьми. Брат погиб на войне. Дома и радость, и горе. И в семье Александры, и у шестерых соседей. У них общий коридор. Двери открыты. Все празднуют вместе. И все плачут вместе. Матери Александры надо готовить для нас еду, все

угощают нас. С каждым мы должны чокнуться. Мы кричим друг другу: «Чтобы больше никогда не было войны!» Лучший тост в этот день. Лучший и в любой другой!

Бог ты мой! Как мы доберемся после такого количества тостов к себе во Владимир! Ничего не поделаешь? нужно! Мы ведь уехали без разрешения. Обычно нас огорчало, что поезд уходит поздно ночью. Сегодня мы рады этому. Как все на этом свете условно. При этой мысли я вспоминаю синагогального служку из моего детства. Вспоминаю после стольких лет. Не знаю, жив ли он? Наверное, нет. Он и тогда не отличался выносливостью, но его юмор был неистощим. Одна из его шуток застряла в моей памяти до сегодняшнего дня. «Вы знаете Альберта Эйнштейна? »? спросил он однажды моего отца.

«Нет! Он мне не представился!»? ответил раввин с насмешкой.

«О, у него большая голова!»

«И что же он изобрел, этот человек с большой головой?»

«Что он изобрел? Теорию относительности».

«А что это такое?»

«Как мне объяснить вам? Ну, например: один кирпич для целого дома, этого мало, но вот если один кирпич упадет на голову, этого более чем достаточно».

«Гм-м. Умная голова у этого Эйнштейна»,? проговорил отец.

Что стало с ним? Что стало с моими друзьями в Германии? Услышу ли я когда-либо о ком-нибудь из них? Через двенадцать мрачных лет, после самой смертоубийственной из всех войн.

Поезд на Владимир не так уж переполнен. Все очень веселы и очень устали. Многие сразу же начинают дремать, сидя, стоя, покачиваясь. Другие храпят, как целый гвардейский полк. Уже светает, когда мы прибываем во Владимир. Окна домов освещены. Люди еще празднуют победу.

Мы тихонько открываем дверь нашей комнаты, чтобы не разбудить Надю. Но она и не спит. Она лежит в кровати, смотрит на нас. Ее глаза покраснели, она держит палец у рта и смеется, смеется, как человек, потерявший рассудок. И Надя действительно потеряла рассудок. Застыв от ужаса, мы стоим у ее постели.

«Надя, что с вами? Надя?»

Вместо ответа снова этот безумный смех. Потом она начинает всхлипывать, не может остановиться.

Мы ничего не понимаем, садимся за стол, чтобы посоветоваться, что нам делать. И тут мы видим похоронку: за три дня до конца войны погиб ее сын. Ее единственный, ее золотой мальчик!

Много недель мы волновались за нее. Мы не оставляли ее одну ни на час. Ее товарищи по работе и мы. Один сменял другого каждые два часа. Как хорошо, что рядом с ней была доктор Беликова. Она обходилась с нею так нежно и так умно. А я рассказывала ей разные истории и готовила еду. Это у Александры не получалось.

На следующее утро доктор Беликова и я пошли на работу попозже. Дорога через поле к тракторному заводу оживленнее, чем обычно в это время. Радости людей нет конца. Они приветствуют друг друга, обнимаются, целуются. «Поздравляем!»? еще издали кричат нам мужчины.

Неужели вы танцевали так много?

Женщины все еще не могут в это поверить: «Мир! Какое счастье!» Они вновь и вновь разводят руками, как будто хотят обнять этот так тяжело добытый мир. Чтобы никогда больше никто не смог отнять его. Мы поворачиваем к зданию управления, хотим поздравить подполковника и наших товарищей. Начальник лагеря собрал всех в своей комнате. Торжественное заседание только что кончилось. Конечно, он узнал, что мы уехали. Он легко мог представить себе, где мы были, но ничего не говорит. Мы долго трясем друг другу руки и улыбаемся, потом начинаем поздравлять других. Нас хлопают по плечу, и мы, бедные хрупкие женщины, чуть не валимся с ног от этих похлопываний.

Мой политначальник вне себя от радости. Ему уже под пятьдесят, а ведет он себя как мальчишка. Он тоже был в Москве тайком, как и мы.

«У меня все кости болят»,? шепчет он мне.

«Неужели вы так много танцевали?»

«Что вы! Я стоял у подъезда дома и еле решался выглянуть. Моя жена опасалась за мои нежные ребра, так часто меня качали».

«Товарищ майор, я слышала, что вы покидаете нас. Давайте вместе выступим перед пленными? А? Расскажем о наших впечатлениях от вчерашнего дня, поделимся нашими мыслями?»

«У меня столько дел. Ну, ладно. Завтра вечером. Подходит? «

Да, майор возвращается в свой родной город Минск. Я сожалею об этом. В то же время рада за него. Он долго ждал этого дня. И дорого заплатил за него своим здоровьем. И много родственников его жены погибли в Освенциме.

Примерно через год я случайно встретила майора в Москве на улице. Он снова работал в лагере военнопленных. На этот раз как начальник лагеря. Большинство его пленных? из фольксштурма, рассказывал он мне. Сейчас с ними легче работать. Они более любознательны. Но физически в очень

плохом состоянии.

Почта

Десятое мая 1945 года. Когда я вхожу в свой кабинет, на моем столе в лабораторной колбе? несколько зеленых веточек с почками. Под ними записка. Поздравление ко Дню Победы от Фрица III., Гейнца Т. и Вилли Ш. Как это приятно!

Под вечер у меня собираются руководители актива из других лагерей. Они хотят знать новости, хотят узнать, как теперь пойдут дела на родине. Вечером мы сидим в комнате актива, обмениваемся мыслями. Я вслушиваюсь в их слова. И я уверена, что они будут нам хорошими помощниками при создании новой Германии.

С оркестром и с нашими двумя комиками мы совершаем гастроли по многим лагерям. Они привозят веселье, а я? хорошие новости. Война закончилась. Военнопленные это знают. Теперь они спрашивают, как пойдет дело дальше? Они уже научились думать. Через три недели мы возвращаемся. Меня ждет письмо от моего мужа. Его выписали из госпиталя, пуля в колене осталась, он немного хромает. Не беда, успокаивает он меня. Теперь он находится в Австрии, его назначили комендантом небольшого города. Он жив. А это самое главное.

Еще один сюрприз: пленным раздают почтовые открытки. Они могут написать домой. Радость неописуемая. Рады они, рада и я. Актив заботится о том, чтобы почтовые открытки распределить как можно скорее. В 1944 году у нас тоже раздали открытки и послали их через Красный Крест, но гитлеровская Германия отказалась их принять. Ведь военнопленных объявляли погибшими. Немного позже приходит почта с родины. При чтении у многих текут слезы. У одних от радости, у других от горя. Новости из дома отражают весь трагизм наследства, оставленного нацистами. Разрушено все, вплоть до брачных уз. Вот, например, курсант антифашистской школы Ганс Р. регулярно получает письма от жены, полные нежных слов. Он счастлив. Посылает ей страстные письма. Через некоторое время узнает, что все эти нежные письма писала ему сестра. Его жена давно оставила его, ушла от него с товарищем по фронту, который передавал от него привет. Поначалу мы боялись, что этот человек сойдет с ума. Или совершит какую-нибудь глупость. Мы позаботились о нем, и постепенно рана зажила. Когда надо утолить духовное страдание, я порою прошу помочь мне фельдшера Гейнца Т. Эти раны он лечит особенно хорошо. Мы наваливаем на Ганса Р. столько работы, что ему некогда думать о случившемся.

Через много лет (это было, мне кажется, в начале шестидесятых годов) мы встретились с ним совершенно

неожиданно в закусочной на Александерплац в Берлине. Это была сердечная встреча. Мне было приятно узнать, что раны его семейной трагедии зарубцевались. Он женился снова, и очень удачно. Работает в магистрате одного города, недалеко от Берлина. Подходящая работа для него. Там как раз нужны отзывчивые люди.

Совестливый человек

На этот раз мы награждаем лучших не на рождество, а к празднику Октябрской революции. Как и на предприятиях, устраиваем торжественное собрание. Да, уже можем себе это позволить. Я говорю только несколько вступительных слов. Не люблю длинных речей. В данном случае предпочитаю предоставить слово Маяковскому. У него получается лучше. Его стихи читает Йозеф К., до удивления выразительно. Потом вручаем премии. На этот раз церемонии продолжаются долго, потому что все предприятия чем-нибудь да и наградили своих пленных-передовиков. Прежде всего, конечно, табак, хороший табак, не махорка. А что еще они могли бы выделить в премиальный фонд? У них у самих нет ничего.

В центре внимания сегодня бригада Густава Б., которая возводит в городе новые дома. Начальник говорит о нем:

«У него есть совесть».

Это самая высшая похвала для военнопленного в устах русского начальника. Русские имеют в виду рабочую честь. Густав Б. строит дома охотно. Впрочем, он и сейчас охотно думает. Он, который до тех пор стоял в стороне, когда речь заходила о политике, теперь даже поделился в стенной газете своими мыслями об Октябрьской революции. Он удивляется самому себе и сам радуется. Еще сегодня он гордится этим своим первым шагом, написал он мне несколько лет тому назад.

Я встретила его летом 1959 года в Магдебурге. Там выступала советская цирковая труппа. В то время я снова работала в области культуры и искусства (в министерстве культуры) и, конечно же, по связям с Советским Союзом.

Когда на гастроли приезжали большие ансамбли, я обычно старалась побывать в местах их выступлений, чтобы проверить, как идет подготовка. Я решила делать все, чтобы выступления советских артистов проходили в самой благоприятной для них обстановке. Уж это-то был мой долг. Впрочем, гостям из других социалистических стран я уделяла не меньше внимания. Я говорила себе: «Если уж я сама не выступаю больше на ниве искусства, то по крайней мере надо помогать другим». Помогала я и нашим немецким артистам. Многие знали об этом и приходили ко мне.

Когда в Магдебурге шли приготовления к этим четырехнедельным гастролям советского цирка, я не могла покинуть Берлин. У нас гостил Тихон Хренников и его жена. Тихон Хренников? всемирно известный композитор, руководит Союзом советских композиторов, входит в состав Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и депутат Верховного Совета. Он как был, так и остался простым, хорошим, непосредственным человеком, всегда готовым помочь. Мы пригласили его и его жену хоть раз погостить у нас. Многие наши композиторы и исполнители бывали у них дома в Москве. Их принимали с таким гостеприимством и сердечностью, что они чувствовали себя в стране чудес, без преувеличения.

Тихон Хренников и его жена? замечательные люди. Я их очень люблю. Они невероятно гостеприимны. У них я всегда встречала множество гостей. Одни приходили, другие уходили. Каждый чувствовал себя хорошо. Если Тихону Хренникову хочется заняться музыкой, он незаметно удаляется в свой кабинет и садится за пианино. Клара Хренникова, его жена,? обаятельная женщина, с ней никогда не скучно.

После приезда цирка в Магдебург я позвонила директору труппы. Хотела узнать, как их устроили там. «Плохо»,? сказал он.

Действительно, в интернате, в котором их разместили, их устроили плохо. Они даже не могут как следует вымыться и вскипятить себе чай. Я тут же отправилась в Магдебург. Положение было даже хуже, чем описал мне руководитель труппы. Я вызвала к себе директора Магдебургского цирка. Он заявил, что ничего не может сделать. Действительно, все гостиницы города были переполнены. В то время там находилась большая правительственная делегация. Но она приехала только на три дня. Я обошла все отели, чтобы разместить советских артистов хотя бы после отъезда делегации. Оказалось, что невозможно и это. Все места забронированы на несколько недель вперед. В «Дом ремесленника», в то время лучшую гостиницу города Магдебурга, меня вообще не впустили. Все суетились, бегали взад и вперед. Никто не хотел меня даже выслушать. Удрученная, я стояла в вестибюле, думала, что еще предпринять. В это время по лестнице спускался высокий, широкоплечий человек. Он с удивлением взглянул на меня и бросился мне на шею. Только когда он меня отпустил, я смогла на него посмотреть и узнала его. Это был Густав Б., наш тогдашний ударник, а теперь директор этого отеля. «Госпожа Либерман, как я рад вас вновь увидеть!»

«Вы не представляете себе, как этому рада я!»

Само собой разумеется, что через три дня он разместил

советских артистов в своем отеле. После этого я написала ему любезное письмо. А он мне еще более любезное.

Вот мы вновь посылаем лучших своих пленных в антифашистскую школу. На этот раз в Красногорск. С ними отправляется Вальтер М. Он получил вызов. Наверное, ему хотят дать другое задание. Он отправляется раньше других. Я прощаюсь с ним на вокзале.

«До свидания, Вальтер, в нашей новой Германии!»

Других я сопровождаю до Красногорска. Оттуда я быстро еду назад. От нашего актива почти никого не осталось. Мне надо начинать все снова. В который раз формировать новый актив. Дело нелегкое, но есть и привлекательные стороны. Надо найти настоящих людей.

Весна. Приближается Первомай, первый мирный Первомай. Кое-кто из рабочих постарше вспоминает о хорошей традиции немецкого рабочего класса? о демонстрации, о борьбе. И некоторые из них приходят ко мне с просьбой передать начальнику лагеря поздравительное послание к этому празднику. Под этим письмом лишь немного подписей. «Как? Другие не хотят?»

«А мы никого не спрашивали. Мы хотели просто послать это письмо от себя».

«Ну так спросите же других».

Они возвращаются с тремя страницами подписей. Само письмо состоит лишь из нескольких строк, но очень сердечных, прочувствованных, содержательных строк. Наш начальник был обрадован этим письмом. Радовался за людей, написавших его.

Три души живут в моей груди

Однажды перед обедом, когда я беседовала с нашими дистрофиками, меня позвали к пропускной. Я хотела сказать, что приду попозже, но оказалось, что меня зовут к телефону. «Начальник?»? спросила я.

«Нет, кто-то из посторонних».

«Женщина?»

«Нет, мужчина».

Загадка. Охваченная любопытством, я пошла еще быстрее солдата. «Слушаю».

«Говорит друг вашего мужа. Он просил передать вам привет».

«Как это хорошо!»? От волнения я начала заикаться.

«Когда мы сможем увидеться?»

«Давайте сразу же. У меня мало времени. Я жду вас в гостинице».

Я оставила все как было, получила у начальника машину и поехала в гостиницу. Выпрыгиваю из машины, бегу в дом,

перескакиваю сразу через несколько ступенек. Внезапно кто-то сзади обнимает меня. Я оборачиваюсь? передо мной стоит муж. Вернулся домой, после шести лет? лет длинных, как целая жизнь.

Он требует, чтобы я тоже вернулась домой. Я говорю об этом с моим начальником. Он просит меня еще подождать немножко. Пока еще он не может меня отпустить. Двумя днями позже мой муж отправляется в Москву, печальный и разочарованный. Он приступает снова к своей старой работе? проектированию электростанций. Ждет, ждет.

Время от времени я навещаю его. Послевоенная жизнь тяжела. Одинокому мужчине приходится трудно вдвойне. Три души живут в моей груди. Я хочу к моему мужу, я хочу назад в Германию, которая сейчас нуждается в каждом из нас для строительства новой жизни, и я не могу покинуть своего поста здесь.

Через год это свершается. К нам приезжает новый политначальник. Он один из освободителей Германии, провел там два года. Он видел конец фашизма и развалины, которые фашизм оставил в душах людей и на улицах городов. И он пережил опьяняющее начало новой жизни. Жадно я вслушиваюсь в его рассказ.

«Но нам повсюду не хватает людей»,? завершает он свой рассказ. Мы еще долго просидели вместе, размышляя, чем можем помочь.

В небольшом, расположенном в красивой местности лагере Зобинка мы устраиваем курсы для антифашистов всех двенадцати лагерей. Кто хочет, может записаться на эти курсы. Мои ученики стали теперь учителями. А я смогла уехать.

Вместо послесловия

«Почему ваша книга завершается событиями 1945 года?»

«Почему вы ее не продолжили?»

Так спрашивают меня многие читатели.

Ответ прост: если бы я продолжила книгу, она получилась бы слишком объемистой. У нее было бы вдвое больше страниц. И цена возросла бы вдвое. А попробуй-ка удержать книгу, скажем, страниц в семьсот, когда ты удобно расположился в кресле и собрался ее читать. Или в кровати перед отходом ко сну. Могла ли я обречь читателя на это? Да ни за что на свете!

Ну а если серьезно, то у меня просто не хватило храбрости написать толстую книгу. Главное, что я хотела сказать, было сказано. Я имею в виду? о моей работе в лагерях для военнопленных. Этот раздел книжки опровергает подлую клевету на Советский Союз. Написать об этом мне хотелось давно. А вообще говоря, я не считаю свою биографию столь важной, чтобы абсолютно обо всем поведать всему миру. Честное слово. Я думаю, что поставила точку вовремя и в нужном месте.

Здесь же мне хочется предоставить слово читателю. Как почти все авторы книг, я получила много читательских писем. От молодых и пожилых, знакомых и незнакомых, от бывших «воспитанников». Эти последние мне писали: «Так это было. Точь-в-точь». Да, это было так. В советских лагерях военнопленные усвоили? хотя с трудом,? как должен жить человек с человеком. И вот в своих письмах рассказывают они о том, как, вернувшись на родину, помогали строить новую жизнь.

Пусть и читатель узнает кое-что об этих красноречивых и взволнованных свидетельствах.

Вернер Истински написал мне из Висмара:

«Когда мы оказались отрезанными от других, наша небольшая группа благодаря агитации одного мужественного капитана, использовавшего ходившую по рукам листовку национального комитета „Свободная Германия“, решила сдаться в плен. Уже в советском военном госпитале мне врезались в память утренники, проводившиеся для нас, пациентов. Например, чтения вслух стихов Пушкина.

Позже, наверное уже во Владимире, меня потрясла книга Вилли Бределя «Испытание», а затем его же «Отцу». Шолоховский «Тихий Дон» всегда был на руках, когда я хотел взять его почитать.

… Вы, наверное, всем сердцем обрадуетесь, получив письмо еще от одного из бывших «владимирцев», письмо о том, как Ваша

воспитательная работа ему помогла.

3 августа 1945 года моя жизнь в плену закончилась. Из Бреслау я переселился в Эрфурт. Вступил в партию. Осуществил давнее желание стать учителем. За эти тридцать два года «испробовал» все разновидности этой прекрасной профессии: учительствовал в начальной школе, в профтехшколе, в техникуме, в вузе. Заочно окончил Высшую партийную школу. Семь лет проработал освобожденным работником в партийном аппарате. Это дало мне незаменимый опыт политической и идеологической работы, который помогает вплоть до сегодняшнего дня. В будущем году исполняется два десятилетия с тех пор, как я стал преподавать марксизм-ленинизм. В последние годы? в медицинском техникуме здесь, в Висмаре. Кроме того, преподаю теорию культуры и эстетику.

Моя жена Эвелин тоже с 1945 года в партии. Два десятилетия работает на ответственной политической работе? сначала в союзе молодежи, затем в партаппарате.

Моя жена и я отдаем все силы, чтобы молодежь научилась разбираться в прошлом.

По поручению районного комитета участников подпольной борьбы с фашизмом жена ведет студенческие кружки по вопросу рабочего движения в районах Висмар, Доберан и Гревесмюлен. Самое время, чтобы познакомить сменяющие нас поколения с жизнью и борьбой до сих пор еще мало известных товарищей по партии и других борцов Сопротивления.

Наша восемнадцатилетняя дочь Вера в составе группы Союза свободной немецкой молодежи изучает жизнь одного товарища, павшего в борьбе с путчистами Каппа.

Если? как мы надеемся? нашу дочь примут в кандидаты партии, можно будет создать в нашей семье свою собственную партгруппу!

Мне представлялось необходимым познакомить Вас с этими моментами из моей жизни и жизни, моей семьи. Хотя письмо получилось довольно длинным. Пусть Вы порадуетесь, читая эти строки о том, как Ваша тяжелая воспитательная работа помогла человеку и нашему делу…»

Добавить к этому письму мне нечего. И следующее? такой же кусочек истории этого поколения, в свое время совращенного и испорченного фашизмом, но распрямившегося в нашем государстве. Разумеется, я воспроизвожу все эти письма с большими сокращениями. Особенно в тех местах, в которых говорится обо мне самой и о моей книге. Мне жаль, но? ничего не поделаешь.

Из письма д-ра Курта Бартеля, Берлин? Лихтенберг:

«Владимир и Красногорск были для меня университетами жизни. Они позволили мне встать на тот путь, который делает жизнь достойной человека. Их влияние оказалось прочным и помогло мне выстоять в трудных условиях.

… Может быть, стоит привести здесь некоторые примеры. В конце июля 1949 года я возвратился в Берлин и приступил к работе на одном из народных предприятий. Летом 1950 года его директор ушел на год учиться в партшколу. Руководство предприятием передали мне. Моя специальная подготовка все еще была прежней: слесарь. Разряд я получил перед самой войной. Летом 1951 года меня забрали в министерство, где я должен был стать первым секретарем парткома. Но поскольку я указал на недостаток партийного опыта, меня сделали вторым секретарем, чтобы я мог подучиться. После курсов в Форст-Циннаж меня откомандировали в распоряжение Генриха Рау. Он направил меня на работу во внешнюю торговлю. С 1956 по 1958 год находился в командировке в Египте. С 1958 по 1962 год работал генеральным директором одного внешнеторгового объединения. Затем партия позаботилась о дальнейшем повышении моей квалификации, направив меня на трехгодичные курсы при Высшей партшколе имени К. Маркса. Это был второй Красногорск! Замечательно! Сначала я хотел вернуться на практическую работу в экономику, но в порядке укрепления Института экономики кадрами практиков меня направили в Карлсхорст. В 1969 году защитил диссертацию. С 1970 года заместитель директора секции по внешней торговле, отвечаю за шестьсот студентов. Разумеется, не все шло гладко. Просветление началось во Владимире.

Мне кажется, что этот грандиозный и дальновидный замысел, осуществленный советскими людьми в труднейших условиях, еще никогда не был освещен с такой полнотой, как в этой книге.

Замечательно, что вы воздвигли своеобразный памятник советским врачам. Не могу вспомнить ее имени, но одному такому врачу-женщине я обязан жизнью. Она спасла меня в лагере 190, когда я заболел там (1946 год) тяжелой формой малярии. Она вылечила меня так основательно, что рецидивов потом не было. О многих можно было бы вспомнить с такой же благодарностью…»

Д-р Вернер Дорманн из Бернбурга писал мне:

«… Я пережил все, что вы описываете как учитель и воспитатель антифашистов и военнопленных.

… Как военнопленные мы должны быть бесконечно благодарны советским офицерам и всем, с кем нас свела жизнь,? рабочий на стройках и предприятиях. Я продолжу мою работу над

этой темой. Вы дали мне заряд уверенности в моих силах».

Признаюсь: все эти письма доставили мне много счастливых часов. Это была несказанная радость. Так наглядно еще раз убедиться в том, что наша работа была не напрасной! И работа над этой книгой тоже.

Интересными, а иногда забавными были звонки читателей по телефону.

Однажды мне позвонила Грета Кейльзон, о которой упоминается в книжке. «Твою книжку я еще не одолела,? честно призвалась она.? Только принялась за главу „Лагерь“. Понимаешь? Ты описываешь меня добрым человеком. Я действительно добрая?»

«Тогда ты была доброй. Осталась ли ты, какою была? Об этом судить не могу. На старости лет люди меняются. Большей частью».

«Почему ты не описала нашу первомайскую историю?»? спросила она, явно разочарованная моим ответом.

«Какую ты имеешь в виду?»

«Это было, наверное, в 1944 году. Мы сидели в твоей комнате, беседовали с активистами, которых намечали на выполнение особого задания национального комитета „Свободная Германия“. Тут отворилась дверь, и, не постучав, вошли двое пленных, чем-то очень взволнованные. Они тут же выпалили, в чем дело: в цехе только что вывесили лозунги к Первому мая, а также благодарность рабочим за выпуск тракторов сверх плана. А вот их, пленных, даже не упомянули. Это несправедливо. В конце концов, их доля тоже была немалой. На меня это произвело такое впечатление, что помню до сих пор».

«Теперь припоминаю и я. Да, я еще успокоила их: они ведь тоже рабочие, значит, и их имели в виду. А если говорить о справедливости, то благодарить их еще рановато после таких разрушений, в которых их доля тоже была немалой».

«А что было дальше? Как прошел Первомай?»? спросила Грета.

«Я ведь сразу уехала».

«Мы устроили торжественное собрание. Командир роты Ичик, который уже считал себя по меньшей мере заместителем директора, объявил благодарности и распределил табачные премии, выделенные заводом».

Все это встало снова перед моими глазами. Я вспоминаю, как сидела в президиуме, вглядываясь в довольные лица пленных и думая: «Какие глубокие перемены в них произошли! Теперь им уже важно получить признание советских людей». Взволнованная воспоминаниями, я спросила Грету Кейльзон: «А что еще запало

тебе в память?»

«Пленные, которые вязали».

«А что было с этими?»

«Они чуть не сбили меня с толку. Я начала выступление в вдруг вижу: в зале сидят мужчины, которые вяжут. Быстро-быстро, не глядя на спицы. Мне показалось это бесконечно смешым!»

«А мне нет. Это было хорошее дело! Они превращали дырявые свитеры в шарфы, в носки. А мы штопали им дыры в их головах. Эти вязавшие мужчины слушали нас очень внимательно. У них было много терпения».

Живые воспоминания Греты я слушала с удовольствием. Я снова ее спросила:

«Может, еще что-то веселенькое вспомнишь?»

«Ты не поверишь? вспомню. Например, мышеловку».

Я, конечно, тут же подумала о пьесе под этим названием Густава фон Вангенгейма и сказала: «Мы не ставили ее».

«Ты думаешь только о театре. Нет, это было нечто более прозаичное». Она замолчала.

«Да говори же, наконец, что это было».

«Да это мышеловка, которая стояла в твоей комнате за печкой. Каждый раз, когда входил пленный и щелкал каблуками, щелкала и мышеловка. В первый раз я испугалась. А потом смеялась от души. Это что? Твои активисты изобрели для тебя особую конструкцию? Иначе как же она могла сама по себе то защелкиваться, то снова открываться? Даже теперь не могу удержаться от смеха, когда вспоминаю о вашем лагере».

Работая над книгой, я не раз проходила по улицам моего детства. Мне так хотелось встретить там кого-нибудь из родных или знакомых. Но нет. Никого, наверное, там не осталось. Да и вообще остался ли кто в живых после кровавых преступлений фашистов? Однажды я спросила старуху, выглядывавшую из окна ее квартиры на первом этаже: «До 33-го года здесь жило много евреев. Кто-нибудь вернулся?»

«С того света не возвращаются». Она заплакала. Мне не захотелось мучить ее расспросами. Да и себя тоже. Я ушла.

Можно себе представить мое состояние, когда однажды я получила письмо из другого мира. От подруги детства. Шестьдесят три года тому назад мы играли на Гренадирштрассе в расшибалочку. Ей было одиннадцать лет, мне? девять.

Это письмо? кусочек истории. Старой и новой. Хочу, чтобы читатель с ним познакомился.

«Дорогая Мишкет Либерман!

Я долго думала, писать ли Вам. Еще несколько лет назад, когда я узнала, что Вы работаете в министерстве культуры, мне

стало ясно, что речь идет о дочке «тычинского раввина». А теперь я прочла объявление о выходе Вашей книги и отрывок из нее в «Вохенпост», и захотелось Вам написать.

Но все по порядку. Сначала я хочу представиться или, лучше сказать, объяснить, откуда я Вас знаю. Детьми мы часто встречались. Мой отец принадлежал к общине Вашего отца. Вы жили на Гренадирштрассе. Шалаш к празднику «шалаша» ставили на Вашем дворе. А мне поручали носить отцу обед в этот шалаш. Тут мы и познакомились. Вашего отца я хорошо помню: высокий, стройный, живые, умные глаза. Я вижу его как бы наяву. Он охотно помогал людям. Мои родители были очень бедны, и мы часто прибегали к его помощи.

Удалось ли Вашим родителям спастись от нацистов? Моим не удалось. Я осталась жива, потому что я тоже, покинув отчий дом, вышла замуж за «гоя», рабочего, с которым познакомилась в партии. Он был моим верным и стойким защитником.

После 1945 года и до нынешнего времени я работала почти что без перерыва. Теперь пора на отдых. Мне уже почти семьдесят четыре, и на мне лежит уход за мужем, который после операции в этом нуждается. Вот кратко все, что хотела Вам сказать. Вашу книжку я заказала и надеюсь получить ее, как только она выйдет. Была бы рада услышать о Вас. Большой сердечный привет. Гиттель Вайс».

Это письмо меня глубоко тронуло. Все в нем. Даже то, что Гиттель запомнила мое имя, хотя прошло столько лет. Но особенно, что сохранила в памяти облик отца, его человеколюбие, его импозантную внешность. Я тут же сняла трубку, позвонила Гиттель и поехала к ней. Конечно, мы не узнали друг друга. Но контакт установился сразу же такой, как будто прошло совсем немного времени с тех пор, как мы носили еду нашим отцам в шалаши. Так и бывает, когда встречаются старые коммунисты. Они друг другу как родные. В большинстве случаев.

Много часов просидели мы вместе, обмениваясь воспоминаниями: «А ты помнишь? », «А ты не забыла?» Обе мы были взволнованны. Думаю, что от детства никто не уходит. Даже если и хочет. Ты его в Дверь, а оно в окно. Не только в старости.

Гиттель спросила меня: «Помнишь, как мы обе со всей родней на второй день Нового года ходили к реке Шпрее, чтобы бросить в нее наши „грехи“?»

Я громко рассмеялась: «Да, конечно, теперь вспоминаю. Мы опустошали наши карманы, набитые крошками, и лебеди тут же пожирали наши „грехи“. Это было на Бургштрассе, где стоит собор?».

«А если крошек не было? Что тогда? Этого я не помню».

«Да мы набивали карманы крошками еще дома. Нам, детям, все это страшно нравилось».

Гиттель, которая теперь так далека от всего этого, погрузилась в воспоминания. Ведь все годы у нее не было этой возможности. Теперь воспоминания прямо нахлынули.

«Почему ты не написала в своей книжке об обычае „хевра кадиша“? В нем по меньшей мере какой-то смысл».

«У меня, наверно, засели в памяти лишь те, которые меня мучили. А в чем заключался этот? Расскажи».

«Хевра кадиш» (погребальное братство)? так человек около десяти? брало на себя задачу помогать родным умерших. Братство доставало все нужное для погребения. От свидетельства о смерти до «миньян для кадиш» (десять человек для отпевания). Впрочем, отпевание обычно оно брало на себя. Самое же главное, оно обеспечивало родных умершего всем, что им было нужно для жизни в течение семи дней траура. Даже деньгами, если у них было пусто в кошельках».

«Это ведь очень здорово, Гиттель. Такие услуги и у нас следовало бы ввести, ? пошутила я.? Тебе, наверно, есть еще о чем вспомнить. Написала бы свои воспоминания. Жаль, если они уйдут вместе с тобой. В конце концов, обычаи и нравы, какими бы они. нам сегодня ни представлялись, являются частые истории культуры народа».

Я знаю, что у нас в ГДР многие этим интересуются. Как часто спрашивали меня читатели с сожалением, почему я не рассказала об этом побольше. Но я не ставила перед собой такую задачу.

Как ни приятно было это путешествие в страну детства, но мы вернулись в наше нынешнее время, в то, о котором мы всю жизнь мечтали. Рассказали друг другу, чем сейчас занимаемся. И чем больше не занимаемся. Не хочу рисовать здесь портрет подруги моего детства, хотя это меня увлекло бы. Но она сама решила рассказать о своей жизни. Не хочу отбивать у нее хлеб. Только одна деталь: сорок шесть лет Гиттель проработала секретарем у одного и того же шефа. С 1931 по 1977 год. С перерывом в годы фашизма. Это очень характерно для Гиттель Вайс. И для ее шефа тоже: нашего бывшего министра юстиции Гильды Беньямин. Теперь Гиттель Вайс с болью в сердце оставила свою работу. Как уже говорилось, в возрасте семидесяти четырех лет. Гильда Беньямин устроила ей прощальное торжество и напутствовала ее пожеланиями написать воспоминания. И Гиттель уже начала. «Это увлекательное для меня дело. Надеюсь, что и читатель не будет скучать. Даже если и не удастся напечатать, я напишу их. Может быть, они кому-нибудь пригодятся».

Были и другие звонки, которые меня взволновали. Вот звонит читатель: «Говорит Майдов». Я перебила его и спросила: «Как вас зовут?» «Май-дов» (глупый Май),? ответил он с юмором коренного берлинца.? У меня есть театральная программа к спектаклю «Бронкс экспресс» 1926 года. В ней стоит ваше имя. Хотите посмотреть?»

«Еще бы!»

Он посетил меня, принес программку. Я разглядывала ее, разглядывала каждую букву. Чудесное время встало перед моим мысленным взором: дебют в «Каммершпиле» с такими превосходными актерами, как Альберт Штейнрюк, Курт Бойс, Илка Грюниг и многие, многие другие… Господин Майдов понял, как трудно мне расстаться с этим сувениром. Он подарил мне программу.

«Как она к вам попала?»? спросила я.

«Я собираю театральные программы»,? ответил он.

«Значит, в вашей коллекции возникнет пробел?»? попыталась Я робко возразить, крепко держа программу в своих руках.

«Вижу, как дорога она Вам. Оставьте ее у себя».

Прошли месяцы. Шум вокруг меня и моей книжки улегся. Но вот опять звонок, взволновавший меня.

«Говорит Торманн. Я когда-то был любителем-фотографом. Снимал много в рабочих кварталах. У меня есть фотографии, сделанные в районе сараев и в гетто. На них люди в кафтанах, с пейсами и длинными бородами. Может быть, среди них ваш отец? Или родственник?»

Сердце мое заколотилось. Хотя знала, что моего отца на фотографиях не найду. Раввину нельзя было фотографироваться. «Не сотвори себе подобия»? гласило писание, не знаю только, какое именно. Тем не менее мне очень хотелось увидеть фотографии. Через несколько дней ко мне пришел Торманн с женой. Он показал мне снимки. Я долго разглядывала их. Нет, родных и знакомых я не нашла. Но вот вижу зеленную лавочку моего брата. Да, камни остались, людей же убили нацисты, умертвили их в газовых камерах, замучили. Иногда я прохожу по Гренадирштрассе, нынешней Альтштадтштрассе. У меня такое чувство, будто я иду по кладбищу. Только старые, облупившиеся дома напоминают мне, что здесь когда-то жили мои родители, мои братья, сестры, многочисленная родня, друзья.

Меня берет оторопь, когда я слышу, что в Западной Германии снова репетируют «сожжение евреев». Подростки в школе, взрослые в бундесвере. И кое-где еще. Снова малюют на домах подстрекательские призывы: «Сдохни, Рот фронт!» История не повторяется? Но разве не так начиналось все ото в Веймарской

республике? И тогда нацистам прощали их «шалости». Эта «свобода мысли» стоила жизни пятидесяти пяти миллионам. А сколько горя перенесли те, кто остался в живых? Что знает об этом западная молодежь? А знать об этом она должна. Прав был советский писатель Владимир Тендряков, сказав нам однажды: «Вы задолжали миру книги, которые могут написать только немцы? книги об обыкновенном фашизме».

Примечания

{1} Книга Рут Вернер «Соня рапортует» выйдет в свет в издательстве «Прогресс».

{2} См. Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. B. 5, Berlin, 1966, S. 364-365.

{3} См. IX съезд Социалистической единой партии Германии. М., 1977, стр. 215-217.

{4} Там же, стр. 4.

{5} В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т 31, с 96.

{6} Томас Зандерлинг? известный ныне дирижер Германской Демократической Республики.

{7} Иногда антифашисты в лагерях пользовались обычными советскими военными гимнастерками.

{8} Шикльгрубер? настоящая фамилия Гитлера. (Глупость. Настоящая фамилия Гитлера? Гитлер.? Прим. Hoaxer)

Список иллюстраций

Мишкет Либерман, артистка еврейского государственного театра в Минске, 1931 год

Мишкет Либерман (в центре) в пьесе «Гопля, мы живем». 1933 год

Немецкий колхозный театр на Украине выступает перед колхозниками на уборке урожая. В роли поварихи Мишкет Либерман. В роли репортера Эрвин Гешонек

Мишкет Либерман в роли колхозной поварихи

Волы вытаскивают из трясины театральную колымагу с артистами

Мишкет Либерман с мужем, летчиком Красной Армии

Лагерь военнопленных. Капелла

Лагерь военнопленных. Футбольная команда

Спортивные соревнования в лагере военнопленных

Hochverehrte Frau Oberinspektorin!

Genossin Liedermann,

Прощальное письмо, написанное ста военнопленными, направленными на учебу в Антифашистскую школу

Мишкет Либерман. 1978 год